СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ

ИВАН АЛИХАНОВ

«ДНЕЙ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ...»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге описывается история жизни многих представителей рода Алихановых, судьба которых стала достоянием отечественной истории или трагически оборвалась. Это пианист и меценат Константин Михайлович Алиханов, стоявший у истоков творческого пути Ф. И. Шаляпина, адмиралы Андрей и Михаил Беренсы — двоюродные братья автора, и многие другие.

Подробно прослеживается поразительная история жизни Александра Яковлевича Эгнаташвили — отчима автора, и, судя по всему, — сводного брата Сталина, который из тифлисского нэпмана-ресторатора стал заместителем генерала Власика по хозяйственной части Главного управления охраны Кремля и обеспечивал проведение Ялтинской конференции.

Книга, написанная живым и ярким языком, иллюстрированная множеством уникальных фотографий и документов, представит несомненный интерес для широкого круга читателей.

- Алиханов Иван Иванович
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - Глава 1
    -
    - СЕ ЛЯ ВИ
  - Глава 2 ОТЕЦ
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
    -
    - СЫНОВНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
-

Алиханов Иван Иванович
«Дней минувших анекдоты…»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Называя полуторовековую хронику жизни моего рода и моей семьи строкой из «Евгения Онегина», я полагаю, что конец строфы:

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли,
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей —

невольно возникнет в памяти читателя и пояснит идею, да и технологию создания книги.

Словом «анекдот» в пушкинское время называлось происшествие из жизни исторического лица. Трагические, печальные, интересные, а порой и смешные воспоминания из жизни родственников, друзей, приятелей, сослуживцев и моей личной жизни составили основную канву повествования.

Копаться в «хронологической пыли», если бы даже к тому и была охота, мне было невозможно, ибо среда обитания три четверти прошедшего века продуцировала преимущественно пыль лагерную.

Некоторые дополнительные сведения мне удалось почерпнуть из книг: М. Мшвелидзе «Очерки по истории музыкального образования в Грузии» (М.: «Советский композитор». 1971), М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» (М.: «Книга», 1988), «Морской энциклопедический словарь» (СПб.: «Судостроение», 1991), «Бизертинский морской сборник» (М.: «Согласие», 2003) и ряда других книг, а также материалов периодической печати.

Некоторые цитаты приведены по памяти, поэтому заранее приношу извинения за возможную их неточность.

Глава 1
ОБЛОМКИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА

«…из способных, из энергичных, из породистых. Выбили всех… Дворянство, офицерство, купечество, духовенство, крестьянство лучшее…

Собственное генеалогическое дерево подрубила матушка Россия почти под корень… Самые плодоносные ветви безошибочно порушила».

Игорь Губерман.

«Штрихи к портрету»

Я родился 2 февраля 1917 года и, таким образом, стал как бы предвестником трагических событий, рассеявших и уничтоживших весь наш большой, благополучный, деятельный и талантливый род.

Приведу траурный список моих ближайших родственников, безвинно погибших:

1. Алиханова Лилли Германовна — моя мать. Умерла в лагере.
2. Адельханов Григорий Григорьевич — двоюродный брат. Погиб в лагере.
3. Ананов Владимир Степанович — двоюродный брат. Погиб в лагере.
4. Ананов Георгий Степанович — двоюродный брат. Погиб в лагере.
5. Шахбудагов Александр Григорьевич — муж двоюродной сестры. Погиб в лагере.
6. Долуханов Исай Маркович — муж двоюродной сестры. Погиб.
7. Долуханова Елизавета Исаевна — его дочь. Расстреляна.
8. Орловская Татьяна Константиновна — жена двоюродного брата. Пять лет лагерей.
9. Горемычкин Сергей Иванович — тесть, строил Беломорканал. Погиб.
10. Алиханов Михаил — полуторагодовалый сын. Умер в Казахстане, где я находился в ссылке и где не было никакой

медицинской помощи.

11. Алиханов Михаил Иванович — брат. Убит на фронте в 1945 г.

Что претерпели эти несчастные? Это я не могу ни представить, ни увидеть в кошмарном сне, поэтому вынужден обратиться к показаниям очевидцев из опубликованного недавно «Архива русской революции». Вот как об этом написали в своем докладе сестры милосердия Красного Креста, оказывавшие помощь заключенным в тюрьмах Киева в течение семи месяцев 1919 года:

«Необразованные, грубые, озверевшие сотрудники ЧК друг перед другом щеголяли своей жестокостью… Сами принадлежащие к подонкам общества, они тешились тем, что могли досыта упиться унижением и страданием людей, которые еще недавно были выше их. Богатство и социальное положение было уже давно отнято большевистской властью у представителей буржуа. У них осталось только неотъемлемое превосходство образования и культуры, которые приводят разбушевавшуюся чернь в ярость».

Оглядываясь на прожитые годы, я сейчас представляю нашу жизнь, как движение по Аппиевой дороге, вдоль обочин которой, словно побежденные спартаковцы-гладиаторы, распяты на крестах — вера, надежда, любовь, добропорядочность, честность, правда, совесть, интеллигентность, нравственность, свобода… Наша семья прошла по дороге утрат, которой не было конца.

Первые декреты большевиков были вселенским блефом, направленным против самой природы человека, и поэтому единственным способом воплощения этих декретов в жизнь стал массовый террор.

Чтобы в одночасье разрушить «мир насилья», был высвобожден из «пут» нравственности и законности инстинкт дикости люмпенов. Под ленинским лозунгом «грабь награбленное» люди были натравлены на людей, и началось взаимное истребление — гражданская война, в которой одержали верх отнюдь не пролетарии, а как раз те подонки, которые и заварили кровавую кашу. Массовый террор: убийства, внесудебные казни, немедленные расстрелы после нелепого и скоротечного суда с заранее предопределенным приговором, ссылки в лагеря с неминуемой и быстрой гибелью — все эти злодеяния на многие годы стали способом управления огромной страной. Беспощадное управление, как сейчас бы сказали, кровавый менеджмент небольшой кучки негодяев, который вел и в конце концов привел страну в никуда.

Возглавившие СССР нелюди создали партийный аппарат, по

сути ставший механизмом уничтожения. Нехитрые экономические выкладки Маркса превратились в нелепое оправдание проводимых ими массовых бесчинств. Предприимчивых, честных, добрых и порядочных людей стали уничтожать, и этот действовавший десятки лет механизм уничтожения — террор, был провозглашен способом построения нового «общественного строя»! Лучший генофонд страны был перемолот, талантливейшие роды промышленников и предпринимателей, выпестованные самой историей России, были истреблены. Последствия небывалой в истории человечества демографической катастрофы явственно ощущаются в России и в се странах-соседях и по сей день.

Академик И. П. Павлов сказал: «Если то, что делают большевики — эксперимент, то для него я пожалел бы лягушку».

Отрицательная селекция выдвинула в вожди величайшего в истории палача, который в борьбе за абсолютную власть убил не только всех своих бывших соратников, но и практически всех людей, которые когда-либо ему повстречались на жизненном пути, — он всех их помнил и никого не забыл уничтожить. На процессе бериевских пособников было установлено, что поводом ареста служили приглянувшаяся кому-то из коммунистических главарей чужая квартира, жена, собака, ружье или простое желание покуражиться над достойным человеком.

Сначала по указам Ленина, а потом Сталина были расстреляны члены всех других партий, священнослужители, интеллигенция, вредители, «враги народа», «убийцы» Кирова, уклонисты, «шпионы», участники испанской войны, генералитет Красной Армии, бывшие соратники, а потом и соучастники преступлений, а потом и исполнители-палачи. После войны в этот страшный круг были вовлечены военнопленные, люди, имеющие родственников за границей, родственники лиц, пропавших в лагерях, космополиты, выдающиеся ученые, целые народы и нации и, под занавес, врачи, лечившие тирана.

Количество репрессированных достигло нескольких десятков миллионов — сколько людей было в действительности умерщвлено — не подсчитано и по сей день. Оставшиеся на воле семьи казненных жили в постоянном страхе, ожидая кары за то, что были родственниками репрессированных. Чтобы как-то сохраниться, дети отрекались от родителей, родители от детей, жены от мужей. Символом «настоящего» советского подростка был провозглашен Павлик Морозов, который донес на родного отца. Человеческая мораль была перевернута с ног на голову…

Александр Исаевич Солженицын прислал письмо моему сыну, в котором он написал: «…я почерпнул горькие страницы летописи

вашей семьи».

Воистину — горькие!

Пусть же будут эти записки слабой данью их памяти.

19 октября 1990 г. в телепрограмме «120 минут» рассказывалось о нижегородском купеческом роде меценатов Рукавишниковых — один из них был поэтом. 73 года эта фамилия предавалась забвению, не вписываясь своими добрыми делами в идеологические коммунистические клише. Стало возрождаться русское национальное самосознание и воздаваться должное достойным людям, когда-то способствовавшим духовному и культурному расцвету страны.

Тогда я подумал о том, что уже никто и никогда не помянет моих предков за все то доброе, что сделали для своей родины.

Советская власть их физически изничтожила и стерла память о них. Теперь же, после того как быстро прошел период «покаяния», неожиданно возродился оголтелый национализм, вызверилось межнациональное отчуждение, и вспоминать, например, об армянской культурной жизни в Тбилиси стало просто опасно…

Спустя десятилетия «братской», а на самом деле фарисейской дружбы народов опять стала актуальной полемика Сталина с видным деятелем грузинских большевиков Буду Мдивани по поводу разделения Закфедерации, за что ратовал тогда Мдивани. Сталин возражал, аргументируя тем, что в случае разделения Закавказской федерации на три самостоятельные республики грузинские большевики начнут выселять армян из Тифлиса (как это же пытались сделать меньшевики), под тем предлогом, что в столице Грузии армяне не могут составлять больше половины населения. Поэтому, считал Сталин, разделения Закфедерации на отдельные национальные республики допускать нельзя.[1]

Армяне много сделали для строительства Тифлиса, переименованного только в начале сороковых годов прошлого века в Тбилиси, для развития промышленности и культуры города. Однако одно упоминание об этом в период активизации национального самосознания раздражает «патриотов». А ведь расселению в Грузии армян — и моих предков в их числе — с целью экономического процветания способствовали как раз грузинские цари Давид Строитель и Ираклий И.

Начнем, как говорили латиняне, «ab ovo».

Дед мой Михаил Егорович Алиханов был лет на сто старше меня. Происходил он из горийских армян из села Хидистави, где его отец владел имением (фото 1). Надо думать, прадед был богатым человеком. Во всяком случае, он дал своему сыну

европейское образование, а дочь выдал замуж за владетельного князя Георгия Эристави (рожден в 1811 году), поэта-режиссера, основателя грузинского театра. Двоюродный брат моего отца Давид Эристави был выдающимся деятелем культуры Грузии. Он также был родом из Хидистави, родился в 1847 году, редактировал газету «Кавказ», писал стихи, но особенно много сделал, как и его отец, для грузинской сцены. Наиболее значительным вкладом в этой области считается перевод пьесы В. Сарду «Родина», которую он удачно связал с грузинской действительностью и придал ярко-патриотическое звучание. Бюст Давида Эристави на надгробии в пантеоне для деятелей культуры Грузии на горе Мтацминда — там, где похоронен Грибоедов, — имеет значительное портретное сходство с моим отцом.

Дед мой — чиновник почтового ведомства, к пятидесяти годам имел чин действительного статского советника, т. е. был гражданским генералом и потомственным дворянином. Разбогател он, откупив на паях с другими лицами, Сальянские рыбные промыслы. В 50-х годах девятнадцатого века мой дед построил большой трехэтажный дом в самом фешенебельном квартале тифлисских богачей — Сололаках.

О бабушке мне известно, что звали ее Хампера (фото 2). Вместе они народили восемь детей — Константина, Ольгу, Марию, Анну, Елену, Елизавету, Соню, Ивана — все они запечатлены на семейной фотографии, сделанной в 1876 году (фото 3).

Трагедии моих родных и посвящена моя «горькая летопись» (фото 4).

1. Старший сын моего деда Константин родился в 1849 году, учился музыке с 8 лет. Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, Константин продолжал и свое музыкальное образование. Вернувшись в Тифлис, он принял активное участие в создании музыкального училища. В качестве компаньонов он привлек еще двух музыкантов — певца Х. И. Саванели и хормейстера А. И. Мизандари. В 1871 году они втроем основали первую в Грузии музыкальную школу, которая вскоре превратилась в подлинный очаг музыкальной культуры (фото 5).

В 1882 году в Петербурге организовалось Императорское музыкальное общество, и дядя Костя был избран в его первый директорат.

В 1898 году в Тифлисе началось строительство здания музыкального училища (будущей консерватории) с концертным залом на 300 мест. Приобретение участка и возведение здания

обошлось в 45 тысяч рублей. Для зала надо было еще 16 тысяч, которые пожертвовал Константин Михайлович Алиханов.

Сохранился экземпляр книги с многочисленными фотографиями: «Торжество открытия и освящения концертного зала в новом здании Тифлисского отделения Императорского музыкального Общества в г. Тифлис 24 октября 1904 года».

Эта книга представляет несомненный интерес для изучения музыкальной культуры Кавказа в начале двадцатого века (фото 6, 7, 8, 9, 10,11, 12).

С 1886 по 1890 год в Тифлис регулярно приезжал П. И. Чайковский. У него с моим дядей сложились дружеские отношения. В честь приезда Петра Ильича в Тифлис обычно проводился банкет в Ортачальском имении (район Тифлиса в нижнем течении реки Куры) моей тети Адельхановой (фото 13).

Дядя Костя при всей своей занятости предпринимательством вел в музыкальном училище теорию музыки и класс фортепиано, а также концертировал.

В первом десятилетии нового века музыкальное училище по составу преподавателей и по результатам работы становится настолько солидным учебным заведением, что К. М. Алиханов написал прошение в Российское Императорское музыкальное общество о присвоении училищу статуса консерватории. В присланной на его имя ответной телеграмме было выражено принципиальное согласие на открытие в 1915 году Тифлисской консерватории. Но началась война, а следом произошла и революция…

Накануне революции в Тифлис в последний раз приехал Федор Иванович Шаляпин. На банкете в его честь, где было сказано много тостов, Шаляпин в ответ произнес взволнованную речь, которую закончил патетическими словами: «Я рожден дважды: для жизни в Казани, для музыки — в Тифлисе».

Музыковеды М. Долинский и С. Чертог так описывают начало творческого пути Ф. И. Шаляпина:

«Весной 1892 года безработный девятнадцатилетний хорист приехал в Тифлис. Шаляпин голодал, не знал, где будет ночевать. Случайные выступления в увеселительных садах почти не давали денег. Первой обратила внимание на его замечательный голос Мария Григорьевна Измирова. Она подошла к Шаляпину после его выступления хора в саду на Михайловском проспекте и спросила:

— Откуда вы приехали?

Федор ответил:

— Сначала накормили бы, а потом спрашивали».

Измирова потом рассказывала:

«Это был длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косоворотка и какие-то немыслимые брюки (которые он именовал „пьедесталами“). На голове почему-то соломенная шляпа — канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось сзади на одной ниточке, при ходьбе и ветре поднималось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы…»

Однако, положение по-прежнему оставалось отчаянным. Шаляпин списался со старыми товарищами по сцене, которые устроили его в оперу Перовского в Казани на вторые роли. Новые тифлисские знакомые посоветовали ему перед отъездом еще раз попытать счастья — пойти к преподавателю пения в музыкальном училище Дмитрию Андреевичу Усатову, дававшему также и частные уроки.

Александр Григорьевич Рчеулов, тенор, как раз занимался у Усатова. Он рассказывал, что появление Шаляпина вызвало удивление присутствующих: длинный, нескладный парень, в засаленной и затасканной одежде.

Однако, послушав пение Шаляпина, Усатов сказал, что будет заниматься с ним. Оставалось подумать, на что же ему жить.

В своей автобиографии Шаляпин вспоминает, что Усатов отправил его «к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа» с письмом. Прочитав письмо, этот человек сказал, что будет давать десять рублей в месяц. И тут же выдал за два месяца вперед.

— А что же я за это должен делать? — робко спросил Федор.

— Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это десять рублей в месяц.

Артист был поражен. Все это походило на сказку. В усатовской записке было сказано, что у Шаляпина удивительный, от природы поставленный голос, как это бывает только у итальянских певцов, что заниматься с ним он будет бесплатно и что помочь этому молодому человеку — долг всех, кто любит искусство.

Шаляпин не знал тогда, что «человек восточного типа» был не простым владельцем аптекарских складов. Константин Михайлович Алиханов был воспитанником Петербургского университета и Петербургской консерватории по классу профессора Л. О. Лещетицкого, пианистом, музыкально-общественным деятелем. Еще в 1873 году К. М. Алиханов открыл в Тифлисе первое музыкальное учебное заведение — курсы,

которые были потом преобразованы в училище, а впоследствии в консерваторию. С конца семидесятых годов он больше десяти лет возглавлял тифлисское музыкальное училище. Алиханов был и одним из учредителей Тифлисского отделения Императорского музыкального общества. В начале девяностых годов Константин Михайлович занялся коммерцией. Живущая в Тбилиси родственница К. М. Алиханова — Н. К. Орловская, сообщает, что он был управляющим Тифлисского коммерческого банка. Он также был одним из основателей Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами и оставался одним из директоров Тифлисского отделения Российского Императорского музыкального общества и председателем Кавказского общества поощрения изящных искусств. Все талантливое, что в области музыки нуждалось в финансовой помощи, получало его бескорыстную поддержку. Вот почему по просьбе Усатова К. М. Алиханов стал помогать начинающему певцу.

Шаляпин смог учиться у Усатова благодаря Алиханову — и это было единственное «учебное заведение», в котором великому певцу довелось заниматься.

О том, что дало Федору Ивановичу это обучение, рассказывала Мария Григорьевна Измирова:

«Усатов — изумительный человек, вкладывал в уроки всю свою душу, энергию. Он учил не просто пению, а искусству оперного певца. Сам все время подпевал на уроках, менял интонации при каждой фразе и даже отдельных словах, менял выражение лица, глаз, рта.

Усатов требовал от учеников выразительной мимики, искреннего переживания, учил, как надо менять выражение лица, положение губ при радости, горе. Он спрашивал нас: „Как вы думаете, имеем ли мы в жизни одинаковое выражение лица при радости и горе, при смехе и слезах?“ Он утверждал, что мы должны быть на сцене такими же, как в жизни, что на сцене мы должны жить, а не только петь как заводные куклы. Он говорил, что если мы будем петь без переживаний, то, каким бы чудесным ни был звук, мы все равно никогда не будем артистами, а останемся ремесленниками. Усатов предлагал вдумываться в смысл каждой спетой фразы и давать точное и соответствующее выражение лица, глаз, губ. Он стремился создать из нас именно оперных артистов».

Но это была только одна сторона дела. Усатов понимал, что большим актером не может стать человек некультурный, малообразованный, даже просто плохо воспитанный. Усатов, вспоминает Измирова, просил свих учеников: «Это простой, неотесанный парень с чудесным голосом. Это будущая

знаменитость. Помогите мне отшлифовать его, возьмите его к себе в компанию, займитесь им…»

Измирова, Рчеулов и другие новые друзья Шаляпина не только учили его правилам «хорошего тона». С их помощью он с увлечением взялся за книги, особенно исторические; расспрашивал их обо всем, что ему было интересно или непонятно. Товарищи с удивлением замечали, как поражающе он восприимчив, какая ненасытная владеет им жажда знаний, как быстро преображается он и внешне, и внутренне. Федора приглашали в оперу, на симфонические концерты, в «Тифлисское артистическое общество», в «Кружок любителей квартетного и хорового пения», познакомили его с композиторами. С одним из них — Геннадием Осиповичем Коргановым — Федор подружился, и «Элегия» Корганова навсегда вошла в шаляпинский концертный репертуар…

25 лет спустя — по приглашению Корганова — в ореоле всемирной славы Шаляпин опять приехал в Тифлис. На банкете в его честь великий артист произнес: «В самый тяжелый момент жизни, когда передо мной стоял вопрос продолжить учиться или навсегда бросить мысли о сцене, Усатов направил меня к Алиханову, который принял в моей судьбе горячее участие и дал возможность продолжить учебу». Эти слова взволновали артиста, на его глаза набежали слезы.

Шаляпин подарил моему дяде фотографию с таким автографом: «Добрейшему Константину Михайловичу Алиханову от искренне благодарного Ф. Шаляпина 17.02.95 г.» (фото 14).

В первой «Автобиографии» Шаляпина мой дядя упоминается как «невысокого роста с восточным обликом аптекарь». Явно недружелюбный пассаж имеет, оказывается, такую историю. Эту биографию Шаляпина написал пролетарский писатель Максим Горький, основоположник социалистического реализма. По теории «соцреализма» добрые дела буржуазии надлежало затушевывать, что и было сделано первым «товарищем писателем». Шаляпину «горьковская» биография не понравилась и даже послужила причиной взаимного охлаждения Шаляпина с Горьким.

Сведения эти почерпнуты мной из беседы с творческой группой, которая снимала фильм «Шаляпин в Тифлисе».

В своих воспоминаниях, написанных уже собственноручно, Шаляпин сообщил: «если бы не поддержка Алиханова, не доброта Усатова, не доброжелательность Корганова, не теплота Измировой, Касмоева, Бебутова — я бы так и остался никому не известным хористом».

Добрые дела моего дяди Кости получили достойную оценку великого певца Ф. И. Шаляпина.

Я помню дядю Костю уже маленьким бородатым старичком лет семидесяти пяти. Жил он во флигеле бывшего родительского дома, в небольшой темной комнате, куда переехал после конфискации его обширной квартиры. Большую часть комнаты занимал рояль «Блютнер». На рояле и на полках было много всевозможных нотных альбомов, какие-то специальные бювары с золоченым тиснением «Профессор музыки К. М. Алиханов». Запомнились мне длинные и толстые карандаши. Предназначение их выяснилось, когда моя сестра-непоседа Лизочка стала его ученицей. Этими карандашами, не вставая со стула, он делал пометки на нотах — аппликатуры (указания, каким пальцем брать ту или иную ноту) и ударял по пальцам, когда сестра ошибалась. Такая методика обучения не принесла ей успеха.

После смерти моего отца в марте 1927 года мама поместила дядю в нашу квартиру, где были более или менее нормальные удобства.

Из жизни дяди мне запомнились два момента. Однажды к нему пришла какая-то женщина, которая собиралась написать работу об истории музыкального образования в Грузии. Эта женщина хотела получить сведения от «первоисточника» и спрашивала у дяди Кости об истории создания Тифлисской консерватории — его любимого детища. В открывшейся к этому времени на базе музыкального училища консерватории за заслуги дяди Кости при входе был помещен его большой портрет. Видимо, не придавая этому значения, посетительница сообщила дяде Косте, что его портрет недавно был снят. После такого известия дядя Костя впал в состояние глубокой депрессии и вскоре попытался бритвой перерезать себе горло. Слабость и нерешительность спасли его — рана получилась поверхностная. Шум от упавшего на пол тела привлек внимание нашей няни Насти, в больнице наложили швы — дядя Костя выжил.

Запомнились мне похороны дяди Кости в 1931 году. Катафалк выехал на бывшую Эриванскую площадь, на которой находился аптекарский магазин и склад, организованного дядей «Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами „Санитас“». Похоронный кортеж по чьей-то просьбе на минуту остановился для того, чтобы дядя Костя «простился» со своим детищем, занимавшим весь нижний этаж здания бывшей городской управы. Но тут вмешалась милиция и прекратила это

«безобразие».

Интересно, что площадь была названа «Эриванской» в честь генерала Паскевича, взявшего штурмом земляную персидскую крепость Эривань и получившего за это титул графа Эриванского. Затем площадь неоднократно переименовывалась и последовательно становилась площадью Закфедерации, Свободы, имени Берия — в этот короткий период ночами над площадью светился профиль Лаврентия Павловича в пенсне, сделанный из цветных световых трубочек, — имени Ленина и теперь вновь — площадь Свободы.

Недавно, читая в журнале «Знамя» биографию сталинского прокурора Вышинского (автор А. Ваксберг), я узнал, что шефом бакинского отделения товарищества «Санитас», а значит и деловым партнером моего дяди Кости был отец Вышинского — Януарий. Если учесть, что отец Сталина трудился на заводе моего дяди Адельханова, то марксистская идея о том, что капитализм в своих недрах растит себе могильщиков, или, по крайней мере, отцов этих могильщиков, не лишена основания.

Похоронили дядю Костю на армянском кладбище Ходживанк.

Каждый год на второй день Пасхи отец брал нас — троих детей — с собой на кладбище, где на могиле его первой жены Полички был поставлен выписанный им из Италии молящийся ангел. На Ходживанке имелась фамильная усыпальница Алихановых, где были похоронены дедушка с бабушкой, жена дяди Кости. Это была подземная комната, отделанная черным мрамором. На полу было несколько надгробных плит. Дядю похоронили в этом склепе.

Спустя 30 лет я с сыном и дочерью пришел на это кладбище, но его уже не было. На месте армянского кладбища — по решению городского совета — попытались соорудить детский парк с аттракционами, но вскоре все эти развлекательные сооружения были разрушены. Нас окружала мерзость запустения. Мрамор, камни и решетки были растащены. Как и все остальные, отцовская могила на Ходживанке обратилась в прах…

Дядя Костя был бездетен, и эта генеалогическая ветвь отпала.

2. Старшая из сестер отца тетя Ольга вышла замуж за известного в городе врача Степана Ананова. Жили они в собственном доме на Головинском проспекте напротив Казенного (ныне оперного) театра. У них было трое детей — дочка Женечка и два сына — Володя и Жозя (Иосиф).

Женечка вышла замуж за Исайю Марковича (Исико) Долуханова, который считался лучшим адвокатом в Тифлисе. Он

был членом Дирекции Тифлисского Отделения императорского Русского Музыкального общества и наследником большого состояния и великолепного дома с зеркальными стеклами в окнах, дверьми и оконными рамами из мореного дуба. Этот дом и сейчас один из красивейших в районе — расположен на углу улиц Лермонтова и Махарадзе.

Исай Маркович Долуханов был арестован и пропал в дебрях ГУЛАГа. Его супругу выселили в проходную комнату в заштатном районе города. У Исайя и Женечки были две дочери — Селли и Елизавета (Вета). Родители, стремясь дать им самое лучшее образование, выписали из Англии мисс Фелосс, и обе они с детства владели английским и французским языками как родным русским.

Судьба одной из них сложилась трагично.

Обратимся к книге Мариэтты Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова»: «Заслуживает внимания продолжение записи в дневнике (супруги Булгакова. — *И.А.)* от 14 декабря: „Все ушли, а Дмитриев остался и сидел долго, причем опечалил нас. Миша думает, что у него нервное расстройство, он не спит. Очевидно явное переутомление — у него бешеная работа — речь идет о художнике-декораторе Большого театра Дмитриеве М. А.“

Возможно, в этой записи зашифрован рассказ Дмитриева о тяжелой ситуации, в которую попала его жена, красавица Елизавета Исаевна Долуханова. Со слов нескольких современниц нам известно, что в середине 30-х годов ее вызвали в НКВД и предложили стать постоянной осведомительницей органов. Теперь ей, уже жене Дмитриева, вновь предложили активнее принимать гостей для той же цели. Ища мотива для отказа, она сказала, что у нее для приемов маленькая квартира. В ответ было: „Пусть это Вас не тревожит — с квартирой поможем“.

Нервное расстройство Дмитриева было, по-видимому, связано с безысходной ситуацией, в которую попала его жена.

Еще с конца 1920-х годов Елизавета Долуханова и ее сестра Селли пользовались большим успехом в ленинградской литературной среде, были обаятельными хозяйками салона. В Елизавету Исаевну был влюблен Тынянов, квартиру сестер посещали Маяковский, Олейников…»

Как это всегда случалось в те времена, после неоднократных предложений и уговоров стать осведомительницей НКВД и ее неизменных отказов Елизавету Долуханову арестовали и расстреляли.

Мариэтта Чудакова в недавнем телефонном разговоре сказала мне, что, по ее мнению, ослепительная красавица Елизавета Долуханова не дожила даже до расстрела — чекисты

замучили ее, и она умерла от издевательств, прямо во время допроса.

Мир праху и слава несгибаемой душе Елизаветы Долухановой!

У Елизаветы осталась дочь — Татьяна Дмитриева, которая приходится сводной сестрой известной теннисистке и спортивному комментатору Анне Дмитриевой.

Сестра Селли вела курс французского языка в Ленинградском университете.

Старший сын моей тети Ольги Владимир был известным музыковедом.

Владимиру Ананову подарил свою фотографию Федор Шаляпин с надписью «Владимиру Степановичу Ананову на добрую память 19 мая 1905 года Тифлис» (фото 15).

Лучше всего его характеризует надпись на подаренной ему пианистом Горовицем фотографии: «Дорогому Владимиру Степановичу Ананову. Дарю сие изображение на добрую память. Хочу верить, что эта копия явится для Вас ценной и многогранной, поскольку Вы, сумевший открыть мне тайники истинной прелести и подлинной красоты и давший понять мне ощущение познания мира настоящих возвышенных эстетических эмоций, — Вы оставляете неизгладимый отпечаток и память о себе, думаю, на всю мою жизнь». Вл. Горовиц. Тифлис, 29 февраля 1924 года (фото 16).

К великому сожалению, эта эстетическая одаренность и известность в музыкальном мире не могла облегчить бедному сыну моей тети Ольги пребывание в Соловках, где он бесследно погиб.

Сохранился семейный групповой портрет Алихановых, Адельхановых, Липскеровых, Беренсов сделанный во дни благополучия — когда большая семья занималась предпринимательством и меценатством (фото 17).

Младший брат Жозя служил в царской армии, и судьба его тем самым была предрешена. Он был также арестован и пропал в ГУЛАГе.

Селли детей не имела, ее дяди Володя и Жозя не успели обзавестись семьями.

Таким образом, и эта генеалогическая ветвь некогда могущественного рода почти отпала.

3. Вторая по старшинству сестра моего отца Мария вышла замуж за обрусевшего немца, тифлисского прокурора Андрея Беренса на фото 17 они сидят — второй и третья слева направо. У

них было три сына, мои двоюродные братья — Евгений, Михаил и Сергей.

Сохранилась фотография (фото 21), на которой запечатлены Михаил Беренс с двоюродными сестрами Еленой и Натальей Орловскими (дочерьми моей тети Анны) и Евгенией (дочерью моей тети Ольги и матерью Селли и Елизаветы, которая погибла в чекистских застенках).

Тетя Мария умерла еще до моего рождения, когда пришла весть о том, что ее младший сын Сергей погиб на Первой мировой войне.

В разделе «Исторический клуб» «Недели» в № 6 за 1988 год Александр Мозговой рассказывает о жизни и деятельности Евгения и Михаила Беренсов. Статья захватывающе интересна, и я цитирую ее:

> «26 января (8 февраля по н.с.) 1904 года командиру крейсера „Варяг“, стоявшего на рейде порта Чемульпо, адмиралу В. Рудневу был вручен ультиматум адмирала Уриу, следующего содержания:
>
> „Сэр, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительствами Японии и России, я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, до полудня 27 января 1904 года. В противном случае я буду обязан открыть против Вас огонь в порту.
>
> Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой, С. Уриу Контр-адмирал, командующий эскадрой императорского японского военного флота“.
>
> Капитан „Варяга“ Руднев собрал офицеров и сообщил о предстоящем бое, старший штурман лейтенант Евгений Беренс, улучив минуту, написал торопливое письмо матери: „Дорогая моя, милая, родная и любимая мама, пишу тебе при тяжелых условиях, может быть перед смертью…“»

Руднев вывел «Варяг» и принял бой со значительно превосходящими силами японцев. Когда иссякла возможность к сопротивлению, на «Варяге» были открыты кингстоны и поднят сигнал «погибаю, но не сдаюсь». Оставшиеся в живых члены экипажа были подобраны судами, пришедшими на помощь. Пораженный храбростью русского адмирала японский император-микадо наградил Руднева за храбрость, а по возвращении все офицеры были награждены за героизм Георгиевскими крестами.

В Военно-морском музее Санкт-Петербурга, на стенде, посвященном подвигу крейсера «Варяг», фотографии В. Руднева и

Е. Беренса расположены рядом — в левом верхнем углу (фото 18).

Сохранилась фотография Е. А. Беренса с матерью, сделанная после его возвращения с русско-японской войны (фото 19).

А. Мозговой прослеживает большой и славный путь будущего советского адмирала Евгения Беренса. «Он преподавал в кадетском корпусе, читал лекции в генеральном штабе. В 1908 году, будучи старшим офицером броненосца „Цесаревич“, проявил исключительную самоотверженность, помогая жителям Мессины, пострадавшим от землетрясения.

25 октября 1917 года Евгений Беренс перешел на сторону революционных матросов и избран начальником морского генерального штаба.

18 февраля 1918 года Беренс телеграфирует в Новороссийск начальнику береговой обороны Б. Жерве приказ об организации всяческого сопротивления наступающим немцам: „В крайнем случае уничтожайте все, чтобы не досталось неприятелю“. Следующая директива, подписанная Беренсом: „Ни под каким видом не допускать захвата немцами наших судов в исправности и, с другой стороны, стараться сохранить их до последней возможности“.

Немцы наступали и на Черном море. Ознакомившись с докладом Беренса, Ленин наложил резолюцию: „Ввиду безысходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно“.

„Флотилии Беренса штурмовали Чистополь, освобождали Елабугу, дрались на Волге, Ладоге, Онеге, били интервентов на Каспии“.

В феврале 1924 года Е. Беренс возглавил делегацию на Рижской конференции.

После установления дипломатических отношений с Англией Евгений Беренс был назначен военно-морским атташе в Лондоне в звании старшего флагмана».

В Санкт-Петербургском государственном Военно-морском музее есть несколько стендов, посвященных жизни и деятельности Евгения Беренса.

В одном из них именной пистолет Е. Беренса, телеграммы, подписанные Беренсом и направленные Ленину.

Умер Евгений Беренс в 1928 году, похоронен на Новодевичьем кладбище. Детей у Евгения не было… (фото 20).

В некрологе, помещенном в газете «Известия», было написано: «Е. А. Беренс был одним из тех честный военных беспартийных специалистов, которые с первых же дней Советской власти примкнули к революции и отдали свои богатые знания и

опыт на служение трудящимся».

В Морском энциклопедическом словаре (М.: Судостроение, 1991) Евгению Андреевичу Беренсу посвящена биографическая справка:

> «Военно-морской деятель, кап. 1 ранга (1917). Окончил Морской корпус в 1895 году. В 1904 году старший штурманский офицер крейсера „Варяг“, участвовал в бою с японской эскадрой при Чемульпо (1904) за этот бой награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени. После войны преподавал в Морском корпусе, читал лекции в академии Генерального штаба. В 1908 году старшим офицером броненосца „Цесаревич“ принял участие в спасении жителей г. Мессины во время землетрясения. В 1910 году военно-морской атташе в Германии и Голландии, в годы Первой мировой войны военно-морской атташе в Италии. При Временном правительстве в 1917 году начальник статистического, а позже иностранного отдела Морского Генерального штаба. После Революции добровольно перешел на сторону Советской власти.
>
> Евгений Андреевич Беренс стал 1-м советским начальником Морского Генерального штаба, а с апреля 1919 года — Командующим морскими силами Республики. Разработал план Ледового похода Балтийского флота и обосновал доклад Советскому правительству о необходимости затопления кораблей Черноморского флота в Новороссийске в 1918 году. В 1920–1924 годах состоял для особо важных поручений при Революционном Верховном Совете республики, а в 1924–1925 годах — военно-морской атташе СССР в Англии и Франции. В качестве военно-морского эксперта участвовал в работе советской делегации на Генуэзской конференции в 1922 году, Лозанской и Рижской мирных конференциях, а также в 4 сессии подготовительной комиссии по разоружению в Женеве в 1927 году».

Остается добавить, что мой двоюродный брат Евгений Беренс успел своевременно умереть. Умри мои остальные двоюродные братья одновременно с ним, не пришлось бы им испытать ужаса, выпавшего на их долю.

Младший брат Евгения Беренса Михаил отличился в русско-японскую войну, проявил геройство при обороне Порт-Артура. В начале Первой мировой войны его назначили командующим эсминца «Новик», который в ночь на 15 августа принял в Рижском

заливе неравный бой с двумя немецкими кораблями. Германские миноносцы отступили.

Но Михаил не принял пролетарской революции. Продолжу цитату из статьи Мозгового: «И если Евгений Андреевич все свои знания и энергию отдал борьбе за победу нового строя, то на долю врангелевского адмирала Михаила Беренса выпала трагическая честь быть последним командующим отряда кораблей Черноморского флота, ушедшего в тунисский порт Бизерту» (фото 22,23).

Продолжение этой истории мне довелось прочесть в газете «Русская жизнь» от 27 марта 1993 г. Статья была написана в 1930 г. в Париже Евгением Тарусским. Не желая быть соучастником принудительной выдачи казаков советским карательным органам, которую провели англичане, Евгений Тарусский покончил жизнь самоубийством. Статья Тарусского называется «Последний корабль».

> «Октябрь 20-го года был очень суровым на юге России. Замерз Сиваш, замерз залив под Геническом. Белый снежный саван сравнял землю и воды. В те дни во льдах залива были оставлены две канонерские лодки Азовской флотилии: „Грозный“ (брейт-вымпел начальника дивизиона) и „Урал“.
>
> 30 октября „Грозный“ вел успешный бой правым бортом (левая носовая 100-миллиметровая пушка у него была повреждена), а „Урал“ бил по Арбатской стрелке, препятствуя движению большевиков.
>
> Бой этот был прерван неожиданно полученной радиограммой:
>
> — Немедленно судам идти в Керчь, переброска войск.
>
> На другой день, едва корабли успели отшвартоваться в гавани Керченского порта, как начальник отряда контр-адмирал М. А. Беренс созвал совещание флагманов и капитанов.
>
> — Господа, — сказал адмирал, — перед нами не эвакуация, а эмиграция. Севастополь и Ялту завтра, а может быть, и сегодня сдадут. Остаются Феодосия и Керчь. Мне предложено принять и посадить на суда отступающую с боем армию генерала Абрамова. Людей, подлежащих посадке, больше, чем имеется в моем распоряжении плавучих средств. Я сделал усиленный расчет. План разработан. Уверен, что все же возьму всех. Кто из командиров ручается за верность и стойкость

своей команды?

И совершилось то, что казалось невозможным. Азовский отряд судов Черного моря принял и погрузил этих лишних 3000 бойцов. Иначе не мыслили ни адмирал Беренс, ни генерал Абрамов, ни создатель азовского отряда и первый его начальник, молодой и энергичный адмирал Машуков.

Как раз вовремя, к моменту, когда кубанские всадники на рысях вошли в город — адмирал Машуков на вооруженном ледоколе „Гайдамак“ привел из Константинополя два больших пустых транспорта…

Погрузка кубанцев окончена…»

В нашей семье бытовал рассказ о том, что когда Франция признала Советский Союз, Евгений поехал в Бизерту принимать возвращенный Советскому Союзу флот, Михаил не пожелал встретиться с родным братом.

Однако, весьма возможно, что встреча братьев все-таки состоялась — об этом пишет Владимир Щедрин, тоже проследивший судьбу двух адмиралов — Евгения и Михаила и Беренсов.

Привожу часть его статьи, касающуюся судьбы моих двоюродных братьев:

«Черноморский белый фронт умирал. Умирал мучительно и страшно, словно тяжело больной организм, когда-то мощный и слаженный. Один из самых сильных и надежных к началу 1920 г., он уже весной трещал по швам, сжимался словно шагреневая кожа, агонизировал. Фронт был обречен. Это раньше всех понял Петр Николаевич Врангель, барон, генерал-лейтенант, главнокомандующий вооруженными силами на юге России.

В ноябре 1920 г., еще находясь в море, генерал Врангель напишет: „Русская армия, оставшись одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности не смогла отразить натиск во много раз сильнейшего противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма; учитывая те трудности и лишения, которые русской армии придется претерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму, но таковых почти не оказалось. Все казаки и солдаты русской армии, все чины русского

флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела. Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти армию и население от мести и надругания. Всего из Крыма ушло около 150 тыс. человек и 120 судов русского флота.

Настроения войск и флота отличные, у всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей великой Родины. Отдаю армию, флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из великих держав, оценившей мировое значение нашей борьбы“».

Франция, спустя четыре года, признает Советскую Россию и прекратит тем самым существование последнего оплота русского флота в Бизерте, тогда еще никому не известной, даже тем, кто плыл туда через штормовое Средиземное море в ноябре 1920 г.

Из более чем 120 судов лишь два не дошли до Турции. Эскадренный миноносец «Живой», словно вопреки своему названию, канул в Лету, вернее, в студеную черноморскую пучину. Выйдя из Керчи, он не прибыл в порт назначения, когда миновали последние сроки ожидания. Суда, посланные на поиск эсминца, вернулись ни с чем. Кораблем командовал лейтенант Нифонтов. На борту эсминца находилась небольшая команда и около 250 пассажиров, главным образом офицеры Донского полка. Еще одной потерей стал катер «Язон», шедший на буксире парохода «Эльпидифор». Ночью команда, насчитывавшая 10–15 человек, обрубила буксирные тросы и вернулась в Севастополь. Бог им судья!

Эвакуация завершилась. Русские корабли стали на якоре на рейде Мода.

Через две недели после прихода в Константинополь огромный русский флот как по мановению волшебной палочки превратился всего лишь в эскадру, состоящую из четырех отрядов. Ее командующим был назначен вице-адмирал Кедров, командирами отрядов — контр-адмиралы Остелецкий, Беренс, Клыков и генерал-лейтенант Ермаков. Никто не знал, что эскадре было отмерено лишь четыре года жизни.

Между тем сыновья Гаскони и Наварры, Прованса и

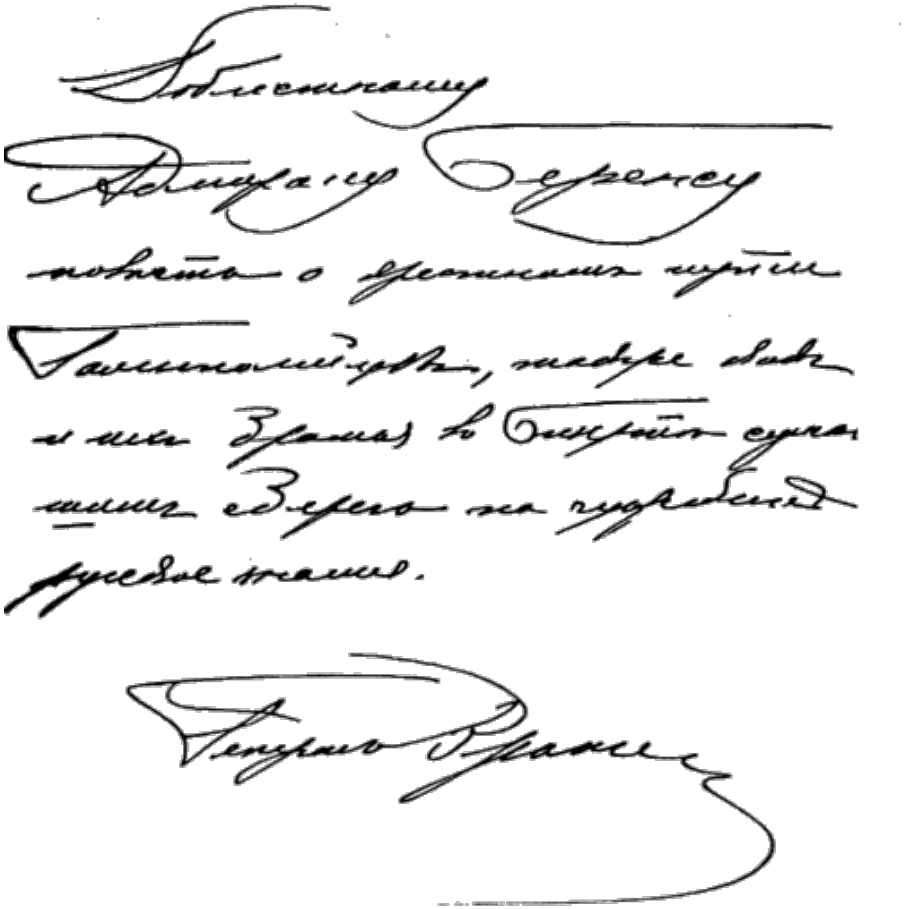
Бургундии никогда не забывали о своих интересах. В обеспечение расходов, связанных с приемом беженцев из Крыма, французы «приняли» в залог весь русский военный и торговый флот! Приняли охотно и грамотно. Вновь сформированная эскадра под командованием вице-адмирала Кедрова насчитывала всего лишь 70 «вымпелов» — более 50 судов исчезли. В Бизерту же пришло 32 корабля!

Но и там, в уютном североафриканском порту, словно летучие голландцы исчезали и растворялись в тумане и в лазурных водах Средиземного моря русские корабли. Иногда они появлялись, как привидения, в составе ВМС Франции — перекрашенные и подновленные, с незнакомыми именами и командирами. Итог печален и поучителен: русская Черноморская эскадра так и «ушла» за долги, те самые, царские, которые Россия во второй раз начала платить с легкой руки Горбачева, Шеварднадзе, Ельцина…

Удивительный, потрясающий факт: Россия второй раз выплачивает Франции «царские» долги, уже уплаченные кораблями Черноморской эскадры (фото 24)!

«Эскадра исчезла, растаяла, растворилась, оставшись лишь в памяти людей и на редких фотографиях и рисунках участников тех событий. Она появилась в Бизерте в самом конце декабря 1920 г. Через 14 лет последний большой корабль — броненосец „Генерал Алексеев“ — сгинул во французском Бресте. Документов, как всегда, нет и, судя по всему, уже не будет. Очевидцы — единственный человек — Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн, до сих пор живущая в Бизерте, которую она впервые увидела восьмилетней девочкой».

Однако на века осталась пламенная доблесть русских солдат и генералов, матросов и адмиралов. Пафос их борьбы и веры в Отечество сохранился в их книгах и в дарственных надписях на них. Приведу одну такую надпись, сделанную генералом Врангелем на книге статей «Русские в Галлиполи», изданной в Берлине в 1923 году:



«Доблестному Адмиралу Беренсу — повесть о крестном пути Галлиполийцев, так же как и их братья в Бизерте сумевших сберечь на чужбине русское знамя. Генерал Врангель».

Плиний Старший, знаменитый римский ученый, историк, назвал Бизерту «безмятежным городком», ревностно берегущим свой покой, привлекающим многочисленных римских вельмож свежестью климата и ласковым летом. Этому описанию около 2 тыс. лет.

Город был основан финикийцами задолго до Карфагена в начале IX в. до н. э. Бизерта сыграла важную роль в истории, прежде всего благодаря своему уникальному географическому положению. Ни одно судно, пересекавшее Средиземное море с запада на восток или с востока на запад не могло, да и не стремилось миновать гостеприимную гавань. Старый порт надежно укрывал гостей от непогоды, с какими бы намерениями

они ни посещали этот уголок.

Бизерта пережила множество войн. Финикийцы, пунийцы, ливийцы, варвары, арабы, испанцы, турки, французы — все оставили след в культуре, образе жизни и даже в цвете кожи коренных жителей Бизерты.

Начиная с XVI в. Бизерта — настоящая пиратская база, разгульная, богатая, разбойная и бесшабашная. Изгнав в XIX в. пиратов и разбойников, город зажил степенной и размеренной жизнью рыболовов и земледельцев.

В 1895 г. открылся новый порт для международной торговли, ставший и базой французского флота. Первый иностранный визит в порт Бизерты совершил русский крейсер «Вестник» в 1897 г. Еще через три года контр-адмирал Бирилев (будущий морской министр России) нанесет визит французскому губернатору Мармье. Встреча будет пышной и торжественной — шампанское, белоснежные форменные кители русских офицеров, жара, белые домики и тихая гавань Бизерты. И вот менее чем через двадцать лет эта гавань превратилась в последнюю стоянку Русского флота, умирающего и беззащитного, гордого и впоследствии предательски присвоенного своими союзниками (фото 24 а).

То, что произошло в Бизерте с декабря 1920 г., сегодня видится удивительным, мало поддающимся простому человеческому объяснению историческим деянием. Оставим на минуту рассуждения о кораблях российского флота, пусть самых современных по тем временам, боеготовым и хорошо вооруженным. Но люди! Где они нашли силы, чтобы пережить страшное лихолетье? Как чисты и благородны были их души и помыслы, чтобы не опуститься, сохранить честь и достоинство, воспитать детей, научиться самим зарабатывать на хлеб и пронести светлую память о родной земле через остаток полной лишений жизни. Только истинная вера в Бога, любовь к Отчизне и надежда вернуться на родную землю помогали им. Русская колония в Бизерте превратилась в маленький островок православия в старинном мусульманском городе. Это сблизило всех, сплотило, породило особый тип отношений между людьми, новые формы общения, позволявшие сопротивляться тягостной ностальгии.

Белоснежна и чиста форма командиров русской эскадры спустя долгие пять лет стояния на чужом рейде и так же чиста и неукротима их доблесть… (фото 23).

Многие моряки уезжали из города. В 1925 г., когда Русский флот закончил свое существование, в Бизерте осталось 149 человек. 53 русских моряка навсегда нашли покой на тунисской земле, в том числе на Бизертском кладбище. В своей книге

воспоминаний «Бизерта — последняя стоянка» Анастасия Ширинская пишет: «Придет время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на тунисской земле. В те далекие годы для тунисских беженцев жизнь, как всегда, была связана с церковью. Русская колония в Бизерте была еще достаточно многочисленна, чтобы выписать из Франции и содержать православного священника…

В Бизерте был построен храм-памятник кораблям русской эскадры, спасшей при крымской эвакуации жизни 150 тысяч русских людей. На мраморной доске, установленной в храме, выбиты имена тридцати трех кораблей Российского флота, а также слова вице адмирала С. Н. Ворожейкина:

„Пусть память о них чтится вовеки.
Они честно исполнили свой долг перед Родиной“.

Стоянка Русской эскадры на рейде Бизерты и тем самым противостояние ее военной силы большевизму продолжалось до 28 октября 1924 г., когда Франция официально признала Советский Союз. Небо не упало на землю, и Сена не вышла из берегов. „Мерзкий режим Советов“, о котором так громко вещал из репродуктора отважный французский адмирал, вдруг стал вполне ко двору. А русская эскадра оказалась вне закона. Ее флаг и гюйс были спущены на следующий день 29 октября в 17.25 местного времени.

За оставшиеся корабли начался торг, который по всем статьям опять выиграли французы. В конце 1924 г. в Бизерту прибывает советская техническая комиссия. Ее возглавляет красный военно-морской атташе Евгений Андреевич Беренс, который в 1919–1920 гг. командовал Морскими Силами Советской России.

Конфуз! Его родной брат, контр-адмирал Михаил Беренс, командует эскадрой в Бизерте, уже ничьей, стоящей вне всяческой юрисдикции, агонизирующей, но все еще существующей. Однако в те годы Россия еще являла столь удивительные примеры демократии и терпимости. До начала репрессий было еще долгих 10 лет. Лозунг „брат за брата не ответчик“ действовал.

Храм-памятник кораблям русской эскадры

Старший Беренс вместе с академиком Крыловым работал на судах ничейной эскадры, а младший уехал на время в город Тунис — по просьбе французов и чтобы не компрометировать родственника. Благородно!

Крылов с Евгением Беренсом решили: в принципе эскадру надо возвращать в Севастополь. Но встали вопросы: где ремонтировать корабли перед походом в уже Советскую Россию? Кто и за чей счет будет ремонтировать суда? Ответов не нашлось. В результате эскадра осталась на месте. Но постепенно стали исчезать корабли. „Разрезаны на металлолом“ — такова официальная версия исчезновения большинства судов, в том числе двух последних — „Корнилова“ (бывший „Очаков“) и „Генерала Алексеева“ (бывший „Император Александр III“).

Русской эскадры не стало».

В нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 19 мая 2001 года была помещена следующая статья:

> «Михаил Андреевич Беренс (1879–1943) контр-адмирал Российского императорского флота, участник обороны Порт-Артура. В Первую мировую войну командовал эсминцем „Новик“, который в августе 1915 года в Балтийском море вступил в бой с двумя немецкими миноносцами и нанес им сильные повреждения, в результате которых один миноносец затонул. Награжден орденом Святого Георгия 4-ой степени и Золотым оружием „За храбрость“.
>
> Один из организаторов перехода русской эскадры в Бизерт, где стал последним командующим русской эскадры. Жил и умер в Тунисе. Похоронен Михаил Беренс в г. Мегрине, пригороде Туниса.
>
> В настоящее время кладбище Мегрина подлежит сносу. Если не принять мер, исчезнет и могила Беренса. Есть возможность перенести останки Беренса в русский отдел (Carry Russe) европейского кладбища Borgel г. Туниса и установить памятную плиту тому, кто является символом доблести и чести русских морских офицеров, символом достоинства эмигрантов Русской колонии в Тунисе.
>
> Перезахоронением и обустройством могилы М. А. Беренса в Тунисе занимаются А. С. Ширинская, автор книги „Бизерта — последняя стоянка“, и отец Дмитрий, настоятель церкви „Воскресения“ в г. Тунисе.
>
> Обращаемся ко всем, кому дорога память о русском флоте и русской эмиграции»

(вырезка из газеты «Новое русское слово»).

Далее помещены счета для перевода пожертвований на перезахоронение.

Интересно, что откликнулись многие, но основную часть средств на перезахоронение контр-адмирала Михаила Беренса выделил господин Тохтахунов (Тайванчик), который за этот щедрый и благородный поступок был возведен в рыцарский сан и награжден орденом святого Константина.

Братья Евгений и Михаил Беренсы были наследниками и — увы! — последними представителями великой морской династии.

Их дед по отцовской линии — Евгений Андреевич Беренс

(1809–1878) — дважды обогнул земной шар. Адмирал с 1874 года. Окончил Морской корпус в 1826 году. В 1828–1830 годах на транспорте «Кроткий» участвовал в кругосветном плавании с заходом на Камчатку и Русскую Америку. В 1834–1836 годах на транспорте «Америка» совершил второе кругосветное плавание, также с заходом на Камчатку и Русскую Америку. В июне 1837 года Беренс поступил на службу в Российско-Американскую компанию (заметим, что служащим этой компании в свое время был декабрист и поэт Рылеев). Командуя кораблем «Николай», Евгений Андреевич Беренс совершил в 1837–1839 годах переход из Кронштадта вокруг мыса Горн до острова Баранова (Русская Америка) и обратно в рекордный для того времени срок (8 месяцев 6 дней и 7 месяцев 14 дней), с 1840 года служил на Балтийском флоте. Во время Крымской войны Е. А. Беренс был командиром корабля «Константин», входившего в систему обороны Кронштадта. 1856–1857 годах был командующим эскадры, плавающей в Средиземное море. В 1861 году командовал отрядом винтовых кораблей в Балтийском море. С апреля 1899 года член Адмиралтейского совета.

Итоговую черту в судьбе двух братьев Беренсов, двух адмиралов русского флота подвела недавняя статья В. Пасякина «Два адмирала» в газете «Красная звезда».

> «Беренс — одна из старинных морских фамилий России. Будущий адмирал Евгений Беренс сражался на бастионах Севастополя в Крымскую войну, был командующим Балтфлотом. Его внуки — Михаил и Евгений, рано осиротевшие, окончили Морской корпус. Михаил Беренс участвовал в героической обороне Порт-Артура, в Первую мировую войну командовал на Балтийском флоте самыми современными кораблями — эсминцем „Новик“ и броненосцем „Петропавловск“. В годы гражданской войны он руководил военно-морскими операциями белых на Черном и Азовском морях, в 1920 году стал командующим эскадры в Бизерте. Евгений в 1904 году был старшим штурманским офицером крейсера „Варяг“, участвовал в бою при Чемульпо. Затем он преподавал в Морском корпусе, а после революции перешел на сторону Советской власти, стал одним из создателей Рабоче-крестьянского Красного Флота. Он был начальником Морского генерального штаба, командующим Морскими Силами Республики, особым поручением при председателе РВС, военно-морским

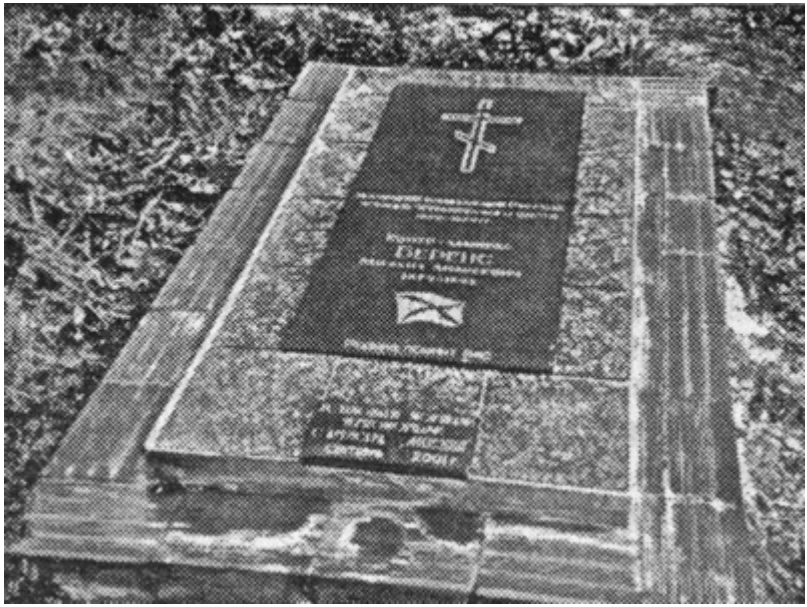
атташе в Великобритании и Франции. 23 июля 2002 года на Новодевичьем кладбище в Москве был открыт памятник на могиле Евгения Беренса. Он сделан из такого же черного гранита, как и надгробная плита на могиле Михаила Беренса в далекой Бизерте.

…Братья Беренсы избрали для себя разные жизненные пути, но прошли по ним честно, до конца выполнив свой долг перед Родиной. „Надо помнить о России…“ — эти слова Евгения Беренса, выбитые теперь на памятнике ему, можно считать общим девизом двух братьев — двух адмиралов».

Недавно вышла объемная книга «Бизертинский морской сборник» — статьи и документы о судьбе русского флота.

В настоящее время о драматической судьбе Черноморской эскадры, под патронажем «Российского фонда культуры», на телеканале «Россия» снят и показан документальный фильм «Гибель русской эскадры», в основе которого трагическая судьба братьев Беренсов.

«Бизертинский морской сборник» заканчивается патетическими словами:



«3 сентября 2001 года в Тунисе на кладбище Боржель на могиле контр-адмирала М. А. Беренса (1879–1943), командовавшего русской эскадрой, была установлена памятная плита (автор севастопольский скульптор Станислав Чиж), доставленная флагманом российского Черноморского флота крейсером „Москва“».

При ее торжественном открытии, парадным строем с Андреевским флагом прошли моряки крейсера, воздавая дань уважения русскому адмиралу.

На плите, помимо положенных надписей есть и слова: «Россия помнит вас».

Память о моряках русской эскадры вернулась на родину и стала достоянием ее истории.

Наследников же от знаменитой военно-морской династии Беренсов не осталось, и эта третья ветвь генеалогического древа отсохла без побегов.

4. Третья по старшинству моя тетя, Анна, вышла замуж за Валериана Орловского. Его отец — Константин Иванович Орловский с 1860 по 1876 год был тифлисским губернатором (фото 25).

Вот документ полуторавековой давности, относящийся к женитьбе Анны, который чудом пережил годы всеобщего разорения, обысков, арестов, выселений и прочих экзекуций.

Воспроизвожу его без «ятей», которых нет на машинке:

> Актовая бумага.
> Цена сорок пять руб. сер.
> Рядная запись
>
> Тысяча восемь сот семьдесят шестого года Сентября четырнадцатого дня я, Действительный Статский Советник Михаил Егорович Алиханов, и дочь моя Анна Михайловна Алиханова, составили сию рядную запись в том, что я, Алиханов, сговорив дочь мою Анну за Титулярного Советника Валериана Константиновича Орловскаго, в приданое за дочерью моею я, сверх приличнаго гардероба и разных движимых вещей, назначил ей деньгами двадцать тысяч рублей с тем, что деньги эти, с согласия дочери моей Анны, остаются у меня на хранении впредь до их востребования, а по востребовании я обязываюсь выдать эту сумму, то есть двадцать тысяч рублей сполна дочери моей Анне Михайловне. А до того, на все время, пока деньги эти будут храниться у меня, обязываюсь производить дочери моей Анне в виде процентов по тысячи пять сот рублей в год. За сим я, Анна Алиханова, оставаясь вполне довольною и благодарною за все мне назначенное и считая себя вполне выделенною, сим объявляю, что за себя и наследников моих отрекаюсь от дальнейшаго наследства в имуществе родителя моего Действительного Статскаго Советника Михаила Егоровича Алиханова.

Муж моей тети Анны — Валериан Константинович, в свою очередь, дослужился до генеральского чина действительного статского советника и был членом судебной палаты. У этой супружеской пары было четверо детей — Елена, Константин, Наталья и Мария.

Мужа Елены — Александра Шахбудагова я помню уже бывшим саперным полковником царской армии. В 1917 году дашнаки — армянские националисты — присвоили ему звание генерала с тем, чтобы Шахбудагов возглавил саперную службу в армянской армии, но, столкнувшись с ограничением своих возможностей в поддержке армейской дисциплины, отказался от должности. В 1939 году он был арестован и уже не вернулся. Было у них с Еленой трое детей — Алик, Нелли и Ника.

У Алика, который едва не погиб во время антиармянских погромов в 1990 г., в Баку (недавно он скончался в возрасте 87

лет), есть приемная дочь. Своих детей у него не было.

У Ники было два сына, но на них родовая ветвь прервалась.

И только у Нелли родился единственный сын Николай Мгебров — мой двоюродный внук. Кока — так зовут его в семье — приехал в Америку годом позже меня. У Коки золотые руки, он прекрасный фотограф, краснодеревщик, травит на меди картины. В Тбилиси Кока получал ничтожную зарплату — он смог устроиться на чисто фиктивную должность фотографа в грузинский Институт литературы, и его семья — жена и двое детей — вела полуголодное существование.

Во дворе его дома был теннисный корт, и Кока неплохо играл в теннис. Его старшая дочь Елена мечтала стать врачом. Но чтобы девочка с армянской фамилией смогла поступить в Тбилисский медицинский институт, нужна была огромная взятка, и дочь работала медсестрой. Сын же научился хорошо играть в теннис и в 15 лет стал чемпионом Союза в своей возрастной категории. После победы ему предложили поменять фамилию на грузинскую, но мальчик отказался, и его карьера теннисиста на этом закончилась. Жена Коки еврейка, и они сумели переехать в Америку. Здесь его дочь получила грант и с отличием закончила медицинский факультет в Лондоне, а сын стал программистом.

В Америке Кока организовал обучение русскоязычных детей теннису. Поскольку в штатах нет специальных педагогических вузов, тренерами становятся бывшие спортсмены. Конечно, американские тренеры уступают нашим, но зато каждая школа имеет обычно три стадиона: для американского футбола, для европейского футбола с легкоатлетическими дорожками и очень качественным рекортановым покрытием, и для бейсбола. При каждой школе десятки кортов и баскетбольных площадок. На таком школьном теннисном корте Кока тренировал детей и за счет этой работы сумел вывести своих собственных детей в люди. Сейчас вся семья живет в Сан-Франциско.

Константин Валерианович был инженером-железнодорожником. При советской власти, насколько я помню, он делал сметы на строительство различных объектов. Котя, как его звали дома, умер своей смертью в возрасте 80-ти лет. Его супруга Татьяна Константиновна, урожденная Надежина, была дочерью военного полковника, который принимал участие в русско-турецкой войне, был в свое время начальником отбитых у турок крепостей Ардагана и Карса. Был ранен. Уже в чине генерала воевал в Первую мировую войну.

Тетя Таня — так я ее называл из-за разницы в возрасте, в совершенстве владела английским и французским, при меньшевиках работала в английском посольстве, за что была

впоследствии арестована. Единственная из всех моих родственников, Татьяна Константиновна Орловская (Надежина) через пять лет вернулась из лагеря домой. Я запомнил из ее скупых рассказов, что следователь на допросе ударил ее металлическим прутом по лежащей на столе руке. Тетя Таня поразила следователя силой духа — она не отдернула, а пододвинула руку поближе, чем спасла себя от дальнейших истязаний. Дочь их Наталья Константиновна Орловская — доктор наук, профессор кафедры иностранной литературы Грузинского государственного университета, автор ряда книг, никогда не была замужем. Сейчас ей уже за восемьдесят.

Вторая дочь моей тети Анны — Наталья, вышла замуж за видного юриста Бориса Смиттена, который в свое время вел известное дело генерала Сухомлинова и был сенатором во Временном правительстве. Затем Смиттен сражался в добровольческой армии и, отступая, вместе с семьей и свояченицей Марией оказался в Париже. Мария умерла, не выйдя замуж. Борис долгое время, как и многие офицеры русской добровольческой армии, работал шофером такси в Париже.

У Бориса Смиттен и Натальи было двое детей — Анна, у которой так и не образовалась семья, и Сергей. Сергея давно уже нет, но в Париже живет семья его дочери.

Эта генеалогическая ветвь все же дала жалкие побеги в лице четырех моих правнучатых племянников.

В шутливой переписке с ныне уже покойным моим двоюродным племянником Аликом Шахбудаговым я написал поэму под названием «Се ля ви», в которой пунктирно прослеживается история этой ветви, начатой моей тетей Аннетой Орловской. Ответ Алика на мою поэму помещен в следующей главе.

СЕ ЛЯ ВИ
(Такова жизнь)

Пускай слыву я старовером,
Мне все равно, я даже рад,
Пишу Онегина размером,
Пою, друзья, на старый лад.

М. Ю. Лермонтов. «Казначейша»

Ma tant Annet имела дочек
И Котю, сына одного.
О дочке Неточке — ни строчки.
О ней не знаем ничего.
И если б знали бы — молчали,
Чтоб не случилось бы печали.
Уже привыкли мы молчать,
Чтобы потом не закричать.
Хотя сейчас не так уж строго,
Но сохраняет память нам —
По тем кромешным временам
Мы уповали лишь на бога.
А нынче Ницца и Париж
Не преступленье, а престиж.

2

Когда армяне, даже цивилизованные, слышит звуки зурны, они начинают хлопать в такт ладонями и, приговаривая «таши-таши», пускаются в пляс.

М. Нейман. «Армяне»

Женился Котя на Татьяне.
О, с этим именем давно,
Как у поэтов боле ранних.
Перо и наше скреплено.
И тут приспела к делу каша,
И ту же родилась Наташа.
(Созвучней в мире рифмы нет.
Решил наш аксакал-поэт.)
О ней рассказывать не станем,
То ветвь особая для всех.
Ее успех — и наш успех.
Я верю день такой настанет,
Чтоб раздавались всюду «таши»
В честь нашей дорогой Наташи.
Мысль эта, в общем, не нова,
Об этом пел Саят-Нова.

3

Одна ласточка не делает весны.

Пословица

Семья жила неплохо эта
За счет Орловских прибылей
И дружбою была согрета
Известных чехов Прибилей.
И часто слышал я рассказ
О том, что дядя Николас,
Мыслитель мудрый, как Сократ,
Любой пустяк твердил стократ.
Он все один вопрос решал:
По счету ласточка какая,
На север с юга прилетая,
Дает нам о весне сигнал?
Он не закончил свой подсчет,
Но все же заслужил почет.

4

«Все в обители Приама
Возвещало брачный пир».

Жуковский «Кассандра»

Еленочка была красива.
За Шахбудагова пошла,
И родила ему два сына,
И дочку тоже родила.
Генеалогия, как в сказке.
Детей крестили по-армянски.
Младенцев солью посыпал
Буржуй, и князь, и генерал.
Вокруг крутились няни, бонны,
Сменил, возможно, их Трике,
Француз убогий в парике
Из оккупированной зоны.
Et ce tera, et ce tera…
Мосье прогнали со двора.

5

«Зато читал Адама Смита
И был изрядный эконом».

А. С. Пушкин

Сын старший Александр — Алик,
Не потому, что невелик,
А просто так его все звали
(В ходу французский был язык.)
И вот герой наш молодой,
Средь молодежи золотой.
Лицей окончил с «prix d'hommeur»
На Шахбудаговский манер.
Пути ему везде открыты,
Но он предвидел, почему
Не нужно золота ему.
Он предался Адаму Смиту,
И экономике страны
Его все силы отданы.

6

Дети — это цветы жизни на могиле родителей.

Народная мудрость

Брат Ника и сестрица Нелли
Не сходны были в той поре:
Сестрица нежится в постели,
А Ника, шустрый, во дворе,
Он на трапеции вертится,
А ей вертеться не годится.
Она потупит нежно взор,
А он летит во весь опор.
Различья эти, ясно, были…
Собравши весь остаток сил,
Сестрицу Яша покорил,
А брат женился на Людмиле
И стал радистом. А она

Осталась Яшина жена.
(От этих браков были дети,
Но мы опустим ветви эти.)

7

«Боже! Кого только здесь не встретишь?!»

Н. Гоголь. «Невский проспект»

И вот проспектом Головинским
Идет герой наш молодой.
Ему князь Миша Аргутинский
Слегка кивает головой.
Князь Петя Бебутов прелестный,
Он критик, театрал известный,
Навстречу Алику идет
И руку важно подает.
Справляется про маму с папой,
Он не спешит. Ему сто лет.
Он жалуется на балет
И на прощанье машет шляпой…
Pardon, я, кажется, забыл,
Князь Петя котелок носил.

8

Скажи, зачем же, Переслени,
От нас ты едешь в Эривань?

П. Опочихин

Представьте, наш герой приходит
В отель шикарный «Ориант».
Своих друзей он здесь находит,
Бежит знакомый официант.
Пуская дым прозрачным клубом,
Сидит и ест, любимый клубом,
Над чашей пенистой «Клико»
Неподражаемый Коко.

То был тот самый Переслени,
Большой любитель серных бань.
По части пьянства сущий гений,
Что все стремился в Эривань.
И сел герой наш vis-a-vis.
Сказав bonjour и c’est la vie.

9

Хай-гиди Абастуман!

(Арм.)

Ту жизнь представить трудно очень,
Ее мы знаем лишь на слух:
Быт был безбеден, крепок, прочен.
Но слишком много было мух.
Сидя за карточной игрой.
Закусывали вист икрой,
А женщины от тяжких дум
Все трескали рахат-лукум.
Хаджи Рахманов[2] полон снеди…
Привозят прямо во дворы
На ишаках земли дары.
Крестьяне, города, соседи…
Таков был наш Тифлисский быт,
Оригинальный колорит.

10

«Будь здоров и полон силы
Наш Бакинский Аксакал!»

И. Алиханов (старший)

Как сон прошли былые годы,
Сменялись взгляды, entre nous,
Навоевались все народы
И трижды прокляли войну.
И Алик наш переменился,

Остепенился и женился.
Немало мят. Окончен бал,
Но все ж фасон не потерял.
Он ищет в магазинах книжку
И скоро он ее найдет,
Но, ей-же-Богу, не идет
Скакать по улицам вприпрыжку.
Пришлю ее, чтоб аксакал
В припрыжке ног не поломал.

11

«Скоро по производству мяса и молока мы догоним штат Айову».

(Из газет первой половины 60-х годов)

Не надо прыгать. Рано утром
Ступай тихонько за порог,
Приткнись-ка в очередь уютно,
Достань-ка молоко, творог.
И, кстати, также не забудь,
Купи и масла где-нибудь.
Пройди сюда, туда подайся,
Домой без масла не вертайся…
И долго будешь жить, мой друг…
Потом поэму почитаешь,
Кого-то вспомнишь и узнаешь
И тем заполнишь свой досуг.
А что прошло, то не зови,
Как говорится, cest la vie.

12

Да, наш герой в Баку остался,
Считать казну, ее беречь.
И, в общем, в жизни не сдавался…
До новых встреч, до новых встреч!
Живет с женою дорогою,

Рифмованной грешит строкою.
Есть дочь и внучка у него…
Не нужно больше ничего!
Он вспоминает как сквозь сон
Тифлис родной и сердцу милый
И, если собирает силы,
К Наташе приезжает он.
Приходит, смотрит на диван
На нем сидит ma tant Сюзанн[3].

5. Четвертая моя тетя, Соня, вышла замуж за Тамамшева и до революции успела родить лишь одну дочку Идочку, которая имела артистические наклонности. Идочка танцевала и даже снималась в зарождающемся кино. Она вышла замуж за Липскерова. Мою тетю Соню Тамамшеву я хорошо помню, а муж ее дочери не дожил до моего рождения.

Идочка придумала для себя звучную итальянскую артистическую фамилию — псевдоним Ласкари. У нее было двое детей — Владимир и Ирина.

Владимир был страстным авиатором и погиб в авиационной катастрофе.

Ирина взяла материнский театральный псевдоним и пошла по ее стопам. Ирина Ласкари училась вместе с Вахтангом Чабукиани в студии Пирини, затем танцевала кавказские танцы с другим будущим народным артистом СССР Илико Сухишвили, гастролировала с ним по всему Советскому Союзу. Потом вышла замуж за пианиста-эксцентрика Александра Менакера. В клане Алихановых этот брак с характерным артистом не одобрялся — время от времени Менакер шутки ради извлекал звуки, садясь на клавиатуру. Можно представить себе, как на этот трюк смотрели воспитанные на традициях профессора музыки Константина Алиханова наши родственники.

У них родился сын Кирилл — тоже Ласкари, который уже в третьем поколении сам стал характерным танцором, а потом постановщиком балетных спектаклей. Кирилл написал автобиографическую повесть (опубликована в журнале «Нева»), где перевоплотился в балерину, по этой повести был снят фильм. Кирилл живет в Ленинграде и растит сына — тоже Кирилла. Менакер же вторым браком женился на Мироновой и, таким образом, покойный артист Андрей Миронов был младшим сводным братом моего внучатого племянника Кирилла.

Однажды моя дочь Лилли, приехав в Санкт-Петербург — в те

годы Ленинград — для укрепления родственных связей, посетила Кирилла Ласкари. Ей было тогда 26 лет, а ему уже за сорок. Вышел хозяин и спросил: «Ты к кому, девочка?» Она ответила: «Я Ваша тетя!» Разобравшись в комичности ситуации, Кирилл пригласил своих друзей, артистов, предупредив их, что к нему приехала строгая тетя из Тбилиси и чтобы они вели себя соответственно, а затем состоялось представление друзьям «строгой тети»…

Кирилл Ласкари весьма преуспел в жизни, поставил несколько балетных спектаклей, написал много книг об артистах. Он дружил с Владимиром Высоцким, со своим сводным братом по отцу Андреем Мироновым.

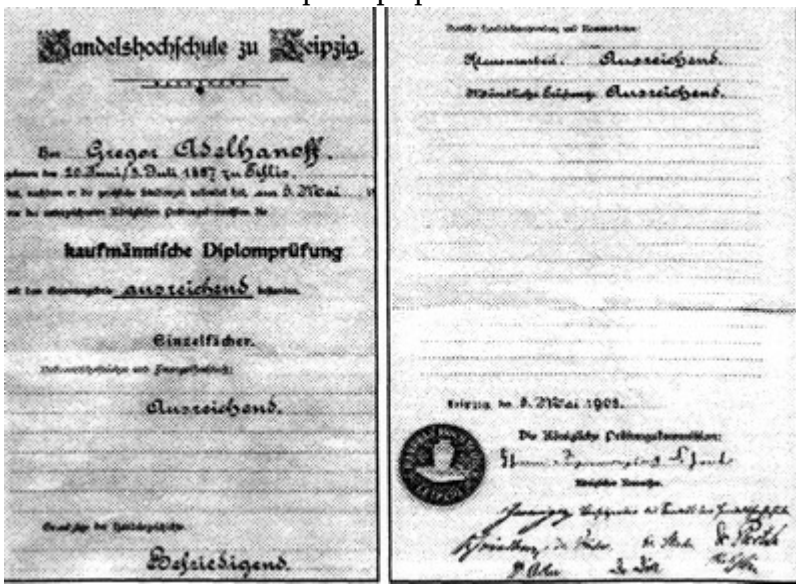
Ирина, жена Кирилла, чудесная, общительная, доброжелательная и красивая женщина. Приехав в Тбилиси в 1968 году в связи со смертью племянницы Вахтанга Чабукиани, она поселилась у знаменитого танцора. Как-то мы заехали за Ириной, чтобы повезти ее с собой на сбор кизила. Дочь моя Лилли поднялась к Чабукиани, и тут совершенно случайно произошел поворот в ее жизни. Благодаря Ирине, моя дочь Лилли оказалась зачисленной в экспериментальную балетную группу школы Чабукиани. Таким образом, Лилли была втянута в очень интересное для нее, но совершенно бесперспективное, с точки зрения педагогической науки и практики, дело, которое предпринял Вахтанг Чабукиани. Он стал готовить балетных артистов не с десяти лет, а после окончания средней школы. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, однако пять лет учебы в балетном училище остались для Лилли счастливым временем, которое, конечно же, принесло ей большую пользу: приобщило к музыке, французскому языку, прибавило целеустремленности и сделало ее грациозной (фото 85, 86). Желание стать балериной заставило мою дочь прилагать большие усилия в течение пяти лет, совмещая при этом занятия на заочном факультете института физкультуры.

Бедная Ирина Ласкари умерла раньше своей матери от рака глаза, а Идочка Ласкари скончалась, перевалив за девяносто лет.

Эта генеалогическая ветвь через четыре генерации выдала «на гора» сына Кирилла, который пошел по стопам своего отца и под фамилией Ласкари недавно издал в Москве книгу прозы.

6. Моя тетя Елена вышла замуж за коммерции советника, одного из пионеров индустриализации Грузии, ставшего впоследствии моим крестным, Григория Григорьевича Адельханова, который построил в Тифлисе кожевенный завод, обувную и войлочную фабрики, — в то время на предприятиях

Адельханова было занято две тысячи рабочих (фото 26). Это было самое большое предприятие в Тифлисе. Адельханов был владельцем гостеприимного двухэтажного особняка в огромном фруктовом саду на берегу реки Куры в Ортачалах — там было сделано много семейных фотографий.


Handelshochschule zu Leipzig.

Herr Gregor Adelkhanoff.

kaufmännische Diplomprüfung

Einzelfächer.

Ausreichend.

Befriedigend.

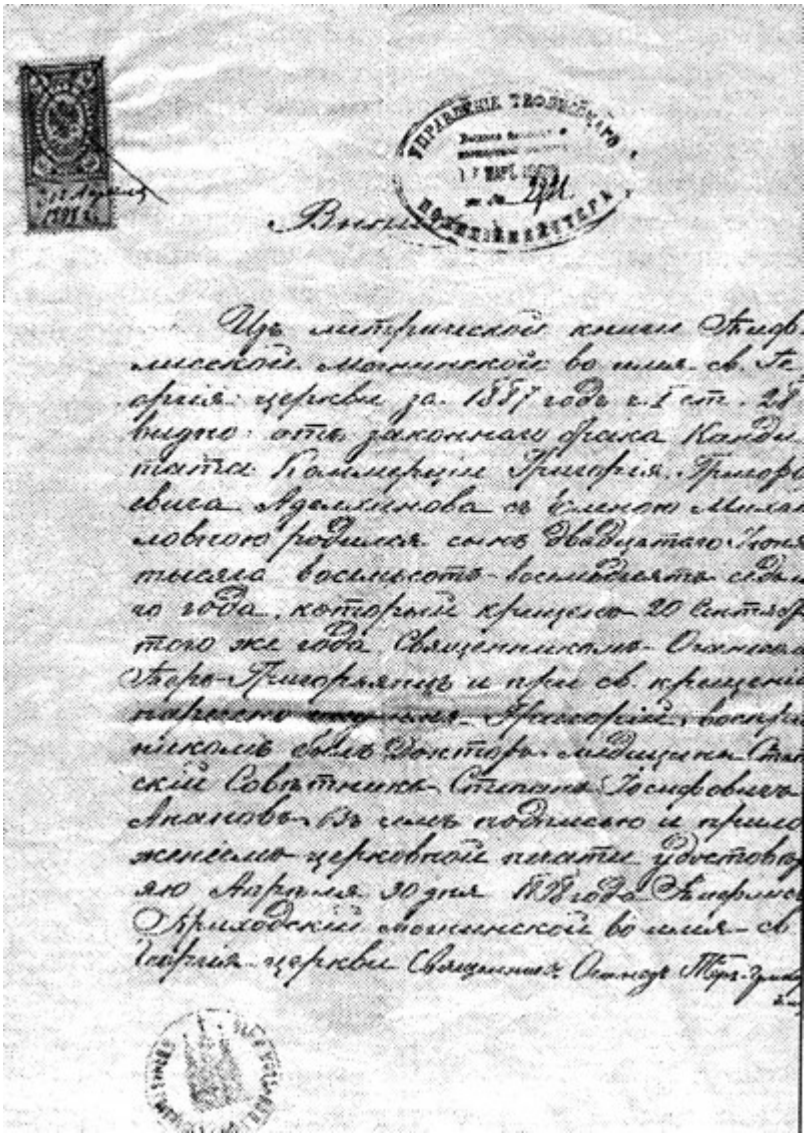
Ausreichend.

Ausreichend.

Leipzig, den 5. Mai 1908.

Первая и последняя страницы диплома Григри Адельханова

Умер Адельханов в 1917 году. Его предприятия достались по наследству сыну Григорию, родившемуся 20 сентября 1887 года (фото 27). Все родственники звали его Григри (фото 28).



Выписка из метрической книги за 1889 год

Остались подлинные документы о жизни, работе и собственности моего двоюродного брата Григория Григорьевича Адельханова, представляющие несомненный интерес.

М. В. Д.

ТИФЛИССКОЕ
ГОРОДСКОЕ
ПО ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ
ПРИСУТСТВИЕ.

2 мая 1908 г.

№ 1906

Гор. Тифлисъ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

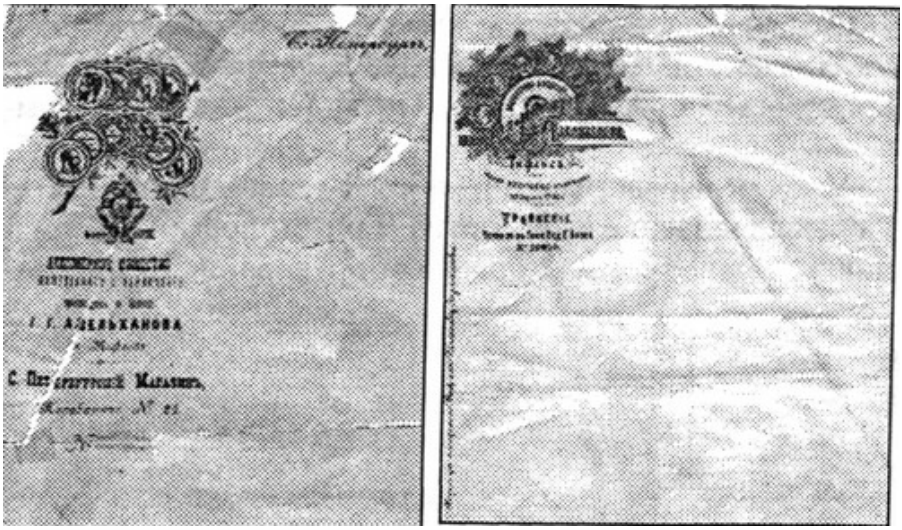
Симъ удостовѣряется, что сынъ Коллежскаго совѣтника Григорій Григорьевичъ Адельхановъ

подлежащій исполненію воинской повинности въ 1908 году, можетъ не явиться въ призывной пунктъ (въ Тифлисское Городское по воинской повинности Присутствіе) жеребьесметанію, такъ какъ ему слѣдуетъ льгота перваго разряда по положенію. Если же семейное положеніе его – Адельханова измѣнится до призыва 1908 года, онъ обязанъ объ этомъ извѣстить тому присутствію немедленно.

Предсѣдатель Присутствія

Дѣлопроизводитель

Удостоверение, выданное учреждением под названием в «Тифлисское городское по воинской повинности присутствие»



Оригинал фирменных бумаг и бланков «Кожевенно-войлочных производств Адельханова», на которых указано, что «Устав Высочайше утвержден 12 апреля 1896 г.», номер банковского счета в Тифлисском отделении Государственного банка № 29 950, бланк и адрес Санкт-Петербургского магазина Адельханова по адресу: Караванная, № 28 — все бланки имеют водяные знаки.

Календарь, присланный, по всей видимости, партнером по бизнесу — акционерным обществом «Артур Коппель».

Уже после советизации, работая главным инженером на бывшем заводе своего отца, Григри поехал в Германию для приобретения нового оборудования. В молодости Григри учился в Германии, в 1908 году он окончил Высший Коммерческий Институт в Лейпциге и получил сначала удостоверение студента, а после окончания — диплом.

> ***Высшее коммерческое училище города Лейпцига***
>
> *Господин Грегор Адельханов, родившийся 20 июня / 3 июля 1887 года в городе Тифлисе, после того, как он завершил определённый законом период обучения, 5 мая 1908 года сдал Дипломный экзамен на профессию коммерсанта перед Королевской Экзаменационной Комиссией, подписавшейся ниже, с общим итогом на отлично.*
>
> ***Отдельные предметы***
>
> *Политическая экономия и финансовое дело: Отлично*
>
> *Основные черты истории торговли: Удовлетворительно*
>
> *Основные черты экономической географии Торговое и вексельное право:*
>
> *Экзаменационная работа в аудитории: Отлично*
>
> *Устный экзамен: Отлично*
>
> *Высший коммерческий счёт: Отлично*
>
> *Бухгалтерский учёт: Удовлетворительно*
>
> *Немецкая коммерческая корреспонденция и конторские работы:*
>
> *Экзаменационная работа в аудитории: Отлично*
>
> *Устный экзамен: Отлично*
>
> *Лейпциг, 5 мая 1908 года*
>
> *Печать (расшифровка вокруг герба:*
>
> *«Высшее коммерческое училище Лейпциг»)*
>
> *Королевская Экзаменационная Комиссия Королевский Уполномоченный Подписи* [4]

В Германии Григри Адельханов стал страстным фотографом, осталось множество альбомов с его фотографиями Парижа, Санкт-Петербурга, Тифлиса, Кавказа 1904–1914 гг.

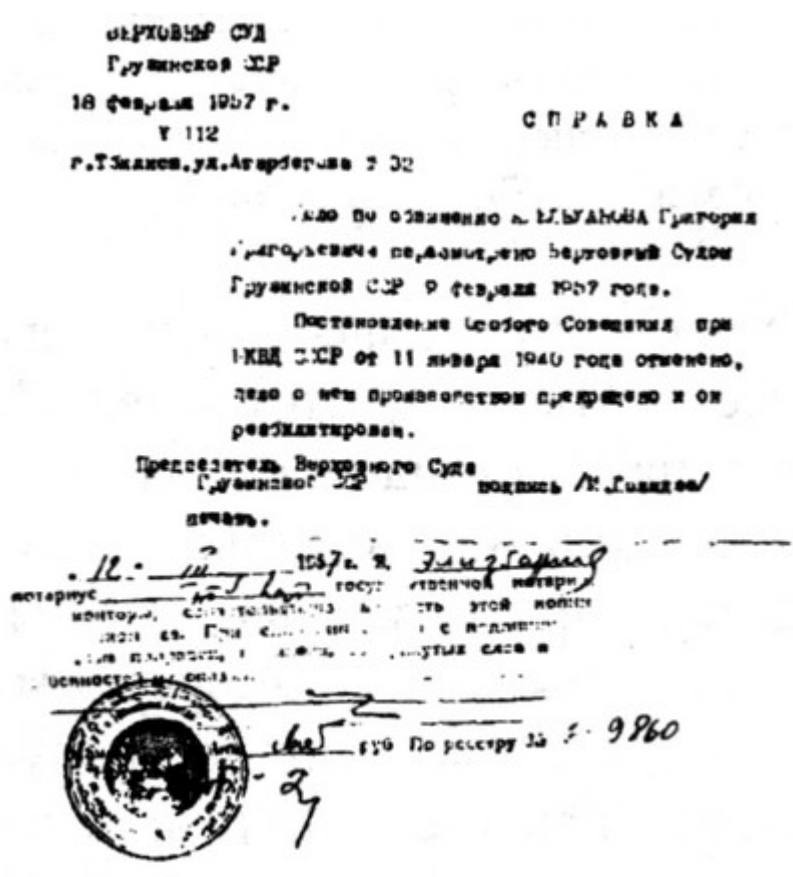
В советские времена Григри работал на заводе своего отца. Возвратившись из деловой поездки по Германии, мой двоюродный брат был обвинен во вредительстве и сослан в

Долинский лагерь Карагандинской области.

Из лагеря Григри Адельханов прислал своей жене Нине Мюльман несколько десятков трагических писем, которые сохранились и по сей день.

В лагере Григри Адельханов вскоре погиб, а потом был посмертно реабилитирован.

Открытки, которые Григри Адельханов прислал из Долинского лагеря в Караганде



ВЕРХОВНЫЙ СУД
Грузинской ССР
18 февраля 1957 г.
№ 112
г.Тбилиси, ул.Агрбегова № 32

СПРАВКА

Дело по обвинению ЦЫБАНОВА Григория Григорьевича пересмотрено Верховным Судом Грузинской ССР 9 февраля 1957 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 11 января 1940 года отменено, дело о нем производством прекращено и он реабилитирован.

Председатель Верховного Суда Грузинской ССР подпись /М.Гоциридзе/

печать.

11 марта 1957 г.

нотариус

государственной нотариальной конторы

подпись этой копии

с подлинным

прошнуровано

ценность

По реестру № 9960

Справка о реабилитации

Мой сын Сергей написал стихотворение, опубликованное в журнале «Наш современник», посвященное всем нашим безвинно погибшим родственникам.

Прощай, родимый дом, прощай, моя квартира.
Здесь длилась жизнь семьи, и вот она прошла.
Чтоб удержаться здесь нам рода не хватило.
Нас много меньше тех, которым несть числа.
Нам столько нанесли кровавого урона.
Отняли у семьи, не передав стране.
И вот нас меньше их, которым нет закона,
Вернее, сам закон на ихней стороне.
И письма, и счета, и пачку облигаций
Из ящиков стола все вытрясли в мешки.
А среди них конверт, где реабилитаций
С синюшным гербом лжи ненужные листки.

И вновь вся наша жизнь вдруг превратилась в небыль.
Все речи этих лет как длинный приговор.
И в беженецкий скарб вдруг превратилась мебель,
Когда ее за час вдруг вынесли во двор.
Дубовая кровать, резная спинка стула,
К которым так привык еще мой детский взгляд,
Что с ними делать мне здесь посреди разгула,
Который вновь кружит, ломая все подряд.
Но я построю дом, дождусь цветенья сада.
Меня не разделить с моей больной страной.
Ведь я и есть теперь последняя преграда,
И хаос у меня клубится за спиной…

Из биографии Сталина известно, что его отец Бесо работал в Тифлисе на заводе Адельханова. Известно также, что портретов отца Сталина не сохранилось.

К 25-летию заводов Адельханова его сотрудники преподнесли владельцу оригинальный альбом. Я видел этот альбом — снаружи он был отделан серебром с цветной эмалью, а внутри — образцы всех видов продукции фабрик и кожевенного завода: кавказская бурка, седла, чувяки, сапоги, различные туфли и др. На нижней массивной обложке были ножки, альбом скреплялся застежкой. В альбоме были также фотографии всех цехов, где на переднем плане перед станками в один ряд стояли рабочие в спецодежде — больших фартуках.

Этот альбом оставался едва ли не единственной драгоценностью вдовы Григри — Нины Альфонсовны Адельхановой (фото 28), урожденной Мюльман. Вероятно, армянская фамилия спасла немку Мюльман от ссылки во время Великой Отечественной войны. Нина жила в малюсенькой темной комнатке за зданием института Маркса-Энгельса-Ленина — ныне в этом здании заседает грузинский парламент. Альбом хранился у Нины под кроватью, даже шкафа в комнате не было, да он и не поместился бы.

Кто-то прознал про этот старый юбилейный альбом, и к 70-летию «отца народов» сотрудники НКГБ изъяли у Нины альбом и отправили в Москву. Сталин не опознал среди рабочих своего отца (как оказалось позже, он и не считал Виссариона Джугашвили своим отцом) — и чекисты вернули этот альбом Нине!

Впрочем, отсутствие фотографии не помешало досужим художникам «сочинить» портрет, очень похожий на Сосо в молодости.

Лет тридцать пять тому назад Нина умерла, и ее родственники продали этот альбом в Ереванский исторический музей, а остальные альбомы, которые создавал Григри, страстный фотолюбитель, достались мне — это фотографии старого Тифлиса, Санкт-Петербурга 1905 г., Парижа 1911–1912 годов.

Детей у Григри не было. И эта ветвь осталась без ростков.

7. Единственной по-настоящему плодовитой оказалась предпоследняя ветвь. Самой младшей тете Лизе удалось вместе со своим мужем Борисом Николаевичем эмигрировать с четырьмя детьми в Париж. Там, по-видимому, у меня имеются внучатые и правнучатые племянники и племянницы, о которых, впрочем, я не имею понятия.

Генеалогическое древо моего деда, как и многих-многих других, оказалось порублено на дрова и брошено в костер революции. Сгорело все, а затем в этом аутодафе сгорели и те грешники, которые хотели погреть руки над этим погребальным костром. И теперь нам всем остается только посыпать пеплом наши головы.

8. Младшим ребенком в семье был мой отец Иван. О нем следующая глава.

Л. Н. Толстой тоже имел 8 детей, но они, слава богу, вовремя уехали из России, убежали от революции. В 1991 году на юбилее Толстого собралось больше сотни прямых потомком великого писателя.

Схема генеалогического древа Алиханова Михаила Егоровича

Схема генеалогического древа Алиханова Михаила Егоровича

Дети Алиханова Михаила Егоровича	Второе поколение	Третье поколение	Четвертое поколение	Пятое поколение
Константин Алиханов				
Ольга Ананова	Евгения Долуханова	Елизавета Дмитриева	Татьяна Дмитриева	?
		Селли Долуханова	***	***
	Владимир Ананов			
	Иосиф Ананов			
Мария Беренс	Евгений Беренс			
	Михаил Беренс			
	Сергей Беренс			
Анна Орловская	Елена Шахбуда-гова	Нелли Мгеброва	Николай Мгебров	Елена Мгеброва
				Михаил Мгебров
		Александр Шахбудагов	(приемная дочь)	***
		Николай Шахбудагов	сын	***
	Константин Орловский	Наталья Константи-новна Орловская		
	Наталья Смиттен	Анна		
		Сергей Смиттен		
	Мария			

Дети Алиханова Михаила Егоровича	Второе поколение	Третье поколение	Четвертое поколение	Пятое поколение
София Тамамшева	Ида Липскерова (Ласкари)	Владимир Липскеров		
		Ирина Ласкари	Кирилл Ласкари	Кирилл Ласкари
Елена Адельханова	Григорий Григорьевич Адельханов	***	***	***
Елизавета Таирова	Люси	Евгений Андрей	Мишель	?
	Буттей Таиров			
	Жука Таиров			
	Константин Таиров			
Иван Алиханов	Елизавета Лазар	Карин Соломон	Давид Соломон	Люкас Айзек Соломон
				Нейтон Александр Соломон
				Кармен (приемная дочь)
			Даниэль Соломон	Лоран Элизабет Соломон
		Михаил Лазар		
		Таня Лазар	Сессили	
	Михаил Алиханов	Елена Алиханова		
	Иван Алиханов	Сергей Алиханов	Анна Стейли	
			Иваи Али-ханов 1996 г. рождения	
		Лилли Алиханова	Литиция Одри Мюллер 1994 г.р.	

Глава 2 ОТЕЦ

«…Он уважать себя заставил и
лучше выдумать не мог».

А. Пушкин

Мой отец Иван Михайлович Алиханов был ниже среднего роста, плотного сложения, приятной, даже красивой внешности, с выразительными карими глазами, темный шатен. Он носил подкрученные кверху, довольно значительные усы и бородку — эспаньолку. Типичный интеллигент своего времени, он имел обширные знания и как инженер, и как гуманитарий. Отец окончил Петербургский университет по специальности горного инженера (фото 29, 30). Вернувшись, он поначалу занялся предпринимательством — приобрел 50 % акций адельхановских предприятий, стал совладельцем яраловского чугунолитейного завода. Долгое время на тбилисских улицах встречались чугунные мостики с тротуара на мостовую, а также подвальные решетки, на которых имелась литая надпись «Чугунолитейный завод Яралова и Алиханова».

Отец хорошо играл на фортепиано и почти профессионально пел. Имея не сильный, но отлично поставленный голос, в 1914 году отец даже выступал на сцене Тифлисского оперного театра в теноровых партиях. Он свободно владел французским и немецким языками, был душой общества, непременным тамадой, прекрасным остроумным рассказчиком.

Я помню, как иной раз во время вечернего чаепития отец принимался нам популярно разъяснять какую-либо техническую проблему, рассказывать греческие мифы, иные занимательные истории или либретто оперы, сопровождая его пением наиболее значительных арий.

Наша огромная квартира в Тифлисе находилась в собственном доме отца по адресу: улица Сергиевская, 16 и состояла из гостиной, залы, столовой, библиотеки-кабинета, обращенных в сторону улицы (фото 33), а в сторону широкого балкона и сада были обращены спальни родителей, сестры, детская, комната нашей бонны Китти. Помимо этого были еще две комнаты с отдельным входом, специально для игры в карты.

На моей памяти в этой квартире жили два брата — Фредерико и Джиджино, симпатичные итальянцы, представители шоколадной фирмы «Перуджино», которая при меньшевиках имела свое представительство в Тифлисе. За вечерним чаем они

развлекали нас, мальчиков, рисуя на своих фирменных бланках автомобили.

Вечером к нам приходили гости, раскладывались два, а иной раз три ломберных столика, чаще всего играли в винт или бридж. Мои тети предпочитали рамс, итальянцы играли в покер с ограниченным «сольтом» или ставкой, для чего имелись специальные фишки из слоновой кости разных цветов и формы, длинные и короткие прямоугольники и кружки. Когда все эти игры закончились, и времена изменились, мы, дети, играли этими фишками в «блошки». После общего чаепития некоторые гости продолжали игру, а другие переходили в залу, где отец любил устраивать импровизированные концерты, усаживал маму за рояль и пел большею частью по-французски.

Нас, детей, конечно же, под надзором Китти, отправляли спать. Перед сном нам надлежало стоя на коленях молиться. Молитва звучала так: «Боженька, милый!

Пошли здоровья маме, папе, Китти, Лизе, всем тетям и дядям, во имя отца и сына и святого духа. Аминь!»

Помню грандиозное торжество — день рождения моей мамы еще в старой квартире в ноябре 1922 года. Было много гостей, подарков и множество хризантем. Мы, дети, выучили написанное отцом в честь этого события стихотворение и утром его декламировали:

Милой маме в День рождения
Мы приносим поздравления,
И желаем счастья ей
И счастливых много дней!
Дети, мы тебя так любим,
Никогда не позабудем,
И всю жизнь будем ласкать
Обожаемую мать!

Очевидно, поэтический дар не относился к сильной стороне талантов моего отца.

Чтобы ввести читателя в атмосферу того времени, самый расцвет которого предшествовал моему рождению дет на пять, лучше всего прочесть шутливое стихотворение) моего двоюродного племянника Алика Шахбудагова, который был старше меня лет на пятнадцать, пережил бакинские ужасы и недавно скончался.

Сага об армянских Форсайтах

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».

А. Пушкин

Из дальних странствий возвратясь,
Один богатый господин,
Чтоб не ударить лицом в грязь,
В Тифлис вернулся не один.
Он из немецкой грозной пасти
Увез красавицу жену,
Собачку Пунчик желтой масти
И дочку Лизочку одну (фото 32).
Их всех встречали на вокзале:
Татузов, Бога и Цако,
А позже, днем, в красивом зале
Текло шампанское «Клико»,
Весь клан могучий Алиханов
Пришел, невестку чтоб почтить,
Под звон наполненных бокалов.
Посплетничать и посудить.
Вот важно в кресле развалился
Сам дядя Костя — патриарх.
Он овдовел, но не женился,
Как наш приезжий вертопрах.
Всю жизнь свою был занят делом.
Открыл в Тифлисе «Санитас».
Где даже можно было смело
Купить отличный унитаз.
Построил для музшколы зданье.
В котором, это не секрет.
Всем меценатам в назиданье
Висел большой его портрет.
Вот разместились на диване
Все сестры, а числом их пять.
Приехал их любимец Ваня,
Вот будет в нарды с кем играть!
А сестры — Оля и Аннета,
Краса и гордость этих стен,
Меньшие — Соня и Лизетта
И среди них еще — Элен.
У всех сестер свои таланты:

Хозяйкой Оленька слыла,
За Лизой увивались франты,
А Соня модницей была.
В историю вошла Елена,
Среди цехов ее завода.
Трудился честно и бессменно.
Смурной отец «вождя народов».
Аннет — супруга генерала,
Г роза детишек и прислуг,
Семью в своих руках держала.
Соседей приводя в испуг.
Со старшими пришла их смена:
Григри, и Кока, и Люси,
Володя, Женечка, Елена…
Всех перечислить не проси.
Мужья здесь были чудных дочек:
Оганов, Саша, Исико.
О них писалось много строчек,
Их знали даже далеко,
Итак, вернувшись из Берлина
В свой двухэтажный особняк,
Зажил без горестей и сплина
Тифлисский знатный мокалак.
Хоть он и не имел работы.
Но покупал жене бижу.
Конечно, были и заботы,
О них я ниже расскажу.
Он думал о продленье рода,
Родил еще двух сыновей.
В обоих чувствовалась порода —
Шумливей не было детей,
Девицу Настю в дом призвали,
С оплатой в 25 рублей.
Вся жизнь была как в высшем свете.
Какой тут может быть вопрос?
Заботился об этикете
Армянский мажордом Петрос.
А чтобы с улицы плебеи
Не заслоняли бы небес,
Одетый, правда не в ливрею,
В дверях стоял портье Нерсес.
Хотя балов и не давали,
Но без людей дом не пустел,
А чтобы гости не скучали,

Хозяин им романсы пел.
Об «un jeune homme gui vient se pendre
Боюсь неверно написал,
Про девушку au coeur si tendre»,
Я в детстве сам его слыхал.
В Коджорах проводили лето,
И ежедневно, в любой час
С балкона было слышно это:
«Я пики, черви, а я пасс».
Ну, словом, жизнь была, как сладость,
Кругом любовь, от всех почет,
Детишки им росли на радость,
А в банке рос текущий счет…
Но все исчезло безвозвратно:
И дом, и счет, портье Нерсес.
Я думаю, что всем понятно,
Что время истекло чудес.
На этом я кончаю сагу.
Не время отвлекаться вам,
К чему мне зря марать бумагу,
Дальнейшее ты вспомнишь сам.

Из событий моего детства я хорошо помню одно, чрезвычайно взволновавшее нашу семью. Мне тогда было лет пять. Отец поставил детей на колени и вместе с нами начал молиться. В это время, как после смерти Дубровского из повести Пушкина, по квартире расхаживали какие-то злые люди, существующие при всех социальных режимах «шабашкины», и вешали сургучные печати на мебель и картины.

Отец мой, как я уже говорил, унаследовал от деда огромное по тем временам состояние. Он был восьмым ребенком. Бездетный брат моего отца Константин был старше его на шестнадцать лет и получил в наследство «лишь» родовое имение в Хидистави и 200 000 рублей. За каждой из дочерей было дано приданого 20 000 рублей. Наконец, у статского советника Михаила Егоровича Алиханова родился еще один сын — мой будущий отец, которого нарекли Иваном, и возложили на него все династические надежды. После смерти деда мой отец получил наследство, в акциях и других активах оцениваемое в 2 миллиона, барский дом в самом фешенебельном районе города Сололаки.

Таким образом, мой отец стал блестящим женихом, в него была влюблена красавица Надя, дочь миллионера Манташева

(она даже родила от отца сына — дауна). Но все расстроилось. В Тифлис приехала оперетта. Отец влюбился в «певичку» (так ее презрительно именовали в семье) еврейку Поличку и женился на ней.

Все члены «клана» Алихановых объявили моему будущему отцу бойкот. Когда через год первая жена моего отца Поличка умерла от черной оспы, никто из родственников не пришел с ней проститься. Отец, рассерженный на всех, уехал за границу, где пробыл 8 лет, путешествуя, развлекаясь и играя в нарды, как только для этого представлялась возможность. Во всяком случае, на сохранившихся от тех лет фотографиях, отец мой неизменно снят либо за нардным столиком, либо держащим складные нарды под мышкой.

Однажды, проживая в пансионате в Германии, он решил поухаживать за красавицей, 18-летней горничной, этакой Гретхен, высокого роста, с пепельного оттенка волнистыми волосами, пышной прической и фигурой. При ближайшем знакомстве горничная оказалась дочерью директора школы в городке Гермсдорф, которая завершала свое образование по принятому в их кругу обычаю. После школы, изучения французского и игры на фортепиано немецкой девушке следовало поработать на ферме — изучить хозяйство, затем послужить в пансионате, обслуживать постояльцев и гостей, овладеть сервировкой. Система образования была направлена на то, чтобы немецкая мама была полностью готова к любым жизненным перипетиям. А жизнь девушки, по немецкой традиции, прослеживалась и планировалась от начала и до конца сразу же после рождения.

После окончания годичной практики в пансионате, ее ждал жених Ганс, с которым они по воскресеньям совершали прогулки. Если моя будущая мама (а это была она) забывала взять с собой бутерброд, то Ганс выражал по этому поводу сожаление и съедал свой бутерброд сам.

Мой отец, к тому времени уже много лет живший в Европе, среди чопорных гостей пансионата получил прозвище Dummer Russe — «сумасшедший русский». На удивление всему табльдоту, приевшись немецкой кухней, мой отец в красной косоворотке жарил в саду пансионата шашлыки.

Расчетливых немцев, в частности свою будущую жену и ее мать, мой отец поразил широтой жестов, драгоценными подарками, букетами цветов, предупредительностью и вниманием к малейшим пожеланиям. Наконец на спектакле в берлинском оперном театре в первом ряду мой будущий папа стал на колени, чем окончательно покорил свою любимую, и она согласилась стать его женой (фото 31).

Получив согласие, мой отец, наученный горьким опытом (сначала певичка, а потом горничная), сначала фиктивно выдал свою невесту замуж за разорившегося барона фон Гонопа, затем развел их, а только потом сам женился — но уже на баронессе. (Таким образом, фиктивные браки, которые уже в наше время совершались ради «московской прописки», практиковались еще в 19-м веке — но из-за благородного происхождения.)

В 1911 году у моих родителей родилась дочь, точная копия моего отца, названная, по немецкому обычаю тремя именами Елизавета Александра Мария fon Gonop, после чего супруги приехали в Тифлис, где Елизавету крестили еще раз (фото 32), и она имела двойную фамилию — баронесса fon Gonop-Алиханова. Фамилия «Gonop» осталась только на этом документе.

Моя мать — высокая, ростом 167 сантиметров, на пять сантиметров выше папы, красавица баронесса понравилась всем нашим родственникам.

В 1915 году Лилли подарила отцу наследника, которого в честь деда назвали Михаилом, а в феврале 1917 года родился я…

Нам всем прочили блестящее будущее. Но ошибся дед, ошибся мой демократически настроенный отец, который, как впоследствии оказалось, очень сочувствовал революционерам и материально помогал реализации их утопий. Сейчас стало очевидно, что ошиблись Маркс, Энгельс и Ленин, равно как и вся русская интеллигенция…

Однако вернемся в 1923 год. Стояние на коленях и молитвы не принесли успеха. Наша квартира из одиннадцати комнат понравилась Лаврентию Берия, и он вселился в нее, «приватизировав» заодно и нашу мебель. Берия был человек небольшого роста, с пролысиной, ходил в пенсне, носил галифе, косоворотку с поясом. При ходьбе несколько задирал голову.

Этажом выше в трехкомнатной квартире жил сотрудник персидского посольства. Отец ему отказал, и мы вселились в эту квартиру.

Мой наивный, почитывающий Маркса отец написал прокурору Грузии жалобу на Берию, в которой сетовал на то, что у его семьи отобрали-де не «средства производства» (как это следует по учению основоположников), а мебель, картины, ковры, библиотеку и прочее. Видимо, не знавший еще, что собой представляет Берия, прокурор (если мне не изменяет память, по фамилии Тиканадзе) посчитал реквизицию незаконной. Тем временем моя очень демократичная мать, считавшая распределение земных благ поровну справедливым деяньем, успела «подружиться» с Ниной — женой Берии, стала учить ее

немецкому языку и обмениваться гастрономическими сувенирами (у нас даже одно из блюд получило название «лобио а ля Берия» — разваренная фасоль, которая была так наперчена, что никто из нас есть ее не мог). Мама показала Лаврентию Павловичу резолюцию прокурора. Берия усмехнулся и разрешил забрать кое-что из ненужной ему мебели, чтобы было на чем сидеть, есть и спать, и сказал: «Можете жаловаться на меня дальше. Остальное я оставляю себе».

Тогда на семейном совете было решено пойти к председателю ЦИК Филиппу Махарадзе. Он встретил мою мать очень любезно, осведомился, дома ли супруг и как его здоровье, здоровы ли дети… А в заключение он сказал: «Значит так: муж дома, здоров, дэты дома, ви я вижу прэкрасно виглядитэ, и ви еще жалуетес на Берия?» (фото 34).

Напротив нашего дома в доме № 15 по Сергиевской улице в подвале была устроена тюрьма ЧК. Перед подвальными отдушинами, которые выходили на улицу, были установлены деревянные щиты, вдоль которых, сменяя друг друга, круглые сутки ходили часовые. По ночам к дому подъезжал открытый грузовик, в него заталкивались заключенные, которых увозили на расстрел. Лет двадцать пять назад при рытье котлована было обнаружено место массового захоронения этих несчастных, расстрелянных на обрыве у речки Вере (сейчас на этом месте стоит жилой дом сотрудников университета).

Я помню, что отец выговаривал маме за излишнее любопытство и просил ее не выходить на балкон и не смотреть на обреченных.

Учитывая, что массовый террор против меньшевиков и интеллигенции уже был раскручен «на полную катушку», не говоря уже о том, что мы были семьей бывших капиталистов, следовало оценить мрачное остроумие председателя ЦИК тов. Махарадзе.

Впрочем, Берия недолго довольствовался столь «скромной» квартирой, ему захотелось «улучшить жилищные условия». Он вскоре переехал в специально построенный дом для ответственных работников ЧК на улице Каргановской (в нем и сейчас живут начальники из разных органов), но и там ему было тесновато. Оставив в этой квартире глухонемую сестру и мать, он еще раз переехал во вновь специально для себя отстроенный дом на нашей улице в бывшем садике для глухонемых. Впоследствии там помещался ЦК комсомола Грузии, а сейчас — центр неформальных организаций.

Любопытно, что в газете «Совершенно секретно» в № 9 за 1990 год вдова Берии Нина Гегечкори сообщает корреспонденту,

что в Тифлисе они жили бедно. Нет сомнения, что и остальные ее откровения столь же «правдивы».

Переехав, Берия передал нашу квартиру своему заму — чекисту Левану Гогоберидзе, отцу известного кинорежиссера Ланы Гогоберидзе. Вскоре и Леван Гогоберидзе тоже «улучшил свои жилищные условия» и съехал, а вскоре был расстрелян. Нашу квартиру занял некто Акимов, женатый на сестре видного деятеля компартии Грузии Шалвы Элиава, который совместно с Орджоникидзе ввел в Грузию Красную Армию и подписал известную телеграмму Ленину: «Над Тифлисом реет Красное знамя…»

Акимов, однако, не успел воплотить свойственное коммунистам заветное желание «улучшить жилищные условия», поскольку наступила пора репрессий и Берия за короткое время расстрелял всех любителей занимать армянские особняки, как, впрочем, и большинство тех, кому эти квартиры и особняки принадлежали.

В конце концов социальная справедливость восторжествовала и в нашу квартиру водворился детский сад.

Об этих сменяющих друг друга, гебистских заселениях в наш родовой дом моя дочь Лилли рассказала известному кинорежиссеру Отару Иоселиани, когда она снималась в эпизодах его первого фильма «Жил певчий дрозд».

Много лет спустя на основе рассказа моей дочери Иоселиани снял художественный фильм — «Разбойники. Глава седьмая». Местом съемок этого седьмого фильма Иоселиани как раз и стал наш родовой дом. В кино, как это когда-то было на самом деле, чекисты с семьями, сменяя друг друга, въезжали в нашу просторную квартиру — порой на кухне еще жарилась яичница. Довольные новоселы с удовольствием доедали эту яичницу, предварительно расстреляв тех чекистов, которые незадолго до этого разбили яйца на сковородку.

Этот фильм Иоселиани демонстрировался на кинофестивале в Сан-Франциско, где мне — спустя семьдесят лет! — снова довелось пережить историю моего детства.

Впрочем, высокие руководители коммунистической партии тогда еще не предвидели для себя столь пагубных последствий и продолжали повсеместно нарушать декларации и лозунги, под которыми они захватили власть. Сколько же их, шустрых экспроприаторов, селилось вокруг нас: Гриша Енукидзе (родственник Авеля), Поликарп Бахтадзе, Шура Манташев, Шатиров, Кочаров. Напротив, в дом № 11, въехал родственник Булата Окуджавы — тоже видный коммунист — с сыном Кукури, который был моим товарищем, Еркомаишвили с сыном Володей

(он ухаживал за моей сестрой) и двумя дочерьми. В № 17 жил азербайджанский деятель компартии Гаджинский с многочисленным семейством, за углом, на улице Энгельса, жил хромой красавец Саша Гегечкори, на Лермонтовской улице жил еще один видный деятель Иванов-Кавказский…

Кажется, никому из первых коммунистов Грузии, кроме Филиппа Махарадзе и Михи Цхакая, который переселился в Москву и впоследствии стал нашим соседом в «большом сером доме на набережной», не пришлось умереть своей смертью. Еркомаишвили, когда за ним пришли чекисты, застрелился. Кочаров повесился на спинке кровати, Гаджинский повесился в тюрьме на подтяжках (возможно, не без чужой помощи), некоторые погибли в автокатастрофах, вероятнее всего, подстроенных, большинство из них расстрелял Берия…

Уже в наши дни молодежь Грузии взорвала могилу Ф. Махарадзе, замешанного в убийстве Ильи Чавчавадзе… Даже праха ни от кого не осталось. Впрочем, возможно, где-то в колумбарии осталась урна с прахом Михи Цхакая, который знал Ленина лично. Осталась ли?.. Страшная судьба быть экспроприатором и террористом, расстрелянным своими же партийными «товарищами», ими же реабилитированным и, в конце концов, забытым своим народом…

Вернемся к рассказу о моем отце Иване Михайловиче Алиханове.

Вернувшись в Тифлис, он получил звание «мокалака», которое давалось царским правительством знатным тифлисским армянам и значило буквально «принадлежащий городу». Вскоре мой отец вошел в директорат Тифлисского Императорского Русского Музыкального общества — он есть на общем снимке среди членов этого общества (фото 10) — и стал меценатствовать, установил ряд стипендий талантливым молодым музыкантам и даже пытался петь на сцене оперного театра.

Однажды, много лет спустя, когда в качестве фотографа от Общества культурных связей с заграницей (ГОКС) я пришел в тифлисскую консерваторию снимать класс профессора Шульгиной, она спросила меня: «Нельзя ли приобрести фотографии для класса?» Я ответил, что следует обратиться в ГОКС и спросить Алиханова. Тогда она поинтересовалась, не знал ли я Ивана Михайловича и его очаровательную супругу. Когда выяснилось, что я их сын, она необычайно оживилась и велела своим студентам позвать профессора Тулашвили. Обе старушки с умилением вспоминали то время, когда они были стипендиатками моего отца…

Но вот произошла революция, и мой отец стал работать в консерватории бухгалтером.

Порода Алихановых была крепкой. Из всех детей только тетя Мария Беренс — из-за горя по поводу безвременной гибели на Первой мировой войне своего младшего сына — умерла относительно рано, остальные дожили лет до восьмидесяти. Но мой отец, заболев туберкулезом в 1926 году, оказался, по приговору врачей, безнадежен. Конечно, у него сохранилось, с теперешней моей точки зрения, немало нажитого добра, но, став внезапно беднее в 10 тысяч раз, он стал скуп и раздражителен… Перед ним стояла неразрешимая проблема — трое детей, непрактичная, не имеющая никакой специальности жена и совершенно непредсказуемая перспектива… Он сдал одну изолированную комнату в нашей квартире новому жильцу Александру Яковлевичу Эгнаташвили.

Зимой 1926 года к нам в гости из Германии приехала мамина младшая сестра Эльза. Она была крупная, но, в отличие от мамы, весьма некрасивая. Муж ее был врачом. Детей у них не было. Оценив ситуацию в нашей семье, она предложила моей старшей сестре Лизе переехать к ней в Германию. Мама с радостью согласилась, что впоследствии, долгое время, среди родственников вменялось ей в вину. Так моя сестра Лизочка оказалась в Германии в качестве прислуги родной тети.

17 марта 1927 года мой отец скончался и был похоронен на кладбище Ходживанк рядом со своей первой женой.

Глава 3
ТИФЛИССКИЕ АНТИКИ

Нас было много на челне.

А. Пушкин

После нашего вынужденного переселения в квартиру персидского посланника наш дом притих. Куда-то подевались многочисленные визитеры, заполнявшие когда-то гостиную и столовую, где во время чаепития за большим столом с самоваром продолжались споры — с какой масти следовало ходить и нужно ли было объявлять малый шлем в пиках… Пропали и веселые итальянцы, братья Фредерико и Джиджино. Кончились и домашние концерты, так как наш роскошный рояль «Бехштейн» понравился Нине Берия и был ею экспроприирован.

Ежедневно продолжала свои визиты тетя Аннета, которую отец иронически называл «дежурной». Она считала своим семейным долгом воспитывать нас с братом. Водрузив на тонкий нос пенсне и облизывая сохнувшие губы, она подолгу читала нам «Тараса Бульбу», «Вечера на хуторе близ Диканьки»… Благодаря тете Анне я на всю жизнь стал прилежным читателем и особенно полюбил Гоголя, Щедрина, Пушкина и вообще русскую литературу.

Продолжали приходить к нам лишь немногие друзья и знакомые, которых я бы назвал «антики старого Тифлиса». О них пойдет речь.

Наиболее близким отцу человеком и его постоянным партнером по нардам был бородатый брюнет небольшого роста, обедневший телавский обыватель Гаспар Егорович Татузов. Он был известным в городе острословом и выдумщиком (как «Абуталиб» Расула Гамзатова, высказывания которого разносились по всем аулам).

Гаспар Егорович, например, составил реестр тифлисских дураков и определил им порядковые номера. Если в обществе появлялся кто-либо из числа «ордена дураков», Гаспар, незаметно для него, растопыренными пальцами, приложенными к щеке, показывал присутствующим гостям «номер» пришельца. Эта выдумка долгое время поила и кормила Гаспара Егоровича. Каждый потенциальный дурак старался заручиться его добрым расположением, чтобы, не дай бог, не попасть в позорный список.

Еще Гаспар Егорович делил дураков на зимних и летних. Если к вам домой приходил «зимний» дурак, то его можно было

определить только после того, как он снял в прихожей калоши, пальто и шляпу. «Летнему» дураку не было необходимости разоблачаться, сразу было видно, что пришел дурак.

Другим постоянным посетителем был чрезвычайно услужливый, малюсенький, сутулый человек, который настолько самоуничижался, что, казалось, прятался сам от себя, стремясь занять как можно меньше места своей особой. Я даже не могу вспомнить его лица, как будто оно было стерто и потеряно. Звали его Жоржик Бастамов. Был он когда-то полковником царской армии, надо полагать, воевал и имел ордена, но никогда на эту тему не говорил. Жил он недалеко от нас в малюсенькой темной комнате. Родственников он растерял и жил тем, что, посещая дома вроде нашего, выполнял мелкие поручения. За это его привечали и кормили. Однажды Жоржик пропал и, казалось, никто этого не заметил. Спустя некоторое время Жоржик появился, и сутулости у него поубавилось. Он рассказал, что был арестован. Выясняли, служил ли он в белой армии. В тюрьме ему очень понравилось: там был привычный для него армейский распорядок — подъем, завтрак, работа (он изготовлял щетки) и т. д. Но на воле Жоржик скоро опять впал в состояние анабиоза — стал сонным, скучал по тюрьме и даже ходил куда-то просить, чтобы его опять арестовали, но от него отмахивались как от докучливой муки. Через некоторое время его снова арестовали, и Жоржик надолго исчез. Когда его, безобидного и беспомощного, вновь отпустили, он ходил прихрамывая, плохо видел и боялся переходить улицу. При одной из таких попыток его сбил грузовик. «Исчезло и скрылось существо никому не нужное, никем не защищенное» (Н. В. Гоголь).

Но, пожалуй, самым любимым другом нашей семьи был Богдан Сергеевич Халатов, которого весь Тифлис называл Богой (фото 36). Он был нашим семейным врачом и даже дальним родственником. Лечил Бога, конечно, всех нас бесплатно. Это был удивительно добрый, обаятельный и общительный человек, с большими печальными глазами, небольшого роста, с небольшой бородкой эспаньолкой. Широкий круг пациентов и знакомых позволял ему всегда быть в курсе тифлисских сплетен, которые он с большой охотой разносил по городу. По этому поводу Гаспар Татузов говорил: «Если вы желаете, чтобы что-либо в кратчайший срок стало известно всем, то не следует публиковать в газете. Газету не каждый купит, да и купив, может не прочесть… Нужно сказать Боге. Тогда известие распространяется повсеместно, быстро и бесплатно».

О рассеянности Боги ходили всякие истории. То он, увлекшись красотой мамаши, встал и уронил маленького

пациента, которого держал на коленях, то съел целую тарелку вишневого варенья, приняв его за лобио… Однажды, поглядев на полку над кроватью моего отца, заполненную купленными по его рецептам лекарствами, он сказал: «Какой же ты молодец, Ванечка, что все это не выпил. Лекарство от яда отличается дозой. Эта доза могла бы убить лошадь».

Иной раз Бога приводил к нам своего друга князя Гоги Багратион-Мухранского. Это был видный человек, самый титулованный из наших посетителей.

У нас бывали еще два князя: Миша Аргутинский — маленький, толстый человек, был он беден, но сохранил кое-что из гардероба и носил цилиндр; другой — Петя Бебутов — был худощав, выше среднего роста, в отличие от Миши носил котелок, был глуховат, что не мешало ему писать рецензии на оперные спектакли, гонорарами от которых он кормился. Держался он несколько, на мой взгляд, гордо и был известен как педераст. Оба были из знаменитых фамилий. Миша был Аргутинский-Долгоруков, а отец Бебутова был генералом.

В отличие от них князь Багратион-Мухранский был прост в обхождении и значительно подвижнее. Ничего «княжеского» в нем не замечалось, ни котелка, ни тем более цилиндра — ходил он в демократической мягкой шляпе, хотя по какой-то из линий Гоги Багратион-Мухранский являлся потомком грузинских царей (потомки по прямой линии получили титул светлейших князей Грузинских). Гоги содержал свою семью комиссионерством, т. е. сводил продавцов, бывших буржуев, с покупателями, обычно нэпманами, за что получал комиссионный процент. И согласно пословице «волка ноги кормят», бегал по городу и имел огромный круг знакомых. Проживал он со своей красавицей женой, полячкой Элей, и двумя дочерьми Маней и Лидой (Леонидой) в собственном доме на нынешней улице Кецховели. Маня училась с моей сестрой в 43-й школе.

Однажды Бога рассказал очередную историю. Оказывается, семья Багратион-Мухранских, путешествуя за границей, познакомилась с Максимом Горьким. Племянник князя Ираклий учился в Париже. После революции именно по ходатайству Горького вслед за племянником вся семья князей Багратион-Мухранских сумела-таки уехать во Францию. Между старыми друзьями — Гоги и Богой — завязалась переписка, содержание которой тут же становилось известно «всему Тифлису». Только в нашем доме каждое письмо зачитывалось с комментариями не один раз. А парижские события были удивительными!

«Ираклий в православной церкви совершает молитвенный обряд на царском месте!»

«Приятель Ираклия, сын американского миллионера, загорелся желанием жениться на принцессе, и такая свадьба состоялась!»

«Бывший князь, лишенный привычного окружения и ежедневного общения с друзьями, страшно скучает без любезного его сердцу грузинского застолья. Особенно его коробит стоящий за стулом лакей!»

«Маня вернулась в Тифлис!»

Вскоре бедный Бога Халатов умер от заражения крови.

В 1934 году я покинул Тифлис, и дальнейшее развитие этой истории стало мне известно спустя десять лет, после войны, когда я вернулся из Казахстанской ссылки в Тбилиси (уже переименованный). Мой однокашник Мика Карганов был братом Вилли, первого мужа Мани — дочери князя Баргатион-Мухранского. Маня, как мы помним, из-за любви вернулась-таки в Тифлис из Парижа и большую часть своей жизни прожила в бедности. Разведясь с Вилли, Маня вторым браком вышла замуж за известного театрального художника Сулико Вирсаладзе. Когда Грузия обрела независимость, Мане как представительнице царского рода вернули дом на улице Кецховели, и в дальнейшем она пользовалась большим уважением.

Совсем по-другому сложилась судьба ее родной сестры Леониды. Она и ее дочь от первого брака получили большое наследство. Вторым браком Леонида вышла замуж за «симпатичного, но бедного молодого человека», наследника русского престола Владимира Кирилловича Романова.

Племянник Ираклий умер, назвав сына в честь своего дяди Георгием.

Теперь о семье Георгия Ираклиевича, «законного наследника грузинского престола». Его мать была родственницей нынешнего короля Испании Хуана Карлоса. У Георгия — четверо детей, и один из них, 17-летний Ираклий, собирался приехать из Испании учиться в Тбилисском университете.

Из газеты «Московские новости» (№ 44 от 4 ноября 1990 г.) под заголовком «Царевич приедет в Тбилиси»: «18-летний наследник Грузинского престола царевич Ираклий Багратиони, проживающий в Испании, возможно, прибудет в Грузию для учебы на историческом факультете Тбилисского университета.

С просьбой об этом к королю Испании Хуану Карлосу I обратилась группа представителей национально-освободительного движения Грузии, входящая в так называемый координационный центр. Соответствующие переговоры с королем Испании и представителями династии Багратиони ведет

представитель монархической партии Грузии Тимур Жоржолиани. Свое покровительство царевичу обещал католикос патриарх всея Грузии Илия II».

Я описал эту не очень известную мне в деталях историю, чтобы проследить стереотипность всех разделенных границей родов. Царь Николай с семьей был зверски расстрелян, претендента на престол Михаила Александровича убили вместе с секретарем как бешеных собак. Кирилл Владимирович оказался за границей, и его потомки живут и здравствуют и поныне.

А куда же делись все многочисленные потомки Ираклия и Георгия XII — светлейшие князья Грузинские? Три царевича, сыновья Георгия XII: Давид (1767–1819) — ученый, Иоанн (1768–1830) — автор грузинско-русского словаря и Теймураз (1782–1846) — член Петербургской академии наук, упомянуты в энциклопедии. Куда делись их потомки? Неужели все они сгинули? Почему побочная ветвь князей Багратионов-Мухранских стала претендовать на грузинский престол?

Какая общность судеб! Все, кто покинул страну, продолжили род, а все ростки генеалогических деревьев, оставшиеся на родине, оказались обрубленными, что у царей, что у князей, что у обычных людей.

То же произошло и с нашим родом…

Глава 4
ДОМ, БУДТО ЮНОСТИ МОЕЙ ДЕНЬ…

Мой дед Михаил Егорович, народив восемь детей, несомненно, рассчитывал, что кое-кто из его чад останется жить в родных пенатах, поэтому на земельном участке площадью 20 саженей по фасаду и 25 в глубину построил большой П-образный дом на четыре квартиры (фото 33). Ширина фасадной части была примерно 19 метров, далее вглубь был неширокий мощенный булыжником двор, подковой охватывающий сад. С тыльной стороны фасада, как и в большинстве домов в нашем районе, был широкий балкон, с которого через двор был перекинут красивый арочный мостик, завершающийся плавно, округло расширяющейся книзу, ведущей в сад лестницей. Вдоль перил лестницы и мостика, вплоть до крыши, поднимались мощные и гибкие ветви глицинии — весной ее цветение заполняло пряным ароматом весь дом, а лиловые гроздья дополняли очарование.

В центре сада был затейливой формы бассейн с фонтаном и золотыми рыбками. Вдоль ажурной металлической ограды сада возвышались кипарисы, в саду же росло множество плодовых деревьев: абрикосовые, персиковые, вишневые, белая и черная шпанская черешня, черносливовые и одно тутовое дерево, удивлявшее нас, детей, лазавших по деревьям, гибкостью своих ветвей. Было множество цветов — розовые, сиреневые и жасминные кусты. Вдоль одной из оград рос крыжовник.

С левой стороны сада, в углу у брандмауэра дома с параллельной улицы расположились два больших вольера, в которых разводил кур усатый, заросший густой щетиной швейцар Петрос. Жил он в каморке под парадной лестницей. Этот бедный скиталец, бежавший от геноцида из Турецкой Армении, объехал полмира. Из всех впечатлений больше всего ему запомнилась японская вежливость. По его словам, если японец случайно в людской сутолоке толкает японца, то вместо принятого во всем мире краткого извинения они останавливаются друг против друга, виноватый кланяется в пояс и произносит: «комэн-гудас-ай-мяса!» Другой японец тоже низко кланяется, после чего, довольные друг другом, они расходятся. «Даже „мяса“ прибавляют», — каждый раз с неподдельным изумлением повторял наивный Петрос.

Единственной ценной вещью, которой владел Петрос и очень ею гордился, были, как он их называл, «английский ручной часы».

Когда-то Петрос был папиным лакеем, и для того чтобы он своевременно выполнял свои обязанности, отец подарил ему эти карманные часы.

Мы, мальчишки, всегда шумно перескакивая через три ступеньки, сбегали по лестнице, чем сердили Петроса, но он был отходчив и, когда я иной раз заходил в его темный чулан, он неизменно в знак примирения показывал «ручной часы», замечая, что за пятнадцать лет он их ни разу не чинил, и они все равно ходят точно.

Когда же мы с братом, одни, без мамы, остались в Тифлисе, учились в ФЗО и голодали, добрый Петрос иной раз приносил нам в подарок пару яиц.

В правом углу под фасадом был глубочайший подвал, предназначенный для хранения льда. В жарком Тифлисе летом лед крайне необходим. Отец сдавал этот подвал и, каждую зиму его превращали в ледник — целый месяц привозился на арбах лед.

Рядом с ледником было еще одно глубокое помещение — винный погреб, откуда, еще на моей памяти, извлекались и допивались по торжественным дням последние бутылки французских вин.

На втором этаже фасада слева жила певица Бокова и коммерсант Левин, а справа — сотрудник персидского консульства.

В нешироких флигелях бельэтажа размещались служебные помещения: кухня, прачечная, кладовка и комнаты, в которых осталась жить наша бывшая обслуга — добрый, толстый повар Георгий Схиртладзе со своей еще более доброй, круглой Осаной и мальчиками Шурой и Ираклием. Эта милая супружеская пара хлопотала на кухне. Приклеенное на стене у ворот, написанное от руки объявление об отпуске обедов на дом «на чистом сливочном масле. С почтением Схиртладзе» привлекало немалую клиентуру. Тем более, что готовили они отменно. Я и сейчас помню вкус и аромат «пурнис мцвади», запеченного в духовке «жиго» молодого барашка с картофелем, помидорами, начиненными курдючным салом, баклажанами, сочных пельменей — хинкали, чахохбили из курицы, супов чихиртмы и бозбаши и других блюд.

Когда отец был уже болен и по вечерам сидел недалеко от высокой чугунной печки в глубоком кресле, бесшумно появлялся повар Георгий, неизменно, отказываясь от стула, он стоял, скрестив на животе руки и обсуждая с отцом меню на следующий день. Отец не брал с него арендной платы за пользование кухней и квартплату, и до кончины отца он продолжал готовить нам обеды.

Рядом с поваром жил дворник Нерсес Фараджян со своей женой прачкой Айрастан и целым выводком детей.

Правое крыло заканчивалось кухней и лестницей во двор, к нему примыкала небольшая пристройка, в нижнем этаже которой был сарай для экипажей, во втором — комнаты для конюхов и кучеров. Одноэтажное здание конюшни, расположенное параллельно фасаду, примыкало к саду.

В те годы, о которых я пишу, лошадей и экипажей у нас уже не было.

В первое время после так называемой советизации Грузии в нашей конюшне стояли чекистские лошади. На втором этаже жил конюх, бывший владетельный кахетинский князь Илико Вачнадзе со своей «княгиней» и двумя детьми Вано и Софико.

Дети нашего дома целый день проводили в саду, где одна игра сменялась другой. Сколько было разных игр — ловитки, прятки, салочки-классы, казаки-разбойники, «кочи» — игра в ашички, круглый осел, длинный осел, чехарда, чилика-джохи, два удара, кучур с места, чалик-малик и, конечно же, футбол. В саду был и турник, на котором постоянно осваивались различные элементы, именуемые, по принятой тогда чешской сокольской терминологии, «склепка», «скобка», «солнце» и бог еще знает как. Когда привозилось сено для лошадей (а сваливалось оно во дворе под чердачной мансардой), появлялась новая забава — прыжки на сено.

Детворой «командовал» сын повара — храбрый, сильный, справедливый Ираклий, который однажды решил построить рядом с конюшней голубятню. Мы с увлечением стали помогать ему, и за два дня возник небольшой, вроде собачьей конуры кирпичный домик. Вскоре в нем появилось четыре голубя, и с тех пор начался общий мальчишеский ажиотаж голубиной охоты — в небе носились стаи красивых птиц. Естественно, каждый хотел иметь личных питомцев. На выпрошенные у родителей деньги на птичьем базаре за Ванским собором покупались голуби — разные по окрасу, по полету, по экстерьеру. Постигались премудрости голубиной «охоты». Голубей надо было кормить, заставлять летать, растить птенцов. Самым захватывающим делом стало приманивание чужих голубей. Это случалось, когда в небе появлялся отбившийся от стаи одинокий голубь — «ахвар». Тут же выпускалась вся голубиная стая, мы начинали свистеть, махать длинными палками с привязанными к ним кусками материи, сгонять севших на крышу голубей камнями. Все это делалось, чтобы новичок примкнул к нашим. После того как голубиная стая садилась на крышу, голубей следовало сманить в сад, для чего с ласковым призывным посвистом разбрасывался корм. Наконец

стая вместе с ахваром планировала на землю. Зерна насыпались все ближе к открытой двери голубятни, чтобы заманить в нее чужака. Однако незнакомое помещение пугало ахвара. В этом случае Вано (сын конюха Илико Вачнадзе) прыгал и словно вратарь ловил голубя.

Иной раз за пойманным голубем приходил его хозяин, и начинались переговоры о выкупе. Нередко приманивали наших голубей, тогда в роли выкупающих были мы.

Все мальчишки нашего сада долго развлекались голубиной охотой. А потом эта мода незаметно прошла — сейчас в городе кое-где живут лишь дикие голуби.

Когда в Тифлисе выпадал снег, каждый мальчишка срочно мастерил санки. Полозья их обивались жестью от консервных банок. Катались мы либо на последнем крутом отрезке Лермонтовской улицы, либо у источника вблизи туннеля.

Когда советские начальники перестали пользоваться конными экипажами (последним на фаэтоне ездил известный большевик Саша Гегечкори), лошади из конюшен были куда-то сведены, и все эти конюшни, сараи и каретники заселились вечными скитальцами — беженцами-армянами. Для того чтобы кое-как улучшить свою жизнь, они начали «тихой сапой» наступать с восточной и северной стороны на сад. Делалось это так: сначала к сараю или конюшне пристраивалась небольшая галерея, которая остеклялась, перед ней строилась новая галерея, затем она остеклялась… А когда весь двор был таким образом перекрыт, садовую ограду передвинули вглубь.

Сейчас наш двор вместо сада опоясывает асфальтированный пустырь размером 14 на 14 метров, с питьевой колонкой в центре. Детвору из детского сада сюда не водят, так как ей здесь делать нечего. Лишь три мощных кипариса напоминают о цветущем саде моего детства.

Некогда необходимые служебные помещения — кухня, ванные, прачечная, кладовые — все были превращены в жилые комнаты, конечно же, безо всяких удобств. На месте птичьего вольера стоит двухэтажный домишко, построенный бывшим подручным Берии Шурой Манташевым, мерзавцем, в свое время расстрелянным.

Жалким, обшарпанным, разрушающимся клоповником стал наш бывший дом. Из него отлетела душа…

Прожив полторы сотни лет, дом, как старый человек, истративший все силы, умирает и, видимо, уже скоро умрет. Как у Цветаевой:

…из-под нахмуренных бровей

Дом, будто юности моей
День, будто молодость моя,
Меня встречает — здравствуй я…

Только французские инициалы моего отца «И» и «А» на чугунных воротах напоминают, что когда-то здесь жила наша процветавшая семья (фото 35).

Глава 5
ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

…Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам.

А. Пушкин

Небольшой, веселый, гостеприимный, поистине интернациональный город моего детства, очень любимый и родной. Таким три четверти века тому назад был для меня Тифлис… (фото 37–48).

В 1793 году скопец Ага Магометхан последним из многочисленных завоевателей напал и разорил город. Лет 30 спустя, по описанию А. С. Грибоедова, собственно город Кала (крепость) представлялся окруженным полуразрушенной стеной, прилегавшим к крепости амфитеатром с узкими улочками, домами с плоскими крышами, на которых обыватели проводили в подходящую погоду вечерний досуг.

К востоку от Кала, на левом берегу Куры, стоял, как и сейчас стоит, Метехский замок, а за ним небольшое предместье Авлабар.

В северной части Тифлиса находился обнесенный высокой крепостной стеной Ванский собор, а западная — по обе стороны ущелья речки Сололак уже динамично застраивалась правительственными зданиями и европейского типа домами состоятельных лиц, преимущественно армянами.

В мое время, т. е. примерно через сто лет, Кала превратился в один из районов города Тифлиса и занимал, наверное, лишь одну десятую его территории, но именно здесь сохранился древний многонациональный удивительный колорит, который излучают фотографии старого Тифлиса. Почти каждый житель старого города умел объясняться на четырех совершенно не похожих языках — русском, грузинском, армянском и персидском. Только здесь мог родиться Саят-Нова, сочинявший и распевавший песни «баяти» на трех восточных языках. Однако каждая этническая группа в Кала проживала относительно компактно. Тюрки (по-нынешнему — азербайджанцы) жили в Сеидабаде (ныне Абанотубани — район бань). Здесь были мечети с минаретами (одна из мечетей, разукрашенная голубыми изразцами, подлинный шедевр восточного архитектурного искусства, стоит и по сей день), персидское кладбище, от которого осталось только

захоронение Мирзы Фатали Ахундова, писателя, у которого Лермонтов обучался персидскому. Больше всего мне нравились чайханы, куда мы заходили иной раз после бани полакомиться люля-кебабом и расточавшим аромат жареного бараньего жира, засыпанного мелко нарезанным репчатым луком и порошком сухого барбариса, — «тутубом». Люля-кебаб надо было есть, заворачивая в тонкий лаваш, и запивать крепким чаем вприкуску. В каждой чайхане обычно играл квартет «сазандари».

Осип Мандельштам в 1920 году посетил эти места и написал замечательное стихотворение, которое как нельзя лучше выражает дух того времени:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарий стон звенит.
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курою есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.

Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, —
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить.

В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь,
Если спросишь Телиани.
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в духане поплывешь.

Человек бывает старым.
А барашек молодым.
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым…

Повсюду в старом городе играли сазандари — профессиональные и любительские квартеты народных

инструментов (фото 47,47 а). Главное действующее лицо подобного квартета-певец. Песни-баяти были то жалобами на судьбу с душераздирающими и неожиданными воплями, а порой серенадами, и в томлениях неразделенной любви были явно слышны звуки рыданий — под каждую песню подводились нехитрые философские сентенции. Но главное, баяти всегда были очень задушевны, интимны, тягучи и построены на переливающихся переходных тонах — глиссандо. Певец подыгрывал себе на дайре, инструменте типа шаманского бубна, который держал перед собой двумя руками. Пение сопровождалось своеобразным щелканьем — пальцами в песенных паузах выбивался замысловатый ритм.

Первый музыкант играл на кяманче, смычковом инструменте, резонансный остов которого представлял небольшую обтянутую кожей полусферу. Кяманча устанавливалась перед музыкантом на полу в вертикальном положении. Второй играл на тари, восточной мандолине с такой же кожаной декой. Удерживался инструмент высоко на груди, словно ребенок, которого укачивают. Наконец, третий музыкант играл на дудуки, прообразе кларнета.

Судя по количеству армянский церквей, построенных в Авлабаре, в районе Шайтан-базара, на Армянском базаре, на склонах Сололакской горы в районе Петхаина, в Харпухи, большую часть населения Тифлиса восемнадцатого и девятнадцатого столетий составляли армяне. Французские путешественники Шарден в 1671 году, Турне-фор — 30 лет спустя, и затем Делапорт в 1768 году, а также проводившиеся несколько раз в столетие переписи населения Тифлиса прямо указывают на преобладание армян в численности населения города. Несклонность грузин к городской жизни была предопределена феодально-помещичьим строем, прикрепившим крестьян, с исконными привычками к крестьянскому труду, к земле. Тифлис был одним из немногих укрепленных городских поселений в долине реки Куры. Армяне занимались в городе торговлей и ремеслами, а самые преуспевшие из них образовали особое податное сословие, признаваемое за таковое российским царским правительством. Преуспевшие тифлисские армяне назывались «мокалаки», облагались соответствующими налогами и пользовались льготами при учреждении предприятий и производств.

Армяне построили в Тифлисе первые фабрики и заводы и стали нанимать рабочих-грузин. Именно с развитием индустрии и промышленности в Тифлисе население города стало возрастать за счет переселения грузинских крестьян из окрестных, а потом и из

отдаленных деревень. Только после революции грузинское население Тифлиса по численности почти сравнялось с армянским.

Вот цифры старинных переписей.

В 1701 г. из 20 000 жителей Тифлиса армян 14 000 или 75 %, грузин — 2000 или 10 %, татар — 3000 или 15 %.

В 1897 г. из 160 645 жителей грузин было 26,3 %, армян — 38,1 %, русских — 24,8 %, поляков — 3,4 %, персов — 3,2 %, татар — 1,7 %, европейцев — 1,7 %, евреев — 1,1 % и остальных — 0,2 %.

По данным переписи 30 ноября 1922 года население Тифлиса составляло уже 238 958 человек, из них 111 996 мужчин и 121 982 женщины. По национальному составу население города составляло: грузин — 34,6 % (80 684 чел.), армян — 36,5 % (85 309), русских — 16,5 % (38 612), евреев — 3,7 % (8768), персов — 1,7 % (3984), азербайджанцев — 1,4 % (3255), немцев — 1,0 % (2457), поляков — 1,0 % (2272), осетин — 0,6 % (1446) и прочие национальности — 3 % (6971).

Таким образом, население Тифлиса быстро увеличивалось: в 1701 году составляло 20 000 чел., 1830 — 25 000, 1850 — 34 800, 1865 — 70 000, 1897 — 160 645 и 1922 — 238 958.

В описываемое время население города составляло примерно четверть миллиона человек. Грузины в Тифлисе составляли служилый, рабочий и военный классы; армяне, как прежде, были ремесленниками, торговцами, рабочими, много было беженцев из Турции, русские принадлежали главным образом к чиновному и военному миру, немало в Тифлисе было сектантов — молокан, занимающихся извозом; азербайджанцы и персы занимались торговлей.

Национальная принадлежность в значительной степени предопределяла и род занятий жителей города.

Статистические выкладки и выводы, которые можно сделать на их основании, хорошо дополняются описаниями старого Тифлиса, сделанными известными путешественниками.

Французский художник Шарден, посетивший Тифлис в 1671 году, пишет:

> «Тифлис один из лучших городов Персии, хотя и не очень обширный… Город окружен прекрасными и крепкими стенами. На южной стороне его расположена крепость… Крепость эта находится по дороге в Персию, и въехать в Тифлис только и можно через нее… Церквей в городе 14. Из них 6 принадлежат грузинам, остальные армянам. В Тифлисе есть прекрасные здания. Базары

обширны и содержатся чисто. Велик караван-сарай. В городе мало частных бань, так как все ходят в общественные бани, находящиеся возле крепости и снабжаемые водой из серных горячих источников. Магазины хорошо построены и содержатся чисто. Дворец царя Ростома, бесспорно, есть лучшее украшение города. Огромные залы дворца, обращенные к реке, вдоль берега которой разбит большой дворцовый сад. При дворце есть птичник с большим числом птиц различных пород, также псарня, в которой помещаются охотничьи собаки, и превосходный соколиный двор. Против двора — большая квадратная площадь, на которой могут поместиться 1000 всадников. Она окружена лавками и примыкает к длинному базару, расположенному против дворцовых ворот. Вид с высоты базара на дворец и город превосходен. Не менее замечателен постройкой и дворец вице-короля Кахетинского, находящийся на краю города. В окрестностях Тифлиса есть также много прекрасных домов и садов. Лучший из садов принадлежит царю. Тифлис город довольно обширный и хорошо населенный. Там столько иностранцев, сколько мне нигде до этого встречалось не приходилось. Это большой торговый центр — на древних персидских картах Тифлис назывался Дар Элмелек, что значит — царский город».

Французский путешественник Турнефор, посетивший Тифлис в 1701 г., пишет не столь восторженно:

«Тифлис — город довольно обширный и хорошо населенный; дома в нем низки и дурно освещены, построены преимущественно из кирпича, камня и глины. Стены, окружающие Тифлис, не выше стен, ограждающих наши сады; улицы дурно вымощены. Цитадель находится на возвышенности, командующей городом, но почти совершенно разрушена и защищается только несколькими древними башнями. Гарнизон крепости слаб и состоит из мусульман, весьма плохо владеющих оружием. Площадь перед цитаделью, на которой происходят военные ученья, обширна и является в то же время местным рынком. Цитадель находится на дороге из Исфагана. Другого въезда в Тифлис, помимо цитадели, нет, так что грузинские цари, которые обязаны еще до въезда в город с подарками встречать на дороге посланцев персидских царей, по возвращении в Тифлис вынуждены проходить через цитадель, возвышающуюся

над городом. И там, в этой цитадели, могут быть тут же арестованы персидским комендантом, если эти посланцы доставили таковое предписание от персидского царя».

Описывая Тифлис, Турнефор во многом дополняет Шардена.

«Царский дворец, — продолжает Турнефор, — расположен ниже цитадели, и вокруг него сады, площадь и базар. Недалеко от дворца бани с горячими минеральными ключами. Бани содержатся чисто и составляют единственное развлечение для горожан. Главная торговля в Тифлисе — мехами, которые отсюда отправляются в Персию или в Константинополь через Эрзерум (Арзрум). Шелк не идет через Тифлис, чтобы избежать пошлин, которые пришлось бы платить за него здесь, но тифлисские армяне покупают его на местах производства и прямо отправляют в Смирну и другие порты на Средиземном море для продажи французам. Из окрестностей Тифлиса и из других мест Грузии ежегодно отправляют до 2000 верблюдов с корнем марены. Из Эрзерума марену отправляют в Диарбекир, где ее употребляют на окраску тканей, фабрикуемых для Польши. Караваны с мареной через Грузию идут в Индостан.

Мы не преминули посетить и Тифлисский базар, на котором продаются различные фрукты, в том числе сливы и превосходные груши. Посетили мы и летний царский дом с превосходным садом, находящийся в предместье, через которое пролегает дорога в Турцию; вообще сады в Тифлисе содержатся гораздо лучше, чем в Турции.

Жителей в Тифлисе приблизительно считается 20 000, из них 14 000 армян, 3000 мусульман, 2000 грузин и 500 католиков (Турнефор следует переписи) — это в основном грузины, которые под влияние итальянских капуцинов приняли католичество.

Жили мы в Тифлисе как раз у итальянских капуцинов, которых любят местные жители, поскольку они бесплатно их врачуют. Из трех тифлисских капуцинов — два патера.

Грузинская церковь находится под управлением митрополита и признает над собою власть патриарха Александрийского. Персидские цари утверждают грузинских митрополитов без всяких стеснений и подарков.

Не то с армянскою духовною властью, пребывающей в Эривани. Утверждение этой власти обходится всякий раз в значительную сумму, независимо от ежегодного налога воском, который должен быть отправляем в Персию.

Церквей греческих (православных) в Тифлисе пять, четыре в городе и одна в предместье; армянских церквей 7, и мечетей 2, обе в цитадели; третья мечеть, вне цитадели, оставлена. Главная церковь грузин называется Сион. Она расположена на крутой скале на берегу Куры и представляет собою красивое и прочное строение, все из тесаного камня. Оканчивается она прекрасным куполом. Тбилели, или епископ, живет рядом. Все церкви христиан имеют колокола и даже колокольни, увенчанные крестом. Колокола служат для призыва к молитве. Напротив, мусульманские муэдзины не смеют публично призывать на молитву в мечеть, иначе они были бы побиты народом. Католическая церковь капуцинов очень мала».

Вот еще одно, не лишенное интереса описание путешественника-иностранца, аббата Иосифа Делапорта, побывшего в Тифлисе во время царствования Ираклия II, в 1768 году:

«Тифлис не пространный, но красивый город. В нем есть очень хорошие здания, публичные и обывательские, даже, смею сказать, палаты. Наилучшие принадлежат царю. Они составлены из многих зал, с окнами, выходящими на реку и на обширные сады. Рынки построены из камня и содержатся в чистоте. Бани все каменные, со сводами. Свет в них проникает сверху. Ванны сделаны из тесаного камня. В домах грузин довольно чисто. Церквей здесь: греческого исповедания — 13, армянского — 7, католического — 1.

Грузия — страна, где живут наиприятнейшим образом и с малым иждивением. Земля здесь изобилует хлебом, овощами и плодами. Хлеб и мясо вкусны, а особенно дичина. Каспийское море и река Кура, протекающая через всю землю, приносят в избытке, морскую и речную рыбу. Свинина здешняя очень вкусна. Вепрей много, мясо их вкуснее и самой свинины. Вино хорошее, и нет народа, который пил бы больше грузина.

Ничего нет прелестнее здешних женщин. Я не мог смотреть на них без удивления. Эту землю можно

назвать обиталищем красоты. Здесь так же редко можно встретить некрасивую женщину, как в других краях совершенную красавицу. Здесь красавицы попадаются почти на каждом шагу, и я не преувеличиваю. Трудно себе представить черты порядочнее, стан ровнее, больше приятностей в осанке, с какой ходят тифлисские женщины. Говорят, что удивительная красота и достоинство здешних женщин воспрепятствовали Магомету насадить здесь свою веру. Однако, не много ли чести воздержанию этого мнимого и менее всех воздержанного пророка? Здешние прекрасные женщины считают себя созданными только для того, чтобы влюбляться и заражать любовью других. Нельзя смотреть на них, не почувствовав страсти, надо только привыкнуть к их убору.

В Грузии царствует свобода в рассуждении веры. Есть армяне, греки, евреи, турки, персиане, индусы, татары, русские и другие европейцы, но армян больше всех. На ногах местных жителей пестрые носки и маленькие туфли, прикрывающие только одни пальцы. Бережно подобрав полы своего плаща, они приостанавливаются и отходят в сторону, чтобы дать дорогу водовозу „тулухчи“, в вяленой конической шапке, плетущемуся вслед за лошадью, через которую перекинуты мехи, наполненные водою.

Вот и носильщик тяжестей — „муша“, у него за спиной подушка, набитая шерстью.

Если на голове местного жителя колпак наподобие опрокинутой чашки, то это „кро“, пришелец из Армении; если четырехугольный кусок сукна — придерживаемый на макушке шнурком, завязанным под бородою, то — имеретин, обладающий необыкновенною силою мускулов: ему нипочем взгромоздить на себя огромную ношу, напр. бурдюк с вином, целый комод, набитый всякой всячиной, или каретный кузов, и пуститься с этой ношей в гору и на далекое расстояние. Порою круглая шляпа европейца промелькнет на извозчике, который кричит во все горло: пхабардаи (посторонись).

Вот потянулась вереница двухколесных туземных экипажей, называемых „арбами“; неуклюжие колеса грузинской арбы вертятся вместе с осью; она бывает запряжена парою, четвернею, иногда шестернею буйволов и быков; на ярме сидит оборванный мальчик и хлыщет по скотине длинным ременным бичом; на арбе

> либо огромный бурдюк, либо целое семейство с женщинами и детьми, под прикрытием полосатого яркоцветного ковра, возвращающееся с богомолья.
>
> Невдалеке помещается множество туземных ресторанов; почти во всякое время дня и даже ночи в открытом очаге каждого такого заведения пылает огонь, на котором готовятся разные кушанья в котлах. На сковородках жарятся картофель и котлеты; на железных прутьях нанизаны куски мяса, это — шашлык».

Описанные выше путешественниками и исследователями характерные признаки средневекового быта во времена моего раннего детства оставались только на окраинах старого Тифлиса, возле полуразрушенных остатков крепостных стен. Вдоль нынешней улицы Пушкина, на Майдане, возле Караван-сарая, ютились ремесленники, ночевали погонщики и последние караваны верблюдов.

В Сололаках же армянскими предпринимателями были возведены кварталы современных домов, и я вырос в этой вполне европейской части древнего города.

Именно в многонациональном Тифлисе, а не в Эривани создалась особая творческая атмосфера, в которой выросли лучшие представители армянской культуры и науки: писатель Ованес Туманян, драматург Габриэл Сундукян, прозаик-романист Раффи (Акоп Акопян), художник-классик Георгий Башинджагиан, братья академики, физики-атомщики Абрам Алиханов и Артемий Алиханян, академик-астроном Виктор Амбарцумян (почетный гражданин Тбилиси, доктор технических наук), композитор Арам Хачатурян, режиссер Амо Бекназаров, чемпион мира по шахматам Тигран Петросян, режиссер Сергей Параджанов и многие другие. Тифлисским армянам сейчас посвящаются многие исследования — недавно в Москве вышли две книги Сергея Мумулова о тифлисских армянах.

Грузинское население более или менее компактно проживало у Сионского собора, бывшего дворца царя Ираклия, у базилики Анчисхати. Поселение грузинских евреев было расположено от Серебряной улицы до синагоги. Множество кустарей всех национальностей из прежних цеховых объединений — «амкарств» — содержали свои маленькие лавчонки-мастерские, где можно было наблюдать за их работой, тут же можно было купить или заказать азиатские сапоги или чусты (тапочки), азиатскую одежду (чоху, архалуки, шаровары и пр.), каракулевую папаху, детскую люльку с чибухи (трубочкой, отводящей мочу младенца), медную посуду, ювелирные изделия и массу чего иного. Можно было

полакомиться только что выпеченным в тонэ, аппетитно пахнущим грузинским хлебом или тонким армянским лавашем.

Здесь проживал работящий, доброжелательный, веселый люд, всегда готовый к шутке и розыгрышу. При этом складывались анекдоты, да и рождались они самой жизнью.

Каждый такой анекдот носил определенный национальный оттенок, без которого он вовсе не был бы смешным. В таких анекдотах не было ничего обидного — потому что в основе жизни города, порождающей подобные истории, было само дружелюбие.

Уже в наше время в районе старого города можно было услышать такие истории:

Житель Ленинграда заходит в хинкальную и спрашивает хозяина:

— Послушай, друг, а что такое хинкали?

— Ты что, в самом деле не знаешь, что такое хинкали? Иди сюда ближе. Кушай! Нравится? А ты откуда приехал такой темный?

— Я из Ленинграда.

— Слушай, это не тот город, что раньше Петроград назывался?

— Ну да, конечно.

— Я слышал, что у вас там в 17-м году заварушка была. Чем она закончилась?

Или такой:

Приезжий, наслышанный о тифлисской еде хаши, спрашивает холодного сапожника[5], у которого в кастрюльке мокнут толстые куски кожи для подметок:

— Слушай, друг, это у тебя хаши?

— Хаши!

— Налей-ка мне порцию.

После долгого, мучительного жевания клиент, расплачиваясь, говорит:

— Ты не думай, что я не понимаю в хаши. Твое хаши немного недоваренное.

Старый город очаровал меня еще в раннем детстве, когда мы ехали всей семьей мимо Шайтан-базара на семейные праздники к моей крестной, тете Елене Адельхановой, которая все еще жила в своем небольшом имении в Ортачалах. На таких празднествах я успел, наверное, побывать раза два или три. Для подобного путешествия нанимался фаэтон. Через Эриванскую площадь по армянскому базару, мимо грузинской, армянской церквей, синагоги и мечети мы попадали на татарский майдан, где

располагалось шумное и веселое торжище — Шайтан-базар. Среди многолюдья — покупателей, продавцов и праздно шатающейся публики — нам, детям, бросались в глаза высоко вознесенные, пренебрежительно глядящие в мир головы верблюдов, впряженные в арбы, груженные фруктами и овощами, жующие свою бесконечную жвачку буйволы и волы, лошади с перекинутыми через спину хурджинами и ослики с двумя огромными плетеными корзинами по бокам.

На этом базаре, помимо овощей и фруктов, продавали баранов, домашнюю птицу, мясные и молочные продукты; охотники, обвешанные своими трофеями, торговали зайцами, фазанами и перепелками; рыбаки предлагали свежую, выловленную в Куре рыбу; персы — восточные сладости, дыни, рис, изюм, урюк. Над площадью стоял веселый ор, каждый продавец громко и азартно, а порой и остроумно нахваливал свой товар.

Пройдясь с нами, детьми, по базару, мой отец в качестве традиционного подарка покупал своей сестре большую, вплетенную в ремни из какого-то эластичного высохшего растения дыню, после чего наше путешествие продолжалось. Дорога шла по берегу Куры мимо знаменитых бань, района Харпухи, развалин бывшей восточной стены города, где, защищая город от Ага Мохамед-хана, полегли 300 аргвинцев, на противоположном скалистом берегу, поражая наше воображение, висели над Курой, как ласточкины гнезда, жилые дома Авлабара…

Город кончался, но вскоре у самого берега проявлялись два довольно обширных по площади одноэтажных строения. Это были бывшие Адельхановские заводы — кожевенный и войлочный, а за ними обувная фабрика. Эти предприятия когда-то снабжали весь Кавказ бурками, сапогами, разной обувью, седлами. Фирменные магазины Адельханова торговали в Петербурге и Москве. Предприятия эти были разрушены после революции.

Еще через полкилометра мы въезжали в ворота имения тети Елены. Жила она в двухэтажном особняке посередине огромного сада на берегу Куры. В памяти остались такие пустяки, как очень ароматный кофе со сливками, свидание с большой, очень породистой дойной коровой, птичник, где помимо привычных кур и петухов клевали корм круглотелые пестро-серенькие красноголовые цесарки. Получить цесарочье яйцо на Пасху было нашим всегдашним горячим желанием, так как его толстая скорлупа позволяла побеждать в веселом соревновании — бое крашеными яйцами. Имение тети Лены представлялось мне настоящим раем…

Лет 35 тому назад, когда в Тбилиси из Сан-Франциско приезжала моя сестра Лизочка, мы минут за 15 добрались на машине до того «рая». Перед нами предстал обшарпанный жалкий домишко. Известие о том, что приехали «наследники», произвело большое впечатление. Множество женщин и детей высыпали на улицу и стали предъявлять к нам претензии по поводу отсутствия воды и удобств. Сортирный домик стоял в бывшем саду, превращенном в грязный пустырь, — все пошло прахом.

Есть такой одесский анекдот: «Вы знаете, при царе Николае зайдешь в магазин… Слева стоит бочка с красной икрой, справа — с черной икрой… Скажите, пожалуйста, кому мешали эти бочки?»

Этот вопрос повис, по-видимому, навечно над нашей страной — хочется все время спросить: — Кому мешали эти реки, озера, леса, деревья? Зачем разрушили дворцы и церкви? И главное — зачем убили или выслали столько умных, благородных и совестливых людей?.. Кому они мешали? Кому мешал старый Храм Христа Спасителя в Москве или красавица мечеть на тбилисском майдане? Нет ответа!

Однако вернемся к старому городу, из которого вверх по Сололакам — по району богатых негоциантов, предпринимателей и представителей нарождающегося капитализма, расходились торговцы фруктами и овощами — «кинто», покупатели старых вещей, мойщики ковров.

Ремесленники, носившие вне рабочее время черные чохи (откуда и происходит их тюркское название «кара чохели»), считались людьми серьезными и рассудительными, а торговцы-разносчики, известные под именем «кинто», были бесшабашными шутниками и балагурами.

Появлению кинто, предшествовал его зычный крик, разносящийся вдоль улицы и сообщающий о том, чем он торгует. Звучал он примерно так: «Помидори, бадриджани, сухой луки, немецкий слива!!!» Одеты кинто были весьма традиционно в черный архалук (кафтан со множеством мелких пуговиц), подпоясанный тяжелым, сплошь из серебряных чеканных накладок с чернением поясным ремнем. Шаровары были с напуском на мягкие полусапожки, из-под архалука на груди проглядывала яркая, обычно красного цвета сорочка со стоячим воротником. Кинто во множестве изображены на картинах Пиросмани.

Товар свой кинто носил на огромном деревянном блюде — табахи, водруженном на голову. Непременным атрибутом торговца были коромысловые весы с висящими на цепочках

большими медными тарелками, а также весовые гири в 1, 2 и 5 фунтов.

Анекдоты, загадки так и сыпались из уст кинто — они были живыми носителями обширного городского фольклора. Шутками кинто не уставали обмениваться обыватели.

Приведу некоторые на них.

Кинто Сико встречает прогуливающегося князя и вежливо осведомляется:

— Князь-джан, скажи, пожалуйста, который час?

Князь перекладывает прогулочную палку из правой руки в левую, достает из жилетного кармана золотые часы на цепочке, открывает крышку, внимательно смотрит и отвечает:

— Половина двенадцатого.

— Князь-джан, — говорит кинто, — через полчаса поцелуй меня в задницу!

Возмущенный князь устремляется с поднятой палкой за убегающим обидчиком, и на пути встречает другого кинто Сако, который спрашивает у него:

— Князь-джан, куда бежишь?

— Этот сукин сын Сико сказал мне, чтобы я через полчаса поцеловал его в задницу!

— А зачем так спешишь? — говорит Сако, — у тебя впереди есть еще много времени…

А вот другой анекдот.

Ах, ах! Кекела, скорей открой зонтик, дождь вроде накрапывает.

С плоской крыши раздается голос кинто:

— Мадам-джан, не беспокойся… Облако в руках держу!

В вот монолог кинто, пытающегося разговаривать по телефону:

— Барышня! Соедините меня, пожалуйста, номер сто-стру-стру-стру, пожалуйста! Что, ви не понимаете? Это угловой дом, улица Мачабели и Ебутовски… Что ви сказали… По углам не даете? Хорошо, не волнуйся, пожалуйста. Я тебе подробно скажу… Это такой архитектурный, красивый подъезд… Что ты говоришь? По подъездам ви не даете? А как даете? По номерам? Каким номерам? В бане Орбелиани? Ааа… по телефонным номерам? Вах! Я же сразу сказал по телефонным номерам. Соедините меня номер сто-стру-стру-стру, пожалуйста!

А вот загадки кинто и типичные истории:

— Что такое спереди 9, сзади 9, а посередине заяц?

Ответ:

— Это я еду на трамвае в Авлабар.

— А при чем тут заяц? — спрашивает озадаченный слушатель.

— Вах! Я же билет не взял!

Или другая загадка:

— Что такое — зеленое, на балконе висит и поет?

Ответ:

— Шемая[6].

— А почему зеленая?

— Моя шемая. Я покрасил.

— А почему поет?

— Это я сказал, чтобы ты сразу не догадался.

Кинто сидит, убивается и восклицает:

— Вах, вах! Я все потерял!

— Что ты потерял, Сико?

— Шемаю потерял.

— Ну и что же ты плачешь. Купи себе другую.

— Я не потому плачу, что шемаю жалко. А как представлю, что какой-нибудь пьяница найдет, примет шемаю за селедку и сожрет, обидно делается!

Кинто сидит над Курой с удочкой, но улова все нет. Тогда, обращаясь к небесам, он просит:

— Святой Георгий, если по твоему соизволению я поймаю крупного сома, я вот такую свечку для тебя в церкви поставлю, — при этом разводит руками на пол-аршина. Тут же поплавок начинает прыгать. Кинто выуживает большого сома. Когда рыба у него уже в руках, кинто вновь обращает взор на небо, приговаривая:

— Обманул, обманул!

В этот момент, рыба дергается, выскальзывает у него из рук. Кинто обиженно смотрит на небо и произносит:

— Что ты, Георгий, шутки не понимаешь, что ли?

Кинто спорят друг с другом.

Сико: Ты знаешь, что мой покойный отец был самым высоким человеком в Тифлисе. Даже при входе во дворец князя Орбелиани ему приходилось наклоняться…

Сако: — О чем ты говоришь!? Все знали, что мой покойный отец был выше твоего. Даже в палатах князя Орбелиани он стоял все время с опущенной головой, чтобы не удариться о потолок.

Сико: — При чем тут потолок? Мой отец в облачный день упирался головой в облака.

Сако: — А ты его не спрашивал, облако мягкое или твердое?

Сико: — Вах! Конечно, мягкое!

Сако: — Это он упирался головой в задницу моего отца!

Кинто едет в поезде и беседует с попутчиком.

Попутчик спрашивает:

— Скажи, Тифлис большой город?

Кинто: — Москву знаешь? В Тифлисе на один фонарь больше…

— А Кура большая река?

— Неву знаешь? В два раза шире…

— Говорят, у вас пчелы крупные?

— Да, очень крупные, почти как кошка…

— Какие же у вас ульи?

— Ульи, как ульи. Обыкновенные.

— Как же ваши пчелы-кошки залезают в обычные ульи?

— Надоел прямо. Как, как? Пищит, пищит и лезет.

Жанровая сценка:

Сико идет по улице с двумя арбузами в руках.

— Послушай, милейший, — останавливает его приезжий человек, — подскажите, где здесь у вас полицейский участок?

— Возьми, дорогой, на минутку эти арбузы, — просит Сико. После чего, поднимая обе освободившиеся руки с растопыренными пальцами выше головы, темпераментно отвечает: — Вах! Откуда я знаю, где полиция, когда прохожу мимо — отворачиваюсь. Давай арбузы!

Существует оригинальный танец «кинтаури», полный смешных телодвижений и озорства. При всем том «стиль» кинто не допускал улыбки, что придавало его образу дополнительную долю комизма.

Известно, что еврейские анекдоты выдумывают и лучше всех рассказывают сами евреи. Во всяком случае, до «периода восстановления национального самосознания» было именно так. Авторами армянских анекдотов, загадок и смешных историй были армяне. Сами же над собой смеялись, и некому было на них обижаться и требовать сатисфакции.

Приведу несколько из них, ибо они характеризуют веселую, непринужденную атмосферу города моего детства.

В армянском театре идет «Отелло». Дездемона роняет платок. С галерки Карапет, пытаясь предотвратить будущую драму, кричит: «Дездемона! Дездемона-джан, ты платок потеряла!»

— Что за шум в соседней комнате?

— Ничего! Это мой дядя сыр кушает.

Загадки:

— Что такое: черные очи, белая грудь?

Ответ: Карапет во фраке.

— Почему Карапет перед сном надевает галстук, тушит свет, хлопает дверьми, затем снимает туфли, на цыпочках идет к кровати и ложится спать?

Ответ: Он обманывает клопов, чтобы они думали, что Карапет пошел в театр.

А вот пара азербайджанских анекдотов, которые были, скорее всего, взяты прямо из тифлисской жизни. В школе идет опрос учеников:

— Так сколько будет дважды два? Вот ты скажи, Исмаил.

— Восемь!

— Ах, ты совсем дурак, Исмаил! Урок совсем не учишь. А ну ты скажи, Мамед, ты хороший мальчик.

— Семь, господин учитель!

— Совсем плохо! Не знаешь урок! Кто сам знает? Ты, Керзум Али? Ну, говори, что ты знаешь?

— Шесть!

Учитель огорченно качает головой:

— Сколько раз я учил вас. Дважды два — четыре! Четыре! Самое большее — пять!

Русский инспектор пришел в азербайджанскую школу, чтобы проверить, как идет преподавание русского языка. Сопровождающий его учитель, предваряя проверку, говорит:

— Русский язык знают очень хорошо!

Инспектор, входя в класс, задает вопрос:

— Дети! У кошки есть хвост?

В ответ полное молчание. Инспектор смотрит вопросительно на учителя.

— Разрешите, я сам задам ваш вопрос? — спрашивает он у инспектора.

— Пожалуйста!

— Деткум! Кошкум хвостум естум?

Класс хором отвечает:

— Естум, естум, естум!

Учитель спрашивает:

— Гдестум?

Класс отвечает:

— На самом заднем местум!

Манеры и озорные шутки кинто, которые были духом старого города, проникали и в высший «сололакский» тифлисский свет, и тогда возникали забавные истории.

На благотворительном вечере для сбора средств в помощь армянским беженцам княгиня Воронцова в сопровождении лакеев обносит гостей, «продавая» каждому бокал шампанского. У одного из лакеев поднос с бокалами, у другого — поднос, на который кладутся пожертвования. Очередь доходит до Манташева. Выпив бокал, кладет на поднос десять рублей. Княгиня, не удержавшись, попеняла скаредному миллионеру: «А вы знаете, что Ваш сын Лева только что заплатил сто рублей!»

На что находчивый богач ответил: «Ваше сиятельство, если бы у меня был такой отец, как у моего сына, я бы и тысячи не пожалел!»

Шутки старого Тифлиса демонстрировали веселый нрав, острый ум и взаимную национальную терпимость его обитателей.

О мойщиках ковров. К лету, чтобы уберечь ковры от моли, их убирали, но, следуя традиции, до этого их следовало мыть. А в районе Сололак у богатых людей ковры были большие и драгоценные. По рекламному крику: «Каври мее (моем ковры)!», в дом прямо с улицы приглашался тюрок, который с подручным и уносил с собой персидские ковры.

Стирали ковры на каменном берегу русла реки Дабаханки, превращавшейся к лету в небольшой ручеек. Там стояла разукрашенная голубыми изразцами коммерческая баня одного из князей Орбелиани. Ковры мылись как раз в том месте, где сливалась теплая, мягкая, пахучая, серная вода. Сейчас даже трудно себе представить, что не было ни одного случая пропажи ковров.

Время от времени с улицы раздавался скрипучий, громкий призыв покупателя старых вещей. Это звучало примерно так: «Ааа!.. Стари вещь покупаем!» Затем шло монотонное перечисление: «Стари одеж, карават, стул, батинка, бурку, палто… Стари вещь покупаем!»

Изредка «старьевщика» зазывали в дом и сбывали за символическую плату все подлежащее выбросу.

На левом берегу Куры, напротив старого города было поселение молокан, которые содержали лошадей, фургоны, фаэтоны и занимались извозом. Этот район «Пески» располагался под авлабарской скалой и ежегодно весной в той или иной мере заливался талой водой Куры. К молоканам люди обращались

тогда, когда возникала необходимость отправляться на дачу.

Еще у Грибоедова сказано, что на левом берегу находилась немецкая колония. За сто лет растущий город отодвинул ее на запад. При мне немцы проживали уже на расстоянии двух километров от своей кирхи. Их колония занимала площадь нынешнего стадиона «Динамо» в районе Дидубе. Немцы развозили по всему городу на ручных тележках чудесные молочные продукты и извещали о своем появлении не криком, а колокольчиком.

Другие разносчики с утра оглашали улицы просто певучими возгласами. «Яйц, яйц свежий, мацони — кислый малако, вариеби-циплят, угли-углей, еркопский керосин, нафти-керосин, бати-бути! на бутылки — бати-бути», — предлагал гнусавым голосом «бартерный» обмен торговец воздушных кукурузных зерен, которые теперь повсеместно обрели американское название «поп-корн».

Таким же способом предлагали свои услуги ремесленники: «Точи ножи-ножницы, мясорубки точи, кастрюли, самовары лудить, стекло вставляй».

Эти ежеутренние походы ремесленников и торговцев по дворам старого города продолжались вплоть до шестидесятых годов, а потом сошли на нет. Об этом старом тифлисском обычае — шумливой дворовой рекламе — написал Александр Межиров:

> Вновь подъем Чавчавадзе сквозь крики:
> «Бади-бути!», «Мацони!» «Тута!».
> Снова воздух блаженный и дикий —
> Нам уже не подняться туда… (фото 49)

Тифлисская детвора росла на улице среди шарманщиков, китайских бродячих фокусников. Были очень часты представления Петрушки, а поскольку шарманочные барабаны готовили одесские мастера, то в Тифлисе были популярны мелодии «7.40», «Шарлатан» и другие еврейские напевы. Любопытным девочкам предсказывали судьбу попугаи, за определенную плату вытаскивающие своими кривыми клювами плотно уложенные и написанные корявым почерком судьбоносные билетики.

Родители отправляли нас в близлежащие магазины за покупками, мы гуляли по улицам в поисках развлечений — в то время это было совершенно безопасно. Ареал наших детских передвижений не превышал километрового радиуса. Наиболее часто нами посещалась расположенная в двухстах метрах от дома в полуподвале мелочная лавка владельцев Кулиджанова, Питоева

и Шахназарова, по этой причине она носила гордое название «Кульпишах». В этом заведении продавали всякую всячину — колбасу, конфеты, фрукты, москательные товары. Помощником продавца был мальчик Гигуш, который подметал пол, носил покупки на дом. Кроме того, по указанию одного из хозяев, время от времени «освежал» витрину с эклерами и конфетами принятым в этой лавке способом — облизывал шоколадную глазурь.

Здесь всем отпускали «на карандаш», то есть по записи в кредитную книгу, хотя при входе висело объявление «кредит портит отношения».

В полукилометре, на единственной в то время асфальтированной улице, образовавшейся от перекрытия Сололакского ручья, в магазине «У Корбоза» покупались всевозможные колбасы, ветчина, зельц, копченые языки, сальтисоны, корейка. Пишу и глотаю слюнки от вкуса и чесночного аромата простой чайной колбасы! Боже мой, куда запропастился рецепт той божественной еды? Я уже не говорю о запеченном в ржаном тесте тамбовском окороке, иных полукопченых и твердокопченых колбасах, сосисках, лопающихся от прикосновения зубов и заполняющих рот невыразимым блаженством. Здесь же продавались и «рольмопсы» — маринованные, скрученные в рулетики, бескостные, начиненные мелко нарезанным репчатым луком, селедочные полутушки.

Рядом с «Корбозом» была аптека, куда в последние два года болезни отца мы с братом бегали очень часто…

Напротив, «У Матэ», продавались молочные продукты. Ближе к Эриванской площади было еще два примечательных для нас заведения — кондитерская Саганелова, где мы лакомились горячими пончиками за 5 копеек, слизывая языком с губ вытекающий из них ароматный заварной крем, а следом — еще одна кондитерская, где продавались помимо тортов, рулетов и пирожных очень вкусные, лежащие на небольших пергаментных бумажках с завернутыми краями тянучки.

Спустившись по коротенькой Сололакской улице, мы оказывались у небольшой мощенной булыжником Эриванской площади. Здесь в ожидании клиентов, выстроенные в ряд, стояли фаэтоны. В середине площади у центральной остановки обычно ожидали пассажиров несколько трамваев. С севера площадь замыкалась огромным, по тем временам, зданием, бывшим Тамамшевским караван-сараем, построенным на месте некогда сгоревшего театра. Караван-сарай уже давно не служил своей прямой цели, то есть приему и размещению верблюдов и их погонщиков — помещения его занимали торговые конторы, магазины. В подвале был ресторан. В правом крыле был большой

магазин Хаджи Рахманова, где солидные персы с крашенными в красновато-рыжий цвет бородами торговали восточными товарами. На полу стояли мешки с сахаром, с различными сортами риса, сушеным горохом, «ляблябо» — орехи с кишмишом. Сверху свисали вплетенные в мочальные, эластичные ремни дыни, но самое главное для нас, детей, были сладости — много сортов халвы и рахат-лукума, кишмиша, чернослива, фиников, сушеного инжира.

С восточной стороны площадь замыкала Пушкинская улица, где рядом с бывшим адельхановским обувным магазином был рыбный магазин Дзегвелова. На витрине висели большие золотистые осетровые балыки, на блюдах лежала нежнейшая розовая копченая лососина. В магазине сверху свисали просвечивающиеся на солнце копченые шамайки и рыбцы. А сколько было сортов икры! Зернистая, паюсная, мешочная, красная, и каждой по несколько сортов. И опять рот полнится слюной от воспоминаний аппетитного запаха всего этого изобилия.

В магазине «У Дзегвелова» традиционно покупалась свежая лососина для разговения, после посещения церкви на Пасху. Из нее варился янтарный от шафрана суп, с большим количеством шинкованного репчатого лука. Только после разговенья можно было объедаться украшавшей стол скоромной вкуснятиной.

По Эриванской площади сновали мальчишки с глиняными кувшинами, распевая: «Тунели вада, халодни вада, чисти вада!» Человек, утоливший жажду, видел приклеенную с наружной стороны дна стакана надпись «выпил вада — платить нада!», и маленький коммерсант обогащался на копейку.

Рядом с магазином Хаджи Рахманова сидели «муши» — курды-носильщики. Эта профессия вымерла, как, впрочем, многое из того, что окружало меня в детстве. Курды были небольшого роста, чернявые. Непременным атрибутом муши был «куртан», своего рода «коза» из набитой шерстью ковровой ткани. В лямки муша вдевал руки, и когда он наклонялся, на спине куртан образовывал плоскую, почти горизонтальную площадку. Перехлестнув груз ремнем, некоторые из мушей могли в одиночку поднять на третий этаж пианино.

На моей памяти, уже после войны милиция отнимала у мушей куртаны. Видимо, кто-то посчитал наличную оплату их тяжелого труда нетрудовым доходом.

В Тифлисе в старом городе в то время были весьма популярны песни куртанщиков, которые заунывно пелись на простенький мотив, были весьма ироничны, словно кавказские частушки. Мне запомнились несколько куплетов:

Ленин сказал:
Бросай куртан.
Бери портфель.
Иди учись!
Сталин сказал:
Бросай куртан.
Иди в колхоз,
Яму копай!

После каждого куплета раздавался зычный припев: «Ай, бзе-бзе, куре-варе-зырт!» — и поющие куртанщики, взявшись за руки, пританцовывали.

Ленин вождь,
Ленин вождь,
Совсем как
Микоян

и опять «Ай, бзе-бзе…»

Помимо прогулок, всяческих шуток, болтовни и анекдотов, нашим уличным развлечением были прыжки с трамвая, ходившего по Лермонтовской улице от Эриванской площади до нижней станции фуникулера. Вскочить на бегущий вверх бельгийский трамвай, имевший подножку по всей длине и поручень у каждого ряда скамеек, не составляло труда, зато спрыгивать с несущегося вниз вагона было делом непростым. В этом опасном виде спорта у нас был свой чемпион Вахтанг, который умудрялся спрыгивать спиной относительно хода. Приземлялся он при этом на брусчатую мостовую, в низком наклоне упираясь далеко отставленной назад ногой. Лет пятнадцать тому назад я прочел в журнале «Литературная Грузия» описание этого развлечения.

Одним из самых интересных занятий были прогулки в Ботаническом саду. Это романтическое, уютное и очень любимое место, которое за семьдесят лет, сколько я его помню, не подверглось тлетворному влиянию времени или разрушению, не загажено и не испоганено. Расположен Ботанический сад за Сололакской горой по обе стороны крутых склонов речушки Дабаханки и находится в получасе неторопливой ходьбы от центральной площади города. Но, чтобы попасть в него, нужно пройти через полукилометровый туннель, у входа в который тогда был источник, круглый год выплескивавший тугой струей знаменитую «тунели ваду». Когда по какой-либо причине в

районе отключался водопровод, мы приносили воду из этого источника. Туннель тогда был узкий, низкий, тускло освещенный и поэтому казался таинственным и даже сказочным местом.

Когда в Москве начали строить метро и страна стала готовиться к атомной войне, этот туннель был переоборудован в обширное бомбоубежище с вентиляционными трубами. Было построено множество залов, предназначенных для того, чтобы партия и местное правительство могли бы в критический момент оттуда руководить жизнью и деятельностью населения. Однако в этом качестве туннель — к счастью! — так и не был использован, и сейчас там склады нетоварных книг и прочей дряни.

А тогда мы проходили еще через старый туннель, и этот поход казался нам долгим, очень долгим, пока наконец ни показывался яркий дневной свет… Туннель кончался, и мы сразу оказывались в дивном саду, где времена года, стертые в городе, воспринимались особенно отчетливо. Цветущая, веселая весна и журчащий ручей, предвестник дачного лета, или нас окружало увядающее золото осени, или мы оказывались в снежной зимней сказке.

По относительно пологому склону правого берега мы проходили сначала по еловой аллее, а затем мимо могучих стволов буков, каштанов, сосен, дубов, кедров, минуя бассейн с русалкой, мы поднимались на новый, высокий арочный мост над 60-метровым водопадом. Внизу было небольшое озерцо, в котором в летнюю пору мы купались. Метрах в пятидесяти за новым мостом был заросший ползучими растениями старый узенький, кирпичный мост с жердяными перилами и деревянным настилом. Мой сын Сергей увлекался фотографией — и сделал снимок с задержкой спуска — это он сам стоит на старом мосту (фото 50). С этим старым мостом связана одна комическая история.

Меня всегда удивляло, почему в таком живописном, расположенном так близко от центра города чудесном оазисе так мало прогуливающихся горожан. Одну из причин непопулярности Ботанического сада я узнал совершенно случайно…

Однажды, это было уже после войны, работники научно-исследовательского института физкультуры, где я в это время трудился, выбрали по моей инициативе Ботанический сад для проведения маевки. Однако мой бывший аспирант, а потом и друг Женя Гагуа заявил, что он ни за что не пойдет в Ботанический сад. Причина столь категорического отказа оказалась анекдотичной: в самом начале войны Женя к своему 12-летию получил от матери подарок — этюдник. Со своим приятелем, тоже юным художником, Женя отправился в Ботанический сад на

пленэр. Живописцы раскрыли этюдники и стали рисовать старый мост. В саду никого не было, а им очень хотелось иметь вокруг себя восторженных зрителей. Когда на рисунках стали обозначаться контуры моста, к ним подошел наблюдавший за порядком в саду немолодой милиционер. Наконец-то у них появился желанный зритель! Однако радость была недолгой. «Что вы тут рисуете? — строго спросил он. — Вы что не знаете, что мосты — военные объекты, их рисовать запрещено!» Женя попытался убедить стража порядка: «Старому мосту ни одна сотня лет, этот мост никуда не ведет и по нему никто не ходит — это вовсе не военный объект». Но милиционер был строго проинструктирован. «А ну-ка, собирайтесь! Пойдем в отделение. Там разберутся, шпионы вы или честные ребята!» — распорядился милиционер.

Делать было нечего. Испуганных, дрожащих художников под конвоем доставили в отделение.

— Начальник! Я поймал двух шпионов. Они рисовали мост! — доложил ментяра.

— Слава богу, — рассказал мне Женя Гагуа, — начальник оказался разумным человеком. Впрочем, и он сначала попугал нас:

— А ну, покажите, что вы там нарисовали?

Поглядев на нашу мазню, он спросил:

— А есть у вас синяя краска? Давайте-ка для светомаскировки закрасьте оконные стекла!

Краски нам не хватило.

— Ну, ничего, — смилостивился наконец лейтенант, — когда соберетесь еще раз рисовать мост и попадете сюда снова, тогда и докрасите. А теперь убирайтесь домой!

Так благополучно закончилась эта история. А ведь в те времена государство не шутило, и за три пшеничных колоска по указу расстреливали даже детей. С тех пор я в Ботанический сад не хожу, — закончил Женя свой рассказ.

Эта история напомнила мне еще одно печальное происшествие нашей юности. Как-то в 1932 году, когда мы с братом учились в ФЗО и голодали, Миша вечером пошел в магазин «Еркопа» (единого рабочего кооператива), чтобы купить винегрет на ужин, и не вернулся. Я не знал, где мне, пятнадцатилетнему пацану, искать старшего брата, и был подавлен и напуган.

На другой день с ребятами из его группы мы обнаружили, что Миша сидит в кутузке, оборудованной во дворе районной милиции, как раз в той, где девять лет спустя красил окна Женя Гагуа.

Дежурный посмотрел в журнал, сказал, что Мишу задержал сам начальник милиции города и только с его разрешения можно будет его освободить.

Выяснилось: винегрета в магазине на Эриванской площади в продаже не было, и Миша впрыгнул на ходу в отходящий вагон трамвая, чтобы доехать до магазина на проспекте Руставели. Это «преступление» было случайно замечено бдительным оком проезжавшего на автомобиле начальника, и тот решил поразвлечься. Последовал за трамваем до ближайшей остановки, вытащил Мишу за шиворот и привез в отделение милиции, велел его задержать и забыл о своем подвиге. Два дня мы с ребятами из ФЗО искали пути освобождения брата и носили ему еду.

К счастью, в нашем доме жил главный врач милиции некто Георгий Сарибеков, благодаря протекции которого Мишу удалось вызволить из милицейского застенка. Так что моему другу Жене Гагуа действительно повезло.

В связи с этим происшествием у меня возникла на всю жизнь идиосинкразия к посещению милиции, несмотря даже на то, что в этом учреждении я встречаюсь преимущественно со своими бывшими студентами-борцами, которые после завершения спортивной карьеры почему-то имеют большое тяготение к работе в МВД. В настоящее время один из них, чемпион Европы по дзюдо Дилар Хабулиани, в новом правительстве даже стал министром внутренних дел.

Итак, почему Ботанический сад, этот своеобразный, дивный, поэтический, а главное сохранившийся в первозданной красоте уголок старого Тифлиса не посещает Женя Гагуа, я узнал. Но почему в Ботанический сад никогда не ходят остальные жители близлежащих районов — это осталось для меня загадкой и по сей день.

Как Кала растворился в Тифлисе моего детства, так и старый город, в свою очередь, растворился в новом мегаполисе, который расширился и включил в себя с десяток окружавших деревень: Глдани, Мухиани, Дигоми, Варкетили, Багеби, Сабуртало, Навтлуг, Сартичала и ряд других, а также бывшие пустынные склоны окрестных гор. Всюду образовались современные безликие жилые массивы.

Сегодня даже следов старого Тифлиса, города моего детства, веселого, непосредственного и обаятельного, больше нет.

К сожалению, сейчас нет и, по-видимому, никогда уже не будет прежней Грузии. Прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, мне хочется сейчас сказать несколько слов о

теперешнем положении дел в некогда одной из самых цветущих советских республик.

Прекрасно обретать независимость, когда с ней вместе приходят и мир, и богатство, и культурный подъем. Неплоха независимость даже тогда, когда с ее обретением ничего не становится по крайней мере хуже. Но сейчас жизнь в Грузии сыплется золой между пальцев…

Почему Грузия, эта недавно зажиточная республика, имевшая, в частности, самый высокий в стране процент лиц с высшим образованием, врачей на 1000 жителей и пр. и пр… почему именно Грузия, несмотря на свое славное прошлое, великую литературу, древнее христианство, добившись независимости, погружается в пучину невероятных бедствий?

Древность знает страну месхов, то есть Грузию, в качестве поставщика воинов-мамлюков и медной посуды на ближневосточные рынки. Сельское хозяйство многие столетия оставалось натуральным, едва обеспечивая пропитание местного населения.

В России привыкли видеть в Грузии благоприятнейшую для сельского хозяйства страну, но совершенно иначе Грузия видится с юга, из Месопотамии и с берегов Средиземного моря. Для этих жарких и плодородных стран Грузия — крайняя северная периферия с суровым климатом и каменистыми почвами.

На протяжении всей своей истории Грузия, со времени библейских пророков и ассирийских царей и вплоть до подписания Георгиевского трактата с Россией 18 января 1801 года, неизменно входила именно в систему передне-восточной торговли и политики. И все эти века и грузинский крестьянин, и мелкий феодал «азнаур» оставались бедными землецарапателями. Скудные плоды их труда на изобильных рынках Востока заинтересовать никого не могли.

Присоединение к России открыло для грузин необъятный северный рынок, где субтропические продукты Картли и Колхиды были вне конкуренции. Вина, коньяки, фрукты, чай, табак, существенно более дешевые из-за близости расстояний и отсутствия таможенных границ, охотно раскупались в России, поднимая уровень жизни обитателей Грузии. С 1868 по 1913 год торговый оборот Грузии увеличился в пятьдесят раз! Население Тифлиса возросло с 20 тысяч до 250. Кутаиси — с 8 до 58 тысяч человек. Единая транспортная система Кавказа и России, созданная к началу XX века, ускорила это развитие.

И стала Грузия в судьбе необычайной,
Всегда зависимой, но наконец своей,

Из южной здравницы вновь северной окраиной,
Куда за все века забрел один Помпей.
И сохранить себя ей будет так непросто.
Когда достался ей крик перелетных птиц,
И доля вечная христианского форпоста,
И слабый свет икон, и сквозняки бойниц…

Это печальное стихотворение о своей родине опубликовал в журнале «Знамя» мой сын Сергей.

Грузия действительно знавала в прошлом эпохи славного расцвета, времена, когда половина Анатолии, все Закавказье и даже часть Месопотамии платили дань грузинским царям. Но то были времена смуты и упадка в сопредельных великих государствах. Фарнаваз основал свою державу на руинах разбитой македонцами империи Ахеминидов, легендарная царица Тамара правила в эпоху полного упадка прежнего гегемона Востока — Арабского халифата, наконец, последний расцвет независимой Грузии при Ираклии II в XVIII веке объясняется анархией в Персии и постепенным ослаблением Порты под военным нажимом России.

Обычное же состояние Грузии за два тысячелетия ее истории — это вассальная зависимость разной тяжести и разделенность между великими державами, соперничавшими на Переднем Востоке, будь то Парфия и Рим, Византия и Халифат, Турция и Персия. Наиболее тяжелым, хотя культурно вовсе и не бесплодным, было владычество над Грузией иноверных мусульманских держав. Под их давлением с XV века грузинская знать, а кое-где и народ вынужденно обращаются в ислам, поскольку эти державы не брезговали ни геноцидами, ни массовыми депортациями.

Включение Грузии в состав России в 1801–1833 годах не было, разумеется, ни в малой степени возвращением в Эдем, чему свидетельством крестьянские восстания 1812 и 1819 годов и всеобщая симпатия к социалистам в начале XX века, но это включение спасло народ и соединило страну.

Строки Лермонтова: «И божья благодать сошла на Грузию, она цвела, не опасался врагов, под сенью дружеских штыков» вполне отражают исторические реалии.

И вплоть до разгона Учредительного собрания в 1918 году ни одна грузинская политическая партия никогда не помышляла об отделении от России. Культурная автономия, ограниченное самоуправление были пределом, на котором останавливались и меньшевики Ноя Жордания и национал-федералисты

Джорджадзе. Независимость 1918 года была не давно чаемой целью, а вынужденным средством самозащиты от московских коммунистов и от аннексионистских притязаний Турции.

Выпадение Грузии из сферы российского влияния с неизбежностью возвращает ее в орбиту ирано-турецкого соперничества, а надежды на покровительство Европы и США остаются еще более несостоятельными, чем подобные же упования христиан Ливана и Кипра.

К сожалению, сразу же после распада СССР грузины, еще совсем недавно так страстно жаждавшие собственной независимости, получив ее, решили под руководством Звиада Гамсахурдиа ликвидировать — декларативную в то время — независимость автономной республики Абхазии и аннулировать автономную область Южную Осетию и пошли войной на маленькую осетинскую автономию!

Много осетин испокон веку жило по всей Картли, и в одночасье все осетины стали для грузин врагами. Осетин стали беззастенчиво грабить, отбирать дома. Даже кумир болельщиков, нападающий тбилисского «Динамо» Владимир Гуцаев вынужден был спасаться бегством.

Вскоре, в газетах стали появляться статьи, натравливающие грузин на армян. В них говорилось, что в Ахалцихе армяне требовали автономии, а в 1938 году армяне претендовали на Тифлис по этническому большинству. Что совершенная неправда! И тут началась война с Абхазией…

Все негрузинское население Тбилиси тут же было лишено элементарных гражданских прав. Например, я не имел права приватизировать квартиру, и — в 74 года! — был вынужден бежать из родного города — на этот раз не от коммунистического, а от националистического произвола и беззакония. Когда я пошел к властям, мне хамски было заявлено, что армянам в Тбилиси ничего не принадлежит. Мне буквально было заявлено: «Все наследники уже умерли, а вы что-то задержались на этом свете».

Поневоле — за сущие гроши — я продал свою квартиру грузину, поскольку в то время лицам других национальностей покупать в Грузии собственность было запрещено.

Так я оказался беженцем в США.

Глава 6
НЭПМАН ИЛИ БРАТ СТАЛИНА

В своих воспоминаниях Хрущев пишет, что во время застолий у Сталина обычно присутствовал некий «духанщик», который, по его мнению, совершенно не вписывался в круг политических деятелей, приближенных к вождю.

Этот духанщик был мой отчим — Александр Яковлевич Эгнаташвили.

Мне было 9 лет, когда в канун Пасхи открылась дверь и в нашу квартиру вошел белый барашек с красным бантом на шее. Как оказалось, это была своеобразная визитная карточка нашего нового соседа.

Александр Яковлевич был высокий, мощный сероглазый красавец лет сорока с волнистыми, уже редеющими волосами, зачесанными назад. Наш сосед мне очень нравился. Я полагаю, что моя 37-летняя мать сразу оценила разницу между безнадежно больным раздражительным мужем и Александром Яковлевичем, который стал явно оказывать ей всевозможные знаки внимания. Впрочем, ее можно было понять: муж — при смерти, нет никакой специальности, чужая сторона (она так и не научилась без явных ошибок говорить по-русски), трое детей 14, 11 и 9 лет, имущество конфисковано. Мой отец был очень удручен сложившимися жизненными обстоятельствами.

Александр же Яковлевич представлял собой образец уверенности, одевался по моде — коверкотовый костюм, брюки бутылочкой, лакированные туфли, крепдешиновые сорочки, и расточал аромат дорогого одеколона.

Отцом моего отчима был крепкий горийский хозяин — «кулак» Яков Эгнаташвили, который был еще крупнее своего сына.

В молодости Яков Эгнаташвили считался одним из сильнейших национальных борцов и вошел в этом качестве вместе с двумя своими братьями в историю физической культуры Грузии.

В ту пору Александр Яковлевич был хозяином четырех ресторанов и винного склада в Тифлисе. Два ресторана располагались по разным сторонам Солдатского базара — одного из самых людных мест города, который занимал обширное пространство, — на этом месте сейчас разбит чахлый скверик, стоит здание «Грузэнерго» и расположен крытый колхозный рынок.

Ресторан возле «биржи» занимал первый этаж углового здания в конце Пушкинской улицы, там сейчас обнаружили остатки старой стены, когда-то защищавшей город. Доверенным лицом, на которое было оформлено это заведение, был здоровый парень Гриша. Он стоял за прилавком и продавал водку в разлив. Весь прилавок был заставлен мисками со всевозможной едой — жареной печенкой, мясом, рыбой, соленьями, редиской, хлебом. Снедь была предназначена для закуски, а вся эта система в шутку называлась «пьянино». Рюмка водки с закусками стоила 5 копеек. Кухню и зал обслуживало всего пять человек.

Биржей называлось место, где предлагал свои услуги мастеровой люд — плотники, штукатуры, сантехники, стекольщики, электрики, услуги которых всегда необходимы городским обывателям (удивительно, прошло семьдесят пять лет, а биржа эта и по сей день находится на том же самом углу). Мастеровые, прежде чем приняться за работу, для разминки по утрам опрокидывали стаканчик виноградной водки «чачи». Впрочем, во всякое время дня на бирже было достаточно посетителей.

По другую сторону базара, в подвале был ресторан «Золотой якорь». Здесь насыщалась и кутила солидная публика, поэтому меню было рассчитано на более требовательный вкус. Доверенным лицом здесь был другой Гриша, менее крупный, но более пузатый, лысый человек с головой в форме яйца.

Как-то раз утром Гриша завтракал яичницей с помидорами. В это время появился Александр Яковлевич и поинтересовался, внесена ли в меню яичница. Такого блюда не оказалось. Тогда хозяин опрокинул сковороду на голову едока и сказал: «Раз это вкусно — это должно быть в меню. Все, что ты впредь будешь здесь кушать, должно быть в меню!»

Тут же, на Графской улице, был склад, где работали двое: Коля стоял у прилавка, а Грикул следил за вином, время от времени переливая его, так как крестьянские вина при длительном хранении дают осадок. (Впоследствии их обоих мой отчим вызвал в Москву, где Грикул продолжал следить за вином, которое подавалось на стол Сталину, а Коля стал шофером и водил служебный «Кадиллак» моего отчима.)

Еще один ресторан «Дарьял» был за городом на Коджорской дороге. В нем хозяйничал типичный кинто в традиционной одежде. Звали его Степко — низенький, худощавый человек с длинным свисающим носом, опущенными книзу усами, с неизменно серьезным выражением лица. Его специфические шутки делали рекламу ресторану. Кроме того, Степко развлекал гостей во время кутежей игрой на шарманке.

Главной «шуткой» была такая: Степко, как говорится, «весь вырос в сук», то есть обладал необыкновенной величины членом. Иной раз, когда тамада хотел подшутить над новичком, он просил Степко подать почетному гостю «фирменное блюдо». Степко клал свой возбужденный член на блюдо, обкладывая его зеленью, и подносил новичку: «Пожалуйте!» Гость оборачивался, чтобы положить себе на тарелку порцию поданного кушанья… Потом возмущенно поднимал взор на Степко, встречал совершенно серьезный взгляд, терялся и смотрел на тамаду. Только тут раздавался взрыв сдерживаемого хохота всей честной компании.

Эта «фирменная шутка» была весьма популярна в кругах городских кутил, автор ее получил приставку к своему имени и назывался «хер Степко». Прозвище это было известно буквально всем в городе, хотя самого Степко, человека невидного и весьма скромного, знали лишь завсегдатаи ресторана «Дарьял».

Ходил слух, что Степко однажды получил производственную травму — какой-то юморист ткнул в «фирменное блюдо» вилкой.

Александр Яковлевич частенько кутил с друзьями в «Дарьяле». Его возвращению домой предшествовали разносившиеся с горы звуки шарманки, которыми Степко провожал фаэтон, увозящий хозяина.

Наконец был еще ресторан на паях «Эльдорадо», более известный под названием «Над Курой». Располагался он напротив памятника Воронцову на площади, носящей его имя. Ресторан этот пользовался дурной славой среди интеллигентных обывателей, вокруг него шастали проститутки, в ресторане же были отдельные номера, куда их приводили.

Таков был размах Александра Яковлевича.

Особо следует подчеркнуть, что во всей этой ресторанной индустрии не было ни одного счетного работника. Все строилось на взаимном доверии. Уже несколько позже, когда Александр Яковлевич стал фактическим мужем моей мамы, он иной раз, придя домой в легком подпитии (пьяным я его никогда не видел), посылал меня собирать выручку. Для того нужно было на Эриванской площади нанять извозчика Алекси и объехать все рестораны, где мне, 10-летнему пацану, вручали завернутые в газету свертки денег, которые я клал за пазуху.

Еще до того как мой отец скончался, Александр Яковлевич сделался незаменимым помощником матери. Он отправлял нас на дачу в Манглиси. Организация этого дела была непростой. Надо было заранее договориться с молоканским кучером. Часов в пять приезжал крытый фургон, запряженный четверней. Заранее все вещи паковались в огромные ковровые мешки «мафраши».

Нужно было забрать с собой все вплоть до керосинки. Расстояние в шестьдесят верст преодолевалось с двумя остановками для отдыха лошадей, поскольку дорога шла преимущественно на подъем. На первом привале в «Белом духане» нас встречал Александр Яковлевич с роскошным завтраком.

В фотоархиве, оставшемся от Григри Адельханова, есть фотография «Белого духана», сделанная в феврале 1914 года. Двенадцать лет спустя — ко времени моего рассказа — духан оставался все таким же (фото 48). После смерти отца Александр Яковлевич стал мужем моей матери. С тех пор круг наших посетителей совершенно изменился. Вместо интеллигентных, напуганных и пришибленных людей появились уверенные в себе друзья отчима. Общим между теми и другими было то, что ни для кого из них национального вопроса не существовало вовсе. Сейчас, в период националистического разгула, в это трудно поверить.

Нить, связывающая нас со старой семьей, практически порвалась. Впрочем, в скором времени вернулась в родительский дом изгнанная из своего особняка в Ортачалах моя крестная, тетя Лена Адельханова (ее сын Григри уже был репрессирован), этакая маленькая, тихая мышка, а в небольшой комнате на втором этаже проживал 75-летний бородатый старичок дядя Костя. Из его комнаты во флигеле часто были слышны прелюды и ноктюрны Шопена. Чарующие звуки разносились по саду, где мы ежедневно играли, боролись, упражнялись на турнике. С тех пор я навсегда полюбил эту берущую за душу музыку.

Как уже говорилось, мой отец был младшим сыном. Женился он на моей матери в 44 года. Я родился через восемь лет. К тому времени большинство моих двоюродных братьев и сестер уже обзавелись потомством и некоторые стали дедами и бабушками. Естественно, что двоюродными сестрами и братьями из-за огромной разницы в возрасте я не интересовался, а о существовании некоторых, например Беренсов, тогда даже не знал. Сообщения об арестах некоторых из них я просто не брал в голову, так как был еще пацаном, а с появлением Александра Яковлевича жизнь наша пошла по новому руслу.

О себе Александр Яковлевич нам рассказал, что после окончания реального училища отец послал его для продолжения учебы в Москву, где он стал профессиональным борцом и выступал в цирке. Помню, у него сохранилась одна рецензия такого содержания: «Красавец кавказец легко поднял противника на плечи и, повернув его как прутик несколько раз, припечатал к ковру». Видимо, его отец знал, что его сын Сашико не склонен к наукам и, снабдив его первоначальным капиталом и вином,

отправил в Баку. С его слов я помню, что в Баку Александр Яковлевич купил у обанкротившегося предпринимателя небольшой ресторан. Он повесил на дверях объявление «Обслуживаем круглые сутки», и поначалу все делал сам — закупал продукты, был за повара, официанта, мыл посуду и приводил помещение в порядок. Александр Яковлевич надеялся приобрести клиентуру благодаря этому объявлению, а также вкусной еде, отличному вину — чтобы каждый посетитель оставался довольным и приходил опять. И действительно, вкусная еда стала лучшей рекламой, что приводило к нему в ресторан новых и новых посетителей. Ночами, чтобы не проспать клиентов, Александр Яковлевич отдыхал на стульях, головой к двери и просыпался от удара створкой.

В Баку Александр Яковлевич сумел постоять за себя, заработал капитал, научился говорить по-тюркски и вернулся в Тифлис.

К моменту нашего знакомства он был разведен, имел двоих детей — дочь Тамару 1911 года рождения и сына Георгия — Бичико, на три года моложе сестры.

Сойдясь с Александром Яковлевичем, моя мать познакомилась с его первой женой Марией, и мы, дети, друг для друга навсегда стали близкими людьми.

И мама, и отчим знали толк в еде, оба умели прекрасно готовить, а свежего мяса, рыбы и птицы, зелени, овощей, молочных и других продуктов в те годы в Тифлисе, да и у нас в семье было вдоволь.

Мать воспитывала нас по немецкой методе. Поэтому я, мальчуган, не раз совершенно без посторонней помощи готовил жаркое из индюшки, чахохбили, котлеты и другую весьма сложную для приготовления снедь.

Когда наши родственники узнали, что Александр Яковлевич запрещает маме завивать волосы, красить губы, выходить на улицу без чулок, они прозвали его «азиатом». Отчим был чрезвычайно ревнив — если мать задерживалась у какой-либо подруги, он доставал из шкафа свой любимый браунинг, запихивал его в задний карман брюк и, забрав меня с собой, отправлялся по адресу, чтобы привести маму домой.

Одним из развлечений мамы, которое Александр Яковлевич поощрял, были немецкие утренники по четвергам. В Тифлисе в те годы район Дидубе был заселен немцами, которые жили тем, что развозили по городу в ручных тележках свежие молочные продукты. Мамины немецкие подруги были чьими-то женами или вдовами Первой мировой войны, которые из побежденной Германии разными путями добрались до Тифлиса. Собиралось

пять-шесть болтливых женщин с прекрасным аппетитом. Они, соскучившись по родному немецкому языку, умудрялись непрерывно говорить и одновременно поглощать всякие деликатесы, запивая их кофе. Одна из них, Марта Ричардовна, заглушая всех поставленным голосом преподавательницы, переходя с немецкого на русский, каждый четверг хвасталась своими детьми, своим былым богатством, своими одеялами на гагачьем пуху с вот такими (она разводила руками) шелковыми вышитыми монограммами с коронами.

Отчим никогда не присутствовал на маминых «парти», а только по вечерам иногда иронически осведомлялся о том, был ли у ее гостей аппетит.

В конце двадцатых годов самым популярным видом спортивных зрелищ была французская борьба в цирке братьев Танти на берегу Куры у Верийского моста. Каждый день афиши извещали об участниках трех предстоящих поединков. Мой отчим, бывший профессиональный борец, был большим любителем этого зрелища, частенько возил нас на фаэтоне на третье отделение — посмотреть на схватки. Представление начиналось выходом на арену арбитра дяди Вани в поддевке, сапогах и фуражке, который провозглашал: «Парад алле! Маэстро марш!» Под звуки медленного марша, не спеша и, конечно, не в ногу выходили борцы и образовывали живописный круг могучих торсов, животов и мускулов. Каждый из них принимал соответствующую его амплуа позу. Хорошо поставленным голосом, с достоинством, подчеркивая превосходные эпитеты в оценках и достижениях каждого, арбитр возглашал: «Для участия в чемпионате мира (несомненно, что такие же чемпионаты одновременно проводились в тот же вечер и в других городах) прибыли и записались следующие борцы-профессионалы…» После чего следовали звучные титулы и действующие на воображение характеристики. Например, такие: «Трехкратный победитель мировых чемпионатов, чемпион чемпионов, одержавший недавно победу в вольно-американской борьбе в городе Нью-Йорке, не знающий поражений Иван Поддубный!» Иван Максимович, которому в то время было уже за 60 лет, приободрившись, достойно кланялся публике. Борца с амплуа «комика» дядя Ваня представлял так: «За необычайную силу кистей рук прозванный Бурый медведь, борец международного уровня Василий Леший!» В ходе поединков с Лешим, его характеристика по части силы кистей обязательно обыгрывалась. При сплетении рук противник вдруг выхватывал предплечье, потряхивая кистью, мимически жаловался арбитру на то, что Леший причиняет ему боль.

После объявления арбитра Леший, необычайно пузатый человек лет сорока с красной повязкой на апоплексической шее, делал шаг вперед и комично дергал головой. В это время с галерки раздавались крики: «Леший — пионер!» Это обыгрывалась его красная косынка. Реагируя на крики, Леший поворачивался всем корпусом в ту и другую стороны с угрожающей миной, показывал кулак, что, естественно, вызывало у публики смех.

Были среди борцов настоящие атлеты с прекрасно развитой мускулатурой в роли героев-любовников. Они стояли с гордо поднятой головой, со скрещенными руками, демонстрируя свою мощь, — такие как Климентий Буль или Вейланд Шульц. Их фотографии пользовались особой популярностью у дам.

Так же обыгрывались маски — арбитр объявлял: «Доселе непобедимый борец, великолепный техник французской борьбы — Красная маска». Зрителям было известно, что в случае поражения маска будет снята. Этот сюрприз, однако, приурочивался к концу чемпионата, но, чтобы круче завязать интригу, потерпевшая поражение маска затевала скандал, упрекая арбитра или своего противника в нарушении правил борьбы. Возникал спор. Маска начинала буйствовать, переворачивая стол с графином, за которым сидели три нейтральных судьи из числа «зрителей» (своеобразное апелляционное жюри), и требовала реванша. Жюри после совещания признавало доводы маски справедливыми, и тогда в день реванша публика валила валом.

Обычно для поддержания интереса у зрителей в чемпионат приглашались местные борцы. В Тифлисе, на моей памяти, боролись гигант с жировиком на лбу Сандро Канделаки, быстрый и ловкий Мишико Мачабели (отец будущего Олимпийского чемпиона Давида Цимакуридзе).

Чтобы кто-нибудь из зрителей не попытался нарушить неторопливый ход рассчитанной на два-три месяца программы, вызвав, например, немолодого и грузного Лешего на поединок, в ансамбле чемпионата было специальное амплуа борца, который работал «под Яшку». Это был Кожемяка, сильный и грубый костолом, он проигрывал всем борцам, выполняя при этом роль «вышибалы». Претенденту из зрителей предлагали померяться силами сначала с самым «слабым», после чего смельчак был рад унести ноги.

После представления арбитр объявлял: «Всем борцам, принимавшим участие в параде, мое большое спасибо. Парад ретур. Маэстро — марш!» Борцы поворачивались направо и уходили. Вызывалась самая слабая пара. Знаменитые борцы

встречались в последнем поединке.

Под звуки вальса они демонстрировали время от времени такие приемы, которые невозможно выполнить без взаимного согласования, а иной раз даже без помощи партнера. Но это я узнал позже… А тогда… Какой восторг вызывал в цирке выполненный каскад из трех взаимных «тур де тетов» — бросков через спину захватом головы.

Через десять лет, в 1938 году в Москве в Зеленом театре парка имени Горького был впервые проведен абсолютный чемпионат СССР по французской борьбе с приглашением профессионалов. Чемпионом стал мой приятель Костя Коберидзе, имевший вес всего 90 килограммов, второе место занял Иван Михайличенко при весе 82 килограмма и лишь на третьем оказался лучший цирковой борец, заслуженный артист, орденоносец с прекрасными физическими данными и весом более 110 килограммов Иван Куксенко (Ян Цыган). Так бесславно закончила свое существование цирковая борьба.

Достойно удивления, что подобная показуха под названием «кэтч», спустя почти век, пользуется сейчас огромным успехом в Соединенных Штатах и в Японии.

Почему Александр Яковлевич водил нас в цирк? Ведь он-то знал подоплеку этого зрелища. Вероятнее всего, приобщение к борьбе имело воспитательную цель: и Александр Яковлевич достиг самого положительного результата. Все мы стали заниматься в секциях, а для меня спортивная борьба стала пожизненной профессией (фото 51).

Однажды Александр Яковлевич взял меня с собой в Кахетию, где он регулярно покупал у крестьян вино для своего обширного бизнеса. Утром натощак происходила дегустация. Крестьянин-винодел вел нас в марани (погреб, где в закопанных в землю огромных кувшинах — квеври, хранятся вина). Чтобы в кувшины не проникал воздух, они прикрываются круглыми каменными или глиняными крышками и вмуровываются в глину. Хозяин открывал квеври и сделанной из маленькой тыквы кружкой на палке отводил плесень и черпал вино. Оно наливалось в небольшой стаканчик. Александр Яковлевич накрывал его ладонью, несколько раз встряхивал и нюхал, как бы что-то вспоминая, оценивал аромат. Затем ополаскивал вином рот, выплескивал его и, сосредоточенно пожевывая оставшуюся пустоту, как бы прислушивался к чему-то. Если вино ему нравилось, он оставлял хозяину задаток. Квеври снова замуровывалось. В глину Александр Яковлевич вдавливал свою печать таким образом, чтобы квеври нельзя было бы открыть, не нарушив ее. Затем мы ехали к следующему виноделу.

И тут на пути из Телави в Напареули на нас внезапно напали разбойники с измазанными сажей лицами. Угрожая ружьем, один из них велел отчиму сойти с дрожек и потребовал денег. Видимо, предвидя такое развитие событий, Александр Яковлевич заранее прятал основную сумму под настил, а те, что остались в кармане, он отдал напавшим. Тогда один из разбойников велел ему разуться — хотя на ногах Александра Яковлевича были белые парусиновые туфли. Такое требование оскорбило моего отчима, он попытался апеллировать к разбойничьему кодексу, но разбойнику было не до этикета, видимо, у него совсем прохудилась обувь… Когда мы возвратились в Телави, этих грабителей поймали. Возница назвал следователю в числе пострадавших Александра Яковлевича, но мой отчим не стал давать показания и сказал: «Вот если бы я его встретил, я бы ему показал за то, что он меня заставил разуться. А обличать разбойника в суде недостойно мужчины».

Летом 1928 года мы вместе с моим сводным братом Бичико провели в Махинджаури, где у немца по фамилии Решет был снят весь верхний этаж дачного домика с правом пользования фруктами из его сада, овощами с огорода, а также дрожками с мулом для поездок в Батуми. Из происшествий этого лета мне запомнились следующие истории: мы, как все в первый раз попавшие на море, обгорели, и мама нас смазывала мацони (простоквашей); я чуть не утонул у берега, попав после пологого спуска на резко опустившееся дно. Спас меня отчим. По крику брата: «Ваня тонет!», он бросился в воду и вытащил меня. Наконец, мы научились плавать. На берегу валялась масса пробок. Мы собрали их, завязали в куски ткани и, подвязав этим плавсредством грудь, стали смело заплывать довольно далеко. Однажды я заметил, что вокруг меня плавают пробки, оказалось, что мой «спасательный круг» прохудился, я этого не заметил, так как уже умел держаться на воде самостоятельно.

К осени того года начало таять наше оставшееся состояние. Сначала мать продала квартиру, и мы переселились в две изолированные комнаты без удобств. Потом к нам зачастил комиссионер Ханпира, и все, что еще осталось от «былого величия» (а оставалось, с сегодняшней точки зрения, немало добра), постепенно перешло к нему. Это было столовое серебро, золотые карманные часы, мамины украшения. Под конец уже продавались оставшиеся книги. Они клались на диван корешками вверх. Полный диван принимался за единицу меры.

Причиной распродажи явился новый лозунг советской власти: «Когда свинья подросла — ее следует заколоть», который знаменовал собой окончание нэпа. Практически это делалось так:

рестораны облагались налогами, после выплаты которых назначался дополнительный налог, и так повторялось до тех пор, пока платить было нечем. Тогда нэпмана сажали в тюрьму. В результате все, что можно было превратить в деньги, моя мать распродала, но Александр Яковлевич все равно разделил общую судьбу нэпманов — его арестовали.

Чтобы продолжить рассказ, нужно вернуться несколько назад. В комнате у Александра Яковлевича, в которую, в конце концов, вселились все мы, висела большая красочная репродукция поясного портрета Сталина, опирающегося рукой о стол. По разговорам в семье я догадывался, что между Александром Яковлевичем и одним из главных в то время вождей существует какая-то связь. Об этом же говорили и другие факты.

В те годы в нашей семье была еженедельная традиция закупки съестных припасов. Александр Яковлевич очень любил этим заниматься. Приветствуемый торговцами, он шел по базару, приценивался, торговался, спрашивал оптовые цены. Снедь он покупал самого лучшего качества и всегда в два веса — в две плетеные корзины. Большая часть попадала в одну из корзин для нашего дома, меньшая — в другую корзину, которая предназначалась Кэке — матери Сталина. Эти корзины со снедью, следом за Сашей, по базару несли мы, братья.

Возвращаясь с базара, надо было зайти в бывший дворец наместника Кавказа, где в одном из домиков, расположенных в саду, на втором этаже, вдвоем с какой-то женщиной проживала Кэке — мать Сталина. Одна из корзин предназначалась ей. Часто я сам относил снедь Кэке. Во дворце бывшего наместника тогда размешалось грузинское правительство. Нередко Кэке приходила к нам домой, играла с мамой в лото.

Иной раз к нам приходил очень скромный, красивый и симпатичный молодой человек Яша Джугашвили. У него были характерные для Эгнаташвили приподнятые и широкие плечи. Мне запомнилось, что по улице он ходил не спеша и ставил ступни без выворота — параллельно.

И вот когда Саша (так моего отчима звал весь Тифлис, тогда город не очень большой) сел за неуплату налогов в тюрьму, моя мать пошла с этой тревожной вестью к Кэке, и они вместе отправились к тогдашнему председателю грузинского ЦИКа Филиппу Махарадзе. Тот сказал, что выпустить Александра Яковлевича можно лишь под чье-нибудь поручительство. Кэке тут же предложила свою кандидатуру. Махарадзе предупредил, что отчима выпустят с подпиской о невыезде и если он уедет, как это предполагалось, в Москву, то поручителя посадят в камеру вместо

него. А мать Сталина посадить в тюрьму нельзя.

Тогда призвали младшего брата отчима Васо, который в то время преподавал в средней школе то ли историю, то ли литературу. В отличие от Саши, он получил высшее образование в Киеве, жил недалеко от нас на Гановской улице с прекрасной семьей, супругой Еленой Платоновной и двумя детьми, нашими сверстниками Шота и Марикой. Сашу выпустили, он немедленно уехал в Москву, а вместо него в тюрьму попал его брат.

Отец моего отчима Якоб Эгнаташвили был состоятельным человеком, в Гори осталось немало имущества. И, чтобы заплатить налоги, стали распродавать вещи из горийского дома. Однако налоги, все увеличивались, недоимки множились задним числом, и распродажа имущества была зряшной попыткой высвободить моего отчима от социалистической кабалы. Тем не менее нам регулярно сообщали, как в Гори идет распродажа.

По приезде в Москву отчим поселился у какого-то сапожника, который помнил его еще по выступлениям в цирке. Через Яшу Джугашвили отчиму удалось сообщить Сталину о сложившейся ситуации. Ночью к сапожнику приехали чины из НКГБ, и встреча Александра Яковлевича со Сталиным состоялась.

Результатом этого свидания с «вождем народов» было письмо на имя Лаврентия Берии, которое пришло из Кремля. В письме было сказано, что Александр Яковлевич отныне стал работником ЦИК Союза и все обвинения с него должны быть сняты.

Таким совершенно поразительным образом из прогоревшего тифлисского ресторатора мой отчим в одночасье попал в высшую кремлевскую номенклатуру, в так называемый сталинский «ближний круг»!

На этом кончается история нэпмана и начинается совсем другая история. Вскорости Александр Яковлевич получил назначение заведующего хозяйством первого дома отдыха ЦИК на самой южной точке Крыма в бывшем имении знаменитого фарфорозаводчика и лошадника Кузнецова — Форосе. Моя мама уехала к отчиму в Крым. Чтобы окончательно порвать с прошлым, Александр Яковлевич изменил даже написание своей фамилии и стал писать ее с буквы «И» — Игнаташвили, а в кремлевских приказах его фамилия теперь писалась через «Е» — Егнатошвили. А брат отчима Василий Яковлевич вышел из тюрьмы вернулся преподавателем в школу.

Глава 7
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Времена не выбирают.
В них живут и умирают.

А. Кушнер

Мне было 13, а брату Мише — 15 лет, когда мы остались вдвоем в Тифлисе. Бюджет наш складывался из пенсии отца в 27 рублей, 35 рублей от проката рояля «Блютнер», который достался нам в наследство от дяди Кости, и 25 рублей стипендии брата, учившегося в ФЗО. Иной раз нам перепадали заработки от склепывания пружин патефонов, починки электропроводки, смены пробок или фотографирования стареньким аппаратом. Однажды меня позвали снимать покойника. Я сгонял с его лица мух, поправлял цветы, а потом оказалось, что умер он от черной оспы. Слава богу, пронесло.

Все, что можно было продать, кроме мебели и пары картин, к тому времени было уже продано для уплаты налогов. Рынки, еще совсем недавно полные провизией, обезлюдели — крестьяне не ехали в город. Налоговики из НКВД поработали хорошо — прилавки опустели. Наступило время карточного распределения, и мы с братом были постоянно голодными. Однажды, когда я пришел домой, хлеб мой оказался съеденным гостями брата. На столе лежало яйцо. Я решил его сварить, но Миша сказал, что яйцо ему подарил наш бывший швейцар Петрос. Я очень разозлился на брата, полез драться и победил его. Потом расплакался и ушел к товарищу. Там меня накормили вареной картошкой.

Тем временем я закончил 7 классов, и мы втроем с Мишей и Бичико поехали на лето в Форос. Денег было в обрез. Попав в Батуми, мы стали объедаться пирожными в греческих кондитерских. Остатки денег у брата украли при посадке, и двое суток на теплоходе «Крым» мы голодали.

Нас встретил Александр Яковлевич и в кузове полуторки повез в Форос. Дорога шла степью, затем начался подъем на хребет Яйла. Сквозь небольшой туннель в скале — Байдарские ворота, мы проехали перевал, и перед нами открылась замечательная панорама бескрайнего моря. Обычно экскурсионные автобусы здесь делают остановку, чтобы путешественники полюбовались этим прекрасным видом и поели

шашлыков.

Форос расположен за перевалом на склоне хребта. Море за многие века отвоевало у суши значительную часть, и берег здесь весьма крут. Пляжа практически нет, зато много огромных камней, теплых и ласковых летом, на которых приятно лежать и загорать. В отдалении — на не столь крутых склонах Фороса — были виноградники, ниже — огромный декоративный дендрарий — парк с растительностью, собранной бывшим его владельцем со всех континентов (фото 52–53). В парке много особо украшенных мест — «Райский уголок» с водопадом, образующим небольшое озеро в тени ливанских кедров, таинственный грот, «Итальянская площадка», где по середине куртин стоят вазы сплошь из различных цветов.

Бывший владелец Фороса, знаменитый фарфорозаводчик Кузнецов, содержал значительный конный завод, поэтому было много площадок для выезда лошадей, и огромный центральный круглый манеж, от которого, в виде лучей, отходили конюшни.

Бывшие лошадиные стойла были перестроены в помещения для отдыхающих попроще, а во дворце Кузнецова проживали наиболее почетные гости. Стены гостиной дворца были расписаны маслом известными художниками. Для развлечения имелась прекрасная бильярдная и кегельбан, различные игровые площадки. Был также клуб для рабочих, и кухня с большой столовой. В имении было множество всяческих построек для обслуги, содержания экипажей и прочее.

Ранним утром следующего дня Александр Яковлевич разбудил нас со словами: «Если вы думаете, что приехали сюда как главные отдыхающие, то я должен вас разочаровать…», и тут же определил нас на работу: Бичико — возчиком, Мишу — пастухом, а меня в помощники к огороднику. Этот самолюбивый человек не хотел пользоваться своим положением. Кроме того, Александр Яковлевич не терпел бездельников.

Работа мне нравилась. С утра, до появления парохода «Пестель», который заменял нам часы, я полол траву, рыхлил землю, подвязывал помидорные кусты, да мало ли работы на огороде. На завтрак мы ели помидоры и огурцы, заедая чесноком, а самое главное, хлеб был без ограничения. После возвращения с работы кто-либо из нас, братьев, приносил в судках обед. Денег нам не выписывали, работали мы за пропитание. Кроме того, нам было запрещено посещение биллиардной. Впрочем, этот запрет мы тайком нарушали.

Александр Яковлевич вечно что-либо придумывал по части улучшения хозяйства: расширил теплицы, закупил и откармливал телят на мясо, на окрестных склонах появлялись новые

плантации виноградников… Некоторые из его затей заканчивались конфузом. Однажды, например, он надумал разводить раков, купил их целую корзину и пустил в бассейн, где собиралась вода для полива огородов. Через некоторое время вода из бассейна перестала поступать. Оказалось, раки, любящие проточную воду, все один за другим полезли в сливную трубу, которая не была защищена сеткой, и подохли в ней. Пришлось трубу разобрать и вычистить из нее дохлых раков.

С утра до вечера Александр Яковлевич в качалке, запряженной его любимым жеребцом Чертом, мотался по территории. Директору дома отдыха, большевику-каторжанину Калугину бесконечные затеи управляющего не нравились, так как подчеркивали его собственную бездеятельность. Калугин считал, что уже добился своего и имеет право занять место бывшего барина Кузнецова по всем статьям. Командно-административная система в лице директора не выносила заинтересованности Александра Яковлевича: Калугин был всегда против его хозяйственных инициатив. Естественно, между моим отчимом и Калугиным возникла взаимная неприязнь, которая в конце концов вынудила Александра Яковлевича искать другое место работы.

Летом в Форосе отдыхало множество известных советских деятелей и их детей, впоследствии репрессированных или погибших. Среди них мы дружили со странным человеком, шурином Сталина Федей Аллилуевым. Он ходил в кепочке и с палкой, с вечно приклеенной к губе папироской и напевал свою любимую песню «Гоп со смыком». Взрослому обществу он предпочитал нас. Отдыхала в Форосе дочь Рыкова — Наташа, племянник Свердлова Адя, братья Кутузовы, Ада Полуян, вдова Лациса с рыжим сыном и множество других, впоследствии исчезнувших людей. Бичико, который был старше меня на три года, сдружился с некоторыми из них, за что потом чуть не поплатился своей карьерой, а может быть, и жизнью.

Приехал в Форос и милый человек Яша Джугашвили, страстный охотник, отличный бильярдист, открытая душа. Яша никогда ни в чем нам не отказывал, играл с нами в бильярд, давал в пирамиду вперед 40 очков фору, но все равно выигрывал и гонял нас под стол. Однажды Яша вернулся с охоты, неся на руках разжиревшего от безделья и поэтому уставшего директорского пойнтера. Я попросил у него ружье (у него был отличный «Зауэр») с тем, чтобы убить прилетавшего в «Райский уголок» коршуна. Я взял ружье, взвел два курка и надавил на спусковые крючки. Ружье оказалось заряжено! Заряд дроби попал в стену между маминым лицом и часами…

Отличное питание, морские купания, работа на свежем

воздухе, интересный досуг, игра в волейбол, танцы в рабочем клубе, ухаживание за милыми девочками — Форос казался нам раем. Но кончилось лето, и мы вернулись в Тифлис. К семейному бюджету прибавилась и моя стипендия, я стал учеником авто-ФЗО.

Практическое обучение было налажено хорошо. Поначалу нас учили обрубать чугунную отливку крейцмейселем, делать канавки, потом обрубать зубилом, опиливать драчевым напильником под угольник, дорабатывать бархатным напильником и шабровать. Вспоминаю какие-то строки из производственного романа: «…он мог бить молотком по зубилу, не опасаясь поранить себе руку». Эти навыки мы все приобрели довольно скоро. Потом изготовляли из поковок кронциркули, плоскогубцы, отвертки, измерители и другой инструмент.

Теоретические же занятия велись из рук вон плохо. Но главное было то, что в училище нас кормили хоть каким-нибудь обедом и давали рабочие карточки. Однако ФЗО к лету закрыли.

На следующий год получилось так, что Миша и Бичико уехали в Форос до меня, и мне пришлось добираться в Крым одному. К несчастью, теплоход «Армения» не прибыл в порт Батуми. Продрогнув за ночь на пристани, на другой день я попал на теплоход «Крым». В Севастополе меня никто не встречал. Денег, конечно, у меня не было. Тогда я принял решение идти 55 км пешком. Испытание было не из легких, если учесть, что у меня не было ни пищи, ни фуражки, а обут я был в футбольные бутсы с шипами. Шел я по обочине, была жара, мимо изредка пылили автобусы «Крым — Курсо».

На 29-м километре у села Арнаутка стояла грузовая машина с кольями для виноградников. На мое счастье она была из Фороса. Шофер сказал, что накануне он ждал меня на пристани.

В это лето мы жили в Тессели, в трех километрах от Фороса в небольшом одноэтажном домике (впоследствии Тессели стало местом постоянного отдыха Горького), и, конечно, опять все были обязаны «зарабатывать хлеб в поте лица своего». Приходилось забивать в землю колья на винограднике, подвязывать мочалкой то лозы, то помидоры. Затем я был определен в бригаду по ремонту помещений — скреб полы, пробивал шлямбуром дыры в стенах для электропроводки, помогал клеить обои и пр. Все эти навыки мне в дальнейшем пригодились.

Отчим все время придумывал, чем бы нас занять, давал он нам поручения и после работы, чтобы мы не толкались среди «партийных» отдыхающих. Но мы после трудового дня тут же уходили на пляж.

Мне было 14 лет, когда возник первый роман с милой

двадцатилетней кастеляншей Ниной Руденко. Впервые моему мальчишескому взору открылось чудо пышной молочно-белой, особенно на фоне загорелых плеч и живота, женской груди с маленькими аккуратными коричневатыми сосками, которые меня притягивали, наверное, не меньше, чем младенца. Нина дала мне впервые испытать блаженство обладания женщиной. Я был влюблен, казалось, на всю жизнь и как дурачок хвастался перед Мишей и Бичико своей связью.

Однако через дней десять приехал молодой человек Саша Металликов, который был ее прошлогодним ухажером. У Нины вечера стали заняты. Меня мучила ревность… В отместку по вечерам на танцах в рабочем клубе я стал ухаживать за другими девчатами. Но Металликов скоро дал Нине отставку, и она стала приходить по вечерам в рабочий клуб. Наша любовь продолжалась до отъезда в Тифлис. Потом — недолгая переписка. Письма ее были однообразны…

В 1935 году, когда я приехал в Москву, Нина меня нашла. Оказалось, она работала у Авеля Енукидзе сестрой-хозяйкой. Авель был холост, и обязанности Нины, скорее всего, не ограничивались одним хозяйством. Однажды у Нины оказались билеты на «Пиковую даму» в Большой театр… Впечатление от оперы было потрясающее. Нина полагала, что на будущий год, когда мне исполнится 18 лет, мы могли бы пожениться. У меня были совсем другие планы, и мы расстались навсегда.

Однако вернемся в лето 1931 года. Колхозные суровые порядки, которые завел в Форосе отчим, нас не вдохновляли. Тогда Александр Яковлевич перевел нашу бригаду на подряд. Нужно было привести в порядок запущенный парк Тессели. Объем работы определил немец-садовник — Николай Ионович, работавший еще у Кузнецова, автор всех чудес Форосского парка — «Итальянской площадки», кипарисовой аллеи и других. По его планам Тессели не должны были уступать Петергофу. Мы сразу поняли, что жизнь коротка и такого объема преобразований нам не одолеть. И тут Бичико осенила идея — работать посменно. Суть метода была проста, как колумбово яйцо — один из нас везет тачку с мусором, другой сгребает мусор в очередную кучу, а третий в это время отдыхает в тени. Затем отдохнувший грузит мусор и отвозит его на свалку, «тачечник» сгребает кучу, а утомленный сборщик расслабляется. Самым скучным делом был отдых в тени, поэтому «отдыхающий» стремился помогать общему делу советами. Впоследствии Агропром точно так же «советовал» колхозным хозяйствам, какие и как им выращивать овощи. Правда, Агропром это делал со значительно большей пользой — праздные советчики забирали себе львиную долю урожая.

Мы были на арендном подряде, и нами было выговорено право — самим выбирать режим работы. Было решено ударно трудиться в вечерние прохладные часы, поскольку днем в Тессели было слишком жарко. По утрам, разумеется, мы отправлялись купаться, в обед — бежали в Форос за судками. После послеобеденного отдыха мы обычно играли в волейбол с отдыхающими. С таким распорядком работа по улучшению ландшафта в Тессели стала. Тогда мы придумали убирать парк при свете лампы «летучая мышь». Рабочие, которые видели детей завхоза работающими даже ночью, удивлялись нашему трудолюбию. Но пришла мама со своим немецким рационализмом и разогнала нашу артель. Тут и Александр Яковлевич заметил, что мы валяем дурака, и тут же мы были возвращены к рабскому труду за жратву: Бичико — возчиком, Миша — пастухом, а я — на огороды…

Сейчас, когда идут горячие дискуссии о формах организации труда, я вспоминаю наши славные опыты. Мой отчим постоянно изыскивал возможности улучшать хозяйство. Александр Яковлевич был «запрограммирован» как хозяин и иначе жить не мог. А ведь не попади мой отчим тогда к самому Сталину, и он был бы превращен, как миллионы трудяг и бывших «хозяев», в лагерную пыль. Не то же ли самое происходит и сейчас с немцами Поволжья, которым то дают, то не дают возможность работать на земле, и практически все они уехали в Германию.

Вот еще недавний пример — архангельский мужик, на которого навалилась вся бюрократия, по сути бывшая партийная власть. Чиновники так и не дали развернуться поморскому человеку, и все его хозяйство сгинуло. Не дают генералы мужику прокормить себя, мешают!.. Дикие коммунистические нравы все еще висят цепями на ногах…

А в то далекое лето был объявлен набор на строительство гиганта первой пятилетки — Керченского металлургического завода. Тогда мы, как герои «Чевенгура», думали до осени «построить социализм». Я записался добровольцем и поехал в Ялту. На вид я был здоровым 70-килограммовым парнем. Однако после заполнения анкеты меня по возрасту не приняли, и я вернулся в Форос.

Потом я часто думал: почему моя мама отпустила 14-летнего подростка рыть платоновский «котлован»? Она сама была воспитана в таком духе. Теперешние родители чуть ли не до 30 лет держат своих детей под крылышком. Откуда это взялось? Почему такое пренебрежение к труду? Ведь в США 13–14-летние подростки уже стараются что-то делать, зарабатывать деньги, и это всячески поощряется даже состоятельными родителями.

Вернувшись в Тифлис, я устроился учеником токаря по металлу в малюсенькую мастерскую, где станки принадлежали мастерам. Мой учитель Алекси имел необычную методику обучения. Он работал за станком, а я стоял напротив и следил за ним весь рабочий день. За моей спиной была полка с резцами и другим токарным инструментом. Время от времени Алекси протягивал руку. Я должен был догадаться, что ему понадобилось. Если я давал ему не то, он тут же бросал инструмент на пол и снова протягивал руку. Потом я должен был собирать разбросанный инструмент. Платил он мне 80 рублей. В перерыве я покупал для него грузинский лаваш по коммерческой цене 17 рублей 50 копеек за килограмм (7 рублей фунт), и он сжирал весь лаваш один.

Как-то раз у него сломалась на «гитаре» 60-зубчиковая шестеренка, а ему необходимо было нарезать резьбу. Он дико ругался. Я посоветовал ему поставить на штару 75-зубовую, чтобы сохранить соотношение 1:3. Он был крайне удивлен моему совету. Сказал, что это глупость, но все же попробовал. После он уже стал пускать меня к станку, а затем определил в вечернюю смену, чтобы я работал самостоятельно. Как-то узнав, что я выполнил халтуру, а денег ему не отдал, он вычел их у меня из зарплаты.

Через пару дней, когда вечером в мастерской были только я и другой ученик, брат одного из токарей и поэтому работавший самостоятельно, мы с ним по какому-то поводу подрались. Тем временем на моем станке протачивался вал, и был включен самоход. После того как мы выяснили отношения, я с ужасом обнаружил, что суппорт уперся в переднюю бабку и оторвался замок на «фартуке». Я плюнул и больше в мастерскую не пришел.

В Форосе Александр Яковлевич окончательно убедился, что с директором, бывшим политкаторжанином, а ныне барином Калугиным ему не сработаться, и поехал со своими проблемами в Москву к Авелю Сафроновичу Енукидзе. Председатель ЦИК Союза тут же назначил его директором летнего лагеря балетной школы Большого театра в местечке Манькина гора на реке Пахре. Одновременно было получено разрешение на поездку моей мамы в Германию для свидания с дочерью Лизой. Вероятнее всего, основной целью этой поездки была необходимость врачебной консультации по поводу болезни почек, которой страдала дочь Александра Яковлевича — Тамара. Вдвоем они поехали в Германию.

После того как мой отчим был направлен на работу в Пахру, ему была выделена квартира в Москве — две комнаты в общежитии ЦИК, которое располагалось на втором этаже левого

крыла нынешнего ГУМа.

Общежитие представляло собой длинный коридор, по обе стороны которого были большие, метров по 40, комнаты. Один ряд этих комнат был обращен к Красной площади, другой — на первую линию ГУМа с балконом по всему периметру. Нашей квартирой стали последние две комнаты в торце коридора с окнами на Красную площадь. Удобства были при входе в общежитие.

Мы с братом в это время жили в Тифлисе.

Через пару месяцев, ко времени возвращения мамы и Тамары из Германии, Александр Яковлевич специально приехал в Тифлис и взял нас в Москву для встречи. В дороге я предварительно осведомился у кого-то, что мы приедем на Курский вокзал. А наш поезд прибыл на Каланчевку. Когда мы сели в пролетку извозчика, я, желая показать брату свою осведомленность, показывая на Казанский вокзал, сказал: «Миша, вот это Курский вокзал». Отчим, отлично знавший Москву, поправил меня, сказав, что это Казанский. Я ему возразил: «А я думаю, что это Курский вокзал». «Если ты так хорошо знаешь Москву, — сказал Александр Яковлевич, — слезай с извозчика и иди пешком». Я, будучи уверен в своей правоте, довольно долго бежал за извозчиком (благо, мы прибыли ночью), пока не согласился, что это был Казанский вокзал.

Мы ждали приезда мамы, а Александр Яковлевич нас развлекал. В Хозуправлении ЦИК СССР ему дали два билета в Большой театр на премьеру восстановленной оперы Глинки «Жизнь за царя», переименованной в «Ивана Сусанина». Только значительно позже я понял, какая это была привилегия — присутствовать на этом представлении.

Посещение оперы потрясло нас с братом. Особенно запомнились две сцены, когда Сусанин (его пел знаменитый Михайлов), заведя поляков в непроходимые лесные дебри, прощается с жизнью. Сама по себе, для неискушенных слушателей, ария была скучная и очень длинная, но все время на сцену падал густой снег, и это было очень удивительно, и апофеоз — когда посреди ликующей толпы (хора) под колокольный перезвон на белых конях въезжают Минин и Пожарский.

Зал в едином патриотическом порыве аплодировал участникам спектакля. Включилось освещение, и артисты, в свою очередь, глядя в одном направлении, принялись аплодировать. Зрители стали оборачиваться, и вдруг зал загремел шквалом аплодисментов и возгласов в честь товарища Сталина, который вместе с членами Политбюро, стоя в царской ложе, аплодировал

артистам, приветствуя жестом и зрителей.

Такое состояние всеобщего воодушевления длилось довольно долго. Некоторые зрители, чтобы оказаться хоть чуть-чуть ближе к великому вождю залезли на бархатные стулья, немало женщин от полноты чувств плакали. Да и у нас с братом Мишей от этого спектакля осталось грандиозное впечатление.

Вскоре мама вернулась из Германии (фото 54), и мы все вместе приехали в Тифлис.

Германия маму очень разочаровала. Репарации Версальского договора разоряли страну. И без того расчетливые немцы стали чрезвычайно скупыми. Моя бабушка овдовела и одна содержала небольшой пансионат. У мамы были две сестры — Вали и Эльза — и брат Пауль, однако никто из них никаких подарков нам не прислал. Даже разговор по телефону мама должна была оплачивать сама, для чего у телефона стояла специальная коробочка. Сестру мою Лизу Эльза использовала как домработницу. Впрочем, к тому времени моей сестре шел уже 21-й год, она обучилась массажу и этим делом зарабатывала себе на жизнь. За 6 лет бабушка подарила единственной внучке Лизе (все ее дети, кроме мамы, были бездетны) один халат.

Впрочем, даже при такой удивительной, с нашей точки зрения, скаредности и послевоенной нужды, немцы оставались честными людьми. Нас поразил мамин рассказ о том, что однажды при переезде с крыши автомашины упал ее чемодан с вещами. Приехав в дом к сестре Вали, мама обнаружила пропажу и стала сокрушаться. Тогда Вали сказала, что ее чемодан наверняка находится в полицейском участке. Она позвонила туда, и действительно, чемодан уже был в полиции. В участке маму попросили оценить его стоимость и взыскали в пользу нашедшего 10 %.

Прошло полвека. Недавно один товарищ рассказал мне историю, которая демонстрирует, с одной стороны, генетическую честность немецкого народа, а с другой — нашу с ними психологическую несовместимость. Дело было так. Выехал один местный парень с женой немкой на ее историческую родину. Прошло несколько месяцев, смотрю, парень вернулся. «Почему?» — спрашиваю. Он отвечает: «Приехал в Германию, в городок „N“, ну, по-немецки я ни бум-бум. Устраиваюсь шофером, развожу муку от своей фирмы к заказчикам, и никто меня нигде не проверяет. Сам гружу, сам разгружаю… Взял и завез пару мешков домой. На другой день меня встречает хозяин и объясняет, что двух мешков не хватает. Я ему говорю, наверное, мол, свалились с грузовичка во время поездки. Да, говорит хозяин, возможно. Погрузи, говорит, сейчас пару мешков и сбрось их на дороге там,

где, как ты думаешь, они могли упасть. Сказано — сделано. Гружу два мешка, еду и бросаю их на дорогу, возвращаюсь на фирму. Только приезжаю, телефонный звонок. „Звонят из полиции, — говорит хозяин, — там-то и там-то валяются ваши фирменные мешки с мукой. Заберите их, говорят, поскорее, иначе будете платить штраф. А теперь поезжай, — говорит мне хозяин фирмы, — привези мешки и получай расчет“. Вернулся я на родину, увидел наш бардак, вроде опять в Германию потянуло…»

Но вернемся к рассказу. С тех пор как мама вышла замуж и покинула Германию, прошло 20 лет. У нее оставались радужные воспоминания детства и отрочества, которые после посещения совершенно поблекли. После поражения в Первой мировой войне Германия стала такой, какой ее описал в своем романе «Человек человеку волк» Ганс Фаллада. Родственники не раскошеливались даже на еду, и чтобы жить в гостях, маме пришлось продать каракулевую шубу, в которой она приехала навестить родню.

Но кое-какие гостинцы мама нам все же привезла. Наибольшее впечатление на нас, мальчиков, произвел старинный патефон в деревянном ящике с внутренней трубой без крышки и к нему много пластинок с немецкими песенками, танго и фокстротами — таких не было ни у кого в Тифлисе. Среди привезенных ею вещей были также две пластмассовые кружки ярко-красного и зеленого цветов. Случайно уронив одну из них, мы обнаружили, что она даже не треснула. Это было поразительно! Ведь до этого у нас еще никто не видел пластмассовых изделий. Трюк со случайным падением кружки мы показывали всем нашим гостям, пока наконец эти кружки не разбились.

Но вот пришла пора Александру Яковлевичу окончательно перебираться на место новой работы — и переезжать в Москву. Однако до отъезда случилось происшествие, которое повлияло на всю мою дальнейшую судьбу. Видимо, мама нарушила какое-то табу этого «азиата», и он грубо ее толкнул. Мама упала на тахту. Тут же мой отчим получил удар по голове половой щеткой. Это я защищал свою мать. Он обернулся ко мне… Я ему высказал свое мнение о мужчине, который бьет женщину, и сказал, что сначала ему придется иметь дело со мной! От полноты чувств я обливался слезами. Надо отдать должное Александру Яковлевичу — он с возмущением устремился на меня, однако сдержался, ничего не сказал и вышел из комнаты. Я тоже ушел из дому и остался ночевать у нашего семейного доктора Боги. После этого события я отказался ехать со всеми в Москву и остался в Тифлисе один.

Я уже рассказывал, что в нашем доме во флигеле в малюсенькой комнате жил бывший кахетинский князь, а в те

времена — конюх, Илико Вачнадзе с женой и двумя детьми: Вано был сверстником Миши, а младшая Софико — одного возраста со мной. Бывший князь был невысок ростом и весьма энергичен. Когда-то он пестовал своих скакунов, а теперь столь же истово привязался к казенным. Но его супруга отнюдь не походила на жену конюха — вела себя крайне высокомерно, общалась с соседями свысока. Поэтому «княгиней» се величали исключительно в ироническом тоне. Их сын, мой приятель Вано, работал в типографии линотипистом и как-то познакомил меня со своим коллегой Жорой Григоряном. Это был сутулый, худощавый молодой человек, небольшого роста, с постоянным румянцем на худых скулах рябоватого лица. Как и Вано, он тоже был линотипистом, и его тонкие пальцы шустро набирали за смену 40 тысяч знаков чистого набора. По его рекомендации начальник линотипного цеха дядя Давид принял меня в качестве ученика. После старинных токарных станков меня поразила умная машина, которая отливала строки и сама разбирала матрицы обратно в магазин. Преимущество новой работы было еще в том, что всем нам ежедневно выдавали по пол-литра молока за вредность.

Очень скоро я уже мог набирать до 20 тысяч знаков за смену, однако поначалу набор получался очень грязный, и на правку уходило много времени. Ежедневная практика по исправлению корректур восполняла школьные пробелы в образовании. Оплата была сдельной, и я постоянно досадовал на то, что время пролетает слишком быстро.

Рядом со мной работал старый наборщик, пьяница и грамотей Митрич Никитин. Когда я обращался к нему с вопросами о том, как правильно написать то или иное слово, он молча отливал строку с этим словом и бросал горячую отливку мне. У него были грамотные руки, которые никогда не допускали ошибок. Хотя Митрич зарабатывал много, зимой он ходил без пальто. Как-то раз наборщицкая братия решила его одеть — скинулись и купили ему пальто. С радости Митрич всех нас пригласил в кабак. Там играл артист Сашка, такой же, какого описывает Куприн в «Гамбринусе». Играл Сашка, что называется, «вынь да положь». Не хотелось расходиться, а деньги кончились. Тогда Митрич встал и стремительно вышел. Вернувшись, он еще заказал выпивку и закуску. Вышли — смотрим Митрич без пальто. Где? «А я его толкнул, — говорит Митрич, — так хорошо сидели!» Так он и остался без пальто. Придет в типографию озябший, погреет руки над расплавленным металлом и пошел набирать.

Удивительные в то время нравы были в наборном цеху. После

получки редактор газеты «Заря Востока» нередко ездил по домам, привозил своим наборщикам опохмелку, а затем доставлял их на работу. Иначе бы газета не вышла, и был бы великий скандал. А арестовать пьяницу-линотиписта нельзя, некому будет делать газету.

У линотипистов был еще один способ поддать. Иной раз в типографию приходил частный заказчик, желающий поскорей издать свою книгу. Тогда за это брались все лучшие линотиписты и за ночь набирали 5–6 печатных листов. Заказчик заранее вручал дяде Давиду деньги, и под утро все вместе шли на Солдатский базар кушать хаши под чачу.

Я работал во вторую смену. Закончив работу, шел домой, покупал в «Еркопе» полкило винегрета, зажигал керосинку, грел чай и ел винегрет с хлебом. Света дома не было, так как электролампочки были в дефиците. Время от времени ночью приходилось залезать на уличный столб, чтобы разжиться лампочкой, но они быстро перегорали.

По воскресеньям утром приходил Жора Григорян и говорил: «Ваня, будешь пить — умрешь, не будешь пить — все равно умрешь… так лучше пить!» Потом он начинал заглядывать под кровать, под шкаф, спрашивая, не забросил ли я по пьянке куда-либо рублей 20 и «находил» их. Появлялась причина сходить в кабак…

Так я постепенно стал втягиваться в алкоголизм. Но тут мне занятия борьбой помогли преодолеть этот порок. Молодость… Откуда она берет энергию? Я стал ходить в «Совпроф», где на чердаке были разложены ковры. Здесь я попал в среду отличных парней и стал более или менее регулярно тренироваться.

Наличие патефона с иностранными пластинками танго и фокстротов привлекали в мою комнату компании молодых людей, и мы увлеченно танцевали. Одиноко проживающий 17-летний здоровый парень очень беспокоил трех моих соседок бальзаковского возраста. Одна из них — высокая красавица с орлиным носом и голубыми большими глазами, жена ответственного коммуниста, и вторая — привлекательная своей мягкой, характерной израильской красотой, — младшие приятельницы моей мамы, выбирали время, когда у меня никого не было, и приходили танцевать. Мы очень возбуждались, но ни я, ни они не решались переступить порог дозволенного…

Третья — Нина, бездетная жена провизора, была русоволоса, сероглаза, без ярких красок, но всем своим видом вызывала похоть. Она избрала иной путь моего совращения. Работая во второй смене, я обычно поздно вставал. Являлась Нина, садилась у изножья моей кровати, принимала соблазнительную позу,

демонстрируя свои прелести без нижнего белья, и начинала мне что-нибудь читать вслух. Я страшно возбуждался, но никак не мог решиться на сближение. Первый шаг сделала Нина. Однажды она решительно накинула дверной крючок, разделась и со словами «долго ты еще будешь мучить меня?» влезла в мою постель. Мы стали любовниками. Фантазия Нины по части сексуальных забав была неисчерпаема: она была истинной жрицей любви и посвятила меня в тайны любовных наслаждений.

Хотя моя сестра Лизочка в Германии бедовала, но по просьбе мамы присылала мне иной раз 10 марок, на что я мог в торгсине купить что-либо съестное. Нет, я не чувствовал себя обделенным или несчастным. Более того, я влюбился в чудесную черноокую, высокую, смуглую девушку Валю и находил время для свиданий с ней. Так я прожил один в Тбилиси около года.

В конце 1934 года мама написала мне, что Александр Яковлевич как-то в разговоре сказал, что в том эпизоде с половой щеткой я поступил как должно — защитил свою мать. Поэтому, если я ничего не имею против, он зовет меня переехать к ним в Москву.

Кто думает о здоровье в молодые годы? Сейчас я понимаю, что к тому времени я уже «доходил». Обедать я ходил на кухню к повару, который отпускал обеды на дом. Он за гроши давал мне то, что у него оставалось в котлах. Однажды я устроил себе пир — купил 200 граммов обрезков ветчины, круглый лаваш весом 800 грамм и все это сразу съел.

Так или иначе, как раз после убийства Кирова я переехал жить в Москву и стал работать наборщиком в типографии «Известий». К моему удивлению, за линотипами здесь сидели в основном молодые ребята — выпускники специализированного ФЗО и почти не двигая предплечьями, работая всеми пальцами, без труда набирали столько, сколько наш знаменитый Митрич набирал четырьмя.

Мои братья в это время работали в Манеже, где был гараж ЦИКа. Миша — монтером, а Бичико — шофером на эмке в общем разгоне. Одновременно мы все пошли на курсы по подготовке к экзаменам в высшие учебные заведения. Если еще добавить, что три раза в неделю мы ходили на стадион «Коммунальников» и тренировались по французской борьбе, а после этих занятий частенько дожидались 12 часов ночи, чтобы купить по талонам хлеб уже на следующее утро, то остается удивляться, откуда брались силы для довольно интенсивных ухаживаний за московскими девицами. У нас даже завелась почти платоническая любовь с проститутками, базировавшимися на Центральном телеграфе. «Платонизм» объяснялся отсутствием у нас денег,

однако время от времени они нас баловали «товаром» своей торговли. Порой у нас даже возникали взаимно нежные отношения. Одна из них, узрев сразу трех братьев — здоровых лбов, уговаривала нас устроить совместное предприятие: она будет приводить в условленное место клиентов, а мы будем их раздевать. Но ее планы не совпадали с нашими устремлениями на будущее.

Летом 1935 года мы поехали в поселок Манькина гора. Впрочем, поселка там не было. Среди великолепного русского ландшафта на реке Пахре располагалось несколько строений, где жили, питались, танцевали и тренировались молоденькие балерины и танцоры балетной школы при Большом Театре, а также их преподаватели, таперы и надзиратели за их нравственностью в званиях пионервожатых и комсоргов. Говорили, что это чье-то бывшее имение, конфискованное после революции, «подарил» школе танцев меценат и обожатель балета Авель Енукидзе.

К сожалению Александра Яковлевича здесь не было ни огородов, ни стад, ни лошадей и было невозможно загрузить нас ежедневной работой. Мы отдыхали в полной мере, купались в реке, собирали грибы. Но главное, мы влюблялись… Старшеклассницы балерины… Боже мой, кого они только не покоряли: великих князей, великих поэтов («души исполненный полет и вот летит и вот плывет и быстрой ножкой ножку бьет») и государственных деятелей! А тут такой цветник… Правда, их строго охраняли «церберы», но даже Леонсио с большим штатом надзирателей не смог уберечь одну рабыню Изауру…

Но вот случилось непонятное происшествие — пассия Бичико вдруг пропала, исчезла. Бедный Бичико! Он был особенно влюбчив и предан предмету своего обожания. Правда, подобных случаев за нашу с ним долгую жизнь у него было предостаточно, но когда человек влюблен, этот «предмет» — единственный и неповторимый. Представить только, парню 22 года и у него из-под носа куда-то исчезает, как у Руслана, его Людмила. Спустя некоторое время девушка столь же неожиданно появилась, и Бичико с пристрастием стал допрашивать свою любимую. Она долго запиралась, но в конце концов выяснилось, что она гостила у дяди Авеля Енукидзе! Какое крушение чувств и надежд!

Через некоторое время пропала другая… Впрочем, когда мы вернулись в Москву, связи с нашими подругами не прерывались, некоторые из них не отказывали в благосклонности и нам. «Дядя Авель» был холост и, конечно, время от времени нуждался в дамском обществе. Так я второй раз (первый раз через Нину Руденко) заочно познакомился с этим дядей. А раньше я, читая

«Тупейного художника» Лескова, думал: «Ах, какой же негодяй этот помещик, заставляет своих крепостных баб с ним сожительствовать!» Оказывается, большевики достойно заняли места бывших бар и помещиков. А потом были процессы Берии, Кобулова, Деканозова…

И помещики-самодуры в сравнении с этими волками стали казаться агнцами невинными.

На удивление нашей мамы я сдал экзамены в Московский автодорожный институт, а брат Миша в Менделеевский химико-технологический. Бичико же поступил на подготовительные курсы Военной академии имени Куйбышева.

На наше счастье, это был единственный год, когда для поступления в вуз не требовалось аттестата за полную среднюю школу.

На первом экзамене по русскому языку я единственный из всех абитуриентов выбрал тему «Кадры решают все». Наборщицкая память сохранила статью на эту тему журналиста Заславского, а практика линотиписта позволила мне грамотно ее изложить. Каково же было изумление экзаменатора, когда выяснилось, что абитуриент, получивший пятерку, вовсе не знает грамматики. Мое объяснение его удовлетворило, и общей оценкой осталась пятерка. После поступления в институт я встретил в Москве своего однокашника Акопа. В школе он был изрядный драчун, учился ни шатко, ни валко — на тройки. После окончания семилетки я его потерял из виду, и вот — неожиданная встреча. Акоп спросил меня, не хочу ли я поступить в институт. Оказалось, что Акоп занимался устройством кавказцев в московские институты. Технология этого жульничества была гениально простой. В Москве были институты с большим конкурсом, а были и такие, в которых был недобор. В первых институтах, не прошедшим по конкурсу абитуриентам выдавали справки, а во вторых институтах тех абитуриентов, которые приносили такие справки, зачисляли в число студентов. Акоп каким-то образом доставал незаполненные справки с печатями, в которых оставалось только проставить фамилию и количество набранных баллов, и продавал их. О себе он сообщил, что собирается поступить сразу на второй курс МВТУ им. Баумана, для этого он где-то раздобыл матрикул Грузинского политехнического института с закрытым первым курсом. Я себе ясно представил, каким олухом будет выглядеть Акоп, который не смог освоить в школе четыре действия с простыми дробями, на 2-м курсе этого престижного института. Я горячо его отговаривал:

— Поступай, раз уж так тебе хочется, на первый курс, — советовал я ему, — пройди основы высшей математики,

начертательной геометрии…

Но Акоп возразил мне, что не желает терять целый год, тем более что есть возможность сразу поступить на второй курс.

Конечно, предприятие Акопа окончилось полным конфузом. Сразу была обнаружена его младенческая неграмотность. На запрос, посланный в Тбилиси, пришел ответ, что такого студента в политехническом институте никогда не было, и Акопа арестовали. Отсидев срок, он вернулся на родину, освоил профессию жестянщика и успешно торговал в войну печурками и трубами к ним. Потом перешел в торговлю, даже разбогател, женился, дождался внуков и недавно, в окружении любящих домочадцев, умер. Мир праху твоему, мой школьный товарищ!

В автодорожном институте я учился без троек. Одновременно регулярно ходил на тренировки по французской борьбе на Красную Пресню в спортивное общество «Коммунальник» к тренеру-чемпиону СССР Николаю Баскакову. Здесь тренировались довольно известные борцы — двукратный чемпион СССР Александр Казанский, часто приходил бывший тбилисец, знаменитый борец Григорий Пыльнов и много других отличных спортсменов. У меня были неплохие успехи — уже в первый же год я стал чемпионом Москвы в первом разряде и получил значок мастера МОСПС.

Видимо, мой стиль борьбы приглянулся Грише Пыльнову, для меня же он был недостигаемым примером, и мы подружились. Как-то он мне посоветовал: «Ваня, ну что это за занятие — строить дороги? Переходи к нам в институт физкультуры». Эта идея мне понравилась. Перед окончанием первого курса я написал заявление в деканат о переходе. Осенью сдал нормативы по физической подготовке и в 1936 году был принят на первый курс Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры имени Сталина.

Глава 8
СОГРЕТЫЕ СТАЛИНСКИМ СОЛНЦЕМ…

Недалеко от Кунцево, за речушкой Сетунь, в трех километрах от последней остановки автобуса был небольшой Дом отдыха ЦИК (впоследствии переданный НКГБ, а ныне ставший московской резиденцией «олигарха» Абрамовича), назывался он «Заречье». В основном здании на первом этаже был пищеблок и зал, где показывали кино или танцевали, на втором этаже была гостиница для отдыхающих.

На довольно обширной территории, недалеко друг от друга, среди берез и елей стояли маленькие коттеджи для отдыхающих семей.

Особняком, с прилегающим к ней садом, располагалась роскошная, двухэтажная дача наркома водного транспорта Пахомова, с шикарной бильярдной, зимним садом и музыкальным салоном.

При Доме отдыха было небольшое хозяйство, молочная ферма, огороды, птичник.

В общем, очень симпатичный подмосковный Дом отдыха.

Сюда осенью 1935 года был назначен директором мой отчим Александр Яковлевич. Поселился он с мамой в коттедже, на втором этаже которого была их спальня и мансарда, где спали и мы во время своих визитов. Из трех комнат первого этажа отчим с мамой использовали лишь одну столовую, в другой жил комендант, а третья предоставлялась отдыхающим. Это постоянное стремление — довольствоваться лишь необходимым, было характерно для моих родных. Когда в 1937 году Александр Яковлевич стал генералом и ему предложили занять дачу репрессированного к тому времени Пахомова, он категорически отказался. Дача так и стояла пустой, и лишь мы, мальчики, тайком от Александра Яковлевича, вместе с Яшей Джугашвили иной раз ходили туда поиграть в бильярд.

Главной заботой Александра Яковлевича было питание постояльцев, а главным увлечением — хозяйство.

Александр Яковлевич сманил из какого-то ресторана повара-рачинца по фамилии Метревели (горная Рача — это малоземельный район Грузии, откуда в прошлые годы крестьяне уходили на отхожий промысел, большею частью становясь отличными поварами или хлебопеками). Александр Яковлевич положил ему зарплату в два раза превышающую максимальный

для шеф-повара оклад, но с одним условием: чтобы он не воровал. Потом Александр Яковлевич объяснил нам, что, как правило, повара воруют продукты. Но если нечист на руку шеф, то за ним потянутся все кухонные работники. Только честный шеф-повар может воспрепятствовать растаскиванию продуктов. Таким образом, стоимость сохранившегося добра значительно превысит сумму второго оклада шеф-повара.

Личная заинтересованность работника в честности своего труда — при любых социальных формациях! — основной двигатель экономики. Но этого все никак не хочет признать наш административно-хозяйственный аппарат. Если работник честен, значит, он дорожит своим рабочим местом. А наши чиновники, дружно грабя государственную казну, пробавляясь взятками и поборами, призывали, да и по сей день призывают обнищавшее население к честности и трудолюбию…

Александр Яковлевич очень любил, чтобы с субботы на воскресенье мы приезжали в Заречье, и ругал того из нас, кто нарушал заведенный порядок. Особенно радовалась нашим субботним наездам мама. После блестящего, интеллигентного тифлисского общества, где была «королевой» салона, мама жила в Заречье как канарейка в клетке. Ее единственной собеседницей была полуграмотная женщина Нюра, помогавшая ей возиться с индюшками и в делах по дому.

По субботам, ожидая нас часам к пяти, мама отбивала филейные бифштексы и резала картофель, а потом садилась на верхней ступеньке лестницы, откуда метров на 400 просматривалась дорога. Увидев кого-либо из сыновей, мама торопилась на кухню, чтобы встретить своего отпрыска кровавым бифштексом со свежепожаренной картошкой. Это было всеми любимое блюдо, которое дополнялось множеством разносолов — маринованными грибочками, огурцами, помидорами, сладко-острым соусом ткемали и, конечно же, отличным вином.

Мама садилась за стол, ничего не ела, внимательно слушала рассказы о наших делах и сообщала новости служебных и хозяйственных успехов Александра Яковлевича или сведения о Германии, услышанные ею по радиоприемнику СИ-235. Такие встречи, конечно, были для мамы и для нас большой радостью.

К субботнему ужину обычно собиралась вся семья, и начиналось грузинское застолье, хотя пили мы немного, но пожелания здоровья в тостах было обязательным ритуалом.

В воскресенье вечером мы уезжали, Александр Яковлевич не разрешал маме давать нам продукты с собой в Москву. Такой щепетильной честности был человек.

Боже мой! Порядочность, обязательность… стали

рудиментарными понятиями. Кто сможет остановить сейчас это всеобщее разворовывание? «Где начало того конца, которым оканчивается начало?..» Нет ответа!

Выше я в очередной раз упомянул об увлеченности Александра Яковлевича хозяйством. Конечно же, фермерство было его призванием. За короткий срок он построил парники и уже весной обеспечивал ранними овощами и клубникой не только отдыхающих, но изрядные излишки продавал по договору в гастроном № 1. Он улучшил стадо коров, прикупив породистых «цименталок». Чтобы быть постоянно в курсе дел скотного двора, Александр Яковлевич установил на ферме местный телефон и, проснувшись, еще лежа в постели, осведомлялся о том, как прошли роды у его любимицы Красавки, кого она принесла, и, одевшись, тут же бежал полюбоваться на новорожденного теленка.

Если Александр Яковлевич обнаруживал в стойле грязь или замечал, что кто-то отлынивает от дел, он устраивал страшный разнос, но зато радивых работников поощрял всячески. На этой госдаче проявлялись его, никем здесь не сдерживаемые, инициатива, предприимчивость и талант хозяина.

Служащим Дома отдыха и совхоза при Александре Яковлевиче жилось сытно и весело. Каждый вечер со стороны клуба, где показывали кинокартины, раздавались звуки гармони, работницы отплясывали русскую и «кондратия», пели частушки.

Вряд ли Александр Яковлевич предполагал, что заботясь о матери Сталина в Тифлисе, ему вскорости придется поехать в Москву с тем, чтобы прибегнуть к помощи ее сына и только таким образом спастись от гибели в застенках. Но его благодарность Сталину за поддержку, за спасение от бериевского произвола была безмерной. Сталин обладал способностью привораживать людей, и мой отчим оказался в числе лиц, бесконечно ему преданных.

Как благочестивые евреи не имеют права называть имени своего Бога вслух, так на имя вождя в нашем доме было наложено табу.

Однажды Яша, который со своей супругой Юлией Исааковной, красивой, смугловатой брюнеткой, нередко приезжавший по субботам в Заречье и почти никогда не говоривший о своем отце, неожиданно рассказал сочиненный Карлом Радеком анекдот: «Продавец брошюр выкрикивает: „Шесть указаний“ товарища Сталина! Цена три копейки. Каждому указанию — грош цена!»

Александр Яковлевич, любивший Яшу, очень расстроился и сделал ему замечание по-грузински: «Не надо такое говорить!»

Мама тайком рассказывала нам, что Саша за последнее время нередко присутствует на застольях у Сталина.

Однажды наш знакомый, кахетинец Вахтанг Кереселидзе, привез из Грузии четыре огромных арбуза, кахетинское вино, нечерствсющий грузинский хлеб «махобела», который печется специально в дорогу (сейчас, видимо, рецепт его приготовления позабыт). Притащив все это добро с вокзала, мы устроили дома — то есть в общежитии ЦИКа на Красной площади — пиршество.

Когда более половины гигантского арбуза было съедено, неожиданно появился Александр Яковлевич. Естественно, он был встречен с энтузиазмом. Было так много вкуснятины, и он, прирожденный дегустатор, мог оценить ее лучше всех нас. Однако эта жанровая сцена с арбузами, вином, грузинским хлебом и радостными, жующими лицами его страшно рассердила. Он не знал, что приехал Вахтанг, и привез с собой очень много еды. Монолог отчима начался сразу же с «крешендо»: «Вы, сволочи, мать вашу… Кто вам разрешил все это жрать? Если вы голодны, приезжайте в Заречье, ешьте, пейте… Зачем вы разрезали этот арбуз?» и т. д.

Конечно же, он сразу понял всю комичность своих претензий, доел с нами арбуз, а остальную грузинскую снедь велел отнести в свой служебный «Кадиллак» и увез в Кремль…

Сталин до революции жил на Вологодчине, в Петербурге, в Нарымской и Туруханской ссылках, и там он привык есть русскую пищу — кислые щи, уху, пельмени, отварное мясо. Никто из близких Сталину людей в эти годы не припоминает, чтобы он хоть раз проявил ностальгию по родной грузинской пище. Русский рацион был у Сталина одной из обретенных черт русского политического деятеля. После прихода к власти Сталин питался скудно — в 20-е годы в кремлевской, а потом в псковской столовой. После смерти Аллилуевой Сталин перешел частично на домашнюю пищу — ему готовила кухарка — полуграмотная русская женщина.

По свидетельству Барбюса, побывавшего у Сталина в гостях и разделившего с ним несколько трапез: «Такой квартирой и таким меню в капиталистической стране не удовлетворился бы и средний служащий».

И вот однажды, как рассказала нам мама, во время позднего, как обычно, обеда Саша спросил у Сосо, не хочется ли ему иной раз отведать грузинских яств. Не наскучила ему пресная еда? На что Сталин предложил ему заняться этим вопросом лично: «Корми меня», — сказал он. С этого времени у Александра Яковлевича появилась новая — и главная! — забота, он стал организовывать питание вождя.

Первым делом Александр Яковлевич и мама поехали в Тбилиси, и оттуда в двух вагонах было привезено много всякой всячины: несколько бочек различного вина, «тонэ» для выпечки грузинского хлеба, молодые курдючные барашки, индейки и прочее. Вместе с ними приехали два человека — бывший служащий винного склада Грикул и молодой парень Павле.

За коттеджем в Заречье был выкопан котлован, в котором был оборудован винный склад — там воцарился Грикул. Недалеко был сооружен вольер для индеек, шефство над ними взяла моя мама.

Александр Яковлевич предпочитал заводским винам домашние, крестьянские. Он считал, что процесс придания вину товарного вида портит вкусовые качества напитка. Заливается желатин, чтобы уловить взвеси, для блеска вино обрабатывается купоросом — и теряет естественный аромат и вкус. Поэтому Сталину из Заречья поставлялось крестьянское вино, преимущественно белое «Атени», обладающее непередаваемым ароматом, черные «Киндзмараули» — «недоброд», то есть не полностью перебродившее и поэтому несколько сладкое, и полусладкое «Хванчкара». Впрочем, у Грикула выбор вин был на любой вкус. Перед отправкой каждая бутылка закупоривалась и просматривалась на свет, чтобы не дай бог…

Павле же время от времени свежевал молодого барашка или резалась индюшка, которую за несколько дней до того начинали принудительно кормить катышами из кукурузной муки, замешанными на воде. Все эти продукты Павле на пикапе вез из Заречья в Кремль.

Несколько позже, в году, наверное, 1937, Сталину была предписана диета, главной составляющей которой была индюшачья печень. Индюшачье стадо стало катастрофически уменьшаться. Отчим колесил на своем «Кадиллаке» по Московской области в поисках этих птиц (фото 55). Сохранилась фотография, где мама стоит на ступенях дома в Заречье и рядом тот самый «Кадиллак». Машина отчима пропахла гадким запахом индюшачьего помета. В это время я уже учился в институте физкультуры и знал из курса физиологии, что излишки сахара депонируются у человека в печени, и порекомендовал маме замешивать в кукурузные катыши стакан сахара. Размеры индюшачьей печени возросли в три раза. Домашняя дегустация показала, что печень стала очень вкусной. Я в шутку предложил Александру Яковлевичу представить меня за эту подсказку к Сталинской премии. Александр Яковлевич меня похвалил, но такого рода шутки не принимал на дух.

В Тбилиси мама ликвидировала почти все оставшееся от

семьи имущество, продала квартиру и за все, про все выручила две тысячи рублей. Нам с братом досталось по пятьсот рублей, на которые я впоследствии сшил военный костюм с брюками навыпуск, вошедшие тогда в моду. Таким образом, все огромное состояние моего деда, как в известной детской сказке, превратилось в «пшик».

Тем временем заботы и старания Александра Яковлевича пришлись Сталину по душе. Об этом свидетельствовали появившиеся в доме толедские клинки, бронзовые фруктовые вазы, огромный, размером с полметра в сложенном виде, перочинный нож и другие предметы, попадавшие к Сталину в качестве подарков из Испании, где наши «добровольцы» участвовали в войне с Франко.

В октябре лучшим студентам нашего института физкультуры предложили перейти на вновь организованный военный факультет. Быть военным в ту пору считалось очень престижным. Факультет этот приравнивался к военной академии, вместо 117 рублей моей повышенной стипендии там платили 450 рублей, а также выдавалось офицерское обмундирование.

Было принято сто человек, из которых предстояло подготовить общевойсковых физруков, в их числе оказался и я. Жили мы на третьем этаже во флигеле института, в общежитии-казарме. С нами учился Логофет — отец будущего футболиста (фото 56).

Начинался 1937 год, и, конечно, тогда никто на нас не мог подозревать, какая великая трагедия будет связана с этим годом. Арест директора института комбрига Фрумкина и других преподавателей нас мало беспокоил… Но тут меня вызвал комиссар и спросил, почему я скрыл, что мой отец был владельцем трехэтажного дома. На что я возразил, что в анкете мною указано количество комнат в этом доме, а именно — цифра 50 (как-то в детстве отец мне поручил приклеить к каждой комнате номера, которые он сам наготовил, причем в это число входили бывшие конюшни и сараи, где ютились беженцы-армяне), что более точно определяет размеры дома. Несмотря на это, меня перевели на общий факультет, однако через пару недель восстановили, и я опять оказался в числе слушателей военного факультета.

Месяца через три к нашей сотне прибавилось еще пятьдесят человек — авиационное отделение (для подготовки физруков в авиационные части). В числе их оказался и Бичико, которому не давались точные науки в строительной академии. По характеру Бичико был гуманитарий, обожал героическую романтику, зачитывался Сенкевичем, Вальтером Скоттом, Шервудом, Джеком

Лондоном.

Примерно в это время произошли существенные изменения в Заречье. Николай Власик, который нередко посещал отчима, сообщил Александру Яковлевичу, что по приказу Сталина образуется Главное управление охраны, подчиненное лично Сталину. Начальником назначен он — Власик, а заместителем по хозяйственной части — Александр Яковлевич. Отчиму была предоставлена трехкомнатная квартира в знаменитом «сером доме на набережной». Приехав в очередную субботу в Заречье, мы были поражены, увидев Александра Яковлевича в генеральском мундире с ромбом в петлице (он получил небывалое звание «старший майор госбезопасности») (фото 57).

Младший брат моего отчима Василий Яковлевич — или как звали его у нас в семье, на грузинский манер — Васо, работавший учителем в школе, тот самый брат, который поручился за моего отчима и сел за него в тюрьму, нежданно-негаданно стал Председателем Президиума Верховного Совета Грузии. Причем в его биографии учеба в Киеве вдруг стала интерпретироваться совершенно нелепым образом: «в связи с революционной деятельностью он был отправлен царским правительством в ссылку в Киев, где закончил университет». Васо стал, конечно же, членом партии и получил в Тбилиси роскошную квартиру на улице академика Марра с двумя уборными, что по тем временам воспринималось как совершенное излишество.

Сталин не заботился о строительстве жилых домов, а предпочитал возводить дворцы. Когда же нужным людям было необходимо «улучшить жилищные условия», им предоставлялись квартиры арестованных.

В Тбилиси дом по проспекту Руставели, 50 был построен на паях сотрудниками управления шоссейных дорог. Многие из пайщиков были репрессированы, две комнаты в одной квартире общей площадью сорок четыре метра были предоставлены родной дочери моего отчима — Тамаре Эгнаташвили с мужем и малолетним сыном (фото 58). В третьей маленькой оставалась жена репрессированного строителя дорог с сыном.

Семью Эгнаташвили начало озарять сталинское солнце.

И вдруг в Москве был арестован Бичико, что сразу изменило мое положение на факультете. Я стал ходить как неприкасаемый, никто меня не замечал. Было общепринято, что «органы не ошибаются», что за одним арестованным неминуемо потянутся все остальные члены семьи. Фамилия Эгнаташвили в журнале была залита тушью, а на шкафчике — вырезана ножом. Но вдруг случилось чудо — через неделю Бичико с отрезанными на гимнастерке пуговицами приехал на шикарной машине в

институт, забрал из казармы свои вещи и вскорости стал старшим в охране Н. М. Шверника.

В одном из журналов «Огонек» за 1990 г. в статье «Жена президента» рассказывается о судьбе супруги М. Калинина, помещена фотография похорон Калинина. За гробом шествуют члены Политбюро во главе со Сталиным, на левом фланге во втором ряду возвышается красивая голова Бичико в военной фуражке.

Чудо освобождения из «безошибочных» органов объяснялось просто: Александр Яковлевич пошел к Сталину и уверил его, что никаких политических идей у его сына не было и быть не может и что он ручается за него полностью. Сталин тут же соединился с Ежовым и велел выяснить недоразумение. Бичико был вызван из тюрьмы одним из замов Ежова, который осведомился у него, знает ли он братьев Кутузовых, Рыкову и других молодых людей. Именно с ними Бичико общался в Форосе, поэтому в записных книжках этих несчастных была обнаружена фамилия Эгнаташвили и наш номер телефона, что и послужило причиной задержания Бичико. Когда выяснилось, что все эти телефоны и знакомства имеют «курортное» происхождение, Бичико был немедленно освобожден, ему предоставили машину, на которой он и приехал в институт физкультуры.

Возможно, это был уникальный случай, когда органы признали свою ошибку. Сейчас стали достоянием гласности миллионы случаев, когда и меньшая причина превращала людей в лагерную пыль, а зачастую даже этих надуманных поводов не было…

Однажды в разговоре Сталин сказал отчиму: «Ты, как член партии…» И тут выяснилось, что мой отчим, уже будучи генералом госбезопасности, оставался беспартийным. Сталин был удивлен, и на следующий же день Александр Яковлевич получил партбилет. Через некоторое время Сталин решил, что Сашу необходимо наградить, и он получил из рук Калинина орден «Трудового Красного Знамени» — осталась фотография этого знаменательного события (фото 59). Хотя втайне отчим считал, что человеку в военной форме больше подходит боевой орден.

Вскоре Александр Яковлевич и Власик получили очередное звание комиссаров третьего ранга и по дополнительному ромбу в петлицы. Позже, когда звания в НКГБ и армии сделались идентичными, они стали сначала генерал-майорами, а потом генерал-лейтенантами…

В 1933 году рейхсканцлером стал Гитлер, сестра моя Лиза все еще находилась в Германии, и мама, естественно, обменивалась с ней письмами. Отчим, опасаясь и за себя и за нее, запретил ей

переписку. Однако моя наивная мама, пытаясь спрятаться от всевидящего ока чекистов, стала получать письма до востребования.

В 1936 году международные отношения еще более обострились — франкистский путч в Испании перерастал в большую войну. Наши «добровольцы» напрямую воевали с немцами. Правда, к этому времени Лиза уже переехала в США, но родственники мамы — сестра, брат и мать — остались в Германии.

Наконец, по пакту Молотова-Риббентропа в 1939 году Советское правительство вернуло немецких коммунистов-эмигрантов в Германию, на расправу Гитлеру. Все члены немецкого Коминтерна во главе с Вилли Будихом к тому времени сидели в бериевских лагерях. А после заключения пакта несчастные немецкие коммунисты прямиком из советских лагерей были отправлены в концлагеря фашистские, в которых все погибли. (Дочь Вилли Будиха Марина была разлучена с родителями и чудом выжила в лагере. Много лет спустя Марина вышла замуж за композитора Бориса Емельянова, соавтора моего сына по песням. Дочь Будиха была уверена, что ее отец погиб в СССР. И она горько плакала, узнав еще более страшную правду о судьбе своего отца.)

Происходившие исторические события напрямую влияли на жизнь нашей семьи, волею судеб так близко соприкасавшуюся со Сталиным.

Вопрос о связи с заграницей, внесенный во все многообразные анкеты, нередко инкриминировался как шпионская деятельность. Происхождение моей мамы чрезвычайно беспокоило Александра Яковлевича. Волна репрессий нарастала и, видимо, для того, чтобы ее спасти, в 1938 году Александр Яковлевич, который был в курсе всего происходившего в Кремле, предложил маме уехать в Германию. Для нее это предложение было страшным ударом. Во-первых, после недавнего ее визита в Германию и крайне негостеприимного, холодного приема родных она знала — там ее вовсе не ждут, ехать ей было не к кому. Во-вторых, оба ее сына, и она это очень хорошо понимала, попали бы тогда под еще большее подозрение, стали бы неблагонадежными гражданами и, наконец, она была очень привязана к своему мужу и не хотела надолго, а скорее навсегда, его покидать. И если бы вдруг мама уехала в Германию, рушилась вся ее привычная и устоявшаяся жизнь. В отчаянии мама решила написать письмо Сталину — тогда это было очень в духе времени. В письме она совершенно откровенно рассказывала о всех семейных обстоятельствах, а также присовокупила, что Саша решился и

предложил ей уехать в Германию только из-за любви к дорогому Иосифу Виссарионовичу. Мама писала, что она знает, как много сделал Сталин для ее любимого Саши. Она еще и потому не хочет ехать в Германию, что Сталин вряд ли одобрит ее отъезд, который разрушит всю жизнь Саши и нашей семьи, и поэтому она остается в СССР. Письмо это было написано с помощью ее тбилисской подруги — мама очень плохо владела русской письменностью.

Трудно предположить, что это письмо попало в руки Сталину.

Для Александра Яковлевича такой шаг, как отправка жены в Германию, был чрезвычайно трудным, невыносимым… Единственным альтернативным решением он считал непосредственное знакомство Сталина с его семьей. Визит Сталина в его дом казался Александру Яковлевичу решением проблемы, своеобразной легализацией его жены-немки. Мой отчим пригласил в гости Сталина, и Сталин согласился посетить наш дом в Заречье. Александр Яковлевич очень волновался. Он предложил маме обдумать все детали приема Сталина.

Однако прошло, пожалуй, не меньше года, прежде чем этот визит состоялся.

Однажды Александр Яковлевич позвонил домой по вертушке, которая стояла в спальне (чего он никогда раньше не делал), и сказал: «Лилли, мы едем». Мама сразу поняла, кто это «мы». Когда она услышала звук открывающейся двери, то с перепугу спряталась в столовой за портьеру. Сталин обнаружил ее и сказал: «Хозяйке не следует прятаться». Мама вышла из-за портьеры и вконец растерялась — за спиной Сталина стоял Берия. К удивлению мамы, он сделал вид, что впервые ее видит, и представился: «Лаврентий Павлович!»

Сталин сказал: «Что за пустынный дом. Зовите всех сюда!» Было воскресенье. Бичико, работавший в охране Шверника, приехал навестить отца. С ним приехал и муж его сестры Тамары — Гиви Ратишвили. Мама очень скупо рассказывала об этом событии. Она запомнила, что Сталин говорил, что грузины столь же воинственны, как и немцы. Даже грузинское приветствие «гамарджоба» означает «с победой». Затем Сталин коротко расспросил маму о ее детях. Началось застолье, и Сталин обратился к Саше с вопросом:

— Что же твоя хозяйка невесела?

Саша объяснил, что ее дочь находится в Америке, и жена опасается ухудшения отношений СССР с Америкой.

— Не беспокойтесь, Лилли Германовна, — сказал Сталин, — это хорошо, что она уехала из Германии.

Затем была долгая пауза. Все молчали и ждали, что же скажет вождь.

— Я думаю, нашим противником будет именно Германия…

Это было сказано в мае 1940 года, за год до «вероломного» нападения. Значит, Сталин предвидел, что будет война с Германией.

Так запомнили этот разговор моя мама и Бичико, который оставил об этом сталинском посещении воспоминания, недавно — к сожалению уже посмертно — опубликованные.

После этого поистине государственного визита у моей мамы осталось тревожное чувство. Она была уверена, что Берия намеренно ее не узнал — ведь они были многолетними соседями по тифлисскому дому Алихановых. К сожалению, это роковое предчувствие не обмануло мою маму…

Шел 1940 год. Уже был подписан пакт Риббентропа-Молотова, закончилась война с Финляндией. После окончания военного факультета Института физкультуры я получил звание старшего лейтенанта и был направлен в Орджоникидзе начальником строевой подготовки военного училища связи (фото 60). Мой брат Миша был призван на срочную военную службу (фото 61), сестра Лизочка перебралась из Германии в Соединенные Штаты. Сам Сталин одобрил переселение моей сестры, сказав, что войны с Германией не миновать.

Однако посещение нашей семьи кремлевскими гостями вполне могло иметь и иной смысл. К этому времени к руководству НКГБ пришел Берия, который очень ревностно относился к лицам, окружавшим вождя. Александр Яковлевич был для Берии «персона нон грата». Мало того, что в Тифлисе мой отчим был нэпманом, которого Берия разорил, посадил в тюрьму и хотел уничтожить. Главная вина Александра Яковлевича была в том, что он сумел ускользнуть из его кровавых рук, и не только спастись, а перебраться в Москву. Отчим попал в Кремль благодаря непосредственному сталинскому назначению, стал одним из руководителей Главного управления охраны и подчинялся вождю. Тем не менее, будучи генералом НКГБ, отчим находился в прямом подчинении Берии, не будучи «его человеком» — что было совершенно не в правилах структурной организации советского управленческого аппарата.

Это неприязнь Берии к семье Эгнаташвили при жизни Сталина отразилась на всей семье моего отчима, а главное — на судьбе моей матери. Сразу же после смерти вождя последовали санкции в отношении всех людей, носивших фамилию Эгнаташвили. Но и в те предвоенные годы Александр Яковлевич очень болезненно чувствовал неприязнь Берии и всю опасность, исходящую от этого беспощадного и коварного человека.

Мне сейчас хочется думать, что Сталин посетил нашу дачу, чтобы смягчить возникающие трения между отчимом и Берия. Сталин хотел показать Берии свое хорошее отношение к семье Саши.

Но вполне может быть, что по логике тех смутных времен визит в нашу семью был акцией, направленной Сталиным на то, чтобы разжечь взаимную ненависть среди окружающих его людей. Во всяком случае, если вторая версия справедлива, то цель была достигнута, и это посещение стало причиной еще большей неприязни Берии к моему отчиму, что подтвердили дальнейшие, катастрофические для нашей семьи события.

На службе мой отчим действовал по приказам Берии. Об этом свидетельствуют более поздние документы, приведенные Вильямом Похлебкиным в журнале «Огонек» № 42 за 1997 год.

«Организации и проведению Ялтинской конференции Сталин придавал огромное значение — и политический эффект этой конференции во многом зависел от кулинарного успеха.

Ялта, да и весь Крым был дотла разорен хозяйничавшими там больше двух лет гитлеровцами.

8 января 1945 года тогдашний Нарком внутренних дел Берия подписал совершенно секретный документ № 0028 „О специальных мероприятиях в Крыму“. Уже через 18 суток, 27 января, Берия доложил Сталину о полной готовности к приему и размещению американской, английской и советской делегаций. Была обеспечена охрана и готово бомбоубежище в 250 квадратных метров с железобетонным 5-метровым накатом, создана система ПВО и совершенная система прослушивания».

Кулинарно-гастрономическое обеспечение Ялтинской конференции, согласно этого приказа, было возложено на моего отчима. «Хозяйственное обслуживание объектов возложить на товарища Егнатошвили, в распоряжение которого выделить потребное количество продовольственных товаров и обслуживающего персонала».

Результаты работы Александра Яковлевича — в то время начальника 6-го управления НКГБ и помощника замнаркома Круглова — спустя 18 дней были изложены Берия в следующей докладной записке на имя Сталина:

«На месте созданы запасы живности, дичи, гастрономических, бакалейных, фруктовых, кондитерских изделий и напитков; организована местная ловля свежей рыбы. Оборудована специальная хлебопекарня с квалифицированными работниками, созданы три автономные кухни, оснащенные холодильными установками, расположенными в трех местах расположения делегаций — в Ливадийском, Юсуповском и Воронцовском

дворцах. Для пекарен, кухонь и каминов привезены 3250 кубометров дров. Обеспечена сервировка — 3000 ножей, 3000 вилок и 3000 ложек из них по 400 — серебряные, остальные мельхиоровые и стальные. Подготовлены сотни кастрюль, сковородок, сотейников, 10 000 тарелок и масленок, 4000 блюдец, 6000 хрустальных стопок, бокалов и рюмок…»

При проведении Ялтинской конференции после каждого дня переговоров глав Держав-победительниц в банкетном зале Ливадийского Большого дворца искрился хрусталь и столовое серебро, всевозможные яства заполняли роскошно сервированные столы. Символичность этих торжественных приемов больше всех оценил Черчилль, который понял, что Советский Союз вышел из войны еще более могучим, чем был до нее.

Успех Ялтинской конференции был в немалой степени предопределен этой восхитительной — во всё еще воюющей стране! — сервировкой и кулинарным роскошеством, которое организовал и провел мой отчим Александр Яковлевич.

Остается добавить, что его жена Лилли Германовна — моя мама — к тому времени уже была репрессирована и умерла в лагере…

В Грузии почему-то считали Александра Яковлевича комендантом Кремля (не знаю, существовала ли такая должность вообще). Во всяком случае, по горийской версии, он был сводным — по отцу — братом вождя народов. Поэтому, по нашим кавказским обычаям, к отчиму приезжало немало людей с просьбой замолвить словечко перед Сталиным за того или иного репрессированного, имя которым было — легион.

Отчим неизменно очень приветливо встречал таких несчастных просителей, однако, кроме одного случая, когда он спас своего сына Бичико, к Сталину отчим не обращался.

Брат отчима — Василий Яковлевич, как звали его в семье — Васо — хотя и стал номинально первым лицом в Грузии, вовсе не обладал ярким талантом и бьющей через край энергией старшего брата.

Александр же Яковлевич, работая по 16 часов в сутки, между делом частенько изменял своей супруге. Так в результате адюльтеров моего отчима явилась дочь Этери, рожденная бухгалтершей Заречья.

Но и в Грузии брат отчима Василий Яковлевич, живя со своей интеллигентной и обаятельной супругой душа в душу, вдруг поразил всех — он поддался чарам своей секретарши и женился вторично. Сына от второго брака, в благодарность Сталину, он назвал его партийной кличкой — Коба.

За короткое время успел жениться и развестись Бичико, у которого родилась дочь, названная в честь дочери Сталина — Натэлой, что является грузинской калькой имени любимой дочери вождя — Светланы.

Если первая жена Бичико была случайной знакомой, то второй его брак носил коммунистически-династический характер — новая жена Бичико была дочерью комиссара чапаевской дивизии.

Сталинская аура стала распространяться и на второе поколение. Сын Васо — Шота, очень симпатичный и внимательный человек, стал министром здравоохранения Грузии.

Однажды, вернувшись из Грузии, куда Александр Яковлевич традиционно и весьма часто ездил для пополнения запасов вина для зареченского погреба (эта операция не доверялась никому), мой отчим привез с собой в Москву старенького, невзрачного, небольшого росточка человека. Одет он был бедно и неряшливо — во что попало, как в то время одевалось большинство населения. Звали его Дата Гаситашвили. Давным-давно Дата был учеником-подручным у холодного сапожника Бесо Джугашвили. Он был несколько старше Сталина и в таком возрасте, когда разница в два-три года весьма заметна, помнил великого вождя мальчуганом Сосо, которому тогда в чем-то, может быть, и покровительствовал. Об удивительной наивности того человека можно судить по такой истории. У Даты был перочинный ножичек, лезвие которого не фиксировалось из-за сломанной пружины, с другой стороны ножа был пробочник. Время от времени, когда делать было нечего, он находил плоский камешек, плевал на него и принимался точить лезвие. Я как-то сказал ему: «Выбрось это старье, я тебе подарю новый». Он покачал головой и ответил: «Мне не надо нового. Этот ножичек мне дорог как память», — и продолжал: «Однажды, когда я был молод и ехал из Гори в город (под этим названием в Грузии подразумевается Тбилиси), люди в вагоне собирались „проводить время“. У них было вино и еда, но не было пробочника. Мой ножик вывел их из затруднения. Они попросили меня разделить с ними трапезу. Мы очень хорошо провели время. С тех пор я этот ножик ношу как память».

В Грузии приглашение присоединиться к компании, особенно в дороге — обычное дело. Каким же незаметным был Дата у себя на родине, что такой случай врезался ему в память и был дорогим воспоминанием на всю жизнь.

Александр Яковлевич приодел Дату и повез его к Сталину. Дата, наверное, был единственным человеком в мире, который не представлял масштаба «великого вождя». Мой отчим, который

никогда не рассказывал о застольях у Сталина, на этот раз был так поражен состоявшейся встречей, что приоткрыл «железный занавес». Дата при встрече вел себя совершенно раскованно. Назвал Сталина «шен мама дзагло», что переводится как «ах, ты, сукин сын» (в понятийном переводе значит примерно: «ах, ты, пострел»). Давно великий вождь не слышал такого обращения! Возможно, оно вернуло Сталина на мгновенье в детство.

Сталин ухмыльнулся, погладил усы:

— Шен кристедзагло! («Ты Христов пес» — по-грузински это звучит как несерьезная ругань.) Почему ты ругаешь меня?

А Дата, будто бы не стерпев, отвечал:

— Ты для меня мальчишка, которого я на руках носил. Вот сниму с тебя штаны и надеру задницу, чтобы она стала красной, как твой флаг!

Эта шуточная перебранка всех развеселила.

Дата сказал Сталину:

— При встрече я бы тебя не узнал. Спасибо Саше, а то бы я так и умер, не повидавшись с тобой.

Потом было грузинское застолье, где это трио пело старинные грузинские песни аробщика «урмули» и пахаря «оровела». У всех троих был хороший слух, как у большинства грузин, приученных с детства петь в три голоса.

Видимо, Сталину доставила удовольствие эта встреча, при рассказе о ней отчим то и дело улыбался в усы. В заключение вождь пригласил Дату посетить ноябрьский праздничный парад. Отчим купил ему теплое пальто, и в сопровождении моего брата Миши Дата отправился на трибуны Красной площади. Часа через полтора после начала демонстрации Дата сел, достал свой ножик, плюнул на каменную трибуну и принялся об нее точить лезвие.

— Что ты делаешь, Дата? — растерявшись, спросил мой брат.

На что Дата ответил:

— Долго они еще будут ходить по кругу? У меня закружилась голова. Некоторые плакаты проносят в третий раз…

Самым большим многолюдьем для Даты являлся горийский базар, и он, видимо, не представлял себе, что по одному и тому же месту может проходить так много разных людей.

Вскоре Дата уехал обратно в Гори. Перед отъездом Миша подарил ему свой ножик и сказал, что старый он может выбросить. Дата покачал головой и стал ему рассказывать историю, которая однажды произошла с ним в поезде по пути из Гори в Тбилиси…

Летом в Заречье приезжала из Тбилиси дочь Александра Яковлевича Тамара с мужем Гиви Ратишвили. Оба они были прекрасными людьми. Тамара, как и ее брат, была писаная

красавица с правильными чертами, добрыми карими глазами и роскошными вьющимися темно-каштановыми волосами. Гиви был потомком дворян и князей (со стороны матери, урожденной Радиевой) — постоянно ироничный, обожавший шутки и розыгрыши, что часто раздражало Тамару, особенно когда это касалось ее родственников.

Тамара считала, что приобщение к фамилии Эгнаташвили должно было льстить самолюбию Гиви. Он же добродушно вышучивал ее фанаберию, и говорил, что это она, простолюдинка стала дворянкой благодаря браку с ним; подобные пикирования порой приводили к ссорам.

Конечно, у Гиви Ратишвили было значительно больше оснований гордиться своей родословной. Среди его родственников было немало просветителей и выдающихся людей. Один из его дальних родственников — князь Ратиев, был женат на светлейшей княгине, фрейлине императрицы Александры Федоровны, правнучке предпоследнего царя Грузии Ираклия II, Эке Грузинской. Князь Ратиев был комендантом Зимнего дворца в дни Октябрьской революции. За то, что князь не допустил разграбления Эрмитажа восставшими рабочими, он получил от большевиков благодарность, опубликованную за подписью Зиновьева в газете «Правда»!

Как это удалось князю Ратиеву, рассказал мне недавно ныне здравствующий 92-летний профессор, хирург, его двоюродный брат Габриель Иосифович Ратишвили, который во время Октябрьской революции учился в военно-медицинской академии в Петрограде: «25 октября была в городе стрельба. Я волновался, но не пошел в Зимний дворец. 26-го я пришел туда повидаться с Иваном Дмитриевичем. Он мне сказал: „Габо, ты знаешь, вчера я чуть не погиб. Сижу я у себя в комнате и вдруг слышу шум на иорданской лестнице. Выхожу, и что я вижу? По лестнице поднимается чернь. А у меня никакого оружия. Только шпоры… Что делать? Я топнул ногой и закричал: „Мерзавцы! Вон отсюда!“ Представляешь, они ушли. А ведь могли… Ведь у меня не было никакого оружия — только шпоры. Вчера я чудом спасся“».

Такой вот удивительный факт.

Иван Дмитриевич Ратиев умер несколько лет назад глубоким стариком в Тбилиси. За его подвиг коммунисты дали ему возможность умереть собственной смертью. Незадолго перед кончиной у него побывал репортер молодежной газеты. В статье об Иване Дмитриевиче было написано, что в квартире гостеприимного хозяина никогда не закрываются двери. Это было чистейшей правдой, ибо князь Ратиев жил в проходной комнате.

Приезд Тамары и Гиви был для всех праздником, особенно

для Александра Яковлевича, который души не чаял в их сыне, маленьком Гураме. Празднуя это событие, прежде чем выпить за здоровье своего внука, он неизменно требовал, чтобы Тамара принесла его, и опускал его маленькую пипульку в свой бокал.

Став работником НКГБ, Александр Яковлевич выписал из Фороса бывшего работника своего винного склада Колю Ардгомелашвили, который к тому научился управлять автомобилем. Коля стал личным шофером моего отчима — сидел за рулем персонального «Кадиллака». Сестрой-хозяйкой Александр Яковлевич назначил мою няню Настю, которая в свое время еще в Тифлисе присматривала за моим дядей Костей — профессором музыки. Грикул и Коля получили какие-то кагебистские звания, после чего Грикул неизменно носил на животе кобуру с пистолетом. Александр Яковлевич привечал людей, верных ему. Не захотел он расстаться и со своим хозяйством, находя время для посещения фермы и парников. Он даже не назначил себе заместителя, а всегда сам наблюдал и заботился об обширном хозяйстве.

Пригретый сталинским солнцем оазис я покинул в 1941 году, в январе.

Когда я вернулся после окончания войны в Москву, над семьей Эгнаташвили начинали сгущаться сумерки, а когда «солнце» погасло, чуть не случилась ночь. Но об этом после…

Глава 9
МОЯ ВОЙНА

Для нашего военного факультета 1937–1938 годы, да и первая половина 1939-го, были веселыми и беззаботными. Мы стреляли из винтовок и пулеметов, изучали оружие, тренировались во многих видах спорта, соревновались, ездили в зимние и летние лагеря, участвовали в альпиниаде, занимались в школе инструкторов альпинизма — и все это в здоровом, дружном коллективе сверстников, друзей. Высокая стипендия давала материальную независимость. Что еще нужно молодому человеку для счастливой жизни? Ну, конечно, женское общество.

В другом флигеле института располагалось общежитие студенток института… Правда, в отличие от нынешних старшеклассниц, наши подруги были недотрогами, вели себя весьма достойно, но романов было предостаточно. Более серьезные отношения у меня и моих братьев были со скучающими по ночам в Заречье женами чекистов.

Борьбу, которая явилась причиной перехода в институт физкультуры, мне пришлось забросить из-за того, что нужно было сдавать нормативы по прыжкам с трамплина (фото 62), игре в хоккей с мячом (а я еле стоял на коньках). Три раза в году мы участвовали в парадах: ноябрьском, майском и в день физкультурника. На подготовку к ним тоже уходило много времени.

Большой объем часов в учебном плане уделялся военным предметам, так как мы должны были получить необходимые для командиров взводов и рот знания и навыки. Мы изучали уставы строевой, боевой, караульной и гарнизонной службы, штыковой бой, самозащиту без оружия, материальную часть стрелкового оружия, тактику и прочие премудрости, то есть готовились к будущей неминуемой войне.

Мы с увлечением и полной верой распевали при ходьбе в строю слова беззаветного, восторженно-глуповатого марша Буденного: «Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер. Сумеем кровь пролить за СССР!», авиационного марша, где «вместо сердца — пламенный мотор», или «враг, подумай хорошенько прежде, чем идти войной. Наш нарком товарищ Тимошенко — сталинский народный маршал и герой!», или еще: «и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом» и прочее, и прочее…

Боже, какой я был щенок и дурак! У меня была мечта, с которой я никогда и ни с кем не делился. Наша квартира была еще на Красной площади в помещении нынешнего ГУМа; иной раз я бывал там, потому не исключалось, по моему мнению, возможность встретиться со Сталиным. Почему-то я представлял его вместе с Ворошиловым, как на известной картине, где они вдвоем прохаживаются в Кремле. И вот я, увидев эту парочку, беру под козырек, делая равнение на них, печатаю шаг на полную ступню, приветствую моих богов. Если в стране был культ, то в нашей семье Сталин был истинным Богом. В моих мечтах Сталин, естественно, обращает на бравого курсанта внимание… Дальше в доверительной беседе я говорю ему, как мы все его обожаем, только надо быть немного помягче со своими людишками…

Одним словом, совсем как поручик Ромашов в купринском «Поединке», который в мечтах, на параде, смял следующий за ним строй солдат…

Для того чтобы осуществилась моя заветная мечта, у меня были все необходимые данные: перешитая аккуратно по голове буденовка, сшитые в академии Фрунзе специального, царского фасона сапоги и хороший строевой шаг, который мы разучивали на плацу в два темпа. «Делай раз — делай два!» А ведь мне шел двадцать первый год. Я опаздывал в умственном развитии относительно нынешних ребят лет на пять.

У нас были отличные воспитатели: начальник факультета полковник Соколов, начальник курса майор Турыгин. Были и тупицы — вроде куратора нашей группы, старшего лейтенанта Бердникова, который говаривал: «По тумбочках и по шкафах соблюдай порядок», или: «Антипов уехал, а теперь „еть“, то есть „ехай“ за ним». Но и он не портил общего, радостного настроя. Наоборот, все его высказывания и словечки брались на вооружение и «по тумбочках», «еть за ним» пользовались большим успехом.

Хочется рассказать и о добрых людях, выдающихся специалистах, обучавших нас спортивным дисциплинам. Спортивному массажу нас учил профессор Иван Михайлович Саркизов-Серазини, который к тому же был еще и писателем; легкой атлетике — рекордсмен по прыжкам с шестом, будущий профессор Николай Озолин; фехтованию — знаменитый боец на эскадронах полковник Тимофей Климов; борьбе — столь же знаменитый Алексей Катулин; прыжкам в воду — чемпионка Серафима Блохина и много других, не столь известных, прекрасных педагогов.

Не менее колоритными были учившиеся одновременно с нами в институте студенты, составлявшие цвет тогдашнего

советского спорта. Это были многократные чемпионы Союза и будущие победители международных соревнований гимнасты Галина Ганекер и Сергей Лаврущенко, который в день физкультурника выполнял на Красной площади «меты» на «коне», боксеры Николай Королев (будущий партизан) и Лева Теймурян (погиб на фронте), легкоатлетки Татьяна Севрюкова и Галина Зыбина (будущая олимпийская чемпионка), мои приятели, борцы Константин Коберидзе (первый абсолютный чемпион СССР), Леонид Дзеконский, штангист Серго Амбарцумян, побивший рекорд немецкого тяжеловеса Мангера, и много других, которых я сейчас и не вспомню.

Конечно, спортивные результаты того времени не могут идти в сравнение с сегодняшними достижениями. Например, рекордная сумма Амбарцумяна в троеборье 437 кг может вызвать улыбку у непосвященного человека, когда он узнает, что недавно Алексей Тараненко установил рекорд в двоеборье равный 475 кг (ориентировочно, результат в троеборье был бы свыше 700 кг), несравним рекорд Н. Озолина 4 м 26 см с 6 м 12 см Сергея Бубки.

Идеологизируя спорт, коммунистическая партия и советское правительство уже тогда стремились блеском олимпийских наград заслонить от взоров международной общественности язвы беспощадной внутренней политики государства. Это определило приоритетное значение спорта, в жертву которому была принесена физическая культура, то есть здоровье населения.

Учились вместе с нами и герои — жертвы будущей войны. Ближайшей подругой моей будущей жены была Вера Волошина (фото 63) — вскоре ставшая командиром партизанского отряда, в котором сражалась Зоя Космодемьянская. Вера разделила участь Зои, и лишь много позже посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза, о ней была написана книга и в ее честь названа улица в Кемерово, откуда она была родом, а потом и в других городах. Героем Советского Союза стал мой однокурсник Боря Галушкин… Впрочем, большинство моих сокурсников погибло, не оставив после себя заметного следа.

Конечно, все мы знали, что живем в преддверии большой войны. К этому нас готовили не только песни, лекции, пресса. По многу раз нам прокручивали патриотические фильмы «Александр Невский», «Чапаев», «Иван Грозный», «Котовский». Целые фразы оттуда переходили в наш лексикон. Все диалоги Чапаева с Петькой мы знали наизусть и без конца повторяли.

В одном из фильмов той поры в японской подводной лодке акустик японец обращается к капитану японцу и говорит ему на ломаном русском языке: «Гаспадина капитана, слышна шум мотора». Используя подобные нелепости, один из наших

слушателей Бортников выдумал тарабарский язык, на котором он, когда опаздывал преподаватель, взобравшись на трибуну, читал нам «лекции».

К тому времени на военный факультет прислали группу китайских слушателей. До командования дошел слух, что по-китайски умеет говорить Бортников, и его назначили к ним командиром. Никакие его объяснения о том, что он не знает ни одного слова по-китайски, не принимались во внимание. Ему ответили: «Все утверждают, что вы умеете говорить по-китайски». Истина все же выплыла наружу при встрече Бортникова с китайцами, и их куда-то перевели.

В этой связи вспоминается анекдот: англичанину, немцу, русскому и грузину предложили подготовиться для сдачи китайского языка и спросили у них, сколько на это потребуется времени. Англичанин попросил три года, немец, узнав об этом сроке, сказал: «Немцы более устремлены и аккуратны, и мне достаточно будет два года», русский на вопрос о сроке ответил: «Как прикажет партия и правительство», а грузин поинтересовался: «А кто будет принимать экзамен?»

Бортников требование «партии и правительства» не осилил, как впрочем, и все мы не осилили ничего из тех требований за семьдесят три года, но такова была наша жизнь: партия назначала своих представителей не только министрами, номенклатурными директорами, но и поэтами, да и сейчас мы ушли недалеко. Ведь в конце советского периода нашей истории получилось так, что именно коммунистическая партия, боровшаяся с буржуазией и чуть не победившая весь белый свет, выделила из партийно-комсомольской среды мелких функционеров и назначила их миллиардерами-собственниками всего бывшего народного достояния. И бог знает, отрешимся ли мы когда-нибудь от этой глупости…

Однажды на воскресных танцах в зале института я увидел свою будущую жену. Это была девушка ростом в 172 см, которая могла бы претендовать сегодня на звание «мисс Россия», впрочем, у нее не было вульгарной развязности нынешних красавиц. Она обладала неброской северной красотой, которая от долгого созерцания становится все более привлекательной. Звали ее Шура Горемычкина. Ее избрал в качестве модели для ваяния известный скульптор И. Д. Шадр, большое фотографическое панно с ее изображением в форме парашютистки украшало павильон СССР на выставке в Париже (фото 64), ее помешали на верхнюю ступень четырехэтажной пирамиды на параде в День физкультурника на Красной площади. Мой сын Сергей написал о своей матери стихи, опубликованные в журнале «Знамя»:

Читала, радовалась, пела,
Росла и крепла со страной.
С живой Волошиной сидела
За школьной партой за одной.

Ты все парады начинала.
Вручала Сталину цветы.
И ты всегда собой венчала
Из физкультурников торты.

Такая преданность и сила
Была в твоем лице простом.
Что даже Мухина слепила
С тебя колхозницу с серпом.

На танцы бегала в пилотке.
Платочек синий был мечтой.
И танцевали патриотки
Лишь под оркестр духовой…

Впрочем, занятый своими делами, я не уделял ей большого внимания, чем, видимо, привлекал ее больше других поклонников.

Как оказалось, она была дочерью погибшего в ссылке крестьянина из села Горицы Кимрского района. История была самая тривиальная: ее отец Сергей Иванович (фото 65, 66), женившись на крестьянке, выделился от отца своего и построил совместно с друзьями маслобойку.

В начале коллективизации, за владение этой маслобойкой, мой тесть был признан кулаком, отправлен на Беломорканал, там заболел, был списан со стройки, вернулся домой и даже был восстановлен в избирательных правах(!) (фото 67, 68).

Однако вскоре он был опять арестован, отправлен в Казахстан и там умер, прислав прощальную открытку (фото 69, 70).

Многие из моих родных встретили свой смертный час в этом краю…

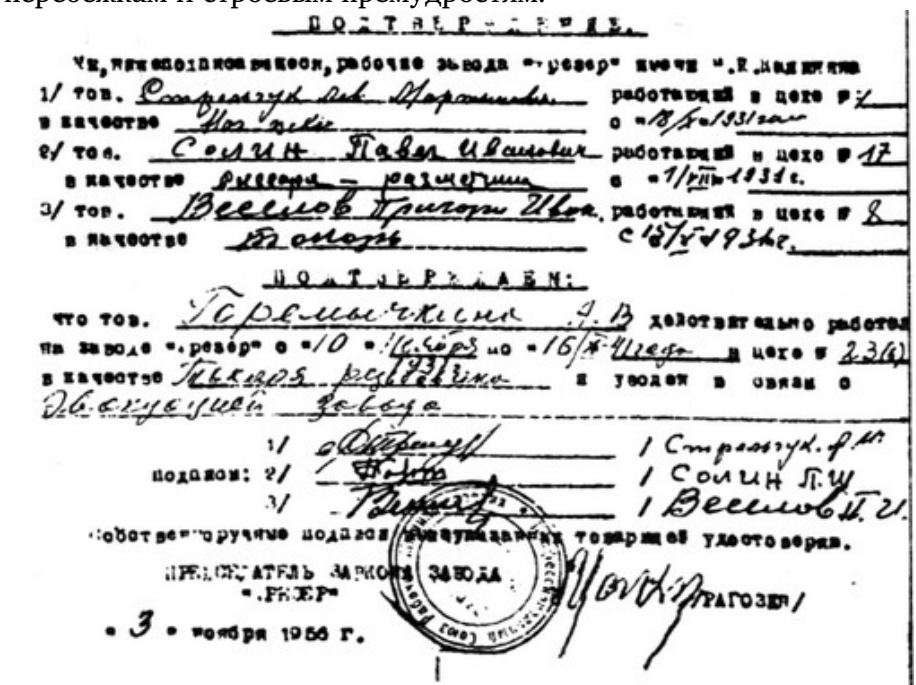
Мать моей будущей жены, Анна Васильевна, выгнанная из родного дома с малой дочерью, из села Горицы Тверской губернии пешком отправилась в Москву, где жил ее брат Петр. Анна Васильевна устроилась на завод «Фрезер» в инструментальный цех, со временем получила малюсенькую комнату.

Дочь ее стала заниматься спортом. В пятнадцать лет Шура Горемычкина установила рекорд СССР в толкании ядра для своего возраста, потом стала бегать на короткие дистанции и 80 метров с барьерами, где имела неплохие успехи (фото 71, 72).

Перед самой войной она показала в последней дисциплине мастерский результат, но было уже не до оформления звания мастера спорта.

Такова краткая история жизни Шуры, которую я в честь отчима стал называть Сашей. Но тут я забежал вперед — до нашей женитьбы еще три года.

Летом 1939 года, после подписания пакта Молотова-Риббентропа, всех нас, слушателей военного факультета, послали на подготовку резерва. Я попал в Белую церковь, где учил призванных из запаса ползанию по-пластунски, штыковому бою, перебежкам и строевым премудростям.



ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Что, действительно, рабочие завода «Фрезер» имени М.И. Калинина

1/ тов. Стрельчук Лев Харитонович работающий в цехе № 7
в качестве [illegible] с «8» 6 1931 года

2/ тов. Солин Павел Иванович работающий в цехе № 17
в качестве фрезера — разметчика с «1» VIII 1931 г.

3/ тов. Веселов Григорий Ив[illegible] работающий в цехе № 8
в качестве токаря с «5» V 1934 г.

ПОДТВЕРЖДАЕМ:

что тов. Горемычкина Г.В действительно работала на заводе «Фрезер» с «10» Ноября 1931 по «16» Июня 1933 в цехе № 23(б)
в качестве токаря разметчика и уволена в связи с Эвакуацией завода

подписи: 1/ [illegible] / Стрельчук Л.Х
2/ [illegible] / Солин П.И
3/ [illegible] / Веселов Г.И.

Собственноручные подписи вышеуказанных товарищей удостоверяю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА ЗАВОДА «ФРЕЗЕР» [illegible] /ПРАГОЗИН/

«3» ноября 1956 г.

Подтверждение о работе на заводе «Фрезер» им. Калинина

После успешного присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии прошел общий парад советских и немецких войск. А мы после окончания подготовки резервистов вернулись в институт для продолжения учебы. К началу осени «наглые финны» стали обстреливать советские пограничные заставы. В газете появилась карта, где наше правительство предлагало

финнам за небольшую территорию Карельского перешейка, но включающего их второй по величине город Выборг, большие просторы тундры и вечной мерзлоты. Но финны не пошли на такой обмен. Естественно, их следовало проучить, и Ленинградскому округу было приказано приступить к военной операции по присоединению к СССР новых территорий.

Финны давно предвидели такой оборот дела и соорудили на случай войны линию Маннергейма, о которую расшибались наши части. Искренне желающих сражаться с финнами оказалось много. Добровольцем на эту войну направился мой друг, многократный чемпион СССР по французской борьбе Григорий Пыльнов, подавали рапорты и наши слушатели. Ближе к зиме всех курсантов собрали и поставили задачу готовить батальоны лыжников-добровольцев.

Меня командировали в Смоленск. Подразделение комплектовалось личным составом и материальной частью, то есть лыжами, волокушами и оружием. Лыжи прибывали новые, их надо было по технологии тех лет смолить. Это делалось так: лыжу нагревали паяльной лампой (форсункой) и по мере ее обжига смазывали растопленной смолой, чтобы она потом не впитывала влагу. То же самое нужно было делать и с волокушами. Но паяльных ламп не было, лыжи прибыли с опозданием, командир части меня торопил и я решил попробовать обжигать и смолить лыжи на костерке. Эксперимент удался. Я собрал командиров рот и взводов и провел с ними инструктаж. После чего мы в два дня сожгли к чертовой матери половину лыж. Этот кошмар я не мог остановить, так как был приказ — спешить.

А выглядело это варварство так: разжигался большой костер и, если стоявшие непосредственно в первых рядах еще как-то контролировали степень обжига, то задние ряды просовывали лыжи между ног впереди стоящих и попросту их сжигали. Вскоре я выяснил, что «лыжников» среди добровольцев практически не было. Крепления были мягкие, лыжи разъезжались, люди падали на небольших кочках. Вскоре прибыла новая партия лыж, половину из которых опять сожгли.

На исходе декабря был подан эшелон, пришел срок грузиться и ехать на фронт. Но тут мы с Финляндией подписали мирный договор.

Все спешили, готовились к следующей, большой войне и было принято решение выпустить наш курс досрочно. В январе 1940 года, сдав государственный экзамен по штыковому бою, я получил звание старшего лейтенанта с годом выслуги до капитана. Местом службы я выбрал (привилегия «выбирать»

полагалась мне как окончившему курс «с отличием») город Орджоникидзе и направился туда в качестве начальника физподготовки во вновь организуемое училище связи.

Формировались три батальона курсантов, которые располагались в разных районах города. Работы было много: приобретение инвентаря, сооружение гимнастических городков и полос препятствий. Для обучения штыковому бою мною было заказано большое количество деревянных ружей, на концах которых были закреплены теннисные мячи.

Ах, этот штыковый бой! В XVIII веке великий Суворов в «Науке побеждать» провозгласил: «Пуля — дура, штык — молодец!». Но с тех пор во всех армиях мира вооружились нарезным оружием, пулеметами, а мы все не оставляли идею Бородинской битвы, когда «сошлися в кучу кони, люди…». Конечно, солдата, овладевшего штыковым боем, психологически легче поднять из окопа, но многим ли приходилось добежать до врага, у которого и штыка-то нет, и падали, и падали, сраженные пулями из «шмайсеров», обученные нами штыковому бою бойцы. И сколько наших солдат полегло на полях Великой Отечественной на одного немца? Идут годы, а соотношение погибших все увеличивается: 3 на одного, 4, 5, 6, 7…

Уже позже, находясь в ссылке в Казахстане, я обучал «фэзошников» нехитрым штыковым премудростям. К нам подошел раненый авиационный капитан. Он оказался инспектором. Поглядев на наши упражнения, он со страшной злобой обрушился на меня. Особенно его разозлило, что уколу штыком, как того требовал НФП (Наставление по Физической Подготовки), я учил детей в два темпа: «показать укол», на что винтовку следует послать вперед, пока левая рука, удерживающая цевье, не будет выпрямлена, и затем следует команда: «С выпадом коли!»

— Ты хоть видал живого немца-то? — кричал на меня летчик. — Так он и будет ждать тебя с твоим выпадом! Пустякам учишь, капитан, глупостям!

Теперь-то я понимаю, почему его так разозлила команда: «С выпадом коли!» Но тогда я с ним вступил в спор, доказывая, что учу точно по «наставлению по физической подготовке Рабоче-крестьянской Красной Армии».

Так мы поначалу и воевали! Ворошилов да Буденный, «с выпадом коли!» да «шашки вон»…

Однако вернемся в Орджоникидзе. Нужно было инструктировать командиров взводов, контролировать, готовить команды. Но, конечно, первое и главное дело — футбол. Престиж училища, да только ли училища, района, города, наконец —

государства. В Орджоникидзе кроме нашего училища было еще два пехотных и пограничное, и на футбольные матчи обязательно являлись начальники и весь командный состав.

Как и во все времена, молодые офицеры ухаживали за девушками, пили водку, благо она стоила 6 руб. 5 коп., а хинкали по 10 копеек (при окладе 850 рублей). Ходили мы на танцы в парк на берегу Терека, который назывался «Трек». Я еще занимался борьбой в Доме Красной Армии (ДеКа).

Предвоенная атмосфера нас нисколько не беспокоила, ибо была совершенная уверенность в том, что «когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет» «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом» и т. д. и все будет в порядке. Шапкозакидательство в нас была вбито крепко.

Поехав на повышение квалификации в Ростов, я встретил там известного борца, чемпиона СССР Виктора Соколова, который включил меня в сборную команду Округа. Я выиграл первенство области и вернулся в Орджоникидзе.

К тому времени у меня во всех батальонах уже были физруки. Один из них, Иванченко, прибежал ко мне с сообщением о том, что командир батальона полковник Курчин велел ему вместо обычной утренней зарядки форсировать с батальоном Терек. Полковник очень гордился тем, что служил с Котовским и имел орден Боевого Красного Знамени — это была весьма редкая в то предвоенное время награда.

Я тут же позвонил полковнику и сказал ему, что запрещаю Иванченко участвовать в этом преступлении. Полковник на это сказал: «Я вам покажу, кто командир в батальоне!» Я тут же побежал к начальнику училища, весьма интеллигентному человеку, генералу Яковлеву. Он меня встретил вопросом: «Что вы там наговорили полковнику Курчину?» Разговор по телефону еще шел… Доложив ситуацию, я попросил генерала, чтобы он своей властью запретил это опасное дело. В начале лета Терек — бурная река. В районе лагерей имеются перекаты. Не все курсанты умеют плавать, и не избежать трагической развязки.

Генерал сделал мне замечание за личный звонок к полковнику, но идею с переправой запретил.

Однако полковник не оставил своей глупой затеи. Он приказал майору, начальнику инженерной службы, найти брод и натянуть через Терек канат. Бедный майор надел дурацкий костюм для переправ и полез в воду. Это резиновое изделие представляло собой штаны и сапоги, объединенные в одно целое со спасательным кругом. К этому нелепому сооружению прилагались два весельца. Ни до, ни после я больше не видел

подобного нелепого одеяния. Думаю, этот костюм смертника создали в том же самом КБ, где много лет спустя сконструировали скафандры, в которых замерзли и утонули большинство членов команды подводной лодки «Комсомолец». Во всяком случае, результат был столь же трагичным — несчастного майора перевернуло на быстрине, он ударился головой о камни, захлебнулся и на глазах у всех офицеров и дурака-полковника погиб.

Прошло полвека, а конструкционные недоработки и неисправности и последующие нелепые объяснения остались такими же — плот не сработал, клапан заело, капсула проржавела, трубка лопнула… а матросы, подводники и солдаты гибнут в мирное время. Видно, все еще жив «курилка» — полковник и его прямые последователи, и немало у них идей, как поэкспериментировать над живыми людьми.

Отслужив год, я вернулся на время отпуска в Москву. Оба мои брата женились: Миша на сокурснице Вале Ермаковой из Лыткарино, а Бичико — как я уже сказал, на дочери комиссара чапаевской дивизии, Бичико разъезжал по всему миру со Шверником, и так тщательно его охранял, что день службы ему зачитывался за три.

Я проводил отпуск между Москвой и Заречьем, отдыхал, развлекался.

Контакты нашей семьи со Сталиным по-прежнему были хорошими. В Заречье приезжал Яша со своей супругой. Он поступил в артиллерийскую академию и был в звании лейтенанта.

Яша привез малокалиберный револьвер. Мы стреляли в цель. Когда очередь дошла до меня, я после очередного выстрела стал взводить курок той же рукой, в которой держал оружие, курок соскочил с большого пальца и произошел непредвиденный выстрел. Второй раз, и опять при Яше, и с его оружием!

Однажды Александр Яковлевич привез незнакомого молодого человека. Держался он заносчиво, еле поздоровался. «Дядя Саша, — спросил он, — где у Вас вертушка?» «Ваня, проводи Васю в спальню», — сказал отчим. Мы поднялись на второй этаж. Он набрал номер и довольно долго ждал, потом сказал в трубку:

— Ты что, все дрыхнешь?

Потом, обратившись ко мне, грубо спросил:

— А ты чего стоишь?

Я вышел. Мама сказала, что этот Вася сын Сталина.

«С кем же он говорил, — подумал я, — неужели с отцом?»

Однажды ночью позвонил Сталин — он искал Васю. Оказывается, по Васиной просьбе Александр Яковлевич куда-то

его отвез, а тот все еще не вернулся домой. Александр Яковлевич ночью поехал в Кремль.

Продукты и вино из Заречья, по-прежнему, отправлялись в Кремль — к сталинскому столу. Мать чувствовала себя вполне легализированной, хотя за прошедший год многие наши привычные посетители исчезли, в том числе и многие работники НКГБ, которые регулярно пользовались коттеджами Заречья.

За два дня до отъезда на службу в Орджоникидзе напомнила по телефону о себе Саша Горемычкина. Мне ужасно надоели все мои мимолетные дамские похождения, и я предложил ей завтра же пойти и расписаться. На другой день состоялась почти походная свадьба, и я уехал на службу в Орджоникидзе уже женатым человеком.

Перед отъездом Миша подарил мне патефон. Саша стала плакать и просить, чтобы я его с собой не брал.

«Вот я и женился!» — подумал я.

Уезжая, я, конечно, не подозревал, что вижу маму в последний раз. Вернувшись в Орджоникидзе, я «забыл», что уже женат, и продолжал холостую жизнь. Работа мне нравилась, в марте 1941 года мне присвоили очередное звание «капитан», и, пожалуй, в то время я был в Красной Армии одним из самых молодых офицеров в этом звании.

В июне меня вызвал генерал и сказал, что дал на меня положительную характеристику для назначения инспектором физподготовки Северокавказского округа — я был самым старшим по званию и имел специальное образование. Меня вызвали в округ и назначили начальником учебной части сборов повышения квалификации начальников физподготовки округа. Сборы проводились в Новочеркасске, где нас и застала война. Все вернулись в свои части.

Первым порывом всех была подача рапорта об отправке на фронт. Генерал Яковлев отбыл из училища. Новым начальником стал полковник, изменилось штатное расписание училища, и большинство моих подчиненных физруков из училищ отправили на фронт, но меня оставили. Двое — Ложкин и Лобов — в течение месяца были убиты. Иванченко вернулся раненый.

В начале войны распространялись самые невероятные слухи: «Конница Буденного прорвала фронт и идет на Берлин». Все были уверены в нашей скорой и безусловной победе. Однако люди уезжали на фронт, а возвращались похоронки.

В июле 1941 года неожиданно ко мне приехала жена. Получив телеграмму из Москвы «Выезжаю тогда-то. Саша», я сразу и не сообразил, что это едет ко мне моя жена. Подумалось: «Кто это — Саша?» Прошло полгода после нашей свадьбы (фото

73). Навалилось столько событий, да и холостяцкие связи не прерывались. Чтобы определиться, по приезде, я сразу сказал ей, что если ее интересуют мои здешние похождения, то я готов ей все рассказать, если же ей это не интересно, то пусть она не слушает, что будут рассказывать «доброжелатели».

А рассказывать было о чем и кому. Орджоникидзе в то время был небольшой городишко. В нем размещалось четыре военных училища, в центре, на площади Коста Хетагурова, рядом с театром располагался ДК, и офицеры играли весьма заметную роль в жизни обывателей. В городе было множество военных городков и общежитий — убогих жилищ для холостых и семей среднего офицерского состава. Каждый шаг офицера «на сторону» прослеживался наблюдающими глазами их праздных жен.

Я был молодым и холостым старшим лейтенантом, а потом и капитаном из Москвы, и был единственным, кто, кроме генерала, имел в гарнизоне военный костюм с брюками навыпуск. Иногда я носил отлично сшитый штатский костюм с широчайшими бортами. Любой успех у местных дам был постоянным предметом пристального внимания соседок, мужья которых, как колодники, были прикованы к своим взводам и ротам. А ревнивому и памятливому женскому взгляду было за что зацепиться. Однажды я стал ухаживать за эвакуированной из западной Белоруссии полькой, которая работала в булочной. Она хотела иметь от меня ребенка (а возможно, она уже была в положении и пыталась сделать меня отцом ее ребенка задним числом). Потом эта полька стала подругой какого-то лейтенанта, который не прочь был на ней жениться. Но вдруг меня вызвал генерал и предупредил, что надо быть разборчивым в знакомствах, поскольку женщина, с которой я общался, оказалась польской шпионкой.

Одним словом, репутация у меня была такая, что однажды, когда я попросил у соседки спичек, ее муж тут же заподозрил меня и стал нарываться на скандал. Пришлось его усмирять в коридоре.

Частенько я выпроваживал моих посетительниц через окно, потому что в коридоре дежурили любопытные соседки. Чем хуже становилась моя репутация, тем больше обнаруживалось претенденток посетить мою зачуханую комнату-пенал. В подобных же пеналах жили и семейные офицеры. Поэтому мои опасения и предупреждения жене имели под собой основание.

Но на чужой роток не накинешь платок, и полученные со стороны сведения расстраивали мою жену.

К великому сожалению, наша семейная жизнь с молодой женой сразу же не заладилась. В сексуальной сфере молодые люди редко встречают холодных женщин, они взаимно не

интересуются друг другом. Целомудренность и стеснительность моей жены мне казались нарочитыми, глупыми и оставляли неудовлетворенным. Моей ошибкой было то, что я не смог разбудить в ней женщину, не ввел ее в мир сексуальных наслаждений нежностью, а просто взял ее так, как это делал обычно. Возможно, этим я предопределил ее будущую холодность. Это была наша общая беда. Потом всю долгую совместную жизнь мне приходилось находить партнерш, которые своим темпераментом компенсировали мою неудовлетворенность женой. Во многих случаях это бывали и ее подруги. Конечно, теперь, когда мне за семьдесят, я знаю, что, возможно, сам был повинен в ее фригидности. Но знания эти, увы, несколько запоздали.

Молодая жена, любовные приключения — вот что занимало меня в начале того военного лета. Мои декамероновские настроения можно оправдать только тем, что начавшаяся война, особенно в первые недели, в далеком от фронтов городе Орджоникидзе — из-за общего шапкозакидательского настроения — вовсе не представлялась мне тогда Великой войной.

Вскоре, распрощавшись с прифронтовой Москвой, с помощью Александра Яковлевича к нам приехала моя теща Анна Васильевна, мудрая, работящая женщина, ставшая надолго скрепляющей силой нашей семьи. Никакой связи с родными у меня не было. Как оказалось впоследствии, Миша отправился на фронт, а Валя, его жена, вместе с мамой были отправлены отчимом в Куйбышев, куда эвакуировали государственные учреждения и организации. В июле у Вали родилась девочка Елена, а в ноябре 1941 года мама была арестована.

В преддверии нового года меня вызвал на определенный час начальник НКГБ Северной Осетии — это Александр Яковлевич придумал способ связаться со мной по чекистскому телефону. Разговор был обыденный: «Как здоровье, как дела?» Я спросил о маме и Мише. Он ответил: «Миша воюет, мама в Куйбышеве с Валей». На том разговор и закончился. Думается, Александр Яковлевич хотел узнать, не дотянулась ли уже и до меня рука Берии, а может быть, отчим хотел «прикрыть» меня, защитить своим именем перед местными органами. Его подлинные намерения остались для меня тайной.

Я развил кипучую деятельность в деле ускоренной подготовки курсантов всех четырех училищ к отправке на фронт. Помимо обычного режима дня — зарядки и занятий по физической подготовке, у нас в училищах постоянно соревновались по фехтованию на деревянных ружьях, сдаче

нормативов ГТО. Череда привычных советских праздников не прерывалась и во время войны. Я готовил к праздникам массовые представления на стадионе, где каждый батальон представлял свою программу, а промежутки заполнялись перестроениями и маршами, и выступлениями отдельных групп акробатов. Особенно часто я организовывал эстафеты связи, куда включались наведение телефонной связи, передачи по радио, группы бегунов в качестве пеших посыльных, перевозка эстафеты на велосипедах, повозках или верхом и пр.

В армии организовывать такого рода массовые мероприятия — одно удовольствие. Надо только толково написать приказ и не забыть ни одной мелочи — сколько, когда и куда доставить мотоциклов, машин, лошадей и повозок, когда и где разместить походные кухни и приготовить пищу, на кого и что конкретно возлагается, кто несет персональную ответственность за подготовку (обычно комиссары батальонов). Приказ подписан, а дальше все идет как по маслу. Мне оставалось только на мотоцикле двигаться вдоль праздничных трасс и следить за порядком.

Помнится, еще за год до войны, совместно ДК и я организовали альпиниаду, и группа наших курсантов взошла на Казбек.

Помимо этого у каждого батальона была своя футбольная команда, своя полоса препятствий для подготовки курсантов и тренировки сборных команд.

Генерал Яковлев и начальник штаба майор Белышев всегда меня поддерживали и не скупились на благодарности, однако новое командование училища связи, к которому я был приписан, явно не симпатизировало мне.

Прошел год войны. Вдруг меня вызвали в округ и заявили, что я уволен из армии за плохую работу. Возвратившись, я обратился к начальнику. Он ответил: «Я недоволен вашей работой. Мы проиграли матч 1-му пехотному училищу». На мои возражения, что по многим показателям мы превосходим всех в гарнизоне, он сказал, что говорить не о чем — я уже уволен из рядов армии, и мне надо стать на учет в военкомате.

Ничего не понимая, я обратился в военкомат, где мне выдали военный билет, а в пятой графе написали «немец». На мои возражения мне показали положение, где было написано: «в сомнительных случаях национальность определяется по материнской линии».

«Сомнительные обстоятельства — это когда отец неизвестен, а не когда война с Германией», — возразил я. После долгих споров было написано «армянин», а в скобках «мать немка».

Тем временем немецкие войска взяли Ростов, и училище эвакуировалось.

Этот проклятый национальный вопрос всю жизнь висит надо мной как дамоклов меч. В ряде европейских стран и в США национальность определяется по месту рождения. Тогда я, как Маяковский, «по рождению — грузин». Владимир Даль считает, что человек принадлежит к той нации, на языке которой он думает. Тогда я — русский. Евреи определяют национальность по матери, тогда я немец, по отцу же я — армянин. Но еще в детстве, когда мы с братом были на даче в армянской деревне Узумлар, нас вздули местные пацаны, считая нас русскими, так как мы не умели разговаривать по-армянски. Летом 1953 года, после ареста Берии, я был в Москве, ехал на речном трамвае в Фили. Тогда два пьяных человека по усам и акценту признали во мне грузина и грозились выкинуть за борт: «Всех вас, сволочей, следует утопить!»

А в конце перестройки и демократизации на своей родине я не имею права купить квартиру или землю — по национальному признаку я армянин.

Из Красной же Армии меня уволили как немца.

Эта пресловутая советская «дружба народов» преследует меня всю жизнь!..

И вдруг радость! Нежданно-негаданно проездом в Орджоникидзе оказался мой брат Миша. Он очень возмужал и, несмотря на общий «драп», в котором поневоле принял участие, был уже в звании инженер-капитана. Миша был совершенно уверен в грядущей победе над врагом. У него было предписание ехать по военно-грузинской дороге и провести в Тбилиси формирование новой воинской части. Никаких сведений о ситуации, сложившейся с родными, он не имел, не знал даже о рождении собственной дочери. Был он с тремя товарищами, очень спешил и на другой день уехал. Это было мое последнее свидание с братом.

В годовщину войны у нас с Сашей родился первенец сын, которого мы назвали в честь моего брата Мишей. Я пошел в военкомат, чтобы получить какую-то справку. Военкомат готовился к эвакуации. Мне тут же вручили предписание направиться в Хасавюрт на формирование. Так через полтора месяца я опять стал капитаном, и тут обнаружил, что моя теща, чтобы кормить нашего первенца, обменяла мою офицерскую шинель на дойную козу.

Согласно предписанию, я отбыл на железнодорожную станцию Хасавюрт, где встретил полковника, к которому

обратился. Это оказался начальник заградотряда, который собирал всех отступающих военных и гражданских и формировал маршевые роты. Из-за поражений на фронте в тылу создавались новые части. Полковник назначил меня командиром 4-й роты и определил дислокацию — кирпичный завод: — Располагайтесь там! — приказал он. — Я буду направлять к вам людей. Довольствие будете получать на складе по строевой записке.

В 4-ю роту направлялись бывшие заключенные, выпущенные из больниц. Великовозрастные, блатные ребята на дорогах отнимали у местных жителей повозки с лошадьми.

Старшина роты оказался кадровым военным и из нашего училища. Слава богу, у меня появился надежный старшина! С трудом я стал налаживать некоторое подобие дисциплины. За довольствием я посылал старшину, а сам занимался с ротой строевой и боевой подготовкой. Так прошел месяц.

Поехав в Хасавюрт за довольствием сам, я опять случайно встретил там того же полковника — начальника заградотряда. Он очень удивился и осведомился, почему я еще здесь. Мне вручили предписание двигаться со своей компанией (этот сброд назвать ротой было бы преступно) в Серго-кала. Вся эта шайка, как махновцы на телегах, двинулась по дороге, по которой отгонялись отары и стада, эвакуировались люди. Пищи было вдоволь, пастухи за справку, которую я выписывал на вырванных из военных билетов страницах, где были какие-либо печати, охотно отдавали отстающих и ослабевших животных. Кроме того, мои расторопные «воины» заполнили свои тачки продуктами, которые раздавались даром из эвакуировавшихся складов.

Когда мы останавливались на ночевку, иной раз под защитой нашей группы, которой командовали военные-то есть я со старшиной, ютились эвакуированные, следующие на своих рыдванах аж с Украины. Мне приходилось защищать этих несчастных и от своих архаровцев и дежурить со старшиной по ночам.

На третий день на подводах мы прибыли в Серго-кала, где выяснилось, что часть уже сформирована, и нас хотели всем скопом направить в Махачкалу.

Но тут мне, к счастью, удалось соблазнить начальника штаба большим количеством телег и лошадей, которые поступали к нему в распоряжение вместе с моими людьми.

Рота осталась в Серго-кала, а меня направили в Махачкалу.

На бричке вместе со старшиной поехали к новому месту назначения. Когда мы вечером приехали в штаб города Махачкалы, мне приказали явиться утром для отправки в заградотряды. Продав бричку с лошадьми и продукты, купили

водки, икры и осетрины и устроили прощальный сабантуй. Утром мы явились в махачкалинский штаб, и нам вдруг дали предписание явиться в распоряжение штаба Закавказского фронта в Тбилиси.

В темном, до отказа забитом вагоне мы поехали в Баку. Здесь скопилось множество эвакуированных, ожидающих пароходов на Красноводск. Приехав на другое утро в Тбилиси, мы обратились в штаб резерва фронта, заполнили анкеты. На следующий день старшина был зачислен в часть, а мне предложили зайти на другой день и получить демобилизационное удостоверение. Так меня второй раз отчислили из армии.

Уже после войны, читая какое-то произведение Константина Симонова, я узнал, что действовал приказ о том, чтобы всех немцев или полунемцев из армии увольнять. По этому приказу демобилизовывали и отправляли в тыл людей, уже проявивших себя с лучшей стороны в боях на фронте и даже награжденных орденами и медалями!

В этот день я неожиданно встретил знакомого борца Виктора Павлова, он служил в КГБ Северной Осетии и ехал в Орджоникидзе. Я отдал ему деньги от продажи брички с лошадьми — шесть тысяч, с тем чтобы он помог моей семье эвакуироваться из Орджоникидзе в Тбилиси, где, как я предполагал, мне предстоит оставаться. Я дал ему адрес моего друга Брони Нициевского, через которого моя жена Саша смогла бы меня найти.

На другой день, по дороге в Навтлуги, где располагался штаб резерва, меня схватил жесточайший приступ малярии, и я лег на газон рядом с тротуаром. Здесь, о чудо, меня нашла сокурсница моей жены — Лида. Она работала в военном госпитале, куда смогла меня дотащить. Через четыре дня в этом госпитале меня нашла моя жена… Виктор Павлов оказался очень обязательным человеком — он погрузил мою семью на военную машину вместе с накопанной на нашем огородике картошкой и всем скарбом. Их выгрузили в тогдашнем предместье Тбилиси Сабуртало. Саша пошла к Броне. Его супруга, беспокоясь о том, что я пропал за день до этого, навела справки и обнаружила меня в госпитале больным малярией.

Выписавшись из госпиталя, я позвонил брату отчима — Василию Яковлевичу с просьбой распорядиться о том, чтобы мне дали на час грузовую машину, которую я буду ждать в Сабуртало. Прибыв на место, где должны были быть бабушка с сыном и вещами, мы никого там не обнаружили. Я позвонил Василию Яковлевичу, чтобы выяснить, куда же подевалась моя семья. Он извинился и сказал, что грузовика достать пока не смог (и это

Председатель Президиума Верховного Совета!), машин в городе не было. Поехали к Броне, ибо только его жена Женя была осведомлена о месте выгрузки.

И тут я был сражен, столкнувшись с эталоном евангелиевской морали — «если у тебя есть две рубашки, отдай одну ближнему своему». Броня жил в двух небольших комнатках без удобств во флигеле старого дома по улице Орджоникидзе втроем с сыном. Он достал грузовую машину, отыскал мою семью, погрузил, привез к себе, освободил одну комнату и разместил в ней нас. С тех пор Броня (фото 74) стал для меня образцом, с которым я мысленно сверяю свои поступки, зная, что сам я никогда не достигну таких высот душевной щедрости.

На другой день я пошел в отдел кадров резерва за демобилизационным свидетельством. Вместо него мне вручили предписание направиться для дальнейшей службы в Новосибирский военный округ. Я получил проездные документы на себя и семью, и все предварительные планы рухнули.

Приближалась зима, навыка к сибирской жизни, не говоря уже о теплой одежде, у нас не было. Но все это не имело никакого значения. Шла война, люди спали в окопах, гибли миллионы солдат, иных травили в камерах, расстреливали, угоняли в рабство. В этом калейдоскопе судеб наша судьба была еще относительно благополучна.

Кто-то посоветовал мне взять в дорогу побольше пачек чая. Надо бы ничего не везти с собой — ни соль, ни картошку, ни муку, ни детское корыто, а взять только тысячу пачек чая, и жить бы нам в эвакуации, горя не знать. Чая в Тбилиси было — завались. Впоследствии оказалось, что в Казахстане и в Сибири чай был валютой, на которую можно было все сменять. Однако мы не решились ничего оставлять, весь скарб потащили с собой, и я взял с собой только 100 пачек, которые нас здорово выручили.

Опять Баку, пристань. Я как офицер имел преимущество, поэтому относительно быстро добрались мы до Красноводска, который был, как разоренный муравейник, заполнен людьми. Скверы, улицы, площади… и везде люди — старухи, дети, женщины, здоровых молодых мужчин почти нет. Нет хлеба, но зато много вкусной вяленой жирной сельди.

Через два дня нам удалось занять купе в каком-то музейном вагоне, конечно, без оконных стекол и купейной дверью с полуразбитым стеклом. Черепашьим ходом, этим поездом мы двинулись по пустыне через Узбекистан и Казахстан — в Сибирь. На больших станциях по эвакуационным удостоверениям можно было получить хлеб.

Путь не прошел без происшествий. Все наши документы и

одна сохранившаяся у Анны Васильевны золотая десятирублевка, еще какие-то ценности, а главное документы и продовольственные карточки я хранил в полевой сумке, которую привязывал кожаным ремнем к руке. Уже подъезжая к цели нашего путешествия, проснувшись, я обнаружил на руке обрезанные ремешки! Это была катастрофа. Мы остались без эвакуационных листов, паспортов, у меня не осталось даже командировочного предписания…

Спасибо тому доброму вору — он выбросил все документы на пол в уборной и не дал нам погибнуть от голода.

Примерно километрах в четырехстах от Алма-Аты я выскочил на станции, где относительно дешево продавали рис. Запомнилось ее название — Уштобе.

Помыкавшись с семьей на полустанке перед Новосибирском трое суток, я вновь был демобилизован — как сын немки! — из армии. Мне было предложено выбрать местожительством любую точку Казахстана, исключая города. Я вспомнил станцию, где покупал рис, и выбрал Уштобе.

В Новороссийске килограммовая буханка черного хлеба стоила 140 рублей или одну пачку чая.

Мы вернулись в Уштобе. В военкомате этого захолустного городка сидели старички, лейтенанты запаса. При появлении капитана, они было встрепенулись, но узнав, какой я капитан, взяли меня на учет и выдали военный билет. Устроился я в ФЗО военруком, где детей кормили затирухой и хлебом. А мне выдали карточки на всю семью. Порой вместо хлеба выдавали муку, полную отрубей. Я носил военную форму, и моя капитанская шпала в петлице помогла нам в устройстве в малюсенькой комнате, где помещались печурка, кровать и два топчана. Хозяин, хозяйка и два мальчика 12–15 лет спали в двух других небольших комнатках. Была еще общая комната, где стоял стол, которым мы могли пользоваться.

Впереди нас ожидала суровая в северном Казахстане зима, и первым делом надо было позаботиться о топливе.

Но прежде расскажу, почему в Уштобе было много дешевого риса. Здесь жили сосланные с Дальнего Востока корейцы. Поначалу я не понял, что люди, имеющие сугубо азиатский облик — узкие раскосые глаза, смуглый цвет кожи, принадлежат к разным нациям, казахи и корейцы — для моего «европейского» взгляда были вроде одинаковы. Пожив среди них, я вскоре узнал, что кроме внешнего облика у них нет ничего сходного. Казахи, бывшие кочевники, к тому времени сохраняли, по крайней мере в селах, свой обычный образ жизни. Жили они в юртах или в глинобитных домах, земляной пол покрывался кошмами. Казахи

разводили быстроногих малопродуктивных коров, и не так давно стали сеять пшеницу на поливных землях. Однако нивы были плохо ухожены и неурожайны. Выезжали они на свои поля довольно поздно и зачастую верхом на коровах, число которых было в Уштобе невелико.

Корейцы жили в аккуратных домах, где пол покрывала циновка. Топили они печку «кан», трубы от которой были проложены под полом таким образом, что все тепло оставалось в доме. Теплый пол был для них и кроватью, поэтому обувь оставлялась при входе. От мала до велика корейцы целыми днями были чем-то заняты.

Как-то на рассвете меня разбудил шум работающего движка. Долго, наверно в течение часов двух, я слышал мерные непрерывные удары. Каково же было мое удивление, когда, выйдя из дому, я обнаружил кореянку, которая сидя на корточках у полыньи протекающего мимо канала с ребенком, привязанным за спиной, стирала белье. Процедура была такая — белье лежало слева, полынья справа. Брала она белье левой рукой и клала на лежащий перед ней плоский камень, в то время правой рукой, в которой была палка, она била по белью, затем палка перекладывалась, без перерыва в темпе ударов в левую руку, а правой она черпала воду из полыньи и плескала на белье.

Когда сейчас говорят о корейском чуде, поставившем Южную Корею в первую десятку наиболее развитых стран, я вспоминаю эту няню-прачку. Корейцы поражали меня постоянно. Вскоре выяснилось, для отопления существовало три горючих материала, если не считать каменного угля, который давался в ограниченном количестве и только рабочим депо. Это была солома, которую выдавали из колхоза «Кожбан» казахам и некоторым местным чиновникам, и остатки каменного угля, который собирали наиболее немощные эвакуированные дети и старые люди в том месте, где очищались колосники паровозов. Эти люди возле путей, словно муравьи, облепляли кучи золы, и рылись в ней в поисках несгоревших кусочков угля. Когда подъезжал очередной паровоз, они как бы замирали на старте, а потом бросались на горячую золу, с ожесточением расталкивая друг друга. Добытчики лазили перед паровозом по шпалам, и машинисту приходилось долго свистеть и ругаться, отгонять их с путей, чтобы поспеть к рейсу.

Но главным топливом в Уштобе, да и по всему северному Казахстану был курай — смолистая степная трава с довольно толстым корнем. Возле поселка весь курай был выбит из земли тяпками, и поэтому нам приходилось ходить за ним три-четыре километра. Самым тяжелым делом было тащить курай домой.

Поначалу я, как носильщик на вокзале, связывал две кучи, перебрасывал их на ремне через плечо и с большим трудом волок домой. Однажды утром я увидел едущий навстречу по дороге воз. Этим «возом» оказался старичок кореец с палочкой и трубкой во рту, легко несший за плечами курай. Так я научился без особого труда транспортировать топливо.

Нарубив и по-особому связав огромный тюк курая, я ложился на него спиной и продевал руки в лямки, потом переворачивался, вставал на четвереньки, а затем на ноги. Таким образом за один раз притаскивал домой килограммов пятьдесят. Спасибо умницам корейцам!

Саша кормила Мишеньку и, конечно же, вместе со мной старалась обеспечить семью топливом. Весной я узнал еще одну исключительную способность корейцев — они были необычайными мастерами по выращиванию риса огородных культур. По-видимому, это какая-то генетическая способность сооружать горизонтальные рисовые чеки таким образом, что каждый последующий был чуть ниже предыдущего. Вода особым каналом доставлялась на самый высокий уровень, затем открывалась перемычка и вода переливалась в следующий. Корейские огороды поначалу были солончаками, но они каким-то непостижимым способом умудрялись культивировать эту бесплодную почву, устраивать ровненькие гряды, где не было ни одного комка. Вода, пущенная в такой огород, разливалась между грядками ровным слоем. Корейцы выращивали редиски длиной в 10 сантиметров, репу цилиндрической формы серо-зеленого цвета с белыми концами, салат и иную всякую всячину. Трудолюбивые и щедрые люди корейцы делали сносной жизнь эвакуированных соседей.

Не знаю, как бы мы жили, если бы не моя теща Анна Васильевна. Где-то она отыскала дикорастущий хмель, на отрубях-отсевах муки делала хмельные дрожжи и пекла хлеб. Причем, как оказалось, в хлеб можно было добавлять толченые картофельные очистки. Часть хлеба я продавал на базаре для приобретения других продуктов.

Моя зарплата физрука в ФЗО была, конечно, чисто символической и мы, как и наиболее шустрые эвакуированные, стали встречать поезда и перепродавать купленный у корейцев рис. Милиция ловила спекулянтов, но, получив свою долю невеликого прибытка, отпускала. Много было жульничества и со стороны продавцов, и со стороны покупателей. Продавцы подмачивали рис, который может вобрать много влаги и внешне не измениться, покупатели же норовили обсчитать или вовсе не платить денег. Одним словом, «хочешь жить — умей вертеться».

На базаре часто буйствовали пьяные раненые бойцы, собираясь в группы и наводя страх на базарную публику.

Зимой в Уштобе привезли человек пятьдесят зеков-доходяг, списанных из лагерей ГУЛАГ а. Это были инвалиды, жалкие, одетые в лохмотья. Они собирались у сельсовета. Их обещали разобрать по колхозам, но никто их не принял. Дня через два списанных каторжан увезли на расчистку занесенных вьюгой железнодорожных путей. Тут поднялся сильный ветер, и пути до места, где работали эти несчастные, замело. Там их и схоронили вместе в одной яме.

Весной в колхозе «Кожбан» выделили участки под огороды для ФЗО и МТС. И тут опять нас выручил крестьянский опыт моей тещи. Мы вскопали и засадили соток шесть картошкой, кукурузой, помидорами, дынями и арбузами. Огород нужно было поливать, мираб давал воду только за водку. За своими полями казахи-колхозники ухаживали плохо. Некоторые участки заливали, а другие оставались без воды. Урожай получился жалкий. После обмолота по ночам весь хлеб растаскивали. Председателя наказывали, но людям надо было жить, воровство оставалось едва ли не единственным способом выжить.

Однако я опять забежал вперед. Пока нива колосилась, наш огород радовал глаз, но требовал присмотра. К тому времени у меня вышел конфликт с капитаном-инспектором по поводу штыкового боя, о котором я уже рассказывал. Я решил стать ночным сторожем. Только будущий урожай мог нас поддержать в дальнейшем.

С рабочими МТС я заключил договор, по которому они должны были за мой труд расплатиться натурой — частью урожая, картошкой, кукурузой и пр. Я соорудил себе шалаш из камыша и стал жить на огороде. Дел было много, необходимо было поливать, окучивать, полоть. Еды было вдоволь — каша из зерен созревающей пшеницы, молодая картошка, молоко, которое я покупал на ферме… Время от времени доводилось лакомиться и рыбой, во множестве водившейся в реке Каратал, которую мне приходилось каждый раз переплывать, когда я из Уштобе направлялся сторожить огороды. Однажды мне даже довелось помочь рыбакам высвободить сеть, зацепившуюся за корягу топляка — пропитавшегося водой и затонувшего дерева, за что мне дали несколько рыбин.

Я и не подозревал, какие напасти могут ожидать земледельца. Однажды, возвращаясь на огород, я увидел, что ботва картошки покрыта множеством красных жучков. На многих кустиках листва была уже съедена, осталась одна будылья — были опустошены целые грядки. Я бегом бросился в сельсовет к

агроному. Он дал мне потрясающий совет: нужно стряхивать жучков на землю и засыпать их землей, еще лучше класть их в банки с керосином. Я понял, что наша картошка обречена и ничем помочь нельзя. В полном расстройстве я возвращался к огороду, будучи уверенным, что все наши труды пропали даром. Подходя к огороду, я обратил внимание на тучи птиц и как-то не связал их со своим несчастьем… Мои милые птицы уничтожили всех жучков, произошло чудо, которое я потом не смог объяснить никому из моих нанимателей: наша картошка осталась неповрежденной, тогда как все остальные грядки были в той или иной степени изъедены колорадскими жучками. Конечно, никакого вознаграждения частью урожая я не получил.

Однако на этом мои огородные злоключения не прекратились. Пшеница была скошена. Как-то ночью я просыпаюсь от сапа и щелканья. Выхожу из шалаша и вижу, что казахи выпустили своих шустрых коров, и они забрались в нашу кукурузу. А щелкали, вернее, цокали, половинки коровьих копыт, ударяясь друг о друга, когда нога отрывалась от земли. Выгнать ночью наслаждающееся молочными початками и листьями кукурузы стадо резво бегающих коров было невозможно. И все же под утро мне удалось загнать коров за жерди, которые ограждали стога сена, и заложил вход. Коровы принялись за сено. Утром прискакал представитель колхоза, стал меня ругать и угрожать расправой. Пришлось идти с ним к председателю и просить, чтобы они не выпускали стадо, пока мы не уберем урожай с огородов и, как всегда, в конце концов, пришлось откупаться водкой.

Так или иначе, мы собрали хороший урожай картошки и кукурузы, насушили дынь, продали часть арбузов. Дальнейшая перспектива нас уже не страшила. Отношения с женой у меня не улучшались, и здесь нас подстерегало страшное несчастье.

В августе Саша прочла в газете, что в Алма-Ате проводятся легкоатлетические соревнования. Она решила, что судьба ее может измениться к лучшему, если ей удастся попасть в сборную команду республики. Недолго думая, она поехала в Алма-Ату, бросив кормить сына грудным молоком. Мишеньке шел четвертый месяц второго года. В Алма-Ате Саше ничего не удалось достичь, а сын за это время заболел токсической диспепсией. Она успела приехать, но спасти ребенка не удалось.

От страшного несчастья — смерти сына, и жаркого лета у меня участились приступы малярии. Приходилось отлеживаться там, где заставал меня приступ. Я был совершенно измотан. И тут это страшное горе.

Рыдающая Саша принесла из больницы завернутое в

простыню тельце нашего сына. Сразу возникло множество проблем: гроб, могила, поминки…

Утром меня задержали, когда я срывал доски с забора МТС. Узнав причину «диверсии», директор не стал меня задерживать, однако доски отобрал. Тогда пришлось разобрать топчан, на котором спала Анна Васильевна. Сосед, увидев, как я неумело вожусь с изготовлением гробика, отстранил меня со словами «займись другими делами». Я побежал в ФЗО, мне дали двоих ребят и мы пошли копать могилку. Купили на базаре самогон и кое-какую снедь. Хозяйка, добрая душа, пожертвовала нам курицу.

Похоронная процессия состояла из трех человек. Я на перевязи из полотенца нес сына, мама и бабушка несли по лопате. Есть такой обычай — предать тело земле надо до захода солнца, и поэтому мы спешили. Когда среди безымянных холмиков возник еще один, душу мою охватила пронзительная жалость, но было и чувство удовлетворения, что я все успел сделать. Внезапно навалилась страшная усталость. Причитания Анны Васильевны казались мне ненужными и даже злили меня. Хотелось лечь и отрешиться от всего, как во время приступа малярии. Казалось, с этой смертью порвалось последнее связующее звено с моей неразумной женой…

Я хотел устроиться в дальний колхоз перевозчиком молока на молокозавод, однако в первом же рейсе остался лежать в степи с приступом. И тут меня нашла новая призывная повестка.

Взяв с собой пару мешков картошки и килограммов десять рису, я поехал в Ташкент, откуда меня направили в Алма-Ату в школу подготовки среднего строевого командного состава в качестве слушателя. Мой рапорт о том, что я и есть этот командный состав, готовый к отправке на фронт, не возымел действия.

В Алма-Ате я неожиданно встретил моего сокурсника, будущего профессора и будущего отца знаменитого футболиста Олега Логофета, который, как и я, но по причине греческого происхождения, чуть не был исключен с факультета, хотя закончил его также с отличием. В то время в Алма-Ате было полно киношников. Олег был влюблен в Лидию Смирнову. Он познакомил меня с артистками, которые снимались в фильмах, и мы, в общем-то, не скучали.

В училище, благодаря своим отработанным навыкам штыкового боя и отличной строевой подготовке, чем я выгодно отличался от интендантов и запасников, составлявших основной контингент школы, мне удалось внушить начальству, что я прислан туда по ошибке и меня вновь отправили в Ташкент в

резерв командного состава.

Проторчав в резерве довольно долго в качестве заседателя в трибунале, я совместно с председателем и еще одним заседателем вынес не один десяток стандартных приговоров дезертирам, отравлявшим себя мылом, табаком и еще черт знает чем: «приговорить к высшей мере наказания — расстрелу с заменой отправки на фронт в штрафной батальон».

Я написал рапорт командующему округа, где подробно изложил свои мытарства: «Отец — армянин, мать — немка, строевой командир, специалист по физической подготовке». В заключение я просил «либо использовать по специальности, либо отправить на фронт». Резолюция на моем рапорте была весьма оригинальной: «Если он русский — использовать по специальности, если немец — демобилизовать».

Меня вызвали в отдел кадров. Разговор был короткий:

— Вы русский?

— Нет, я армянин.

— Вы немец?

— Нет же! Я — армянин! У меня мать немка.

И меня в четвертый раз демобилизовали из армии!

На вопрос, куда я хочу отправиться на жительство, я назвал Тбилиси. Мне отказали. Тогда я решил вернуться в Уштобе.

В военкомате Уштобе встретили меня радостно и тут же поручили отправлять мобилизованных новобранцев в Алма-Ату. Призывники томились у военкомата и никак не могли уехать. Работникам военкомата давно не присылали положенного довольствия, и мне вручили доверенность на получение причитающегося довольствия. Я взялся за эти хлопоты, выговорив себе в вознаграждение демобилизационное удостоверение с направлением в Тбилиси.

Отправить группу в 30 человек одновременно оказалось совершенно невозможно. Мы атаковали каждый поезд, но вагоны до отказа были забиты мешочниками и пассажирами. В конце одного из поездов было прицеплено два товарных вагона, в которых ехали мобилизованные. Нам с трудом удалось открыть их. Ехавшие в них призывники-казахи оказали нам яростное сопротивление. Когда мне все же удалось пробиться в вагон, обнаружилась страшная картина — в двухосном вагоне было человек сорок. Большинство лежали пластом, видимо больные. Два человека умерло, на трупы никто не обращал внимания. Как потом выяснилось, эти призывники нарочно ели мыло и табак, чтобы заболеть дизентерией и не попасть на фронт.

Начальник вокзала приказал отцепить эти вагоны с дезертирами и загнать их в тупик. Дальнейшая судьба этих

несчастных мне неизвестна. Наконец с группой человек в десять я все же проник в пассажирский вагон, а остальным приказал по мере возможности ехать в Алма-Ату, где я буду ежедневно встречать их на вокзале. Дней за пять мне удалось выловить на алма-атинском вокзале и сдать в Республиканский военкомат 30 человек, именно то необходимое количество призывников, которое и было определено для мобилизации Каратальскому военкомату. Хотя многие из тех, кого я доставил в военкомат, были, конечно, из других районов, но не имели на руках никаких документов и были рады хоть куда-нибудь определиться.

В республиканском райвоенкомате мне, выполнившему мобилизационный план, выдали полностью довольствие для наших уштобских старичков-лейтенантов, а они на радостях, превысив свои полномочия, выдали мне предписание — следовать в Тбилиси для дальнейшего прохождения службы.

Я предполагал навсегда расстаться со своей женой, однако ее слезные просьбы, и всегда достойная и самоотверженная Анна Васильевна, попросившая вывезти их в Россию, побудили меня помочь им. Я вписал на оборотной стороне командировочного предписания «с ним следуют жена имярек и теща», мои старички поставили свою печать и на обороте, и мы в начале 1944 года покинули Уштобе, где прожили в трудах и заботах 15 месяцев и похоронили нашего сына Мишеньку.

В Закфронте (так именовался округ) начальник физподготовки был мой сокурсник Володя Фламин. Он очень обрадовался встрече и обещал направить меня начальником физподготовки дивизии. Однако отдел кадров решил иначе. Там быстро смекнули, что Каратальский военкомат не имел права направлять меня «для прохождения дальнейшей службы» куда бы то ни было, и мне было предложено за свой счет возвратиться в Уштобе.

Однако свет не без добрых людей, и по решению Тбилисского горвоенкомата меня поставили на учет как офицера запаса по военкомату района имени Берии.

Федор Афанасьевич Схиртладзе — чудесный, интеллигентный человек, единственный из всей последующей плеяды председателей Комитета физкультуры имевший специальное образование (последующие шесть или семь председателей были выкормыши комсомола и административной системы), встретил меня очень приветливо и тут же направил на должность начальника военной кафедры, а мою жену Сашу преподавателем на кафедру легкой атлетики института физкультуры.

Был февраль 1944 года. Война продолжалась уже на

территории Восточной Европы и, пожалуй, «моя война», проведенная в ссылке в Уштобе и в скитаниях по тылам, на этом могла бы закончиться. Но кончилась она, как и для всех 9 мая 1945 года. Этот счастливый для всего человечества день был для меня омрачен страшным известием. Именно в этот день я узнал, что мать моя умерла в ссылке в год ее ареста, а мой брат Миша погиб под Найдамом (Гдыней) на фронте 17 апреля 1945 года, во время артналета от осколочного ранения в голову.

Много позже меня вызвал военком и заявил, что я дезертир, так как он не смог нигде найти приказа о моей демобилизации. Слава богу, этот приказ чудом сохранился в архивах Северокавказского военного округа.

Глава 10
ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Где нет попятим о чести, там, конечно, остается искать одних выгод».

А. П. Ермолов

Институт физкультуры, в котором мы вместе с женой начали работать, располагался в Ортачалах, на левом берегу Куры, и занимал четыре здания: бывшая макаронная фабрика была переоборудована в гимнастический зал, трехэтажный дом был превращен в общежитие для немногочисленных студентов, в одноэтажном здании расположилась военная кафедра, а в здании вычурной постройки, бывшем особняке владельца фабрики Петросова, размещалась администрация, залы фехтования, борьбы, кафедра анатомии и одна аудитория.

В чердачной мансарде моей семье была выделена небольшая комната, и мы стали жить при институте.

Для занятий легкой атлетикой использовался примыкавший к территории института островок.

Директором института был хороший парень, жуликоватый, энергичный и женолюбивый молодой человек Гуло Хоштария. Немногочисленный коллектив преподавателей состоял в основном из бывших спортсменов и хорошо между собой ладил. Учебный процесс протекал ни шатко, ни валко, самой же главной проблемой, как и сегодня, был вопрос пропитания.

Я с увлечением принялся за организацию военной кафедры — вошел в контакт с коллективом и студентами. Получил в военкомате учебное оружие и даже наладил караульную службу с вечерним разводом и караульным помещением. Однако мои караульные, вместо того чтобы охранять посты, за ночь успевали распилить на дрова две-три парты и утром продавали их в виде связок дров на Авлабарском базаре. Некоторые приезжие студентки ради пропитания занимались древнейшей профессией, и когда они опаздывали, наш караул не пропускал их в общежитие без взимания плотской дани.

Главным занятием горожан, дающем средства для пропитания, в те годы была торговля на сабурталинском базаре. По воскресным дням эта барахолка привлекала множество людей. Большинство занимались куплей и продажей, меньшинство составляло пеструю группу жуликов всех мастей: воров,

аферистов, наперсточников, щипачей и ширмачей-карманников, игроков в три листика и прочей человеческой пены. Ну и конечно, милиция там правила свой бал — взимала дань и с правого, и с виноватого.

В течение недели во многих семьях готовили на продажу товары: варили мыло, ткали косынки, вязали носки, свитера, жакеты, шили брюки, платья, кофты, босоножки, сооружали кипятильники и пр. По воскресеньям на огромной площади самоорганизовывалась многолюдная ярмарка. Самой шумной ее территорией был обжорный ряд. Из Кахетии крестьяне привозили в больших бочках вино, рядом с ними предприимчивые люди жарили шашлыки и пирожки. Здесь все торжище насыщалось, напивалось и веселилось. Среди пьяных было много калек — инвалидов войны, которых сердобольные крестьяне поили вином бесплатно.

По воскресеньям мы с женой продавали на этом базаре косынки. Технология их изготовления такая. Сначала яркими трофейными красками окрашивались шерстяные нитки. Основа натягивалась на специальные треугольные рамки. Переплетение делалось при помощи больших мешочных игл. За неделю удавалось связать пять-шесть штук, а шли они за 250–350 рублей в зависимости от качества. Изготовителей косынок было много. Покупали их приезжие перекупщики, так что коммерция эта оправдывала себя.

Среди участников этого торжища было много прежних моих знакомых. Например, бывший сосед Коля, внук известного мультимиллионера Мелик-Казарянца, построившего в свое время красивейшее здание города на Головинском проспекте (оно и сейчас украшает главную магистраль города), торговал настольными лампами собственного изготовления. Основание он делал из пластмассовой тарелки, корпус-стаканчик из другой тарелки, на нем же крепился патрон, абажуром была пластмассовая миска, которая при помощи двух кольцеобразных проволочных зажимов крепилась прямо на лампочке — потом такую же конструкцию имели лампы-грибки. Все детали были различных цветов, выходило броско, нарядно. Торговля шла бойко.

Там же повстречался мне школьный товарищ Котик Антонов. Довольно высокий, медлительный, напуганный, нерешительный человек. Котик рано облысел, и обнаружилась его двускатная голова. Говорил Котик с постоянными заминками, причем если дело касалось каких-либо решений, то начинал он разговор с такой формулы: «Я думал, думал, потом подумал, дай, думаю…», при этом он разводил медленно руками, как бы помогая себе

«думать-думать». При всем том вид у него был всегда цветущий. Сейчас ему уже под восемьдесят. Котик занудливо перечисляет свои многочисленные хвори, но на щеках его играет прежний румянец.

По профессии инженер-электрик, Котик постоянно кочевал с одного места работы на другое, так как боялся идти на совместные жульнические сделки с начальством. В момент нашей встречи он работал в ФЗУ имени Камо мастером и на скудную зарплату содержал престарелую, немного ненормальную мать и племянницу Ингу. Мать Инги — Тарик, отсиживала 8-летний срок за то, что прилюдно сказала, что Ленин умер от сухотки мозга, развившейся на почве сифилиса. Чтобы свести концы с концами, Котик решил прирабатывать мыловарением. Перед ним на газете лежали непривлекательные на вид темно-коричневые бруски мыла. Рядом торговал другой мыловар, его аккуратно нарезанные светлые куски явно пользовались преимущественным спросом. Меня заинтересовала причина такого различия. Котик объяснил, что сосед кладет в мыло много талька и от этого оно плохо мылится, а он делает строго по рецепту… Впрочем, Котик скоро бросил свой мыльный бизнес и стал делать чемоданы из бакелита. Но неудачи преследовали его и здесь. Изучив технологию изготовления чемоданов у соседа по дому, он провозился целую неделю и вынес свое детище на базар. Но под лучами южного солнца его чемодан размягчился и потерял форму. А предусмотрительный сосед, как оказалось, соорудил над чемоданами навес. В сердцах Котик пнул остатки своего чемодана ногой и отправился изыскивать новые средства к существованию. Далее Котик рассказывает: «Я думал-думал, потом подумал: ведь я электрик, дай, думаю, начну делать трансформаторы». Он заказал пуансон, чтобы из трансформаторного железа выбивать одинаковые куски для последующей обмотки. Пока делались пуансоны, доставалось железо и медный провод, прошло немало времени, и трансформаторы появились в магазине «Электротехника».

После неудач в торговле Котик поступил на станкостроительный завод. Как-то его вызвал директор и распорядился немедленно наладить временную проводку до определенного места. Прошло четыре дня. «Я, — говорит Котик, — три ночи не спал, готовил чертеж и спецификацию необходимых материалов». Директору доложили о срыве каких-то работ из-за отсутствия временной проводки. Он вызвал Котика «на ковер» и спрашивает: «Где проводка?» А Котик ему в ответ, как я себе представляю, завел свою обычную волынку: «Я думал, думал, потом подумал, не лучше ли сделать стационарную, и вот

приготовил всю документацию». Одним словом, когда перед директором Котик положил чертеж — плод своих ночных бдений, тот в сердцах выругался, протянул ему чистую бумагу и предложил написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Однажды Котик, видимо изрядно подумавши, женился. Естественно, часть своей зарплаты он должен был тратить на содержание матери и племянницы, остальное на пропитание в семье своей супруги. Как-то раз он принес в качестве добавки к обеду бутылку лимонада. При розливе ему показалось, что его обделили… Он «думал, думал, потом подумал» и развелся, и стал жить как прежде, лелея мечту о покупке вентилятора, чтобы летом в его комнате было не слишком жарко.

Со времени нашей последней встречи прошло лет 30. Недавно он нашел меня по телефону и радостно сообщил, что ему наконец установили телефонный аппарат. Я его пригласил в гости. Котик пришел и битых два часа рассказывал в подробностях о своих многочисленных недомоганиях. Котик уже давно не работает, и главными его недругами стали близкие родственники — старшая сестра, которая вернулась из лагерей блатной бездельницей, и ее дочь, которую он растил, пока та сидела в лагерях — 8 лет. По словам Котика, обе родственницы обворовывают и ругают его — единственного для них родного человека. Впрочем, он получает 105 рублей пенсии и, в общем, доволен жизнью. «А зачем мне больше денег, — говорит Котик, — ведь на них все равно ничего не купишь». Так сложилась судьба моего однокашника.

Однако вернемся к ходу моего повествования. Сразу по возвращении, у городской железнодорожной кассы повстречался я со своим бывшим учителем по наборному делу и товарищем-собутыльником линотипистом Жорой Григоряном. Очередь у кассы выхлестывалась на улицу. Всем надо было куда-то ехать, а транспортная проблема в то время была особенно остра. Естественно, возникли вопросы: «Как живешь, что делаешь?» «Я, — говорит Жора, — обслуживаю пассажиров». Оказалось, «обслуживание» это — обыкновенная афера. Совместно со своим товарищем-алкоголиком они выбирали из очереди жертву, чаще всего женщину. Подслушав, кто-то из них узнавал, куда ей нужно было ехать. Потом следовал такой примерно разговор: «Вы здесь вряд ли быстро дождетесь билета. Я вам смогу помочь. У меня есть знакомый кассир в „Интуристе“, у него не всегда имеются купейные билеты, но плацкартный я вам гарантирую. Правда, кассиру нужно будет переплатить десятку, а мне рублей пять». Каждый, стоящий в очереди в то время, мечтал уехать хоть на

палочке верхом. Такое предложение было похоже на дивный сон. Жертву, заглотившую наживку, вели в здание бывшей гостиницы «Ориант», где имелся «сквозняк» — проход через летний ресторан на параллельную улицу. Поначалу несчастную женщину оставляли в вестибюле, а жулик шел «выяснять на месте ли кассир». Затем следовало главное представление. Аферист быстрым шагом, несколько запыхавшись, возвращался и говорил: «На ваше счастье я его застал. Он уже уходил. Я попросил его задержаться на минутку. Давайте скорее деньги за билет и десятку для кассира. Мои пять рублей пока оставьте у себя». Вот он главный момент! Клиенту доверяются его пять рублей. Деньги добыты, и друзья тут же устремляются в кабак.

Я попытался усовестить моего бывшего товарища: «Как это можно отнимать у человека, тем более женщины, находящейся в чужом городе, последние, возможно, деньги?!» На это Жора мне сказал, что «обслуживают» они и местных жителей: «Узнаем, что в таком-то дворе проживает парень по имени, скажем, Вартан, и когда он не бывает дома, приходит кто-нибудь из нас. На пальце надо крутить ключ от автомашины. Спрашиваем, нет ли Вартана дома? Мать или жена, естественно, интересуются, зачем мне Вартан. Отвечаю, что везу в машине бочку повидла и хочу моему другу Вартану отложить ведерко или чайник, да и себе нужно, да вот посуды нет… Женщины тут же приносят посуду. Чайник да ведерко толкнешь. Вот тебе и на выпивку деньги. А ты, — спрашивает Жора, — где живешь?» Ну, я сказал адрес, там, мол, и там, в институтской мансарде.

Эта история имела смешное продолжение. Как-то, возвратясь к себе в мансарду, я застал тещу, взволнованную и смущенную. Говорит, что приходил мой товарищ — шофер (в руках у него были ключи от машины), спрашивал тебя. Прямо сокрушался, что не застал. Я спросила, что ему надо? Он сказал, что везет в машине бочку сливового повидла и ему нужно две посуды, чтобы поделиться повидлом с Ваней и отложить для себя.

Сценарий оказался безошибочным. Анна Васильевна в предвкушении чая с повидлом поставила чайник на керосинку. «Прошло больше часа, — говорит, — а его все нет. Я отдала ему два эмалированных ведра». Спрашиваю: «Какой он из себя?» По описанию, конечно же, узнаю своего старого собутыльника Жору. Вот каков оказался результат моей проповеди (фото 75).

А два эмалированных ведра были весьма необходимой частью нашего послевоенного быта.

В то время было очень прибыльно ездить, особенно в Москву и Ленинград. Это был своеобразный «шелковый путь», по которому шел интенсивный товарообмен. Такая возможность

часто бывала у спортсменов и, в частности, у наиболее успешно выступавших на союзных аренах грузинских борцов. Поездка была целой эпопеей. Поезд шел кружным путем через Баку трое с половиной суток, что в значительной степени расширяло круг торговых операций.

Перед отъездом закупались ходовые товары — знаменитые косынки, шерстяные шали, те, у кого были сады, брали с собой яблоки. По пути в Баладжарах закупалась пищевая соль. Набирали ее мешками. Был такой случай, где-то около Ростова в вагон зашел милиционер и обнаружил на верхней полке огромный брезентовый чувал с солью. Спрашивает: «Чья соль?» — «Неизвестно», — отвечаем. Попытался стянуть, но куда там — в мешке пудов 10 соли! Повертелся милиционер и ушел ни с чем.

А «шелковый путь» продолжался. Проезжаем Северный Кавказ: Тихорецкую, Краснодар, Крыловскую, Армавир… Вдоль поезда бегут женщины с курами жареными, сырами, тащат мед, вареную картошку, огурцы свежие и соленые, помидоры, простоквашу, молоко, сметану. Их целая армия. Жалкие милицейские силы мечутся между ними в попытках помешать торговле… Накупаем всякой снеди и начинаем шикарно обжираться. При этом ужасно страдали те из борцов, которым следовало сгонять вес. За Ростовом начиналась встречная торговля — продажа соли и покупка рыбы. Наконец — станция Марцев! Какая вкусная копченая рыба продавалась здесь! Лещи, чабаки, рыбцы, шемая, осетровый балык. Шемая или рыбец — прозрачны, словно светятся изнутри. Сдираешь шкурку, запах такой, что захлебываешься слюной. Нежная, малосоленая, жирная… Но тут пока не до гастрономических наслаждений — надо продавать соль. Весь путь по Донбассу идет интенсивная торговля солью — стаканами, банками, ведрами, мешками. Нужно здесь же сбывать косынки и шали. Все довольны, все при деле. Свободный рынок в миниатюре. Кроме того, мы, спортсмены, не можем питаться на жалкие командировочные гроши. Да и милиция не в накладе — кого оштрафует, у кого натурой возьмет.

В первопрестольной или в Ленинграде тех ребят, у кого имелись яблоки, нужно было подбросить на рынок. А затем надо было всем успеть накупить всяческого товара, что было поручено женой, родственниками, знакомыми, а также ходовой товар для продажи на сабурталинском рынке: калоши, туфли, маркизет, ситец, шерстяные ткани, обувь, чулки, трофейные шмотки, электротовары. Все надо успеть, да еще согнать вес и успешно выступить на соревнованиях. Последнее нам, как правило, удавалось выполнить отлично!

В поездке борцов и тренеров обычно сопровождают «спортивные руководители», желающие прокатиться. Выступать на ковре им не надо, поэтому все свое время они посвящают коммерческим операциям. Однажды поехал с нами в качестве представителя такой здоровый детина по имени Тамаз. Возвращаемся мы после соревнования. Наш представитель сидит в гостинице удрученный, чуть не плачет. «В чем дело, Тамаз? Кто тебя обидел?» — спрашивают ребята. Его печальная повесть достойно бы приумножила страницы рассказов О. Генри про веселых аферистов Питерса и Такера. Вот что рассказал нам Тамаз:

У ЦУМа подошел ко мне иностранец и спросил у меня, не знаю ли я, где продают бриллианты. Я говорю — наверное, в ювелирном отделе.

А иностранец говорит мне, что, мол, он плохо говорит по-русски и поэтому перепутал: ему нужно не купить, а наоборот — продать бриллиантовую брошь и показал мне ее.

Тут Тамаз достал из кармана брошь и показал ее нам.

— Ты купил бриллиантовую брошь? — удивились ребята.

— Нет, — отвечает, — это длинная история. Слушайте дальше. Я говорю ему, что не знаю, где покупают брильянты, и в свою очередь спрашиваю у него, нет ли у него электробритвы «Филипс» или каких-нибудь шмоток на продажу. Иностранец мне отвечает, что есть. Но все шмотки лежат в номере гостиницы «Центральная», где он сейчас живет. Договоримся, мол, встретимся — много чего есть на продажу. Но сейчас ему срочно надо продать эту брошь.

А говорит он по-русски плохо, и поэтому мы едва понимаем друг друга.

Пока я рассматривал брошь, к нам подходит солидный такой мужчина и тоже смотрит на эту брошь. Мой собеседник спрашивает и у подошедшего, не знает ли тот, где продают и покупают бриллианты. Солидный мужчина ответил, что как раз идет в ту сторону и может отвести нас в нужное место. Тут я напомнил иностранцу о нашем договоре встретиться у него в гостинице, но он ответил, что сейчас у него совсем нет времени, он спешит, а если я хочу, то могу пойти с ним. Как только продаст брошь, он тут же пойдет вместе со мной в «Центральную» гостиницу. Тогда я решил пойти вместе с ними, и вскоре мы направились в какой-то подъезд, перед входом в который было множество табличек с названиями различных учреждений. Наш попутчик, солидный мужчина, говорит нам, что у него здесь работает знакомый ювелир.

Мы втроем начинаем подниматься по лестнице, и тут

навстречу нам спускается человек в костюме и с галстуком. Солидный человек сразу обращается к нему. Вот, говорит, мы как раз идем к вам. Однако ювелир отвечает, что сейчас он очень торопится, его ждут и у него нет ни секунды свободного времени. Я вернусь, говорит, через час, тогда и приходите в комнату 405 на 4-м этаже, и я вами займусь.

— Может, вы все-таки хотя бы посмотрите товар, — стоит ли нам вас ждать? — попросил его иностранец и показал ему брошь.

Тут этот спешащий ювелир остановился, достал лупу из кармана и стал рассматривать брошь, потом даже поднялся на один лестничный пролет вверх, подошел к окну, и при ярком свете внимательно стал рассматривать изделие. Как-то так получилось, что я вместе с солидным человеком последовал за ним, а иностранец, владелец броши, чуть замешкался, не стал подниматься по лестнице, а остался стоять внизу и следить за нами.

Ювелир наконец рассмотрел эту брошь и говорит нам — то есть мне и этому солидному господину: «Ну что ж, прекрасная вещица, бразильские бриллианты, но заплатить за нее наличными мы сможем совсем немного. Не больше десяти тысяч. Приходите через час, но только не целым кагалом. Пусть брошь принесет кто-нибудь один из вас на четвертый этаж в комнату 405. Запомните». Потом посмотрел на часы и повторил: «Через час. Точно», — и поспешил вниз по лестнице.

Тогда солидный человек, пока мы еще не спустились с лестничной площадки к владельцу броши, вдруг на ухо мне предложил:

— Давай скажем этому чудаку-иностранцу, что за брошь предлагают семь тысяч рублей, а три тысячи разделим с тобой поровну.

Спустились мы с лестницы, отдали владельцу его брошь, и мой компаньон говорит ему, что за брошь дают семь тысяч, но нужно ждать один час. Иностранец нас поблагодарил и сказал, что он вспомнил, что у него есть еще одно очень важное свидание, но через час он вернется и сам продаст эту брошь за семь тысяч. Мы вышли на улицу, и тут мой компаньон останавливает иностранца и говорит ему:

— Одну минуточку!

Потом отводит меня в сторону и спрашивает, есть ли у меня деньги. Я говорю, что у меня есть шесть тысяч. Он говорит:

— Тысяча у меня найдется.

Мы снова подходим к иностранцу, и солидный человек предлагает сразу купить у него брошь, если он уступит нам рублей 200.

Иностранец отвечает:

— Ладно, я очень спешу. Давайте деньги, — берет у нас 6800 рублей и, уходя, говорит мне:

— Встретимся у гостиницы «Центральная» на улице Горького в семь часов вечера. Я буду ждать тебя на улице.

Мы с солидным человеком стали прогуливаться и дожидаться, чтобы через час подняться в комнату 405. Наконец вернулись в здание, поднялись на 4-й этаж вместе, и мой компаньон говорит, чтобы я отдал ему брошь, поскольку ювелир просил, чтобы к нему заходил только один человек. Я ответил, что лучше я сам понесу брильянты — в душе я не очень-то доверял этому солидному человеку.

Тот сразу же со мной согласился и сказал, что будет ждать меня внизу. «Доверяет мне», — подумал я…

Захожу я в комнату 405. Там полно людей сидят за столами, что-то пишут, считают. Спрашиваю, у них:

— Где тут у вас покупают бриллианты?

На меня смотрят как на сумасшедшего.

— Какие бриллианты? О чем вы говорите? Здесь учреждение. Бухгалтерия.

Я сразу как-то не разобрался, в чем дело, и говорю им:

— Один ювелир с галстуком сказал, что через час купит у меня эти брильянты, — и показываю им брошь.

Думаю, я ведь тоже по-русски говорю не очень, и поэтому они меня не понимают. Тут старший по комнате закричал на меня:

— Закройте дверь с той стороны и поищите себе сумасшедший дом! Может быть, там вам помогут.

Только тут я наконец сообразил, что меня обманули. Выскочил в коридор, бегом вниз, в вестибюль. Ну, конечно, там никого нет. Вышел я на улицу, нашел ювелирную мастерскую — показал брошь. В мастерской мне сказали, что такие броши за 12 рублей продаются в любом магазине. Я им опять объясняю, что один специалист рассмотрел эту брошь и определил, что это бразильские бриллианты.

— Ну, — говорит, — пойдите, найдите этого специалиста и продайте ему эту брошь.

Заканчивая свой рассказ, глупый Тамаз предложил нам:

— Ребята, если кто хочет купить иностранные шмотки, пойдем со мной в «Центральную» гостиницу, там в семь часов будет ждать меня этот иностранец…

Я подумал тогда: «Бедный мой бывший сослуживец по тифлисской типографии, спившийся линотипист Жора Григорян! Как же тебя обскакали московские жулики! Здесь разыгрывают целые спектакли в трех действиях!»[7]

Меж тем всесильная торговля пробилась и в спортивную борьбу. Был такой борец Столяров, который мог простоять на мосту 20 минут. Чисто выиграть у него было невозможно. За победу по очкам тогда давался 1 штрафной балл, и этот балл мог оказаться решающим для определения мест в финале. Чтобы добиться чистой победы, с ним надо было договариваться заранее. Самонадеянный борец Константинов сказал Столярову: «Я тебя и так положу». Однако положить на лопатки не смог, Столяров стоит на мосту, матерчатая покрышка ковра вся промокла от пота. Тут Константинов соглашается: «Ложись, — говорит, — дам, что попросишь». А Столяров отвечает: «Добавь еще пол-литра, тогда лягу». «Нет. — говорит Константинов, — я тебя, сволочь, и так дожму». Однако время идет, Константинов соглашается на «пол-литра». «Нет, — говорит Столяров, — за сволочь добавишь два». Пока шел торг, время истекло, и оба выскочили из дальнейших соревнований. После схватки неунывающий. Столяров заявил: «Ничего, в будущем будет сговорчивей». Конечно, всегда были схватки с заранее обговоренным результатом, и это заставляло федерацию борьбы все время изменять правила соревнований.

Обратный путь из Москвы в Тбилиси тоже проходил не без хлопот.

На Северном Кавказе покупались жареные куры, а в Азербайджане — осетры и икра. Часть купленного оставалась для нужд дома и семьи, а изрядная доля попадала на сабурталинский рынок.

Однако время шло, барахолка захирела, и теперь на ее месте воздвигнут Дворец Спорта.

Обезлюдели и опустели веселые, щедрые станции Северного Кавказа и изобильное Марцево. Долго боролась командно-административная система с производителями пищи, отравляла реки, изводила рыбу, штрафовала и арестовывала. И сейчас едешь по этой железной дороге, а вдоль нее пустыня, и никто не встречает пассажиров на придорожных станциях. Нет веселых, говорливых женщин, что выносили всяческую снедь к поезду, нет даже деревянных прилавков, на которых она лежала. Исчезла вовсе рыба и в Марцево, и в окрестностях Баку.

Недавно на Сабурталинском базаре всю зиму и осень продавались огромные осетровые замороженные головы (из них можно приготовить холодец), а сама рыба и икра где-то припрятываются, превращаются в валюту и съедаются аппаратными вельможами. И сквозной дороги давно уже нет, ни через Баку, ни через Сочи. Война, сначала одна, потом другая, закрыла и разрушила этот некогда длинный и веселый путь…

Всякий мой приезд в столицу был связан с радостным событием — встречей с Александром Яковлевичем, который очень интересовался моей судьбой. Однажды, приехав в Тбилиси, Александр Яковлевич отыскал мое жилище и, видимо, был удручен его убогим видом. Потом к нам в мансарду приехала его дочь Тамара и предложила мне занять ее пустующую квартиру. Они с Гиви, который был заместителем директора винного завода «Самтрест» Грузии в Москве, жили на квартире отца на улице Горького, 6, прописались там, а сам Александр Яковлевич, как и прежде, жил в Заречье.

Однако я опять забежал далеко вперед.

Работа начальником военной кафедры меня увлекала. Осенью 1944 года я выиграл первенство Грузии по французской борьбе в среднем весе — до 79 кг.

С нового учебного года на должность начальника кафедры был прислан подполковник запаса Федоров.

Меня и по сей день удивляет — почему в военных учебных заведениях средних строевых командиров готовят люди, у которых в памяти только заскорузлые «премудрости» строевого и боевого уставов. На военные же кафедры приходят отставные полковники и генералы, вышедшие в отставку командиры соединений, которые вообще ничего не знают о современной войне, да и заниматься такими пустяками, как подготовка курсантов, считают ниже своего достоинства!

Подполковник Федоров был бездельник и болтун. Приходя на военную кафедру, я становился жертвой его бесконечных россказней, которые вынужден был выслушивать — работать стало невозможно. Долго так продолжаться не могло, и я написал рапорт. Директор института очень обрадовался моему решению: «Я как раз хотел тебе предложить другую работу. Ты знаешь предмет „Теория и методика физического воспитания“?» Я ответил, что не знаю. На это директор парировал: «Никто не знает этот предмет. Есть книжка. Вечером прочтешь, утром расскажешь». Так я стал первым заведующим «кафедрой теории и методики» и единственным читателем скучнейших книг о прекрасном деле — о методах физического совершенствования человека.

Скучные учебники — это наше национальное бедствие! Унылые страницы книг отвращают школьников и студентов от занятий практически по всем гуманитарным наукам. Для лекционной работы трудно пережевываемая жвачка текста требует перевода на человеческий, понятный язык. Когда же перестанут заказывать учебники людям, которые относятся к

предмету как патологоанатомы? Крепость Академии педагогических наук несокрушимо отбивает все атаки истинных педагогов и популяризаторов. Кажется, так будет вечно!

В стране, где до 60 % детей школьного возраста страдают различными заболеваниями, вызванными недостатком двигательной активности (это официальная советская статистика — а в настоящее время, когда среди молодежи развилась массовая наркозависимость, исчезли тысячи и тысячи бесплатных детских секций и спортивных школ — официальная статистика вдруг улучшилась, и у нас стало только 50 % больных призывников) на физическое воспитание вместо двух часов в день, которые необходимы по гигиенической норме и биологической потребности, отводится всего два часа в неделю (!) скучнейшей школьной физкультуры. А в учебниках по теории и методике все толковали о том, что «наша» система физического воспитания основана на передовом учении марксизма-ленинизма и поэтому является самой передовой и прогрессивной…

А пресловутая сдача нормативов ГТО, которая всегда существовала только на бумаге, охватывает все возрасты и обеспечивает гармоничное, всестороннее физическое совершенство каждого советского человека…

Эту немыслимую галиматью в течение полугода я доводил до сведения наших голодных студентов.

Однако, слава богу, и этой моей деятельности пришел конец. Меня вызвал милый человек Федор Афанасьевич Схиртладзе — председатель Комитета по делам физкультуры и спорта Грузии, извинился и попросил уступить мою должность прибывшему из Баку на постоянное жительство в Тбилиси бывшему его учителю Льву Моисеевичу Кравчику, а мне предложил выбирать новое занятие. Так я стал аспирантом и взялся работать над темой: «Пути совершенствования техники спортивной борьбы». В 1951 году в № 1 журнала «Теория и практика физической культуры» была опубликована моя первая статья на эту тему. Только через 33 года, преодолев препятствия, в основном из завалов человеческой зависти, мне удалось первым в Союзе защитить докторскую диссертацию на материале спортивной борьбы. В 1945 году я доложил ход своей работы на институтской научной конференции. Любопытно вспомнить некоторые доклады, сделанные на том же научном форуме, которые свидетельствуют, с одной стороны, о нашей наивности, а с другой — о тогдашнем лысенковском уровне спортивной науки в стране.

Подполковник Федоров сделал «научное» сообщение: «Атеистическая направленность изменения конструкции мишённых опор». Для сдачи нормативов ГТО по стрельбе из

малокалиберной винтовки недалеко от института было облюбовано защищенное крутым берегом Куры место, где мы оборудовали временный тир. Для установления мишеней, которые наклеивались на фанерные щиты, туда каждый раз относились (и приносились назад) колы с прибитой поперечной планкой.

— Маршируя на стрельбище, — отметил в своем сообщении подполковник. — студенты наряду с «мелкашками» несут в положении «на плечо» еще и крестовины. Такое шествие некоторые темные, приверженные религиозным предрассудкам обыватели принимали за крестный ход. Некоторые старушки, как я не раз замечал, осеняли и себя и нас крестным знамением. Известно, что в районе Ортачал население преимущественно мусульманское, поэтому вполне могли быть провокации на религиозной почве. С другой стороны — попадись мы на глаза партийным руководителям района, и в отношении нашего института могли быть сделаны оргвыводы. Оставлять же колы на стрельбище нельзя из-за топливного кризиса в городе. Положение казалось безвыходным… Но в конце концов выход был найден. Вот он!

С этими словами Федоров поднял над кафедрой крестовину, как фокусник, легким движением другой руки повернул поперечину, совместил ее с опорным колом и продолжил:

— Вместо трех гвоздей, которыми крепилась поперечина, я употребил один! Таким образом, цель была достигнута одновременно с троекратной экономией гвоздей.

Другой столь же содержательный доклад был сделан преподавателем грузинского языка, под названием «О влиянии грузинского языка на русский». Чтобы быть кратким, приведу его аннотацию:

> «При длительном совместном проживании людей разных национальностей естественно возникает взаимопроникновение культур. Известно, что в словаре иностранных слов около 20 000, принятых в русском языке. Мои исследования могут несколько дополнить этот словарь принятыми в русском языке грузинскими словами. На первую находку меня натолкнуло выражение „Ни зги не видно“. В русском языке нет слова „зга“ (не имел, видимо, возможности наш языковед заглянуть в толковый словарь Даля, „зга“ — это поддужное колечко, в которое продевается недоуздок). Означает это выражение — „не видать дороги“. По-грузински „дорога“ — „гза“. Таким образом, это

грузинское слово в несколько искаженном виде попало в русский язык. Другое слово „пеший“ и производные от него „пехота“, „пешком“ не имеют этимологического объяснения. Несомненно, слово „пехота“ произошло от грузинского „пехи“, что означает „нога“ („pedis“ — нога по-гречески)».

Третий, не менее содержательный доклад, касался применения песочных часов в судействе боев на шпагах в соревнованиях по офицерскому пятиборью, длительность которых ограничена одной минутой и так далее (с секундомерами был дефицит).

Боже мой! В течение 40 лет я был участником множества конференций, но запомнились мне только эти нелепые доклады!

Я продолжал заниматься борьбой и в 1945 году вновь завоевал звание чемпиона Грузии по французской, а затем и по вольной борьбе. Продолжал готовить я кое-какие материалы для диссертации. Но тут вернулся из армии бывший заведующий этой кафедрой коммунист и зануда Кузовлев. Кравчик был переведен на должность заместителя директора по учебной части, а Кузовлев стал моим руководителем. Мои заготовки по борьбе он отложил в сторону, заявив, что не может быть руководителем темы, в которой не разбирается, и предложил мне заняться новой — «Метание гранат в горах». Не зная, как к ней приступить, я начал с того, что поехал зимой в Бакуриани и фотографировал студентов, метавших по моей просьбе гранаты вверх и вниз на лыжном трамплине. Помимо этого я делал съемки Всесоюзных соревнований по слалому.

По приезде в Тбилиси я зашел в редакцию газеты «Молодой сталинец» и показал ответственному секретарю Лазарю Андреевичу Пирадову мои фотографии, и он сразу же предложил мне вакантную должность фотокорреспондента.

Глава 11
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА

«Быть или не быть?»

У. Шекспир

Уехав из Москвы в декабре 1940 года, на другой день после импровизированной свадьбы, я вернулся в Орджоникидзе к месту службы.

Мама в коротеньких письмах раз в месяц с немецкой пунктуальностью сообщала мне домашние и семейные новости. Вскоре после начала войны в Орджоникидзе приехала моя жена, а в начале сентября — моя теща Анна Васильевна. Чтобы достать железнодорожный билет, ей пришлось обратиться за помощью к Александру Яковлевичу. От тещи я узнал, что мама и Валя — жена моего брата Миши, с только что родившейся дочерью Леночкой отправлены в Куйбышев. Это были последние сведения о родных мне людях. Потом, уже в конце декабря 1941 года, состоялся разговор по телефону с Александром Яковлевичем. Затем последовало все то, что уже описано в главе «Моя война».

7 мая 1945 года команда борцов из Грузии отправилась в Москву на соревнования. 9 мая на всех железнодорожных станциях наш поезд сопровождало народное ликование. Война кончилась!

Перед отъездом в Москву я зашел к Василию Яковлевичу Эгнаташвили в Верховный Совет. Он встретил меня как обычно очень приветливо: «А, Ваня, Ваня, заходи! Как ты живешь? В Москву едешь? В Москву, в Москву… К Саше? Очень хорошо! — говорил он, прохаживаясь по своему огромному кабинету. — Саша все жалуется на болезни. Он думает, что болен; он куда здоровее меня, а я не жалуюсь. Он просто мнительный…» Василий Яковлевич любил повторять одно и то же. Время от времени, затягиваясь папироской, он останавливался, растягивал рот, сильно дул, при этом дым выходил из уголков рта в разные стороны, наподобие сомьих усов.

На вопрос о судьбе моей мамы он отговорился незнанием: «Саша знает, он знает, ты у него спроси. Правда, он думает, что он болен…» — так напутствовал меня Василий Яковлевич.

Во всяком случае, я узнал, что Александр Яковлевич живет в новой квартире, в доме, где размещен известный всему Союзу

ресторан «Арагви», и номер его телефона.

Прибыв в Москву, я тотчас позвонил по телефону и пошел на улицу Горького. На улице меня поджидала все та же моя няня Настя, с глазами полными слез. Отчим жил на втором этаже, квартира выходила окнами на Моссовет.

В глубине души я верил, что под покровительством такого мужа с моей мамой не должно было случиться большого несчастья, но, увидев скорбную позу Александра Яковлевича и его влажные глаза, понял, что ошибался. Оказывается, мама была арестована в Куйбышеве и умерла в лагере еще в декабре 1941 года на третьем месяце заключения. С тех пор прошло уже более четырех лет. Они свое отгоревали, и их слезы и скорбь были соболезнованием мне по поводу ее гибели. Но они знали, что мне предстоит испытать еще один, едва ли не больший удар судьбы…

На вопрос о Мише, отчим мне дал телефон Валиной тети, у которой я спросил: «Как найти Валю?» Ответ ее сразил меня: «Как только она узнала, что Миша убит, она уехала к маме в Лыткарино…» — сказала она. Я зарыдал в голос, глядя на меня, и они заплакали.

Так в течение нескольких минут я узнал, что погибли самые близкие мне люди, при этом мою мать убила та же социальная система, защищая которую погиб мой брат Михаил. Горе мое было безмерным…

Еще Герцен в «Былом и думах», говоря о русском патриотизме, предупреждал, что нельзя отождествлять любовь к Родине с любовью к правительству. Большевики очень ловко сумели совместить два этих понятия. Убрав из призыва «За веру, царя и отечество» нравственные начала, они провозгласили лозунг «За Родину, за Сталина!» За Сталина погиб Миша, из-за Сталина погибла, как преступница, преданная Сталину мама.

Я остановился у Александра Яковлевича. Утром на звонок я открыл дверь полковнику КГБ. Он осведомился у меня: «Встал ли генерал?» Под шинелью на кителе у него оказалось множество орденских колодок. Это был парикмахер, он пришел побрить Александра Яковлевича. После завершения процедуры отчим предложил ему выпить рюмку коньяка. Полковник отказался, сказав: «Нельзя мне. Я иду к Лаврентию Павловичу».

В борцовском турнире я не участвовал, вместо меня выступал запасной.

Вечером Александр Яковлевич осведомился, хочу ли я обедать дома или предпочитаю сходить в «Арагви». Мне не хотелось идти в ресторан. Тогда он позвонил в управление и заказал обед-ужин.

Через полчаса пришел знакомый мне еще до войны шофер

отчима Надаев и принес два огромных запломбированных термоса. Мы сердечно поздоровались. Он попросил помочь поднять остальное, и мы принесли еще термос и пакеты, все под пломбами.

Как доверчиво было Главное управление охраны, когда мы прямо из Заречья, без всяких дополнительных проверок, посылали оттуда продукты к столу Сталина. Сейчас же во всей системе культивировалась взаимная подозрительность.

Рассказывая о маме со многими умолчаниями, мой отчим как бы оправдывался передо мной за ее гибель. Многое он не договаривал, и я должен был догадываться о тайнах, которые нельзя доверять словам.

Арест матери санкционировал Берия. Сталину, видимо, доставляло удовольствие унижать человеческое достоинство даже преданных ему людей и под страхом смерти заставлять их, пренебрегая всеми нравственными категориями, славословить его и гнуть перед ним с благодарностью спину.

Известно, что многие из ближайшего окружения Сталина прошли через это тяжкое испытание: Молотов, Калинин, Поскребышев, Ворошилов были унижены арестом жен. У Орджоникидзе и Кагановича были репрессированы братья. Впрочем, Сталин не благоволил и к своим родственникам и свойственникам. Все те, кто по наивности полагали, что близость и проверенная годами преданность позволяли им в чем-то не соглашаться с вождем или возражать ему, — были обречены. Где-то я читал, что Алеше Сванидзе, брату его первой жены, Сталин предложил сделку: освобождение из тюрьмы в обмен на его извинение. Сванидзе ответил, что ему не в чем извиняться. Когда вождь узнал ответ, он сказал: «Ишь, какой гордый, не хочет извиняться, тогда пусть умирает!» Был репрессирован Реденс — муж сестры Надежды Аллилуевой и сестра Алеши не избегла той же печальной участи.

Из скорбного рассказа Александра Яковлевича я понял, что он проиграл схватку с Берией за мою мать, арбитром которой был сам Сталин, и что отчим приобрел в лице Лаврентия врага.

Впрочем, Сталин не перестал доверять Александру Яковлевичу: в военные годы ему поручались чрезвычайно ответственные дела — организация хозяйственной стороны Тегеранской, а затем и Ялтинской конференций. Но еще до окончания великой битвы, Берии удалось добиться решения отправить Александра Яковлевича в Крым. Для того чтобы должность соответствовала званию, там специально было создано управление КГБ, начальником которого мой отчим и стал.

Чтобы создать на новом месте привычный микроклимат,

Александр Яковлевич купил небольшую дачу, выписал семью дочери Тамары. Но его деятельная натура не находила объектов реализации своего хозяйственного таланта, потому он подчас вмешивался в дела, не входящие в его компетенцию.

С древних времен существует нравственный кодекс мужчины, который включает непреложные правила поведения при нанесении ущерба чести рода, семьи, не говоря уже о личном оскорблении. Во всех этих случаях мужчина обязан реагировать однозначно — смыть кровью обиду или каким-либо иным способом наказать оскорбителя. Чувство мужчины, ответственного за род, воспитывалось на Кавказе с самого раннего детства.

По дороге в Тифлис Александр Дюма остановился в Кизляре, где начиналась русская линия, т. е. располагались войска для отражения набегов дагестанских горцев. Его поразило, что пятилетние мальчуганы носили на поясе кинжалы. Так народная педагогика готовила будущих борцов, защитников чести и достоинства рода.

Александр Яковлевич, конечно же, считал себя во всех смыслах мужчиной, не зря же он, будучи еще нэпманом, носил свой любимый браунинг, хотя своей мощью мог подавить любого.

Берия нанес отчиму страшное оскорбление — арестовал доверившуюся ему, верную и преданную Сталину, ни в чем не повинную женщину — его жену. Сталин же поддержал Берию.

Кодекс мужчины повелевал идти до конца, вплоть до самопожертвования (как это сейчас делают те же армяне и азербайджанцы в Нагорном Карабахе), хорошо это или плохо — другой разговор. Александр Яковлевич не выполнил долга мужчины, что родило в нем навязчивую идею, ломавшую и разъедающую его как личность изнутри.

Возможно, внутренне он искал и находил для себя оправдания. Например, такое: сохранив себя, он смог бы облегчить или изменить участь моей мамы. Наверное, мысленно он не раз доходил до убийства Берии. Во всяком случае, впоследствии я всегда чувствовал с его стороны постоянное внимание и поддержку, и в то же время подспудную потребность получить именно от меня, единственного оставшегося в живых, — своеобразную индульгенцию.

Я понимал это состояние и убеждал его в том, что им было сделано все возможное для предотвращения тяжкой участи мамы.

По-видимому, Сталин обладал страшной волей, которая мяла и крошила всех, кто контактировал с ним. Сломала она и Александра Яковлевича, приговорив его на всю оставшуюся жизнь к самоедству, которое, в конце концов, его и погубило.

Неотступные мысли угнетали моего отчима. Постоянный стресс не мог не отразиться даже на таком могучем организме. Гипертония и сахарный диабет стали причиной постоянных недомоганий, и перед окончанием войны он решил вернуться в Тбилиси.

Как-то весной 1947 года — уже в Тбилиси — открыв по звонку дверь, я остолбенел: на пороге стоял полковник КГБ. Но меня успокоили слова: «Генерал ждет Вас внизу». Мы с Александром Яковлевичем сердечно встретились прямо на проспекте Руставели. Он прибыл в Тбилиси в салон-вагоне с автомашиной, которая была привезена в специальном вагоне-гараже.

Александр Яковлевич решил жениться, и ему понадобилось мое одобрение. Пожаловавшись на здоровье и посетовав на отсутствие ухода за ним, он сказал, что, конечно, Лилли ему никто не заменит, но… Одним словом, кто-то заочно сосватал ему невесту, и он попросил меня поехать с ним на смотрины. Я был тронут его деликатностью, ведь со дня смерти мамы прошло более пяти лет, но поехать отказался.

История эта закончилась странно. Он довез свою новую суженую до Москвы и прямо из салон-вагона пересадил ее в обратный поезд.

В следующий мой приезд в Москву он велел мне забрать все вещи, которые принадлежали маме.

Когда я приехал в Москву на очередное соревнование по борьбе уже весной 1948 года, в его квартире жила Тамара с семьей, а Александр Яковлевич окончательно перебрался в Заречье. Он выслал за мной машину. Я застал отчима лежащим на кровати в генеральской форме, со вложенной за воротник и манжеты ватой. В каждой комнате висел градусник. Александр Яковлевич то и дело осведомлялся о температуре. В подвале дачи была котельная, и к истопнику часто бегали посыльные, требуя то поддать жару, то залить топку, чтобы температура в доме была в пределах 21–22 градусов.

Болезни его обострились. В Заречье зачастили медицинские светила из Кремлевской больницы, привозились лекарства, но они оставались нетронутыми. Александр Яковлевич следовал советам приватного врача и пользовался медикаментами из обычной аптеки.

Еще в бытность моей мамы дом в Заречье время от времени обслуживала пожилая женщина Нюра, иной раз ей поручали готовить незамысловатую еду. Теперь он готовил себе сам, не доверяя даже этой женщине. В тот день, когда я там был, Александр Яковлевич потушил для себя к обеду индюшачью

печень на воде.

Проработав более 17 лет на Лубянке, Александр Яковлевич, видимо, много знал о лабораториях, где изготавливались и применялись всевозможные яды, о различных способах пищевого, лекарственного или связанного с температурой отравления каким-либо газом. Иначе совершенно непонятно, зачем ему было необходимо поддерживать постоянную температуру в комнатах и для чего предназначалась вата за воротником и манжетами. Очевидно, мой отчим боялся Берию.

Сейчас я думаю, что в борьбе за свою жену отчим не был сдержан в своих эмоциях, и Берия затаил на него злобу. Другой причиной ненависти было и то, что Александр Яковлевич попал в центральный аппарат НКГБ раньше, нежели Берия возглавил это ведомство, т. е. был «не его человеком», что, естественно, раздражало шефа, прекрасно знавшего Александра Яковлевича еще по Тифлису. Скорее всего, именно с его подачи Хрущев «узнал» в генерал-лейтенанте госбезопасности духанщика, который был не ко двору.

Александр Яковлевич был бесконечно предан Сталину, и Сталин в свою очередь доверял своему младшему сводному брату — Саше (моему отчиму). Но эти отношения никак не устраивали Берию, этого коварного человека. Первым сокрушающим ударом был привычный прием — арест жены. Вторым — отстранение от Сталина, назначение его в Крым. Но Берия не останавливается до тех пор, пока полностью не уничтожит противника…

Александр Яковлевич, вспоминая о маме, задумавшись, часто напевал романс: «Вернись, я все прощу»… Но дальше первых двух строк дело не шло: он то ли не знал слов, то ли они не соответствовали его тоскливому настроению. Опять у нас возникал разговор с тем же подспудным смыслом: «Не думаю ли я, что он предал маму и не сделал все возможное для ее спасения?» Иногда беседа принимала отвлеченный характер — об аресте Юлии Исааковны — жены Яши Джугашвили, в то время когда Яша находился в немецком плену… Мы говорили и о гибели других близких Сталину людей.

Разговоры велись с долгими многозначительными паузами и были мучительны для нас обоих. Мать пропала. Мне было искренне жаль любимого мной человека и не в чем было его прощать, но сам себя он, видимо, не мог оправдать и простить. Это было тягостно.

Правильно заметил Хрущев, «духанщик» никак не подходил к среде профессиональных интриганов, лицемеров и убийц. У Александра Яковлевича, в отличие от них, помимо прочих отличных качеств была и ранимая совесть. Не сумев защитить

мою мать, он своим авторитетом не раз покровительствовал и, видимо, спасал меня. Его звонок в КГБ Орджоникидзе после ареста мамы прикрыл меня от возможных репрессий. После того как он нашел меня в Тбилиси, проживающим на чердачной мансарде института физкультуры, с его подачи его родная дочь Тамара предложила мне занять пустующую квартиру. Приехав второй раз в Тбилиси, он сознательно демонстрировал свое внимание ко мне, не говоря уже о такой деликатности, как мое одобрение на его третью женитьбу.

Мне думается, что даже после его кончины, когда в 1951 году из Тбилиси выселяли массу людей, в том числе имеющих родственников за границей или детей репрессированных, только его предварительное «прикрытие» спасло мою семью от вторичной ссылки.

31 декабря 1948 года, после продолжительной голодовки Александр Яковлевич скончался. Сначала он ограничивал себя в пище, затем перестал есть, а в последние пять дней отказывался от питья.

Возможно, он надеялся, что Сталин узнает о его пассивном протесте и призовет к себе «своего Сашу». Знал ли Сталин об этом? Сия тайна великая есть!

Его привезли хоронить в Гори. В гробу я увидел маленького старичка. Трудно было представить, что когда-то это был могучий красавец. Для меня эта смерть как бы объединила все тяжелые потери за годы войны — мамы, брата и сына.

Когда умер мой сын, жизнь была каторжная, не видно было просвета, да и с женой у нас все разладилось, так как она видела во мне причину нашей вынужденной ссылки в казахскую степь. Эта смерть среди смертей была в какой-то мере предопределена. Мертвых брата и маму я не видел.

Приехав в Гори, я встал в стороне и плакал горько, навзрыд, как обиженный ребенок. Люди, проходившие мимо гроба, с удивлением обращали на меня внимание, не зная, кто это так убивается, тем более, отгоревавшие в Москве родные дети уже не плакали, а печально принимали соболезнования.

В лице Александра Яковлевича я прощался сразу с четырьмя самыми близкими мне людьми. Осталась у меня лишь сестра Лизочка, след которой давно и, как я думал, навсегда потерян…

Во время хрущевской оттепели я подал заявление с просьбой о реабилитации матери. В мае 1961 года получил заказное письмо из военного трибунала Московского военного округа от 9 мая. Справку за номером: Н-261/ ос.

Дело по обвинению

Алихановой (Фегельке) Лилли Германовны 1889 года рождения, до ареста 30 ноября 1941 года — домашняя хозяйка, пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 24 апреля 1961 года.

Постановлением от 24 апреля в отношении Алихановой (Фегельке) Лилли Германовны дело о ней отменено и прекращено.

Алиханова (Фегельке) Лилли Германовна реабилитирована посмертно за отсутствием состава преступления.

Зам. Председателя военного трибунала Московского военного округа подполковник юстиции Н. Соколов.

В дальнейшем мне удалось выяснить, что мою мать арестовали столь поспешно, что даже «дело» на нее не было заведено!

Несколько раньше я совершенно случайно узнал, где и каким образом погибла мама. Однажды одна из наших преподавательниц спросила меня — знала ли моя мама Сталина? Получив утвердительный ответ, она воскликнула:

— Значит, это была она!

Приятельница ее мамы недавно вернулась из Темниковских лагерей и рассказала им, что вместе с ней в лагере была немка по фамилии Алиханова, которая пыталась отправить письмо Сталину. У нее в бандаже были зашиты три брильянта. Она хотела один из них пожертвовать на танковую колонну, а два других брильянта — каким-нибудь образом — отправить сыну, который служил в Орджоникидзе, и жене другого сына, который был на фронте.

История этих брильянтов такова. Молодой красавице жене мой отец захотел подарить брильянтовые серьги. Однако найти два одинаковых четырехкаратника даже в Париже было непросто. Кроме того, у мамы в кольце был еще один очень ценный брильянт голубой воды, весом 2,5 карата. После прихода к власти в Грузии большевиков предназначение этих брильянтов было предопределено названием кинокартины «Бриллианты для диктатуры пролетариата».

Эти три драгоценности — единственное, что моя несчастная мама сумела сохранить из всего огромного отцовского состояния. Она, судя по всему, вынула камни из оправ и зашила их в бандаж, в качестве последнего рубежа обороны от возможных жизненных невзгод.

Сообщение моей сослуживицы Жени чрезвычайно меня взволновало. Я, естественно, попросил устроить мне свидание с

этой неожиданной вестницей. Мы встретились на квартире у Жени. Женщина было очень испугана. Известно, что при освобождении узников, им приказывали ничего не разглашать. Возможно, поэтому эта несчастная женщина при встрече предпочла все позабыть. Все же она рассказала мне об обстоятельствах маминой смерти. Маме нездоровилось — у ней была больная печень. Потом ее увезли в тюремный госпиталь, где она и скончалась.

Что же касается брильянтов, то судьбу их угадать невозможно. Судя по рассказам Варлама Шаламова, умерших лагерников сбрасывали в ямы безо всякой одежды. Нашли ли при прощупывании бандажа драгоценности? Могла и эта женщина кому-нибудь сказать о спрятанных сокровищах. Воспользовался ли ими кто-нибудь или они канули, сгорели в огне?..

Бог с ними! Не то еще пропало! Безумно жаль маму, которая была слепо предана стране, ее вождю и тем не менее не избежала массовой гигантской мясорубки.

Мир праху твоему, дорогая!

Наследство же, которое оставил Александр Яковлевич, если не считать его квартиры в Москве, было смехотворным: старая мебель и небольшая сумма на сберкнижке, которой едва хватило на сооружение ограды и памятника. Такой он был бессребреник.

Злопамятный Берия не удовлетворился гибелью своего противника. Смерть Сталина сняла «прикрытие» эгнаташвилевской семьи. Берия стал «калифом на час». За короткое время его почти ничем не ограниченной власти, когда ему следовало бы больше всего думать о реальных опасностях и укреплении своей диктатуры, Берия находит время распорядиться об аресте секретаря президиума Верховного Совета Грузии, младшего брата Александра Яковлевича — Василия.

Бичико в это время был начальником охраны Шверника, который относился к нему с большой теплотой. Берия, не желая наживать себе противника в лице Шверника, решил погубить Бичико исподволь, и в экстренном порядке отправил его в Молдавию. Бичико не успел даже сняться с партийного учета, и в Молдавии не стали принимать от него партийных взносов. Провоцируется исключение Бичико из партии за неуплату взносов, что для коммуниста смерти подобно. Бичико боялся посылать деньги почтой, в полной уверенности, что они не дойдут, и специально ездит в Москву, чтобы уплатить партвзносы — с партучета его все равно не снимают. И Бичико, не задерживаясь, в тот же день возвращается к месту службы. Тем временем снимают с должности министра здравоохранения и

сына Василия Яковлевича — Шота. Берия, видимо, готовил расправу над всей семьей, и лишь его арест и расстрел спасли Эгнаташвили от полного уничтожения.

Василия Яковлевича тут же выпустили из тюрьмы и назначили директором литературного музея в Тбилиси. Бичико возвратился в Москву. Шверник, в ответ на просьбу о восстановлении в должности, ответил ему, что «органы очищаются от грузин», но взял его к себе в аппарат в отдел физкультуры и спорта. А Шота стал директором Грузинского института переливания крови.

Мне кажется, можно сделать из всего этого однозначный вывод о том, что Берия ненавидел Сталина и все, что с ним было связано.

Прошло время. Тамара и Бичико стали чувствовать себя в Москве все менее уютно, несмотря на то, что у Бичико была прекрасная квартира, дача, унаследованная его супругой от комиссара чапаевской дивизии и, самое главное, две дочери и два внука. Он, как и Тамара, тяготел к своей родине — Тбилиси.

Существующий еще в недалеком прошлом в Грузии культ Сталина и подспудное признание Эгнаташвили родственниками великого вождя обеспечили им двухкомнатные квартиры и престижные, весьма дорогие по котировке партийной бюрократии должности. Бичико стал в Тбилиси директором «Дворца спорта», а Гиви (муж Тамары) — заместителем директора 1-го винного завода «Самтрест».

Впрочем, оба они, воспитанные на традициях Александра Яковлевича, по грузинскому выражению «портили эти места», так как не брали и не давали взяток. Впрочем, лет через шесть Бичико освободили от должности. В последнее время он собирал марки и недавно умер в возрасте 86 лет. Тамара и Гиви тоже давно умерли, а их сын Гурам, мягкий и очень порядочный человек, — заведующий кафедрой борьбы в Грузинском институте физкультуры.

Глава 12
ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ

«Если на клетке с буйволом прочтешь надпись „лев“ — не верь глазам своим».

Козьма Прутков

Итак, весной 1946 года я стал фотокорреспондентом газеты «Молодой Сталинец» (фото 76, 76 а). Коллектив редакции состоял из симпатичных, интеллигентных молодых людей. Менее всего качествами, необходимыми для этого живого дела, обладал редактор. За время моей недолгой 30-месячной работы в газете сменилось три главных редактора, при этом каждый последующий был хуже предыдущего. Последний из них был из числа хозяйственных работников ЦК комсомола. При общении с «главным» сотрудники редакции всегда делали скидку на его заторможенность.

Первым моим заданием было сфотографировать подписку на заем на паровозоремонтном заводе имени Сталина. Городской транспорт работал плохо. При передвижении по городу меня выручал велосипед. Редакционное удостоверение открыло доступ на территорию завода. Партком дал разрешение на съемку.

До этого я кроме домашних съемок фотографировал спортивные состязания, где всего важнее «уловить момент». Пытаюсь поймать момент и здесь. Угрюмые, немытые лица рабочих… Вокруг стола, покрытого кумачом, склоненные спины… Сделал пять-шесть снимков.

На следующий день принес фотографии. Лазарь Андреевич Пирадов, доброжелательный человек высокой культуры (будущий помощник первого секретаря ЦК КП Грузии), по-редакционному — Лазик, взглянув на мои снимки, спросил: «Что это такое?» — «Вы же меня вчера послали снять подписку…» Он отодвинул мою продукцию и сказал: «Сходите к Мише Квирикашвили (фотокорреспонденту газеты „Заря Востока“), у него, наверное, есть запасные кадры».

Я увидел фотографии Миши и поразился. На заднем плане паровоз серии ИС (Иосиф Сталин) и анфас вождя со звездой на груди. На переднем плане сидят аккуратно одетые рабочие. Посередине — «при галстуке» — партсекретарь. Общее радостное выражение. Один из рабочих, уже выполнивший свой «гражданский долг», протягивает руку другому. Тому явно не

терпится — тянется навстречу. Остальные ждут не дождутся своей очереди, чтобы подписаться на заем. Текст гласит: «Передовой рабочий „А“ подписался на полуторамесячный оклад и вызвал на соревнование своего друга „Б“».

— Миша, где ты это видел? — с удивлением воскликнул я.

— Как где? — в свою очередь удивился Миша. — Я сам это организовал. Фон у меня был снят заранее (таких фонов на все случаи жизни у него было навалом), и я его подклеил.

Так я получил первый, но далеко не последний урок репортажной «этики» и практики.

Следующее задание Лазика было сформулировано так: «Сделайте снимок на три колонки какого-нибудь приличного на вид цеха. На переднем плане поместите передового рабочего-комсомольца».

На заводе сельхозмашин секретарь комитета комсомола рекомендует фотогеничного парня, перекрывающего норму выработки в два раза.

Лазик одобрил снимок. Сдаю его художнику на ретушь…

На следующий день прихожу в редакцию и вижу на первой полосе обычный «кирпич» — «Стахановец у станка». Иду с претензией к ответственному секретарю и нарываюсь на встречную претензию:

— Кого вы сняли?

— Передового комсомольца на фоне цеха — именно того, кого мне поручили снять, — отвечаю.

— А как его фамилия?

— Кудрявцев.

И тут Лазик преподал мне второй урок:

— В Грузии, — сказал он, — за последнее время построен ряд крупных предприятий: Руставский металлургический завод, Кутаисский автосборочный завод, Горийская прядильная фабрика. Однако коренное население республики неохотно идет работать за станками. Задача нашей газеты пропагандировать и привлекать к этому делу грузинскую молодежь, а вы снимаете Кудрявцева.

Эта установка исключила из сферы моей деятельности, то есть из фокуса моего объектива, целый ряд предприятий, расположенных в районах компактного проживания русских и армян. Обидно было, потому что в эти районы входил ряд пищевых фабрик, в том числе и шоколадная, куда я собирался сходить и разжиться их сладкой продукцией.

Однако Лазик, сам будучи армянином, непреклонно соблюдал это правило национальной политики, дабы не вызвать оргвыводы, учитывая, что коллектив редакции состоял, в

основном, из армян, русских и евреев.

Вскорости последовал и третий урок. В прессе то и дело возникали дежурные темы: «за чистоту рабочего места», «за оборачиваемость средств», «маяки» и пр. ЦК комсомола всегда генерировал подобные темы, и оттуда поступало прямое указание в газеты, о ком и о чем следует писать. Во время очередной кампании «за экономию металла» ЦК велел: «Надо отметить Нико Б. из вагоноремонтного цеха завода имени Сталина, который отличился в этом деле».

Прихожу в цех — в пустое помещение с земляным полом. Длинный верстак с рядом тисков. Посередине сверлильный станок. В цехе два подростка в телогрейках и ушанках. В цехе холодно. Один из них, поменьше ростом, оказался Нико Б.

Спрашиваю его:

— Что ты сэкономил?

Нико испуганно отвечает:

— Я ничего не делал, спросите у него, — показывая на старшего. — Как же, — говорю, — ты что-то сэкономил…

Парень не понимает, чего я от него хочу.

Его товарищ панибратски бьет ладонью по его ушанке и говорит: — Дурак, ты что не видишь, это же не милиционер, а корреспондент. Скажи, что ты сделал.

Парень недоуменно смотрит на меня. Я опять спрашиваю:

— Ну, может быть, ты гайки собрал? Видишь, сколько их валяется на земле…

— Да, — говорит, — собрал.

— Сколько гаек?

— 10 штук.

— Подбери еще 5, будет 15, — советую я.

Нико послушно собирает гайки и кладет на верстак.

— А болты ты не сэкономил?

— Да, — говорит, — 10 штук.

Парень постепенно входит в игру.

— Собери еще 5, давай заодно и винты собери.

Собирает.

Делаю снимок пацана у верстака с напильником. В редакцию даю такую текстовку: «Комсомолец вагонного цеха Нико Б. сэкономил 15 болтов, 15 винтов и 15 гаек».

Утром на летучке вижу в газете свой снимок и читаю текст, вскакиваю со стула.

Редактор спрашивает:

— Что с вами?

В полном недоумении восклицаю:

— Что здесь написано?!

Редактор читает вслух:

— Закавказская железная дорога перевыполнила план за последний квартал. Мчатся составы… Среди тысяч вагонов есть и те, которые связаны с именем передовика комсомольца Нико Б. Много болтов и гаек сэкономил этот молодой энтузиаст движения за экономию металла, за рациональное его использование. На снимке…

— Что же вас так удивило? — вопрошает редактор.

Я цитирую свой текст.

— Неужели вы не понимаете, что в газете нельзя публиковать конкретные цифры — 15 болтов, 15 гаек?

— Я как раз это очень хорошо понимаю, и именно поэтому обозначил цифрами количество, чтобы показать, что ЦК подбросил нам липу!

— Это нас не касается, — говорит редактор. — Они поручили. Мы отразили. Все правильно! Садитесь!

Для создания местных кадров рабочих в Рустави открылось ФЗО, куда по разнарядке из районов, как в армию, рекрутировали подростков. Перед газетой была поставлена задача — показать заботу и внимание к ребятам, чтобы привлечь добровольцев. С таким поручением мы с Гришей Мулкиджаньяном отправились в Рустави.

Вокруг здания ФЗО целый бивак 13–15-летних ребят: кто спит, кто ест — сидят или лежат прямо на земле. Их много, может быть, человек 60. При виде взрослых они оживляются и просят определить их столярами. Долго отыскиваем начальство. Выясняется, что помещение еще не отремонтировано, принять ребят некуда, а они все прибывают. А у нас своя задача — показать заботу и внимание, чего нет и в помине. Однако за дело. Мы выбираем 6 человек фотогеничных ребят и ведем их в парикмахерскую. Первый снимок — их стригут, второй — выдача обмундирования. Ребята любуются красивой формой. Один примеряет фуражку. Открываем запыленный «красный уголок». Усаживаем их за шахматы и шашки, «ребята проводят свой досуг» — так называется третий снимок. Открываем неработающую запыленную столовую. На кого-то напяливаем халат. Сажаем ребят за стол, и они делают вид, что едят из пустых тарелок. «Ах, как вкусно и сытно питаются ребята» — четвертый снимок. За кухней находим два душевых соска. Воды, конечно же, нет. Ничего, художник дорисует. «После трудового дня приятно принять теплый душ» — пятый снимок. Шестой снимок — «ребята в общежитии» — пришлось снимать у директора ФЗО дома.

Работа закончена. С ребят снимают форму, сдают на склад и отправляют спать под акации — туда, откуда мы их привели.

Благо сентябрь месяц в Тбилиси теплый.

Выходит специальное приложение к газете со всем этим позором.

Сколько еще «уроков» ожидает меня впереди?

С другой стороны, работа в газете давала мне и новые интересные встречи и впечатления, связанные с разъездами по районам Грузии.

В горном районе Гурии комсомолка-кукурузовод Нана Д. получила орден «Знак Почета». Верхом, вместе с представителем райкома комсомола добираюсь до ее дома. Мой провожатый уезжает.

Наны нет дома. Ее мать с большим сожалением, извиняясь, просит подождать. Нана в поле, скоро вернется. Меня приглашают в комнату отдохнуть. Зажигается камин, на столе появляются фрукты и бутылка «Одессы». Так в Грузии называется вино из винограда «Изабелла», легкое и ароматное.

Сижу, жду. Тем временем слышу визг поросенка, квохтанье кур. Выхожу на балкон. Мимо меня несколько раз пробегает какая-то некрасивая девочка, приходит хозяйка. Мальчишка на лошади куда-то ускакал. Предполагаю, что за Наной. Спрашиваю девочку, не за Наной ли поехал парень. «Не беспокойтесь, сударь, — отвечает она. — Нана скоро придет». Тем временем в доме какая-то суета… К чему-то люди готовятся, проходит часа два. Злюсь и нервничаю. Мне надо еще засветло успеть к знатному кукурузоводу, а Наны все нет.

Проходит три часа. Я прошу у хозяйки дома дать мне провожатого с тем, чтобы самому на лошади поехать в поле за Наной. Меня очень вежливо просят не беспокоиться и еще немножечко подождать. Злюсь на свое глупое положение пленника. Кроме того, я уже проголодался. Однако делать нечего. Терплю.

Тем временем приходят какие-то люди, и я все допытываюсь, нет ли среди них Наны.

Приходит хозяин дома и говорит: «Вы, наверное, проголодались, пожалуйте откушать». Я голодный и расстроенный вхожу вместе с хозяином в комнату, где вокруг большого стола уже сидят человек двадцать пять. Стол ломится от всевозможной снеди. Посередине лежит жареный поросенок с редиской во рту. Что это, думаю, свадьба?

Хозяин представляет меня гостям: «Вот этот уважаемый сударь приехал сюда ради нашей дочери Наны». Меня сажают на почетное место, и только теперь я начинаю понимать, что весь этот сыр-бор — традиционное гостеприимство гурийцев — ради меня.

Начинаются традиционные тосты. Первый — «За здоровье великого Сталина!» Стоя, все осушают стаканы. Второй тост — «За нашего Лаврентия!», третий — «За политбюро в целом!», четвертый — «За нашего Кандида!» (Чарквиани — тогдашнего первого секретаря ЦК КП Грузии). И пошло-поехало. Доходит очередь и до меня. Все по очереди желают мне всего самого лучшего. Начинается удивительное гурийское неподражаемое многоголосое пение. Какой слух у этих людей! Они поют в четыре голоса, никогда специально этому не учившись!

Я уже сыт, немного пьян, растроган отношением этих впервые увидевших меня людей. Однако, где же Нана? Я же приехал сюда по делу, а день уже клонится к вечеру. Гости дружно смеются. «Да вот она, Нана, наша дочь», — показывает хозяин на некрасивую девочку, которая весь день вертелась дома, помогала матери, а сейчас то и дело приносит новые кушанья, сменяет тарелки и вообще суетится вокруг стола.

Хитрость хозяина, оказывается, всем уже известна. Я извиняюсь, встаю из-за стола, так как уже темнеет, беру свой аппарат и понимаю, что сфотографировать Нану так, чтобы Лазик был доволен, невозможно. Однако она надевает свой орден, и я трачу целую кассету, снимая ее в разных ракурсах, заставляя менять выражение лица, то улыбаться, то быть серьезной или сосредоточенной. Однако сделать эту милую труженицу фотогеничной невозможно.

На другой день утром еду верхом на чайную плантацию, чтобы сфотографировать знатную сборщицу чая. Слава богу, она на плантации, но просит меня подождать, чтобы сходить в палатку и привести себя в порядок. Время идет, сборщицы все нет. Иду в палатку, и там нет. «Она сейчас вернется», — сообщают мне. Проходит часа два. По дороге от села едет телега, груженая вином и снедью с «моей» сборщицей. Начинается всеобщий пикник. Бригадир за тамаду. Порядок тостов неизменен. Для уплотнения времени застолья «Изабелла» пьется полулитровыми банками. Наконец делаю свои фотографии и уже сильно под хмельком еду в гостиницу колхоза «Шрома» (Труд), где я остановился.

Вечером ко мне приходит директор гостиницы, курчавый блондин небольшого роста, с закрученными кверху усиками и спрашивает, не хочу ли я поужинать. Я не возражаю, и он просит меня спуститься с ним в зал.

Открываю дверь и вижу, что там идет застолье. За длинным столом собралось человек двадцать. Подаюсь назад. «Пожалуйста, проходите», — просит директор. «Здесь какая-то компания», — говорю. «Я подумал, — ответил директор, — что вы же не будете

один сидеть за столом и ужинать, — и произносит грузинскую пословицу, которая могла возникнуть у чрезвычайно хлебосольного народа, — „в одиночестве даже вкушающий пищу достоин сожаления“. Председатель колхоза велел познакомить вас с нашими лучшими колхозниками».

Работа у чайных сборщиц, у табаководов, да и у всех у них нелегкая. Например, чтобы выполнить норму, сборщица табачных листьев должна собрать их и нанизать на трехметровые отрезки шпагата — лист к листу — 1200 штук. Если считать, что три листа имеют толщину один сантиметр, то ей нужно перебрать примерно миллион листов за сезон. Несмотря на тяжкий труд, эти люди не озлобляются, они неизменно приветливы и доброжелательны.

Утром заходит мой знакомый директор и спрашивает: «Что изволите поесть на завтрак, батоно?» В русском такая вежливая форма обращения соответствует слову «сударь». «Я бы поел яичницу», — говорю, имея в виду блюдо из 2-х яиц. «Яичница само собой, но, может быть, вы поедите немного холодного мяса козленка?» — «Да нет, спасибо». — «Может быть, холодной курицы с чесночной подливой?» — «Да нет, спасибо. Утром я много не ем». — «Салат помидорный я уже приготовил…»

Спускаемся… Все, что было перечислено, — на столе. Яичница в целую сковороду, яиц из пяти. Боже мой!

За день делается один снимок. Больше невозможно.

Фотографирую знатного кукурузовода Чоколи Квачахия. Повязываю на него свой галстук — таковы требования нашей прессы.

Иду прощаться с председателем колхоза. Он показывает мне «ход»: две колесные пары, ось между которыми — это вертел для поджаривания телят целиком! «Шашлык» из целой телячьей туши готовится во дворе и ввозится в огромную пиршественную залу, где срезается верхний поджаренный слой, и «ход» движется обратно для дальнейшей жарки теленка над костром. Возможно, так было во времена Лукулла?..

Верхом с сопровождающим еду на железнодорожную станцию. Вижу красивый дом. Наученный Мишей Квирикашвили, хочу сфотографировать его как будущий «фон» для какого-нибудь передовика или старика.

Выбираю точку съемки. Пожилая женщина подходит к калитке и приглашает «пожаловать». Мой провожатый отказывается, а я продолжаю свое дело. Тем временем женщина зовет пожилого мужчину, а сама выносит на газон ковер, готовится нас угощать. «Пожалуйте, благословите наш дом стаканчиком вина!» — просит хозяин. «Не обижайте нас отказом».

Отказаться невозможно. Заходим, поднимаем стакан вина за процветание дома и его хозяев…

Будь благословенна, сельская западная Грузия!

А мой прогноз в отношении Наны подтвердился. Лазик посмотрел на фото девушки с орденом «Знак Почета» и сказал: «Неужели нельзя было снять в другом ракурсе?» Я молча положил на стол вторую фотографию. «Ну, эта еще хуже!» Кладу третью, Лазик разводит руками: «Ну, Иван Иванович…» Кладу сразу штук десять. Он с сожалением рассматривает и бормочет что-то. Ему, эстету, трудно примириться с тем, что в газете появится что-то, портящее общий вид полосы. Он всегда полон планов по поводу оригинальных фотографий для газеты. «Сняли бы вы что-нибудь оригинальное, например, вздыбленные леса или стахановца у станка в оригинальном ракурсе…»

Однажды он, чуть не плача, показал мне разворот такой же молодежной газеты, но на грузинском языке. Разворот был посвящен удивительному ребенку по имени Робинзон, который в 8-месячном возрасте играет в футбол, читает букварь, ловит сачком бабочек… Все это было иллюстрировано пятью или шестью фотографиями. Сопровождающий текст за подписью известного педиатра и педагогов подробно описывал этот феномен и сулил прекрасные перспективы этому ребенку.

— Вот видите? Мы опять плетемся в хвосте событий. Такой блестящий материал проплыл мимо нас. Немедленно берите командировку и езжайте в Кутаиси, — направил меня Лазик.

Однако в командировку я не успел уехать, так как это позабавившее всю республику событие имело весьма поучительное продолжение. Какая-то женщина, материально ответственное лицо, проворовалась. Она имела грудного ребенка по имени Робинзон и надеялась в связи с этим на снисхождение суда. К ее горю, ребенок умер. Похоронив его тайком, она где-то в деревне попросила родственников «одолжить» ей мальчика, которому было три года, и выдала его за своего сына Робинзона. О новом Робинзоне узнал фотокорреспондент Рубен Акопов. Кончилось тем, что женщину за воровство осудили. Мальчика отдали обратно родителям, а фотокорреспондент Акопов получил прозвище Робинзон…

Пишу я эти записки и одновременно смотрю телевизор. Депутат Ю. Голик говорит, что из ста проверенных торговых точек во всех обсчитывают и обвешивают, рискуя попасть на скамью подсудимых. Кого-то для отчета арестовывают, приходят новые и опять воруют. Нет выхода!

…Кахетия. Перегон баранов на летние пастбища.

На берегу красавицы-реки Алазани неоглядные отары овец.

Их переправляют на двух паромах. Вожака-козла возят туда и обратно. Без него стадо на паром загнать невозможно. По случаю перегона овец к реке понаехало все начальство района: секретари райкома, работники исполкома, прокуратуры, милиции. Дел у них здесь нет. Они приехали проводить время.

Надо представить живописную картину: горят костры, над ними на козлах висят огромные котлы. Свежуются туши молодых барашков. То и дело слышны взрывы. Это аммоналом, отобранным у неудачливых браконьеров, взрываются воды Алазани. Глушат рыбу. Она плывет белыми животами вверх, увлекаемая медленным течением реки. Многочисленная обслуга, сопровождающая начальство, в трусах лезет в воду и собирает в корзины наиболее крупные рыбины. На полуторке покоится огромная бочка с вином… Удивительной красоты ландшафты окаймляют зеленые невысокие горы. На одной из них видна крыша охотничьего домика Берии.

Через пять минут рыба сварена. Ее достают шумовкой из подсоленного кипятка и кладут остывать на широкие листья. Тем временем в золе уже чуть прожарилась баранья печень — самая изысканная закуска к первым стаканам знаменитого кахетинского вина. Пир набирает силу. Играет доли (барабан) и зурна, звучит «сачидаво» — музыка для борьбы. Находятся желающие помериться силами — начинаются схватки. В котлах уже варится баранье мясо — хашлама. Народу так много, что организовать традиционный общий стол никто не пытается. Появляются желающие пострелять по пустым бутылкам. Очень весело!

Какая-то группа собралась в компанию, и начали провозглашаться тосты. Как всегда, за великого Сталина и так далее. Уже поели рыбы, но поспело нежное и очень вкусное вареное мясо молодого барашка.

Кахетинские песни более полнозвучны и громкоголосы, чем песни западных грузин. Мощно звучат басы. На их фоне тянется построенная на переходных полутонах замысловатая мелодия. Вид Алазани в окружении близлежащих гор, запах дыма и шашлыков в сочетании с вином, обостряющим ощущения, делают всех добрыми друзьями. Поистине присутствующие пребывают в какой-то нирване.

Делаю множество снимков и с восторгом участвую во всеобщем кутеже. В атмосфере вседозволенности. Совместно с привилегированными лицами района и их приближенными. Они могут с полной откровенностью благодарить «отца народов» за счастливую и радостную жизнь. Но вовсе не для того, чтобы «на халяву» поесть и попить, собрались они здесь. Этого добра у каждого в доме навалом. Тут укрепляются связи, налаживается

общение, а кроме того, это традиция предков — устраивать веселый праздник у Алазани при проводах отар на альпийские луга.

Впрочем, «ларчик открылся» просто: у каждого из этих местных феодалов «нелегально» в отарах немало и собственной баранты. Это дает возможность партийным боссам из Тбилиси, в свою очередь, «нелегально» пользоваться дарами от закрепленных за ними хозяйств, преподносимыми в дни государственных и личных праздников. И все они вместе чувствуют себя прекрасно под мощной защитой общего сюзерена, охотничий домик которого с прилегающей территорией, заселенной джейранами, косулями и кабанами, с обслугой, сколько лет ждет не дождется (так и не дождался) дорогого Лаврентия Павловича.

Вскоре я стал по совместительству работать фотографом в обществе культурных связей с заграницей ГОКСе, готовить тематические подборки и сопровождать иностранных гостей.

Вот сценарий одной из таких подборок «Рабочий депутат»:

1. У станка. 2. Принимает избирателей, помогает решать их проблемы. 3. Пикник с семьей на фоне личного автомобиля. 4. В опере с женой. 5. На совещании у директора завода. 6. Дома, в семейной обстановке за ужином.

Прихожу на завод. Мой депутат бранится с мастером — нет заготовок. Очень обрадовался, прочтя сценарий. Нашлось веселое дело. Просит одну из старух-уборщиц для изображения избирательницы сходить домой и надеть старинный грузинский костюм с ободком на голове и тюлевой косынкой — «чихтикопи».

Мой депутат входит в роль и беседует с «избирательницей» в красном уголке о том, какие у нее проблемы и чем ей можно помочь. Она тоже входит в роль, жалуется на протекающий потолок. «Пятьсот рублей тебе хватит?» — спрашивает депутат. Обрадовано старуха кивает…

Работали мы с ним два дня. Для съемок «пикника» председатель ГОКСа дал нам на полчаса свою «Победу». Днем сажаю депутата с супругой в ложу оперного театра. Справа и слева в качестве зрителей ассистируют сотрудники театра. «Дома» фотографируем в углу гостиной ГОКСа.

Всеобщий обман. Все весело входят в роли, чтобы «обмануть» кого-то за границей, показать какая у нас отличная демократия и великолепная «советская» жизнь. Много тематических подборок такого рода тиражировалось и отправлялось за рубеж.

Кто этому верит? Кого мы там обманываем?

Чтобы очаровывать иностранных гостей, их, как правило, отвозили в Цинандали — бывшее имение князя и поэта Александра Чавчавадзе. Лет двести тому назад войска Шамиля

выкрали семью Чавчавадзе, запросили выкуп в 50 тысяч серебром, а также потребовали возвратить из Петербурга в горы сына Шамиля, который стал к тому времени камер-юнкером Николая I. Выкуп был уплачен. Сын возвращен и вскоре умер в горах от тоски и туберкулеза.

Неподалеку от этого имения расположен винный завод, посещение которого являлось непременным в программе экскурсии. Огромные чаны высотой метра три. Вокруг них, на высоте примерно одного метра от верхнего края, положены мостки. Гости проходят в сопровождении винодела по этим мосткам с дегустационными стаканами в руках и пробуют содержимое чанов. В первом — сладкое сусло, только начинающее бродить, во втором — сладкое, как будто газированное, молодое вино — мачари, дальше следует все более и более перебродивший виноградный сок с еще изрядной сахаристостью.

Гости с удовольствием пробуют. Хмельной воздух сам по себе пьянит непривычного человека… Когда делегация, уже изрядно подвыпившая, выходит на свежий воздух, винодел осведомляется, какое из опробованных вин посетители предпочитают пить.

Французы, которых я сопровождаю, пожимая плечами, переглядываются: «Как, еще пить?»

Прогулка по роскошному декоративному парку возбуждает аппетит. Вид стола, заваленного гастрономическими деликатесами: икрой, вареной рыбой «цоцхали», разделанными вареными курами, жареным поросенком, массой зелени, помидорами, соленьями, острыми подливками, — еще в большей мере возбуждает аппетит.

Восточная Грузия не столь изощрена в разнообразии кулинарных чудес, как западная. Но по количеству выпиваемого вина ее жителям нет равных. Не отстают они и в количестве поглощаемой пищи.

Поначалу гостей обносят горячим хачапури и предлагают для аппетита рюмку-другую марочного коньяка. И пошло, поехало.

Порядок тостов тот же, но речи несколько пространнее. Однако значимость первых тостов столь велика, что никто не оставляет в стакане ни капли: кто же осмелится не осушить бокал за Сталина, Берию, Политбюро или Кандида?

Море разливанное потрясает расчетливых и скаредных французов. Появляется специально привезенный по этому случаю хор. Звучат кахетинские песни «Мравалжамиер» (многие лета), «Замтари» (зима)…

Танцуют молодые люди из хореографического ансамбля.

Из огромного двухлитрового рога пьет вино специально

приглашенный для этого человек. Другой — поднимает зубами сервированный на 4-х человек столик.

Поздно, часов в 10–11 вечера, пьяных и довольных гостей рассаживают в автобусы и везут в Тбилиси.

У гостей, конечно, остаются неизгладимые впечатления и полная уверенность, что в Грузии коммунизм уже построен.

Сдавая фотографии, я, как и все сопровождающие сотрудники ГОКСа, должен подробно написать, кто с кем и о чем говорил.

Как-то меня пригласил директор картинной галереи. Он просил сфотографировать указанные им виды города. С негативов при помощи эпидиаскопа директор рисовал офорты. Галерея ремонтировалась.

Когда мы выходили, маляр подошел к нему и, показывая несколько покрашенных кусков фанеры, спросил, каким колером красить колонны и каким стены фасада. Директор указал ему. Маляр попросил расписаться на этих крашеных кусках. «Сейчас вернусь и распишусь», — сказал директор. Мы ушли, и в дороге я спросил его, почему он не расписался сразу. «Вы знаете, — ответил он. — здание на главном проспекте. Вдруг какому-то секретарю этот цвет не понравится, и у меня могут быть неприятности… А маляры не будут стоять зря. Они уже, наверное, красят…» «Вот перестраховщик», — подумал я тогда.

С тех пор прошло десять лет. В 1958 году отмечалось 1500-летие Тбилиси. На празднование ожидался приезд Хрущева. Главные события должны были происходить на стадионе «Локомотив» (стадион «Динамо» капитально ремонтировался), который для этой цели подновлялся. Я был заведующим кафедрой борьбы института физкультуры, и мне поручили подготовить один из номеров программы — «грузинскую борьбу». Директором стадиона был мой хороший знакомый. Он пригласил художников для консультации по поводу украшения стадиона. Когда красился потолок главной ложи в густой голубой цвет, на стадион в сопровождении целой свиты приехал первый секретарь города. Он стремительно вошел в ложу и вдруг поднял крик по поводу цвета.

— Кто выбрал этот цвет?! — с негодованием вопил он.

Директор отвечал, что идея принадлежит художнику А.

— У него тоже, оказывается, есть вкус, — под общий смех своих спутников сказал первый секретарь и велел немедленно перекрасить потолок правительственной ложи и уехал.

Маляр, выполнявший работу, сказал директору, что, во-первых, надо закончить окраску, так как какой бы краской сейчас не перекрашивать, голубой фон все равно будет просвечивать. А во-вторых, единственное, что можно класть поверх голубой

краски — темный беж или шоколадно-коричневый.

Директор стадиона не решился беспокоить первого секретаря и позвонил второму секретарю, который присутствовал при распоряжении, и уточнил — в какой же все-таки цвет велел перекрашивать первый секретарь.

— Делай, как тебе приказали! — обругал тот директора и бросил трубку.

Делать было нечего, и потолок ложи принял мрачный коричневый колорит.

В это время на стадион приехал первый секретарь ЦК КП Грузии Василий Павлович Мжаванадзе. Он осведомился, успевают ли подготовить стадион к сроку, и уехал, довольный положительным ответом.

К вечеру вновь примчался первый секретарь Тбилиси со своей свитой. В ложу прибежал второй секретарь (который ругался по телефону) и стал вопить:

— Что вы наделали, что это за цвет, какой идиот его придумал? Тут директор стадиона понял, что он пропал. В это время маляр, который докрашивал потолок, будто про себя негромко произнес:

— Мжаванадзе понравилось, а другим не нравится…

— Василий Павлович был здесь? — воскликнул второй.

— Да, — сказал директор, — ему понравилось! В этот момент в ложу поднялся первый и, в свою очередь, стал ругать директора по поводу мрачной окраски. Тотчас (все развивается молниеносно) второй ему шепнул:

— Василию Павловичу понравилось.

— Вот видите, — тут же переменил тон первый секретарь, — как хорошо! А то покрасили в дурацкий голубой, как в бардаке!

Когда директор стадиона рассказал мне о том, как его спас маляр, я вспомнил эту давнюю историю с директором картинной галереи и оценил его мудрость.

В ГОКСе стало известно, что в ознаменование своего 70-летия Сталин сделал подарки — послал по 20 тысяч рублей всем своим однокашникам и написал им письма. Я был командирован в Гори для того, чтобы отразить это событие в фотодокументах и взять у награжденных интервью.

Один их них, Александр Гвердцители показал мне письмо Сталина: «Брат мой Сандро, шлю тебе маленький подарок, желаю крепкого здоровья. Твой Сосо» (я не могу поручиться за буквальную точность, но суть была именно такой). Письмо было коротким, написано по-грузински, крупными буквами на листке из обычного блокнота синим карандашом. Адресат, естественно,

очень гордился этим посланием. При этом Сандро особенно акцентировал, что Сталин только к нему — изо всех награжденных — обратился, как к брату.

Я спросил его о причине такого сердечного обращения. И вот что Гвердцители ответил мне:

— Дело в том, что Сосо был крестником моего отца, а я был крестником отца Сталина — Якоба Эгнаташвили.

Эта история мне была хорошо известна, поскольку мой отчим как раз и был сыном Якоба Эгнаташвили. Однако от Сандро Гвердцители я узнал совершенно не известные мне подробности.

Сандро рассказал, что до рождения Сталина — он его называл Сосо — у Кэке (так в Гори, а потом и в Тифлисе называли мать Сталина Екатерину) было двое детей от своего мужа Бесо (Виссариона Джугашвили). Сталин был у Кэке третьим ребенком.

Первых двух детей Кэке крестил сам Якоб Эгнаташвили, у которого она была в услужении. Эти два ребенка умерли в младенчестве.

Бесо давно переехал в Тифлис и работал на обувной фабрике Адельханова, когда Кэке родила третьего ребенка — Сосо, будущего Сталина.

Сандро пояснил мне, почему Якоб Эгнаташвили просил его отца крестить ребенка:

— Не мог же Якоб крестить своего собственного сына.

Вот Сосо и был крестником моего отца, а я был крестником Якоба Эгнаташвили. Поэтому Сталин обращается ко мне как к брату.

В грузинской традиции называть сыновей-первенцев именем отца. Сталин, когда сам стал отцом, своего первенца назвал Яковом. Ведь в Грузии это имя довольно редко встречается, — рассказал мне тогда Сандро Гвердцители.

Итак, Александр Гвердцители поставил точку над і в вопросе, кто отец Сталина, — им был Яков Эгнаташвили. Мы знаем множество семей, которые Сталин расстрелял, разорил и уничтожил. Эгнаташвили одна из немногих семей, которую Сталин решительно поддерживал, считая всех их своими родственниками. Эта версия не вызвала сомнения у всех жителей Гори, хотя официально отцом его считается Бесо Джугашвили, которого осетины считают своим компатриотом, а грузины — грузином.

Впрочем, существует еще одна малоправдоподобная версия рождения Сталина, принадлежащая Рою Медведеву. По этой версии отцом Сталина является путешественник и географ Николай Пржевальский. Основа ее — портретное сходство и

похожий, жестокий характер.

Анатолий Рыбаков лишь осторожно упоминает о том, что Якоб Эгнаташвили платил за обучение Иосифа в духовной семинарии…

Мне не представляло бы большого труда приносить в редакцию 10–15 фотографий в неделю, тем более что за три года у меня скопилось множество запасных «стахановцев», «передовиков-комсомольцев», спортсменов и прочего проходного материала, но я все же предпочел уйти из редакции из-за совершенно дикого случая. К этому времени у нас появился новый редактор — бывший завхоз ЦК комсомола республики. Событие это совпало по времени с очередной газетной кампанией — «борьбой за чистоту нравов» нашей и без того самой нравственной в мире молодежи.

Вдохновившись этой новой идеей, Лазик поручил мне создать шедевр на три колонки на тему «Весна — Любовь — Спорт».

Решил я его в стиле соцреализма: на фоне цветущего миндального дерева примерно в центре была помещена красивая, улыбающаяся девица в трусах и майке, с диском в правой руке. Левым плечом она несколько заслоняла стоящего чуть позади парня с копьем в левой руке. На заднем плане — цепочкой бегущие ребята.

Я положил на стол Лазику свой шедевр.

— Вот, оказывается, умеете, когда постараетесь! — рассматривая с удовлетворением воплощение своей идеи, сказал обычно не щедрый на похвалы Лазик.

На следующий день на летучке с досадой я не обнаружил свой фотомонтаж на газетной полосе, и спросил:

— В чем дело, Лазарь Андреевич! Где же весна, любовь и спорт?

— Снял новый редактор, — разводя руками, ответил Лазик.

— Почему Вы убрали из номера мое фото? — обратился я к главному.

Тот, несколько смутившись, ответил вопросом на вопрос:

— А где у парня правая рука?

В недоумении, я ответил:

— Как где? Рука заслонена. Не думаете же Вы, что я заснял однорукого инвалида?

— Да нет, я так не думаю. Наоборот. Я полагаю, что было бы гораздо лучше, если он действительно был бы одноруким. По крайней мере, было бы все ясно!

Боже мой! Только тут я осознал, какого мудреца нам сплавили из ЦК комсомола. В воспаленном мозгу главного

редактора комсомольская борьба за чистоту нравов переплавилась в бдительность евнуха из восточного гарема.

Стало ясно, что дальнейшая работа с новым редактором — это постоянные дурацкие разбирательства и выяснения отношений. Такая перспектива меня не прельщала, и я ушел из газеты.

Впоследствии, в течение многих лет, встречаясь с моими бывшими сослуживцами-друзьями, одной из постоянных тем воспоминаний о нашей совместной работе был знаменитый диалог о шкодливой руке.

Глава 13
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Высшая должность, до которой дослуживается чиновник всегда уже не соответствует уровню его компетентности.

Закон Паркинсона

Пока я совершал свои фотокорреспондентские подвиги, незаметно пролетели три аспирантских года, и из-за отсутствия штатов в Институте физической культуры в 1948-ом я поступил в Научно-исследовательский институт того же профиля на должность старшего научного сотрудника.

Институт был крошечный — занимал всего три комнаты. Одну разгородили на три части: кабинет директора, его зама и канцелярии с одной-единственной секретаршей-машинисткой, вторая комната была общая — для всех сотрудников, в третьей помещалась библиотека.

Всего сотрудников института, включая завхоза, было человек пятнадцать. С момента организации этого учреждения прошло более пятидесяти лет. Однако никаких научных трудов и рекомендаций, которые какой-нибудь тренер мог бы использовать для подготовки спортсменов или для развития массовой физкультуры, этот институт так и не дал, как, впрочем, и многие подобные научные учреждения. Не раз ставился вопрос о ликвидации института, но по закону Паркинсона Грузинский НИИФК продолжает функционировать, постепенно увеличивая штат.

Только недавно получившая независимость Грузия разогнала этих бездельников.

В послевоенные годы это учреждение было нечто вроде клуба, где мы беседовали, спорили, играли в шахматы, в пинг-понг, писали отчеты о «научной» деятельности. Впрочем, там мне удалось завершить свою диссертацию, которую мои ироничные друзья называли «Метание гранат из яра в гору». Для характеристики нашей научной деятельности приведу сочиненные мной стихи-дразнилки:

Открытие Шершавой пещеры

Выпив водочки в лесу,
Слопав сыр и колбасу,
Экспедиция засела за варенье.
А швейцарский сыр сожрав
И остаток сил собрав,
Объявил Леван нам «Наступление!»[8]

В этой строфе отражена жгучая зависть сотрудников по поводу пайка, который получила «экспедиция» в то голодное время…

Над рекою виден грот,
А над ним — в пещеру вход.
Лестницу использовали смело…
И приставив сей снаряд.
Мы забрались все подряд
И немедля принялись за дело.
«Вот идет за веком век,
Но впервые человек, —
Начал наш Леван повествованье, —
Смог проникнуть в этот грот
И узреть сей мрачный свод
В результате смелого дерзанья!
В эти грозные скалы
Залетали лишь орлы,
Принося сюда змею, ящеру…»
В этом духе говоря,
Надо всеми воспаря,
Наш Леван направился в пещеру…
Первый шаг был роковой,
Ибо он вступил ногой
В вещество, не принятое в речи.
Тепловато и липко,
И зловонное шибко
Оказалось просто — человечье.
Растерялся бы другой,
Но Леван наш не такой,
Применив здесь метод разложенья,
Взяв мазок на вкус и цвет,
Объявил анахорет:
«Это куча — древнего сложенья».
Как известно, эту весть

Мог в газете всяк прочесть,
За утайкой горького осадка —
На открытие пещер
ГБЧ наш очень щедр,[9]
И кредит исчерпан без остатка.

Впрочем, остатки безналичного кредита, которые висели на счетах нашего института, по статье «приобретение инвентаря», в конце каждого года лихорадочно тратились на всякую ерунду, поскольку спортивный инвентарь в магазинах тогда не продавался. Иначе на будущий год урезали бы бюджетные ассигнования. В результате этих декабрьских закупок и без того узкий коридор института был загроможден нераспакованными ящиками. И чего только в них не было. Здесь стояло даже гинекологическое кресло. На столе у директора был постоянно включенный в сеть катодный осциллограф с множеством тумблеров, при переключении которых на круглом экране можно было в разных масштабах наблюдать только синусоиду переменного тока.

Наш директор — Георгий Багратович Чикваидзе (я дал ему прозвище ГБЧ) был в прошлом известный спортсмен, рекордсмен мира в рывке штанги (впрочем, рекорд был установлен без соответствующих судей и еще в то время, когда наша страна не выходила на мировую спортивную арену). В молодости он был чрезвычайно деятельным человеком — с его именем было связано зарождение в Грузии французской борьбы, за что ему было присвоено звание «Заслуженного мастера спорта СССР». В начале свой чиновничьей карьеры он был назначен заместителем председателя республиканского комитета по делам физической культуры и спорта. Однако шли годы, и комсомольские вожаки, выходившие в тираж по возрасту, считали себя специалистами в спортивных делах (кто же в детстве не пинал ногами мячей?). Они-то и вышибли нашего ГБЧ из Спорткомитета, и таким образом он оказался в тихой заводи НИИФКа.

Откровенно говоря, у ГБЧ действительно не было навыка аппаратной работы. Он не умел нагло давать ценные указания, терял нужные бумажки, любил порассуждать на отвлеченные темы, был по-интеллигентски нерешителен. Одним словом, в Спорткомитете он был явно не на своем месте. Будучи разумным и справедливым человеком, ГБЧ понимал, что еще менее приспособлен он и к научной работе, а тем более к руководству ею. В связи с чем у него развился комплекс неполноценности, который изменил и внешний его облик. Человек маленького

роста, он еще уменьшился, ужался и всем своим видом — конфигурацией головы, сморщенной шеей, маленькими глубоко запавшими глазами, вкупе с нерешительностью и боязливостью, стал походить на черепаху.

Однако все сотрудники относились к нашему директору доброжелательно и подбросили ему идею — на основании собственного спортивного опыта описать рывок штанги.

ГБЧ установил свой рекорд лет тридцать тому назад. Никакие «спортивные секреты» тридцатилетней давности никому не нужны. Даже «феноменальный» рекорд в троеборье богатыря Серго Амбарцумяна, установленный в 1936 году и равный 435 кг, через 20 лет был улучшен Жаботинским более чем на треть.

И вот главной научной разработкой всего института стала диссертация нашего директора под названием: «Мой метод рывка штанги».

Общими силами сотрудников и специально приглашенных ученых рывок штанги исследовался вдоль и поперек всевозможными методами: циклографическим, миографическим (электрическая активность мышц), осциллографическим, а также специально изготовленным прибором, при помощи которого записывалась траектория грифа штанги.

Этот примитивный аппарат, единственный из всех, принцип действия которого ГБЧ сумел взять в толк, поразил его воображение. Однако нашего бедного директора изводила мысль — как бы американские шпионы не скопировали эту конструкцию. Поэтому ГБЧ потребовал этот прибор закрыть специальным кожухом. Вся беда, однако, заключалась в том, что склеротичный мозг нашего шефа никак не мог отличить одну научную кривую от другой. Тем не менее раз в неделю машинистке передавалось три-четыре страницы нового предисловия к научному труду. Дальше дело не шло.

Мы уважали ГБЧ за его чисто человеческие качества, но ему это казалось недостаточным. Наш директор все время старался укрепить свой научный авторитет и показать нам высокий уровень своей эрудиции.

Право брать свежий номер «Огонька» из приходящей в адрес института почты принадлежало нашему директору столь же свято, как право первой ночи феодалам. ГБЧ забирал журнал, таскал его из дома на службу и обратно до получения следующего номера. Засаленный «Огонек» (ГБЧ был человеком неаккуратным) с полностью «отгаданными» кроссвордами наконец попадал в институтскую библиотеку.

Другим способом подкрепления авторитета были многократно повторявшиеся истории о его былых спортивных

успехах. Рассказывал ГБЧ всегда одно и то же, и крайне занудно. Но сотрудники — из уважения к старику — каждый раз в одних и тех же местах реагировали соответствующим образом.

Если наш директор появлялся в общей комнате и останавливался у двери, то это означало армейский сигнал: «Слушайте все!»

Начало рассказа было всегда одним и тем же:

— Я, знаете ли, неплохо бегал на короткие дистанции (играл в шахматы, боролся…). — Потом следовала пауза. ГБЧ как бы прислушивался к этой скромной оценке своих успехов, находил ее недостаточной и добавлял:

— Я хорошо бегал спринтерские дистанции. — Затем следовал известный рассказ о том, как в Киеве, где он учился в таком-то году, он попал в забег сильнейших, почти до финиша бежал впереди и, уже предвкушая победу, споткнулся и упал (единственная деталь, которую мы принимали на веру).

— В запале я попытался задержать преследователей руками, хотел помешать бегущему, и, представьте, он установил тогда рекорд Союза. Если б я не упал, то рекорд-то, рекорд был бы мой!

Так заканчивался любой подобный рассказ.

Когда в директорский кабинет забредал кто-либо из тренеров, ГБЧ, прежде чем начать разговор, разыгрывал пантомиму — брал лист бумаги, графил его четырьмя линиями вдоль и поперек, затем, щелкая тумблерами, переключал осциллограф, пристально наблюдая за синусоидами переменного тока, заполнял какими-то знаками все девять квадратиков своей таблицы. Только после этого шаманства он интересовался, по какому поводу пожаловал посетитель.

В Тбилиси среди тренеров распространился слух, который ГБЧ усердно поддерживал, — его кандидатская диссертация о рывке штанги перерастает в докторскую.

Так это «исследование» и заглохло…

Еще одной колоритной фигурой в нашем НИИФКе был завхоз, бывший авиатехник татарин Рома. Это был круглолицый, узкоглазый, смуглый и веселый молодой человек. Его появлению зимой предшествовал треск захлопывающейся из-за мощной пружины входной двери, вслед за тем из коридора раздавались шаги и его голос, торжественно и раздельно повторявший одну и ту же сталинскую фразу: «Помните, любите, изучайте Ильича…»

К концу фразы Рома обычно доходил до печки, с шумом сбрасывал с плеч на пол мешок с дровами и скороговоркой заканчивал: «…нашего учителя, нашего вождя».

Другая фраза, которую использовал Рома в жизни, была констатация: «Дырочки имеются в носике. В авиации — только

отверстия».

Мы довольно часто собирались в складчину и шли в какой-нибудь кабак. Рома был неизменным участником таких походов. На предложение выпить Рома неизменно спрашивал:

— А который час?

Узнав, как расположены стрелки часов, наш завхоз столь же неизменно и радостно говорил:

— Самое время!

Атмосфера в НИИФКе была веселой и творческой. По большей части — как и в любом советском НИИ — мы все вместе валяли дурака — наступала запойная ГеБеЧевщина. Однако в меру сил каждый занимался интересующей его проблемой.

Писались статьи, тезисы, отчеты, была даже попытка создать учебное пособие по «Тактике игры в футбол». Этим занимался бывший тренер знаменитой тбилисской команды «Динамо» Ассир Маркович Гальперин.

Об Ассире Гальперине следует рассказать особо. Он был одесситом, именно таким, каким я представлял себе это племя — живым, остроумным, симпатичным и общительным. Он был небольшого роста, с выразительным лицом. Высокие дуги его бровей над большими черными глазами имели свойство при выражении удивления или недоумения подниматься еще сантиметра на три. Широкие подвижные губы умели издавать свист такой красивый и звучный, какой можно услышать разве только с эстрады. Одним словом, артистически одаренная натура. Когда он начинал, слегка грассируя, рассказывать свои жизненные перипетии, это был «театр одного актера». Нас, конечно, интересовало множество моментов его биографии: как он стал тренером, почему ушел со столь престижной должности, тем более мы знали, что он успешно справлялся со своей работой, был инициатором открытия детской футбольной школы «Молот» и время его тренерской работы успехи команды «Динамо» были стабильными.

Ассир всегда использовал наше любопытство для создания очередной устной новеллы: «Ну, что вам сказать… Я работал бухгалтером в ГПУ. Вы знаете Шашуркина?» Да, мы знали Шашуркина. Это был известный всему городу человек в чине полковника ГПУ, потом НКГБ с Орденом Ленина. Показывался он в городе редко и каждый раз в сильном подпитии, ходил шаркающей медленной походкой с опущенной головой, ни на кого не поднимая глаза. Шашуркин был палач или, как его называли. «комендант смерти», чуть ли не каждый день расстреливавший заключенных.

— Так вот, Шашуркин часто приходил ко мне, — продолжал

свой рассказ Ассир Маркович, — и я ему выписывал подушную зарплату за каждого расстрелянного. Он не был лишен чувства юмора и каждый раз интересовался, скоро ли я приду к нему в гости. Дело было в том, что, с одной стороны, для круговой поруки сотрудники различных отделов «приглашались» Шашуркину в помощь. С другой — нередки были случаи расстрелов самих сотрудников. Вы понимаете, оба варианта меня совсем не устраивали…

Работая бухгалтером, я не забывал и свой любимый футбол, игрой в который баловался и Лаврентий Павлович. У меня была неплохая для того времени техника и масса идей на тему о том, как повысить класс наших ребят. Однажды Берия неожиданно предложил мне стать тренером команды. Это предложение меня больше устраивало, чем приглашения Шашуркина. Так я из бухгалтеров НКГБ стал тренером команды мастеров тбилисского «Динамо».

И вот представьте, прихожу на тренировку уже в новом качестве — наставника. Разделись. Принесли мячи. Для начала я раскрываю перед ними свои замыслы. Раскрашиваю будущее в розовые и голубые тона. Хочу зажечь ребят. Что-то не получается. Ребята явно скучают. Ну, думаю, сейчас их расшевелю… Кладу мяч, ставлю перед собой игрока и начинаю «финт». (Тут Ассир вскакивает, начинает топтаться, делает мягкие движения тазом и ногами, как бы танцуя знаменитую теперь «ламбаду», руки несколько в стороны, как у испанского идальго, когда он раскланивается. На лице предельное старание — аж язык наружу! — и совершается чудо — все мы мысленно видим мяч, которым «дриблингует» Ассир.) Внезапно он останавливается и продолжает рассказ: Ребята неохотно пытаются что-то сделать. Еле двигаются. Ничего не получается. «Нет, нет, не так!» Он опять мечется туда и сюда, как бы поправляя ошибки, и вдруг в отчаянии восклицает: «Я мокрый, они сухие! Я им показываю новый, свой любимый финт». Ассир выплясывает перед нами. Язык его движется в ту и другую сторону в ритме движения ног… Вдруг он останавливается, укоризненно оглядывая нас, как будто мы — его подопечные футболисты, и разводит руками. Потом он видит уже не футболистов, а нас, и с немым вопросом в глазах говорит: «Вы понимаете, я мокрый, они сухие?» Фразу эту с переменой ударения на различных словах он повторял многократно, то ища сочувствия у нас, то укоряя отсутствующих футболистов, то взывая к небу. Настоящий Карцев со своими раками по три и по пять рублей.

Потом Ассир садился за стол, имитируя удары головой о столешницу, и вопил все ту же фразу.

В нашем институте ему было поручено, как я уже говорил, написать учебное пособие по тактике игры в футбол из опыта своей работы в тбилисском «Динамо». Но писал он нудно и непонятно. Забраковав несколько раз его творения, я сказал ему: «Хорошо. Вы не можете ничего написать. Начните с того, что поговорите с вашими бывшими игроками и запишите их высказывания на тему тактики игры в футбол». Ассир последовал моему совету. Однажды в институт пришел бывший вратарь тбилисского «Динамо» Сергей Шудра. Мы их оставили одних в библиотеке, чтобы не мешать творческому процессу.

Через некоторое время Ассир с очень серьезной миной выходит из библиотеки и говорит: «Идите, полюбуйтесь на ваш совет!» — «Расскажи, Серго, Иван Ивановичу, что ты мне говорил про тактику игры вратаря!» Шудра очень серьезно рассказывает: «Когда подается угловой, то моя тактика заключается в том, чтобы передо мной стоял кто-либо из наших игроков. Обычно это был Бердзенишвили. Это очень важно, так как игроки противника всегда норовили наступить мне на бутсы, чтобы я не мог прыгнуть, или плюнуть мне в глаза, чтобы я не видел мяча… Потом, ребята из других команд знали, что грузины очень злятся, если их матерят. Они нарочно перед штрафным или пенальти подходили и ругали меня, чтобы я занервничал. Когда кто-нибудь бежал ко мне, я старался отходить подальше. Вот такая у меня была тактика…»

— Ну, что же мне теперь делать? Поместить в книгу «Тактика игры в футбол» эти плевки в глаза? Или, может быть, у вас, Иван Иванович, есть еще один хороший совет? Так я вас слушаю!

На вопрос о том, почему он ушел из футбольной команды, у него была припасена еще одна байка:

— Если вам нужен стекольщик, вы пойдите на Солдатский базар на биржу ремесленников и спросите у тех, кто там толчется: «Ты, случайно, не стекольщик?» — «Нет, я сантехник, а стекольщики в том углу сквера стоят». Но представьте себе, что есть вакансия на первого секретаря, неважно какого масштаба. Попробуйте сделать такой эксперимент — постройте в одну шеренгу всех работников аппарата и спросите: «Кто считает, что он справится с работой первого секретаря, два шага вперед, шагом марш! Кто из них вызовется?» Ассир прикладывает ко лбу руку козырьком, как бы всматриваясь в одного оставшегося на месте и определяет: «А, это безногий инвалид!»

Каждый с радостью возьмется за работу, на которой никто не отвечают ни за что. В крайнем случае, секретари могут поменяться номерами… Если у секретаря все же возникнет опасение, что он в каком-то деле «не петрит», он тут же вызовет

референта.

Но даже подумать, что кто-либо из партсекретарей не разбирается в тонкостях футбола — уже крамола! Ведь футбол — правительственная игра, и каждый из них норовит дать руководящий совет тренеру, а в случае проигрыша вызвать его «на ковер». Из-за наших постоянных проигрышей я стал частым посетителем Центрального комитета партии. Представляете себе этот синклит уверенных в своей значительности людей, презирающих тебя и за проигрыш и вообще «кто ты такой?» И начинается пытка:

— Объясните нам, товарищ Гальперин, по какой причине вы проиграли «Спартаку»?

Отвечаю:

— «Спартак» вообще для нас традиционно трудная команда. Соотношение наших выигрышей и проигрышей об этом красноречиво говорит…

Меня тут же прерывают:

— Значит, вы готовились к проигрышу. Я вас правильно понял?

— Нет, конечно, вы меня не так поняли, — говорю я. — Мы, конечно, рассчитывали выиграть, но нам не повезло… Как раз на последней тренировке получил травму ведущий игрок имярек. Он не мог играть в полную силу. С другой стороны, в команде противника появились два мощных защитника, которые выключили из игры еще такого-то…

— Это мы все видели на стадионе! Нас интересует причина проигрыша. Вы можете ее назвать?

Я продолжаю:

— После первого случайно забитого нам с дальнего расстояния «в девятку» гола, в первом тайме ваш помощник велел мне усилить нападение, и мы стали играть тремя атакующими, ослабив защитные линии, и нам забили еще гол.

— Мы здесь думали, что за команду отвечает старший тренер. Оказывается, вы готовы отвечать за выигрыш, а за проигрыш должно отвечать ЦК? Значит, вы не можете назвать нам причину поражения?

Я понимаю, что сделал политическую ошибку и стараюсь смягчить моих мучителей, говоря о промахах в тактическом плане. Однако мою длинную тираду прерывают.

— Мы вас вызвали не для того, чтобы выслушивать лекции. Нас интересует один вопрос: почему проиграла команда? В чем причина?

Мне уже нечего говорить, и я начинаю плести чушь по поводу необъективного судейства. Вспоминаю, что в течение последних

дней на тренировочной базе не было «Боржоми».

— Так бы и сказали с самого начала, — слышу я обрадованный голос первого секретаря.

И тут я понимаю, что это единственная причина, по которой они могут принять ПОСТАНОВЛЕНИЕ. В ЦК могут быть приняты лишь два типа решений: первое — обеспечить команду постоянным снабжением «Боржоми» и второе — выгнать тренера.

На этот раз пронесло, но тут же поднимают со стула аппаратного работника, отвечающего за министерство пищевой промышленности:

— Как вы допустили, что команда осталась без «Боржоми»?

Этому работнику делается «втык» (а я знаю, что он мне этого никогда не забудет!). Принимается постановление по поводу обеспечения команды «Боржоми».

— Товарищ Гальперин, вы свободны!

Это я свободен… Я, жалкий и потный, хватающийся за сердце, сосущий валидол, — свободен! А на следующий день мне надо снова вселять в ребят уверенность в своих силах. Доказывать, что они могли выиграть, если бы… И ждать следующего вызова на ковер.

Так и не окончив своей книги, Ассир Маркович решил больше не искушать судьбу, купил корову и стал продавать соседям свежее молоко, сметану и мацони. Он ушел из института, но его крылатые выражения и смешные истории остались в нашей памяти.

Одна из них такая:

— Однажды к нам в тбилисское «Динамо» приехал из Венгрии специально приглашенный известный тренер Працек. Как видим, приглашать «западных специалистов» начали еще полвека назад. Сам председатель Спорткомитета привел его к нам на тренировку. Я построил команду. Працек поставил мяч метрах в двадцати от ворот и сказал:

— Бий!

К мячу подошел наш лучший форвард и ударил. Працек поморщился и сказал:

— Так не «нада бий»!

Затем ударил по мячу заправский пенальтист Б., но Працек опять сказал:

— Так не «нада бий»!

После четвертой или пятой попытки, мяч ударился о штангу и покатился в моем направлении. Тут я интуитивно ударил таким мягким пласированным ударом… — слова эти всегда сопровождались показом того знаменитого удара (руки слегка в стороны, размах ногой, имитация удара и весьма самодовольная

физиономия).

— Працек посмотрел на меня с одобрением и, подняв указательный палец, воскликнул:

— Вот так «нада бий»!

Окончание этой истории было такое. Працеку устанавливали мяч. Он объявлял «лева верхний угол», и попадал в девятку. Затем «права верхний угол», и тот же результат, и в заключение все то же:

— Вот так нада бий!

Все мы знали этот рассказ наизусть, а фраза «вот так нада бий!» не сходила у нас с языка.

Однажды, когда Ассир уже покинул нас, в общую комнату вошел ГБЧ и остановился в позе «слушай все!»

— Я неплохо играл в футбол, — начал он свое повествование… Сделав некоторую паузу, ГБЧ, как обычно, повысил себе оценку: Я хорошо играл в футбол. Однажды мы пригласили из Чехословакии известного тренера Працека… Пришли мы с ним на стадион. Вся команда «Динамо» в сборе. Установили мяч напротив ворот, и Працек скомандовал «бий» — далее, к нашему общему восторгу, мы услышали рассказ Ассира с той только разницей, что мяч на этот раз откатился к ГБЧ и знаменитый «пласированный», одобренный самим Працеком удар был сделан им. ГБЧ нам даже продемонстрировал, правда, не столь артистично, как это делал сам автор.

Самый смешливый из нас завхоз Рома, прыская от смеха и прикрывая рот руками, выскочил из комнаты…

Время от времени в институте появлялись, обычно направляемые из ЦК комсомола, одержимые люди с дикими предложениями и идеями, связанными со спортом.

Один из них, прочитав «Кровь и песок» Эрнеста Хемингуэя, предложил выдерживать динамовских футболистов как быков перед корридой три часа в темной комнате, не давая им при этом утолять жажду, тогда они будут энергичнее и безжалостнее проводить матч. Другого, как он рассказывал, осенила блестящая альпинистская идея, когда он, лежа в больнице, наблюдал ползающих по потолку мух. Этот парень изобрел тележку с косо установленным пропеллером, который по его разумению будет гнать тележку вверх по скале одновременно прижимая ее к ней. Когда веревка, которую должен удерживать альпинист натянется, аппарат должен переключаться на бурение для установки крюка. Поднявшись с помощью закрепленной веревки до прибора, альпинист должен вновь запустить его вверх, до тех пор пока вершина не будет покорена. Парень никогда не ходил в горы, очень удивился, когда узнал, что порой громкий звук может

вызвать камнепад или снежную лавину.

Большею частью такие люди бывали весьма назойливы.

Однажды ГБЧ попросил меня зайти в свой кабинет. Наш директор был очень взволнован — у него в кабинете сидел очередной такого рода посетитель в замусоленном одеянии и с сумасшедшинкой в глазах.

— Вот, — представил мне директор, — товарищ изобрел новую игру, под названием «Стаура».

— Что это значит? — спросил я.

— Сталину ура! — объяснил визитер.

— Вот правила этой замечательной игры, — сказал осторожный ГБЧ и протянул мне грязноватую, однако четким почерком исписанную бумажку. Я прочел:

«До сих пор в мире на 64-клеточной доске разыгрывались только две игры — шахматы и шашки… Новые времена требуют новых игр. „Стаура“ вобрала в себя все положительные стороны шашек и шахмат, отбросив отрицательные качества этих двух игр. Отныне во всем мире будут играть в эту новую игру, прославляя имя нашего великого вождя». Такова была преамбула, далее шли правила: первая дошедшая до восьмой горизонтали шашка получает наименование «Диска», вторая — серпа, третья — молота, далее шли звезды и колосья. Таким образом, в игру входят все элементы, составляющие советский герб.

— Эта игра, — заявил ее создатель, — прославит нашу страну на века!

Казалось, чего проще — прогнать этого придурка. Но тогда он тут же пойдет жаловаться в КГБ, что отвергли игру, самим своим названием провозглашавшую «Сталину ура!».

Органы не станут разбираться в деталях, а тут же отправят гонителей в тюрьму. Дело грозило большими неприятностями, тем более что посетитель сразу же потребовал себе штатного места в институте для популяризации «Стауры». Шел пятидесятый год, у всех, как говорится, были «страху полные штаны».

Обычно в рабочее время мы играли в шахматы полулегально, и когда шеф заходил в общую комнату, игроки вставали, загораживали собой доску с расставленными фигурами, а мудрый ГБЧ делал вид, что ничего не видит.

Но на другой день, когда ожидался повторный визит автора столь опасной игры, все сотрудники дружно разбирали возможные перипетии «Стауры». Особенно волновался ГБЧ, приученный советской властью к постоянным страхам.

Вскоре выяснилось, что, следуя правилам, при симметричных ходах обеих сторон позиции фигур взаимно запираются и ходить

шашкам некуда. Поэтому когда в назначенный час появился возмутитель спокойствия, ему было предложено сыграть в «Стауру» матч из трех партий со мною, как с наиболее сильным шахматистом НИИФКа.

Весь состав института стоя наблюдал за первым и последним в мире матчем по «Стауре». Через десяток ходов игра «заперлась».

— А вы сделайте ход назад! — посоветовал мне изобретатель.

— Нет, лучше вы сделайте этот ход!

Изобретатель сделал ход назад, и тут же проиграл.

Началась вторая партия, которая вскоре окончилась с тем же результатом.

Разочарованный автор игры сказал:

— Когда я играл с детьми дома, было очень интересно.

— У себя дома вы играйте во что вам угодно. Но как вы посмели такую ничтожную и глупую игру назвать именем вождя народов?! А ведь мы можем доложить о вашем поступке куда следует, — припугнули мы назойливого изобретателя.

Наш посетитель счел за благо поспешно ретироваться.

Вскоре из кабинета пришел ГБЧ узнать о результате «матча» и вздохнул с облегчением.

— От волнения я не мог вчера заснуть всю ночь, — признался директор.

В 1952 году по конкурсу меня выбрали заведующим кафедрой борьбы, бокса и тяжелой атлетики Грузинского института физкультуры, я еще некоторое время по совместительству бездельничал в НИИФКе, а потом покинул этот первый клуб веселых и находчивых.

Глава 14
МОЙ ИНСТИТУТ

1 сентября 1952 года я вернулся на работу в институт физкультуры по чистой случайности. Очередная проверка обнаружила, что некоторые преподаватели, в том числе заведующий кафедрой борьбы, бокса и тяжелой атлетики Михаил Тиканадзе, приписывал к нагрузке часы, которые на самом деле не проводил. Хотя эти приписки нисколько не повышали зарплату — у всех преподавателей института был твердый оклад, — Тиканадзе был исключен из партии и снят с работы.

Я подал заявление на вакантную должность и был принят. К тому времени я стал третьим в Грузии кандидатом педагогических наук по специальности «Физическая культура и спорт», участвовал в качестве консультанта в подготовке сборных команд СССР к XV Олимпийским играм (на которых наши спортсмены выступили весьма успешно).

Однако решающее значение имело то, что директором института был Александр Георгиевич Палавандишвили, человек редких душевных качеств, интеллигент старой тифлисской закваски. Палавандишвили происходил из рода кахетинских князей. Внешность директора была весьма представительна: высокий, с хорошей посадкой головы… Самой характерной чертой его лица были высоко посаженные над темно-карими мягкими глазами широкие, сросшиеся на переносице густые брови. Высокий лоб с залысинами, крупный прямой нос, мягкие, всегда готовые к приветливой улыбке губы — таков был наш Саша.

Естественно, к нему тянулись слабые женские сердца, и ему не всегда удавалось избежать их коварно расставленных сетей.

Я познакомился с Сашей, когда он был еще заместителем председателя городского комитета физкультуры, а председателем этого комитета был бывший защитник тбилисской команды «Динамо» Чичико Пачулия. Научно-исследовательский институт располагался напротив городского Спорткомитета, поэтому я часто встречался с Чичико, который был маленького роста, с крупным горбатым носом и гипнотизирующим змеиным взглядом.

Являясь работниками спортивной сферы, мы с ним знали друг друга, и я неоднократно пытался обменяться с Пачулия приветствиями. Но Председатель Пачулия всегда смотрел

остановившимся взглядом сквозь меня, и когда я ему говорил: «Здравствуйте!», по его подбородку пробегала дрожь высокомерия и презрения, и он еще сильнее выдвигал вперед свою челюсть.

Впоследствии я узнал, что Пачулия был одно время начальником сухумской тюрьмы. После расстрела Берии, вместе с многочисленными его подельщиками попал под суд и Пачулия. Родственники его жертв, допущенные в зал суда, при виде Пачулия зачастую теряли сознание. По городу распространились страшные истории его подвигов. Вот одна из них: в Сухуми шли повальные аресты. Начальнику тюрьмы доложили, что в камерах нет мест, они набиты битком и арестованные протестуют против введения в камеры новых арестантов. Возмущенный начальник тюрьмы Пачулия выскочил из кабинета с криками:

— Кто протестует? Покажите мне!

Тюремщики открыли одну из камер, и Пачулия сразу же стал стрелять в открывшуюся дверь. Кто-то упал замертво, остальные шарахнулись к стенам.

— Вынесите это дерьмо! Сажайте новых, — приказал Пачулия. — Херовые вы чекисты!

Как выяснилось на процессе, Чичико Пачулия имел прямое отношение к расстрелу малолетнего сына бывшего председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакобы. За какие-то огрехи сам Лакоба — уже после естественной смерти — был предан большевистской анафеме, и его прах был вырыт из могилы и брошен на свалку.

Пачулия был осужден на 15 лет. Отсидел, вернулся и умер дома.

В последний год войны мы с Сашей Палавандишвили недалеко друг от друга часто приторговывали шмотьем на сабурталинском «толчке». Саше всегда не хватало зарплаты на содержание семьи. Уже в бытность директором института он продолжал прирабатывать, давая в саду на фуникулере сеансы одновременной игры в шахматы (фото 77). У Саши была удивительно цепкая память, он помнил имена и фамилии многих студентов и иной раз мог ошеломить кого-либо из них вопросом о состоянии здоровья дедушки или об отсроченном экзамене, поскольку не забывал поданные ему по этому поводу заявления.

Знакомых у Саши Палавандишвили было множество, и в любой компании его принимали за своего. Зная его безотказную доброту, к нему постоянно обращались сотрудники, и Саша никому никогда не отказывал в посильной помощи. Даже в тех случаях, когда для этой цели было необходимо обращаться в вышестоящие инстанции.

Саша был душой и украшением любого застолья. Заправский тамада, он умел украшать тосты нестандартными эпитетами. Его

остроумие и доброта вовлекали в общее настроение всех: пожилых женщин он радовал искренне высказанным комплиментом, мужчин — веселым анекдотом, скучающих приглашал на танец и сам кружился, постепенно разводя, как крылья, свои длинные руки.

Расскажу случай, характеризующий нашего директора.

Проходили очередные выборы. Саша был председателем районной избирательной комиссии, которая помещалась в здании института. Когда поздно вечером подсчет бюллетеней подошел к концу, он сказал:

— Друзья, мы проделали большую работу, все устали и, конечно, голодны. Давайте закончим дело небольшим «кейпом» (кутежом), — и положил на стол десять рублей.

Все с энтузиазмом поддержали предложение председателя комиссии и, желая превзойти его, не скупились. Собралась изрядная сумма. Тогда Саша взял свою десятку обратно и сказал:

— Вы, сукины дети (по-грузински это обращение к младшим звучит ласково-поощрительно), конечно, сами не догадались бы угостить своего директора хотя бы в складчину. Я вам предоставляю такую возможность.

Вечер закончился ко всеобщему удовольствию. Саша ушел.

А теперь предоставим слово Шакро — старику-сторожу, который коротал ночь в вестибюле института:

— Директор спустился по лестнице, остановился и спросил меня:

— Тебе, наверное, скучно?

— Такая у меня работа, — ответил сторож.

Саша спросил:

— А ты умеешь играть на барабане кинтаури (танец кинто)?

Сторож стал отбивать на столе кинтаури.

— А теперь спой.

— Неудобно мне петь, — ответил сторож.

Тогда Саша спросил:

— Кто я для тебя?

— Директор!

— Ну раз я твой директор, я тебе велю — пой и играй!

Я начал петь, отбивая такт руками, а директор стал танцевать. Потом он остановился, вынул из кармана пальто накрытую стаканом бутылку вина, а из другого — завернутую в салфетки половину цыпленка, и сказал:

— Будь здоров! — Поцеловал меня и ушел.

У рассказчика всякий раз слезились глаза, когда он заканчивал эту историю.

Известно, что дороже всего ценится и дешевле всего

обходится внимание к человеку. Это правило было всегда естественным для Сашиной натуры. Жаль, что громадное большинство людей, особенно сейчас, не понимают этого.

Конечно, такой человек, как Саша, не вписывался в новую систему с двойной моралью. Время наступило уже совсем иное, начиналась брежневская пора. Страна, по примеру высших бонз, стала опускаться в трясину взяточничества, коррупции и делала первые шаги на пути создания мафий. Естественно, не миновала этой моральной деградации и наша спортивная отрасль.

К руководству Комитетом по физкультуре и спорту пришел бывший директор трамвайно-троллейбусного треста самодур и шовинист Г. Сихарулидзе. Новая должность представляла массу преимуществ, наиболее заманчивой из которых была возможность частого выезда за рубеж.

Поначалу некомпетентность Сихарулидзе была совершенно вопиющей. Когда старший тренер сборной республики по легкой атлетике пожаловался на отсутствие стартовых колодок, председатель спорткомитета сказал:

— Не морочьте мне голову! В Тбилиси есть большая обувная фабрика «Исани». Обратитесь к ним, они вам дадут колодки на любой размер.

Сборная команда республики получала «шиповки» для бега централизованно. Когда же при стадионе «Динамо» была открыта обувная фабрика, председатель в целях наживы решил изменить это правило. В Москве у него был постоянный номер в гостинице «Берлин», а также постоянный представитель для связи со Всесоюзным спорткомитетом. Приезд нашего председателя Сихарулидзе в Москву был праздником для всех работников Всесоюзного комитета, от привратника до председателя, т. к. все они, в зависимости от ранжира, одаривались коньяком и вином. Как старый обувщик, Сихарулидзе потребовал, чтобы вместо спортивной обуви в Грузию присылалась импортная кожа, из которой делалась модельная обувь для «левой» торговли, а сборным командам Грузии выдавалась некондиционная обувь местного производства. Однажды на заседании кто-то из тренеров пожаловался, что местные «шиповки» через три-четыре тренировки разваливаются, на что «находчивый» председатель возразил:

— Вам лишь бы на что-нибудь жаловаться, «плохому танцору яйца мешают»! Я был в Риме и сам видел, как Абебе Бекила выиграл марафонский бег босиком! А вам подавай другие «шиповки».

После смерти Брежнева в республике произошла смена «команды». Был переведен в Москву покровитель нашего

председателя В. Мжаванадзе. Ревизия деятельности комитета выявила массу финансовых нарушений. Материально ответственные лица, подельники председателя, получили сроки. Причастность к новому привилегированному большевистскому классу-номенклатуре, спасла самого председателя. Как и все такого рода «шалуны», он ушел на персональную пенсию, но недолго протянул…

Председателя комитета Сихарулидзе очень беспокоило, что в институте физкультуры четырьмя кафедрами заведовали лица некоренной национальности. Однако его неоднократные распоряжения по исправлению «этого безобразия» Саша Палавандишвили не мог выполнить. Во-первых, потому, что не наступил срок перевыборов, во-вторых, считал, что смена хороших специалистов отрицательно повлияет на учебный процесс и, наконец, как я думаю, самое главное состояло в том, что его натура не позволяла ему переступить через впитанные с молоком матери моральные нормы. Александр Георгиевич Палавандишвили был, как и все культурные люди, интернационалист и не мог, и не хотел преследовать людей по национальному признаку.

Был такой случай. В процессе соревнований представители Азербайджана, нарушив нашу предварительную устную договоренность о переносе времени одной схватки, подали на меня в комитет жалобу (фото 74).

Среди жалобщиков был и зампредседателя комитета Азербайджана, который сдавал мне выпускные экзамены в Баку. Я сказал ему, что результат их кляузы будет только один — меня снимут с работы.

Председатель спорткомитета, забросив все дела, вызвал нашего директора, в сопровождении своих заместителей «вершить суд» надо мной. На просьбу азербайджанцев вернуть их несправедливую жалобу, последовал ответ:

— Ваше дело было подавать жалобу, а наше — принимать меры.

Как я и предполагал, результатом судилища было распоряжение Александру Георгиевичу «рассмотреть вопрос о соответствии И. Алиханова занимаемой должности». Удрученные, мы с ним вместе вышли из цирка, где проводились соревнования. Я рекомендовал ему подчиниться, а он спрашивал меня: «А что я напишу в приказе?»

Таких случаев давления на Сашу, наверное, было немало. И поскольку он был человеком бескомпромиссным, над ним уже сгущались гневные комитетские тучи. Все ожидали, что его освободят от работы…

Однако до этого дело не дошло. На воскреснике, когда студенты помогали строить крытый бассейн, Саша вдруг упал и умер от инсульта.

Много лет в годовщину его смерти сотрудники приходили на кладбище помянуть своего любимого директора.

Наш новый директор Самсонадзе трепетал перед председателем Спорткомитета как кролик перед удавом. Естественно, что желание Сихарулидзе сменить четырех заведующих кафедрами было для Самсонадзе приказом к неукоснительному исполнению. Однако не так-то просто выгнать выбранных по конкурсу квалифицированных специалистов, сразу четырех, да еще и по антиконституционному признаку — пятому пункту. Надо было найти вескую причину.

О предстоящих неприятностях я стал догадываться, когда директор, с которым мы были знакомы еще по совместной учебе в Москве, вдруг стал при встрече нос к носу не замечать меня.

Удивительно, как меняется обличие человека, предавшего свои нравственные принципы. Некрасивая, но волевая физиономия Самсонадзе с несколько тяжелым подбородком превратилась в «смазь» с бегающими светляками-глазками. В общем толковый и знающий специалист, он стал повторять с чужих уст совершенную чепуху. На сотый день после своего назначения он созвал общее собрание преподавателей института, где пытался подвести итоги своей деятельности, повторяя, что палавандишвилевская эра окончилась. В частности, во двор, где еще лежали строительные материалы, была водворена, по его приказу, кавказская овчарка на цепи, которая на сто второй день нового «президентства» околела, что придало прошедшему юбилейному мероприятию несколько комическую окраску.

Скоро мое предчувствие оправдалось самым неожиданным образом. Колонна нашего института провалила выступление на первомайском параде. По сценарию, утвержденному Самсонадзе, девушкам перед трибуной нужно было выполнить упражнения с обручами для художественной гимнастики, а в это время между их шеренгами должны были проехать велосипедисты с флагами.

В составе праздничной колонны, представляющей Тбилисский оперный театр, принимала участие и моя дочь Лилли (фото 75).

От вящего усердия было решено украсить обручи цветами. Накануне праздника обручи отправили во Мцхету к известному цветоводу Мамулашвили. Не поняв замысла, Мамулашвили легкие 300-граммовые гимнастические обручи украсил мхом и цветами и превратил в трехкилограммовые венки. Они были доставлены на грузовой машине на проспект Руставели

непосредственно перед началом выступления. Делать с ними упражнения было невозможно, однако придать им первоначальный вид директор не решился, ведь за это уплатили немалые деньги.

Во время выступления венки стали валиться из рук девушек, а велосипедисты, натыкаясь на них, падали. Одним словом, случился полный конфуз.

Весь этот позор я видел по телевизору и тут же понял, что появилась веская причина для расправы с неугодными заведующими кафедр, хотя в подготовке и в проведении парада я не принимал никакого участия. Виноватым во всей этой истории был, разумеется, в первую очередь, сам директор.

Последовавшие затем события были выдержаны в стиле персидского завоевателя Шах-Абасса. Совет института был целиком вызван в кабинет председателя Спорткомитета. В давящей тишине, выдержав паузу, председатель выдавил:

— Кто виноват?!

— Мы все виноваты и достойны наказания, — ответил по сценарию директор.

— Считайте, что вы все освобождены от работы. Завтра я приду в институт, и каждый из вас будет заново подавать заявление о приеме. Там посмотрим, кто из вас достоин быть преподавателем. Все свободны!

Есть такой восточный анекдот.

Жена будит Ходжу Насреддина. Мол, на улице какой-то шум, скандал.

— Пойди, посмотри, в чем там дело? — требует жена.

Муж долго отговаривается, но любопытная женщина не дает ему уснуть. Наконец, чтобы отвязаться от нее, Насреддин накидывает на себя одеяло и выходит из дому. В тот же момент кто-то срывает с него одеяло, и вся кричавшая орава разбегается.

— Из-за чего там был такой шум? — поинтересовалась жена, когда он вернулся.

— Из-за моего одеяла, — ответил Ходжа Насреддин.

Я понял, что вся эта комедия разыгрывается из-за «моего одеяла», т. е. цель была вполне определенной — избавиться от тех самых четырех неугодных заведующих кафедрами.

На другой день, сидя в приемной директора, я писал заявление о своем желании перейти на должность доцента кафедры. Ко мне подошел один из старейших и уважаемых работников института, милый и интеллигентный человек, заведующий кафедрой фехтования Лев Васильевич Головня.

— Что ты пишешь, Ваня? — спросил он меня.

Узнав о содержании моего заявления, он сел рядом и написал

такое же.

Двое других опальных заведующих не последовали нашему примеру и были в скором времени сняты с заведования кафедрами с соответствующими оргвыводами.

Один из них, Шалико Мусастиков, даже стыдил нас с Головней за наше смирение перед произволом. Сам он решил бороться.

Кто-то пожаловался во Всесоюзный комитет на нашего председателя. Массовые увольнения отменили, замдиректора по учебной части стал «козлом отпущения» и получил выговор за то, что неправильно сориентировал начальство о его правах и возможностях.

— Вот, — говорил Шалико, — а вы были заведующими и сами себя перевели в доценты кафедр.

Но радость Шалико была недолгой.

Вакханалия самоуправства продолжалась в новой интерпретации.

На кафедру плавания, которую возглавлял Мусастиков, пришла комиссия Спорткомитета. Результаты проверки были вполне удовлетворительными. Когда председатель комиссии закончил свой доклад на коллегии, Сихарулидзе задал ему вопрос:

— А какое место заняла команда Грузии по плаванию на Спартакиаде народов СССР?

Оказалось — восьмое.

— Вот, — продолжал председатель, — а вы говорите, что кафедра плавания работает удовлетворительно…

Тогда Шалико сказал:

— Товарищ Сихарулидзе, согласно учебного плана наша кафедра должна выпускать людей со вторым разрядом, что мы и делаем, а тренером сборной я не являюсь…

— Вот мы тебя и снимем за провал работы по плаванию в республике и за недопонимание своих задач.

Директор института был близким другом и собутыльником Мусастикова, но тем не менее он не решился перечить всесильному председателю.

История эта имела продолжение. Мусастиков пришел к Сихарулидзе на прием и тот поступил с ним так же, как царь с офицером Семижопкиным, который после совершенного им геройского поступка подал прошение на высочайшее имя об изменении фамилии, на котором его императорское величество соизволил наложить историческую резолюцию: «Сбавить две».

— Хорошо, — сказал Сихарулидзе, — мы уберем формулировку «за развал работы», оставим только «за

непонимание задач».

Тогда Шалико поехал в Москву, где у него была «рука», и подал жалобу в ЦК. Заявление это, как водится, вернулось в наш ЦК, а оттуда к Сихарулидзе. Тот незамедлительно созвал коллегию и «покаялся»:

— Вот мы на коллегии месяц назад освободили Шалико Мусастикова с формулировкой «за непонимание задач и провал работы по плаванию». После этого я проявил слабость. Мусастиков пришел ко мне, плакался, мне стало жаль его и я велел директору института снять вторую причину увольнения. Я, конечно, не имел на это права и поэтому я полагаю, что необходимо восстановить наше справедливое первоначальное решение.

Все члены коллегии, узнав, что неблагодарный Мусастиков после столь милостивого решения председателя посмел еще и жаловаться в Москву, дружно подняли руки (как, впрочем, делали всегда) и в его присутствии гневно осудили бедного Шалико.

На следующий день Шалико пришел задолго до приезда шефа просить о новой аудиенции. Председатель прошел мимо, не обратив на него никакого внимания. Секретарша объявила, что сегодня Шалико не может быть принят.

Эта ситуация продолжалась много дней и даже недель, точно так, как это описано у Анны Антоновской в романе «Великий Моурави», когда русские послы ожидали встречи с великим Шах-Абассом.

Я не знаю подробностей, Шалико не захотел о них рассказывать. Но я представил себе эту картину так: Шалико приближался к «великому» по-пластунски, затем слезно молил его не губить семью. Просьба заключалась в том, чтобы увольнение было оформлено «по личной просьбе», на что Сихарулидзе (это уже достоверно известно) сказал:

— Ты должен был это сделать тогда, когда писали заявление другие. Ну да ладно, пиши сейчас. Переведем тебя доцентом кафедры по собственному желанию.

Четвертого — заведующего кафедрой лыжного спорта Балаевича — сняли с должности по еще более пустяковой причине: он не оказался в день Нового года в Бакуриани на учебно-тренировочном сборе и не оставил распоряжения выдать лыжи команде гребцов.

Всех их давно уже нет на свете. Последним трагически погиб Балаевич. Он поехал с друзьями на рыбалку, и на какой-то станции пролезал под железнодорожным составом, который неожиданно стал набирать ход. Рюкзак Балаевича зацепился за движущийся вагон, и ему отрезало руку и ноги. Некоторое время

бедный Балаевич пролежал в больнице, не подозревая, что у него нет ног. Это было давно — лет 30 тому назад…

В рассказе об институте я невольно нарушаю хронологию событий, то и дело возвращаясь к началу моей работы.

Кафедра, которую я возглавил, состояла из пяти человек: преподавателя классической борьбы Гоги В., с которым мы, как оказалось, работали вместе, когда я был еще токарем, а он слесарил в той же мастерской, преподавателя бокса Бори М., штангиста Мамия Ж., лаборантки Ларисы Б. и вашего покорного слуги.

Конечно, никакой кафедры, собственно научно-учебного подразделения с принятыми на кафедрах планами учебного процесса, научной деятельности, конспектов лекций или наглядных пособий, ничего такого не было, равно как и помещения для лекций и зала для занятий спортом.

Обиженный Тиканадзе долго ходил на кафедру с какой-то папочкой. В конце концов он обратился ко мне с вопросом, почему я не принимаю «дела» кафедры? Я поинтересовался, а где же они, он указал мне на папку. Я порекомендовал ему оставить ее себе на память.

Институт наш находился в школьном здании на Харпухи, а занимались мы все в другом конце города на стадионе «Динамо». Но стараниями предыдущего директора был утвержден проект, и уже строилось новое здание.

Директор, о котором пойдет речь, руководил институтом года четыре, в промежутке между веселым, жуликоватым женолюбцем Гуло (он был освобожден после ухода с поста председателя комитета его друга и покровителя Схиртладзе) и Сашей Палавандишвили. Звали его Дмитрий или — на грузинский манер — Мито. Был он по-своему колоритной и известной в спортивных кругах личностью по многим причинам: во-первых, он как и ГБЧ числился рекордсменом мира, но в другой дисциплине — по прыжкам в длину с места. Правда, к моменту установления этого достижения оно могло быть внесено лишь в книгу рекордов Гиннесса, так как прыжки с места, по решению Международной федерации легкой атлетики уже давно были исключены из программ соревнований, и рекорды по ним не фиксировались. Но следует признать, что прыгал Мито с места отлично, за что ему было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта». Во-вторых, во время войны он был в Минске связным у партизан, за что получил медаль, а к 30-летию образования Белорусской ССР в 1947 году был награжден Орденом Ленина, и, наконец, Мито защитил связанную с его любимыми прыжками кандидатскую диссертацию.

Был Мито высок и худощав. Его лицо напоминало редьку хвостом вниз со скошенным назад лбом и втянутым подбородком и узким, длинным, горбатым носом. Не красила его физиономию еще и огромная вмятина на лбу, полученная им при столкновении с лошадью, когда Мито ехал в коляске мотоцикла. После этой аварии он стал плохо видеть правым глазом и ходил, несколько задирая голову. Люди могли воспринять это как проявление надменности или пренебрежения, хотя на самом деле Мито был отзывчивым и добродушным человеком, склонным к безобидным фантазиям и странностям. Например, начав о чем-нибудь говорить, он никогда не знал заранее, куда его занесет. Большей частью все сводилось к партизанским приключениям, при этом разнообразие концовок невольно ставило под сомнение достоверность его рассказов..

В книге о грузинских партизанах в очерке, написанном с его слов, у Мито возник еще и Орден Красной Звезды, а количество убитых им лично фашистов перевалило за рекордную цифру. Тогда из Ленинграда, где, оказывается, фиксировались подвиги снайперов и иных истребителей гитлеровцев, пришел официальный запрос, в котором просили подробно изложить данные о достоверности приведенных цифр. Директор попросил Мито документально их подтвердить, на что последний ответил: «Разве можно подсчитать, сколько могло их погибнуть в подорванных мною железнодорожных составах? Напиши им, что я еще преуменьшил свои подвиги».

Над фантазиями нашего Дмитрия сослуживцы добродушно подшучивали, но в общем уважали и за прошлые заслуги и за то, что при его активном участии в Тбилиси был построен новый институт физкультуры и легкоатлетический манеж.

Мито рассказывал, с каким трудом ему удалось «пробить» проект института:

— В послевоенные годы нужно было строить жилье, разрушенные фабрики и заводы. Средств и фондовых материалов не было. И тут мне, по протекции зятя, то есть мужа моей сестры, человека близкого к бюрократической элите, чудом удается с чертежами попасть на прием к самому Ворошилову. Из доклада референта ему, видимо, запомнилось не столько существо моей просьбы, сколько аргументация.

Состоявшийся разговор между Ворошиловым и Мито удобнее передать в виде диалога:

Ворошилов: — Ну что у тебя там? Какой-то самолет? Давно я уже отошел от военных дел, а все ко мне, ко мне идут. Жестковат Георгий Константинович (Жуков. — *И.А.)*… Да, и тогда, в Ленинграде, пришел на готовенькое. Я там и без него бы

справился. Да бог с ним…

Мито (раскладывая план): — Не самолет я принес, а план института, который действительно похож на самолет. Вот фасад, основное здание, как крылья, выдающаяся вперед центральная часть фасада вроде пилотской кабины, расположенный перпендикулярно к фасаду коридор, по сторонам которого гардеробы и душевые, а на втором этаже — актовый зал — фюзеляж, корпус спортивных залов за коридором — хвостовая часть.

В.: — Да, действительно, похож… Но жаль, что гражданский…

М.: — Ну почему же, а наш ночной бомбардировщик ПО-2, который часто к нам, партизанам, залетал в белорусские леса, где я громил немцев…

В.: — А что, и правда. Я как-то запамятовал, ПО-2 действительно был очень и очень полезен. Ну что ж, ты меня убедил…

М.: — Мне, видите ли, пришлось до вас дойти. Некоторым этот план не нравится.

В.: — Ну, конечно, вредители всегда у нас были. Товарищ Сталин им спуску не давал, а теперь смотри какую силу взяли. Не нравится им такой план самолета…

М.: — Института…

В.: — Да, я и говорю, самолетный план института. Я одобряю. Его нужно обязательно построить в память о наших героических летчицах. Пусть строят. Я дам команду, и средства найдутся. Ну, спасибо, что зашел ко мне. Обрадовал старика. Вспомнились славные походы. Тогда тоже, не помешай нам Фрунзе, мы бы с Буденным до Берлина дошли бы.

Ну, будь здоров…

Был ли действительно этот исторический диалог, на самом ли деле план одобрил Ворошилов или это была очередная фантазия Мито? Трудно угадать. Но институт построили. А может быть, все так и было, ведь с представителями высшей партийной иерархии в нашей республике Дмитрий всегда находил общий язык.

То ли потому, что Мито был не очень крепок на желудок, то ли этим страдал архитектор, но количество уборных в здании превышало всякие разумные нормы. Впрочем, это оказалось очень кстати: в бывших переоборудованных сортирах были сооружены сауна, кабинет заведующего кафедрой, виварий, фотолаборатория и склады. Оставшиеся уборные принялся усовершенствовать наш завхоз Або. Это был тоже по-своему интересный человек, бывший борец, весом килограммов 130, он был известен в городе тем, что

на спор мог съесть 100 штук хинкали.

Спор этот обычно приурочивался к тому времени, когда в институт приезжал какой-нибудь гость из Москвы, которого надо было удивить и угостить. Обставлялся он пышно. Проигравший должен был поставить для всех присутствующих выпивку и угощение.

Шли в хинкальную целой компанией. Сто хинкали — это огромный поднос с горой. Або поднимал его одной рукой на уровень рта, а другой забрасывал в рот хинкали за хинкали, как гоголевский Пацюк. Одному из присутствующих поручалось громко вести счет. И вот когда девяносто девятое хинкали было проглочено и на блюде оставалось одно-единственное, наш герой бросал его на пол с возгласом: «Что я, свинья что ли? Сто хинкалей буду есть?!»

После такого эффектного проигрыша, он зазывал всю компанию к себе домой и начинался кутеж. Таков был наш Або.

Естественно, человеку с возможностями Гаргантюа обычные сливные бачки в наших институтских сортирах представлялись детскими игрушками еще и потому, что были рассчитаны на посетителя, который после себя должен дернуть свисающие сзади шнуры, а деревенские ребята — наши студенты, часто забывали выполнять эту операцию. Чтобы раз и навсегда решить сортирный вопрос, Або заменил бачки всех кабин одним мощным, на полкубометра воды, который каждые три минуты автоматически с грохотом выбрасывал из сливных сопел на сидящего орлом клиента целые гейзеры. Этот аттракцион пользовался большим успехом у бывалых студентов, которые старались заманить в кабину первокурсников и, когда оглушенный новичок с мокрыми туфлями и низом брюк выбирался из потопа, товарищи считали его посвященным в студенты.

Но вернемся вспять. Перемена команды в верхах всегда связана с необходимостью наличия престижных вакантных мест для приближенных к новой администрации. После падения Шах-Абаса от спорта — Сихарулидзе, сменился и Самсонадзе. Овчарка, околевшая на 102-й день его правления, символизировала факт, что и директору не удалось воспрепятствовать системе поборов и взяточничества в отдельно взятом институте. А страну втягивало в трясину брежневского болота.

Новый ректор — Арчил Мелия, мой бывший студент, по специальности физиолог, умный и хитрый человек, прекрасно знал, что улучшить систему подготовки кадров — задача для него непосильная. Надо было просто подольше удержаться в седле, а посему, не имея никаких личных достижений, он заботился лишь

о внешних атрибутах, о витрине. Так в институте появилась списанная Академией наук огромная, занявшая две комнаты аналоговая ЭВМ первого поколения, которая, конечно же, не работала и работать не могла. Эта дань моде потребовала и соответствующего штата. Затем был открыт реабилитационный центр, широко разрекламированный в прессе, а в 1980 году на баланс из Москвы были привезены два автобуса-лаборатории.

Вся эта бутафория за 8 лет не оставила после себя никаких следов. Реабилитационный центр срочно пришлось закрывать, так как его начальник превратил его в частную баню. ЭВМ были разукомплектованы и увезены, так и не выдав никому никакой информации, раскулаченные автобусы ни разу не сдвинулись с места, и их пришлось списать.

К тому времени к руководству спортом пришла новая «команда», престижное место ректора понадобилось для другого претендента. Ловкий Арчил успел под занавес получить звание профессора по кафедре организации физкультуры (физиологи легли костьми, чтобы не пропустить его), купить новую «Волгу», развестись, жениться на молодой дочери влиятельного в Москве генерала и отбыть в столицу на должность заведующего кафедрой физкультуры в институте гражданской авиации.

Бывший комсомольский работник, специалист в области общественных наук (ныне профессор), наш новый ректор руководит институтом уже восьмой год. До смены политической власти в республике он был близок к тогдашней правящей элите, что позволило ему проявить свои организационные способности и возможности. За эти годы был произведен грандиозный ремонт здания, бассейна, стадиона, стоимость которого приближалась к трем миллионам рублей… Помимо этого было построено новое здание общежития, прекрасно оборудованный диагностический центр. Самое главное его достижение — это восстановление аспирантуры и учреждение регионального специализированного ученого совета по защите диссертаций. Это совпало со снижением требований к кандидатским диссертациям, и каждый месяц у нас рождается, по меньшей мере, один новый кандидат.

Что же касается стадиона, то, к сожалению, на его прекрасном зеленом газоне очень редко появляются футболисты, а на тартановой дорожке бегают, в основном, детишки из организованной по инициативе ректора детской школы. Студенты же настолько политизировались, что у них не остается времени для занятий.

Вот так менялись директора института, в котором мне довелось проработать сорок лет.

Грузия — единственная страна мира, которая может выиграть

комплексный зачет по четырем принятым международным сообществом видам борьбы (греко-римской, вольной, дзюдо и самбо) у любой страны мира даже по трем возрастным категориям. Естественно, быть заведующим кафедрой борьбы, а затем доцентом и профессором — задача и почетная и ответственная.

В нашем зале борьбы за сорок лет в строю передо мной стояли в качестве студентов будущие чемпионы Европы, мира и Олимпийских игр: Гиви Картозия, Георгий Схиртладзе, Мириан Цалкаламанидзе, Роман Руруа, Леван Тедиашвили, Леви Хабелов и много других великих и известных борцов.

Мне запомнилось из «Круга чтения» Л. Н. Толстого высказывание: «Многим я обязан своим родителям, еще больше мне дали мои учителя, но больше всего я научился у моих учеников». Если первые два источника меня и не очень баловали, то все эти годы я с большим удовольствием занимался тренерской работой, и очень часто из общения с учениками у меня рождались новые идеи, варианты проведения приема, а иной раз и новое технико-тактическое действие.

Первая моя научная работа, касавшаяся спортивной борьбы, была опубликована в 1951 году в журнале «Теория и практика физкультуры», где впервые высказана мысль о том, что технику борьбы следует изучать не из исходных положений, а из сложившейся динамической ситуации, которая в борьбе все время меняется. А в 1977 году вышло уже четвертое мое учебное пособие по вольной борьбе, в котором, на основе этой идеи, мне удалось связать приемы защиты и контрприемы, проводимые из одного захвата в алгоритмические цепи.

В 1983 году я первым в СССР защитил докторскую диссертацию на материале спортивной борьбы по совокупности трудов, количество которых к тому времени приближалось к сотне, а в 1987 году вышла в свет моя последняя книга «Техника и тактика вольной борьбы» (фотоколлаж 80).

В 1969 году, когда коллектив авторов собирался выпустить учебник по вольной борьбе на грузинском языке, приключилась смешная история. Издательство ради экономии средств потребовало, чтобы мы сами подготовили штриховые иллюстрации. Был найден художник, который запросил за иллюстрации недорого, и хотя исполненные им рисунки были низкого качества, выбора у нас не было. Как выяснилось впоследствии, этот художник великолепно подделывал вузовские дипломы, за что получал немалые деньги.

Однажды, когда мы пришли к нему, чтобы поторопить с работой, он сказался больным и с возмущением поведал

странную историю, случившуюся с ним накануне. Он почувствовал сильную боль в области сердца. Вызвали скорую помощь.

— Можете себе представить, — воскликнул художник, — ко мне в белом халате прибыл врач — мой «выпускник»!

— Я ему нарисовал диплом, а он, сволочь, посмел явиться ко мне! «Как тебе не стыдно?» — говорю ему.

А этот мерзавец отвечает:

— Не мог же я в свое дежурство отлынивать от работы…

Я ему говорю:

— Твоя работа — носилки таскать, а ты меня лечить собрался. Короче, я выгнал этого наглеца. Вот какие врачи нас лечат! Есть же на свете бессовестные люди!

Этот художник испоганил нашу книгу изрядно. Однако она вышла в 1970 году.

Я не был тренером всех перечисленных знаменитых борцов, но многие и многие заслуженные тренеры Грузии считают меня своим учителем. Тем более что после их выпуска я часто встречаюсь с ними на курсах повышения квалификации по спортивной борьбе, которыми руковожу уже много лет (фото 81, 82, 83).

Рассказывать о всех многочисленных сборах, соревнованиях, удивительных случаях, победах и поражениях, участиях в конференциях, госэкзаменах, защитах диссертаций — не представляется возможным. Но мне кажется, необходимо хотя бы лаконично обрисовать портреты и характеры нескольких поколений выдающихся борцов Грузии, которых я хорошо знал, а с некоторыми был в приятельских или даже дружеских отношениях.

Шалико ЧИХЛАДЗЕ — серебряный призер XV Олимпийских игр, трехкратный чемпион СССР, с лицом римского патриция, был сложен как скульптурный Зевс Громовержец. Его гармонично развитая мускулатура не «накачивалась», как у чемпионов бодибилдинга, — это был дар природы.

Шалико придерживался своей теории закаливания. Он учился в Москве и всю зиму никогда не носил головного убора или пальто. Чтобы закалить и внутренние органы, зимой на ночь он выставлял за окно бутылку лимонада, а утром ее сгрызал.

Шалико обладал тончайшим слухом. Обожал Карузо и часто пытался объяснить мне разницу между исполнением какой-либо арии Карузо — своим божеством и Джилли. Для этого он напевал неаполитанскую песню в двух вариантах, то как Джилли, то как Карузо. Я никогда не мог уловить разницу в его исполнении, хотя он пытался помочь мне в этом, сопровождая пение жестами. По-

видимому, левая ладонь, которую он поднимал от груди до подбородка, обозначала высоту звука, а правой он имитировал то ли раструб, то ли рот поющего, и она должна была демонстрировать проникновенное бельканто. Когда правая доходила до уровня лба и надолго задерживалась, в нем звучал божественный голос Карузо, и из глаз лились слезы восторга. Еще в начале 50-х годов он часто убеждал меня, что повсеместно вместо ленинских скульптур следует поставить изображение Карузо. Впрочем, отмечая удивительную музыкальность моего приятеля, справедливости ради надо вспомнить и то, что на вопрос «Кто такой Пушкин?» Шалико ответил: «В моем весе я такого борца не припоминаю». Хотя вполне возможно этот эпизод выдумали его друзья-борцы ради «хохмы».

Гиви КАРТОЗИЯ, красивый человек с лицом и характером сокола. Трехкратный чемпион мира, олимпийский чемпион, победитель Кубка мира.

Еще 16-летним пацаном Гиви пытался убежать на фронт, сражаться против немцев. Смелость была, пожалуй, его главной чертой. На ковре он никогда не отступал. Гиви не производил впечатления сильного человека, но взрывная сила его нерельефных мышц была тем более неожиданна.

Картозия выходил на ковер как на кровную месть — он ненавидел своего соперника. Даже на тренировках с потенциальными противниками он не мог проводить схватки вполсилы — они всегда носили жесткий и бескомпромиссный характер.

Давид (Амур) ЦИМАКУРИДЗЕ — человек с мужественным красивым лицом, горящими глазами и перебитым носом, баловень ковра. Выносливый, сильный и наглый, не обладая хорошей техникой, он мог в решительной схватке провести прием, который никогда в жизни не применял. Так, проиграв первую схватку на XV Олимпийских играх, он дошел до финала, где положил американца Ходжа, применив впервые в жизни бросок с обвивом.

Амур семь раз становился чемпионом Союза, и всякий раз ему улыбалось турнирное счастье.

Арсен МЕКОКИШВИЛИ, добродушный человек с грубыми чертами лица, весом 115 кг. Однажды, когда у него не было в зале спарринг-партнера, он стал в партер и предложил мне потренироваться с ним. Все мои попытки с помощью двух рук сдвинуть с места его руку или склонить голову убедили меня, что это человек из железа. Он стал чемпионом XV Олимпийских игр, был чемпионом мира и 18 раз завоевывал титул сильнейшего то в вольной борьбе, то в самбо, то в классической.

Ростом АБАШИДЗЕ, с фигурой многоборца-легкоатлета и с таким красивым лицом, которому могла позавидовать и девушка. Интеллигентный и мягкий человек. Трехкратный чемпион мира. Тонкий тактик.

Однажды Ростом встречался со своим главным конкурентом Михаилом Гавришем после того, как недавно перенес желтуху. Ростом заранее обещал положить его в последнем периоде. После перенесенной болезни это было особенно трудно. В третьем периоде он стал отступать, спотыкаться о ковер, и когда Гавриш понял, что до победы рукой подать, он, забыв об осторожности, ринулся на возвращающегося на ковер противника. Тогда Ростом бросил его через спину и одержал чистую победу.

Роман РУРУА, трехкратный чемпион мира, олимпийский чемпион, невысокий человек с красивыми глазами и мужественным лицом. Поначалу стал заниматься футболом, но, увидев пренебрежительное отношение тренера к его талантам, случайно попал на борьбу.

Роман, человек с жестким характером, имел в жизни одну цель — стать чемпионом. Все остальное его не интересовало. Выиграв на чемпионате СССР у чемпиона мира Олега Караваева, поверил в свою непобедимость. Как-то на V Спартакиаде СССР он выступал с радикулитом и ходил, согнувшись набок. Ему предстояла схватка с чемпионом мира в другой весовой категории Григорьевым. Роман с удивлением сказал мне: «Посмотрите на этого Григорьева, он даже не пришел и не попросил меня, чтобы я у него не выиграл чисто».

Боролся он в категории 62 и 68 кг, но на спор не без успеха встречался и с борцами тяжелее себя на две весовые категории.

Вахтанг БАЛАВАДЗЕ, чемпион мира, симпатичный, остроумный человек в противоположность всем ранее описанным, не имеющий выраженной практической жилки. Его успех был основан на подключении в вольную борьбу характера и приемов грузинской борьбы. Поначалу, когда «вольники» зачастую принимали высокую стойку, его ловкость и грузинские подсечки и подхваты позволяли ему одерживать легкие победы.

Мириан ЦАЛКАЛАМАНИДЗЕ, олимпийский чемпион, основой успеха которого явилось, так же как у Вахтанга, мастерское владение приемами грузинской борьбы.

Гурам САГАРАДЗЕ, маленький Аполлон, чемпион мира, отлично сложенный и красивый как молодой бог, подавлял противников физической мощью и внезапностью атак. Его ахиллесовой пятой была недостаточная выносливость.

Шота ЛОМИДЗЕ, чемпион мира, очень симпатичный и еще более физически сильный. При весе 100 кг он подавлял даже

тяжеловесов.

Зарбег БЕРИАШВИЛИ, чемпион мира, милый человек, который всегда относился с уважением ко всем участникам соревнования. Обладая бочкообразной грудью и необычайной выносливостью, он выполнял на ковре такой объем работы, который был не по силам его противникам.

Гергий СХИРТЛАДЗЕ, чемпион мира, неторопливый, давивший противников в партере как гидравлический пресс.

Леван ТЕДИАШВИЛИ, борец, в которого я вложил много знаний, опыта и от которого получал регулярно массу сведений о всех новинках технико-тактических действий, привозимых им со всего мира.

Внутренне раскрепощенный, веселый человек и большая умница в житейских вопросах. Например, своих детей он воспитывал спартанцами, что в Грузии явление необычное. Он, не смущаясь, мог на первом секретаре райкома продемонстрировать прием и поднять его в воздух. Во время приема у первого секретаря ЦК Грузии, он поздравил Шеварднадзе с Новым годом, подарил ему жвачку (в Грузии принято дарить в это время что-либо сладкое) и попенял ему за то, что тот не посещает соревнований:

— Когда мы боролись в Тегеране, — сказал Леван, — шах пришел на нас смотреть.

Шеварднадзе возразил ему:

— Но я же не шах!

— Как это не шах? Вы как раз и есть наш шах, — ответил Леван.

Владимир РУБАШВИЛИ, чемпион мира, напористый, наглый, быстрый и сильный человек, рожденный для борьбы. Борьба была его обычным состоянием. Он выполнял своеобразные приемы, которые у него получались спонтанно, и не мог рассказать, что именно он делал в схватке.

Как-то он применил против одного и того же приема три различных контрприема. Видавший виды чемпион мира по вольной и классической борьбе Август Энглас, сидевший рядом со мной, был так поражен, что воскликнул: «Вот это борец!»

Рубашвили был долгое время «невыездным» и как-то предложил только что новоиспеченному чемпиону мира в более тяжелой весовой категории померяться силами и одержал победу.

Вахтанг БЛАГИДЗЕ, чемпион Олимпийских игр в самой легкой весовой категории. Он многочисленными (до 200 раз) ежедневными подтягиваниями довел плотность своего захвата до такой степени, что раз вцепившись в руку противника, как рак в свою добычу, неизменно проводил «фирменную» вертушку,

которую ни одному не удавалось избежать.

Лери ХАБЕЛОВ, трехкратный чемпион мира, олимпийский чемпион, мог бы послужить Микеланджело натурой для его Давида. Очень сильный и выносливый, а самое главное — борец с развитой антиципацией — чувством предвидения действий противника.

Датико ГОБЕДЖИШВИЛИ, чемпион Олимпийских игр, двукратный чемпион мира, на удивление всем не раз обыгрывавший феноменального 130-килограммового американца Баумгартнера. Датико был высокий, под два метра, мощный, тактически грамотный борец, приветливый, уважительный человек.

Сосо МАГАЛАШВИЛИ, чемпион мира по самбо. Поехал на Спартакиаду народов СССР после того, как года два не тренировался, и выиграл все схватки досрочно. Оставленный на сбор для участия в чемпионате мира, был тут же отчислен, поскольку не мог бороться более трех минут. Какой удивительный талант!

Да простят мне остальные достойные, которых я не упомянул, — покойные Анзор Кикнадзе и Костя Коберидзе, Заур Шекриладзе и Автандил Коридзе, гроссмейстеры ковра.

Для описания всех случаев, связанных с этими великими борцами, которых мне посчастливилось увидеть, нужна специальная книга, которую, к сожалению, уже никто не напишет.

Заключая эту главу, расскажу, как мне довелось провести первый матч по американской борьбе «Кетчу».

В 1966 году к нам в институт с Кубы приехали 20 студентов. За год мы должны были подготовить из них будущих преподавателей для Острова Свободы по физкультуре.

Двое студентов — Орестес и Родригес — готовились стать тренерами по вольной борьбе и были поручены моим заботам. Темнокожий Орестес Кастро был бывшим профессионалом по «кетч ас кен кетч». Выяснилось это сразу же: Ортес, будучи крупнее и сильнее своего светлокожего партнера, в схватках не только не сопротивлялся, а наоборот помогал противнику проводить эффектный прием.

— Если не будет красивых приемов, — объяснил мне свое поведение Орестес, — то зрителям будет неинтересно смотреть борьбу.

В кетче действует тот же принцип, который в нашей юности действовал в цирковой французской борьбе.

Я, конечно же, не мог пропустить представившейся возможности изучить все секреты этого заокеанского зрелища.

Итак, мы с Орестесом и Родригесом совершенствовали на занятиях в нашем институте навыки по вольной, классической борьбе и кетчу. Кубинцы тогда были в моде, вся страна распевала: «Шагайте, кубинцы, пусть будет счастье родины наградой! Народа любимцы и солнечной республики сыны…» Моя дочь Лилли пригласила их в школу и организовала там торжественную встречу с моими учениками Орестесом и Родригесом (фото 84). Чтобы не прерывать занятий по борьбе, поскольку кубинцы приехали стажироваться всего лишь на год, летом мы все вместе выехали в Дом отдыха им. Леселидзе, где директором тогда был чудесный человек, Герой Советского Союза Герман Владимирович Киласония.

Приближался день летних праздников на Кубе, и наши ребята решили отметить его по-кубински — карнавалом, и провести его на радость всем отдыхающим Дома отдыха. Директор Киласония поддержал это предложение.

В программу праздника мы внесли показательное выступление по кетчу между Орестесом и Родригесом.

В день праздника все скамейки у открытой эстрады были заполнены зрителями, которые с энтузиазмом встретили веселый карнавал — пели кубинские песни, танцевали и пр. Наступил наш черед.

Я вышел на сцену и предварительно сказал зрителям следующее:

— Сейчас два моих студента покажут вам американскую профессиональную борьбу «кетч ас кен кетч», что в переводе означает «хватай, как сумеешь». Вам покажут целый ряд грубых и очень жестких приемов. Заранее предупреждаю вас, это будет лишь видимость. Например, удары в лицо на самом деле будут осуществляться по груди партнера или по своему телу. Таким образом американские профессиональные борцы «кетчеры» играют на низменных инстинктах зрителей, обманывают их различными фокусами. Самое главное, не принимайте виденное на веру. Смотрите внимательно и постарайтесь обнаружить обман.

Я, конечно, страховал себя и, на мой взгляд, своим выступлением заранее свел эффект кетча к нулю. Так я думал…

Но вот мои борцы, одетые в плавки, стали по углам. Тела их, смазанные вазелином, блестели. Противники, как бы разминаясь, стали демонстрировать взаимную враждебность, показывать друг другу сжатые кулаки, зубовный оскал, потрясать согнутыми руками.

По моему свистку началась схватка. Маневрируя и кружась, они стали сближаться… И тут Орестес, захватив Родригеса за

волосы, нанес ему сильный удар снизу в лицо (на самом деле — в грудь). Удар был нанесен открытой ладонью, вследствие чего раздался сильнейший шлепок. Родригес упал на спину, ударив при этом раскрытыми ладонями по мату. Раздался звук, который можно было воспринять как сильный удар, следствием которого был болезненный ушиб. Морщась от невыносимой боли, Родригес захватил голову «противника» под плечо и энергично стал бить его в лицо снизу (на самом деле — полураскрытой ладонью себя в грудь), вследствие чего каждый удар сопровождался громкими шлепками. С заключительным «ударом» Родригес отбросил голову Орестеса назад, и тот, в свою очередь, повалился на спину, шлепая ладонями по ковру и затем перевернулся на живот и лицом, в полном бессилии, лег на ковер.

Тут «наши» люди повскакали со своих мест и устремились на сцену разнимать драчунов.

Я свистком остановил схватку и опять обратился к возмущенным зрителям с увещеваниями. Мне еле удалось усадить взволнованных зрителей, требовавших прекратить побоище. Я вкратце повторил свое вступительное слово, и мне удалось успокоить отдыхающих. Но дальше пошло еще хуже.

Борьба продолжилась, и после очередного броска, который провел Орестес, Родригес бегом устремился к противнику и, подпрыгнув, обеими ногами ударил Орестеса в грудь. Тот упал со страшным треском, раздавшимся от того, что помимо страхующих ударов руками на сцену случайно свалилась палка, на которой висел занавес. Орестес, прокатившись по сцене, упал на газон с цветами, который обрамлял сцену. К нему подскочили зрители, пытаясь его поднять, однако Орестес прикинулся потерявшим сознание и закрыл голову руками. Когда его все же подняли, все лицо его оказалось залитым кровью. Приняв совершенно озверелый вид, кетчер устремился к противнику. Я, согласно сценарию, преградил ему путь. Он, сделав заднюю подножку, толчком руки опрокинул меня навзничь. Все это тоже сопровождалось изрядным шумом. Путь к Родригесу был открыт. Схватив его в охапку, Орестес стал (не без помощи товарища) поднимать и опускать его спиной на ковер. Каждое касание сопровождалось страхующими ударами Родригеса, и создавалось впечатление, что ему сейчас придет конец.

К чести «наших» зрителей надо сказать, что они не допустили такого финала. Сцена заполнилась зрителями, которые отняли у «озверевшего» Орестеса его жертву. Все мои попытки успокоить публику уже ни к чему не привели. Так наше представление с позором провалилось. Слишком хорошими артистами оказались мои подопечные.

Утром ко мне пришел Герман Владимирович и сказал, что готовится заявление в ЦК КПСС и собираются подписи, где меня обвиняют в издевательстве и стравливании ребят с Острова Свободы.

Дело запахло керосином. Я попросил директора привести инициативную группу на нашу тренировку. К 11 часам пять хмурых ветеранов-отдыхающих пришли с Киласония в зал.

— Что с этим говорить? Все и так ясно… — произнес один из них.

Однако улыбающиеся, приветливые лица кубинцев смягчили первоначальное мнение.

— Сейчас мы покажем вам те трюки, которые были проведены на сцене, но вы их просто не увидели, — сказал я.

Вчерашние «соперники» стали демонстрировать приемы в замедленном темпе, акцентируя внимание именно на том, что не было замечено зрителями из зала.

Тогда один из пришедших сказал:

— Так надо было сперва нас предупредить!

— Я только и делал, что предупреждал вас, — возразил я.

Другой ветеран взорвался:

— А кровь! Кровь-то вчера лилась! Драка была до крови!

Орестес уже понимал по-русски. Он достал из-за нижней губы завернутую в изоляционную ленту половину бритвенного лезвия и открытым кончиком надрезал себе лоб на границе с волосами. Полилась кровь.

— Вот вам и кровь, — сказал он и показал крохотную царапину на другой стороне лба — след вчерашнего надреза.

Так закончился первый матч кетча, проведенный в Советском Союзе.

Решение правительства Гамсахурдии о прекращении спортивных связей с Союзом на неопределенное время для многих спортсменов, стремившихся к участию в международных соревнованиях, — поставило преграду. Не стало стимула, ради которого грузинские борцы, не жалея сил, отдавались тренировочному процессу, выдерживали огромные физические и моральные нагрузки. У меня есть опасение, что борцовские залы опустеют…

Мой бывший ученик, великий спортсмен Леван Тедиашвили, вербует грузинских борцов в профессионалы для зарубежных выступлений в кетче.

Что будет дальше, никому не известно.

За прошедшие годы многих моих коллег не стало. Из начального состава кафедры остались только двое — Лариса и я.

Впрочем, новый состав кафедры — это дружный коллектив симпатичных мне людей. Я продолжал — до вынужденного отъезда в Америку — с удовольствием заниматься своим любимым делом и, слава богу, неминуемые в моем возрасте недуги мне не очень мешали.

Глава 15
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УЧЕБНОМ ПЛАНЕ

Более сорока лет я работаю в институте физической культуры. Такие учебные заведения существуют во многих республиках, в России и на Украине их несколько. А меж тем у большинства населения страны нет представления об этой культуре, то есть о связи здоровья с двигательной активностью, которая дошла до нас в четких формулировках древнегреческих и римских мудрецов! «Если хочешь быть здоров — бегай, если хочешь быть красивым — бегай и т. д.», «В здоровом теле — здоровый дух», «Физическая культура прежде медицины», «Если не будешь бегать пока здоров — побегаешь, когда заболеешь».

И откуда этой культуре взяться в нищей стране, руководство которой многие десятилетия, не жалея средств, заботилось лишь о том, чтобы блеском золотых олимпийских и чемпионских медалей доказать преимущества социалистического строя.

Одна золотая олимпийская медаль обходится государству примерно в пять миллионов рублей, подготовка одной футбольной команды районного масштаба — примерно столько же, а на развитие физической культуры в стране в год на одного человека выделяется из бюджета 18 копеек. Такова была цена «всемерной заботы» партии и правительства о физическом воспитании народа. Результат — катастрофическая нехватка залов, бассейнов, инвентаря, площадок, спортивной одежды, да и просто времени и энергии после трудового дня, поездок в переполненном транспорте и стояния в очередях… Кроме всего прочего, физическая красота и здоровье не занимают в нашем обществе достойного места среди престижных ценностей. А такое распространенное в цивилизованных странах понятие, как «бодибилдинг» и «фитнесс», многим кажется прихотью бездельников.

У каждого ребенка есть биологическая потребность игры. Гигиеническая норма активного движения ребенка — два часа в день. Раньше дети сами организовывали свои игры в салочки, ловитки, прятки, жмурки. Сколько было игр в мяч, крокет, серсо, «классы».

Сейчас эта биологическая потребность угнетена. Причин для этого множество: скучнейшие уроки физкультуры с мизерной плотностью два раза в неделю по 40 минут, отсутствие дворов и спортивных площадок, которые превращены в места стоянок для

автомобилей, телевизоры, видеомагнитофоны, компьютеры, а в городах еще и дорогая престижная одежда, в которой не поваляешься на земле.

Какова же роль институтов физкультуры в выправлении такой ситуации? В 30-е годы, да и после войны, институты были, главным образом, «кузницей» выдающихся спортсменов, а также готовили преподавателей и тренеров. Но с тех пор прошло много времени. Спорт стал профессиональным (хотя это рьяно отрицалось) и помолодел. Выдающиеся спортсмены находятся на тренировочных сборах до двухсот дней в году. У них нет времени для посещения института. Девушки же по многим видам спорта выходят в тираж уже в 18 лет. Таким образом, задача подготовки спортсменов для «большого» спорта из программ институтов физкультуры выпала сама собой.

В этой связи было бы естественным изменение учебного плана.

В книге «Мои воспоминания» академик-корабел Алексей Николаевич Крылов (который когда-то в Бизерте вместе с моим двоюродным братом инспектировал состояние Российской эскадры) рассказывает, что ему была поручена организация 4-летней школы шкиперов. Тогда он первым долгом определил перечень учебных дисциплин, а затем обратился к соответствующим специалистам. Составленные программы требовали для их изучения 20 лет. Тогда Крылов сам, по своему разумению, сократил все программы обучения в пять раз.

В нашей стране политизация всех сфер деятельности имела тенденцию роста, с таким же постоянством внедрялись идеи милитаризации в ожидании неминуемого нападения внешнего врага. Эти два монстра, как раковая опухоль, поглощали ресурсы страны и энергию народа, формируя соответственное мировоззрение.

В итоге четверть всех часов учебного плана отводилась на изучение марксистско-ленинских теорий.

Возможно, в других высших учебных заведениях кафедры политических дисциплин возглавляли достойные и разумные люди. Нашему институту в этом отношении всегда не везло.

Вот несколько анекдотичных случаев, которые характеризуют лиц, последовательно занимавших эту должность.

Первый преподавал мне, тогда еще аспиранту, философию. Был он доброжелателен и лаконичен.

— Что сказал Декарт? — спросил он меня.

— «Сомневаюсь — следовательно существую», — отвечал я.

— Вот это ты должен знать и больше ничего! Что сказал Гераклит?

— «Все течет, все изменяется», и еще — «Мир это есть огонь, вечно горящий, не зажженный никем из богов или людей…»

— Вот это ты должен знать и больше ничего! Что сказал Платон?

— Платон был идеалист. Он считал, что люди сидят в пещере спиной ко входу, и то, что они видят, это на самом деле отражение настоящего, происходящего за их спиной.

— Вот это ты должен знать и больше ничего!

И так далее в таком же духе.

Учил я философию по скучнейшей книге академика Г. Ф. Александрова, где все мудрецы до Маркса выглядели сущими дураками, и если бы он. Маркс, не позаимствовал у Людвига Фейербаха материализм, а из учения Гегеля не взял бы «рациональное зерно», отбросив всякую идеологическую шелуху, то мы бы пропали.

Слава богу, вскоре мне в руки попал «Пир» Платона… Я понял, какой кладезь мудрости заключен в философских трудах древних, и стал их с превеликим удовольствием читать.

Второй «преподаватель Истории КПСС» был совершенно необразованный, дикий человек. Как-то, увидев на кафедре физиологии велоэргометр, он с возмущением поведал на Совете института о том, что обнаружил вредителей, которые испортили велосипед. Обо всех таких обнаруженных им случаях вредительств он немедленно сообщал в ЦК партии.

Следующим на кафедре марксизма-ленинизма появился взъерошенный доцент, небольшого роста с фанатическим блеском в глазах. На его долю пришлось нелегкое время преодоления культа личности Сталина, которое в Грузии протекало непросто. Доцент читал курс философии и придерживался в отношении культа официальной версии.

В 1956 году, в третью годовщину смерти Сталина, в Тбилиси в течение нескольких суток проходили митинги и демонстрации протеста, закончившиеся многочисленными жертвами. Тогда на кафедре марксизма возникла оппозиция в лице лектора курса истории партии, который призывал студентов к участию в движении протеста.

Студенты не желали слушать лекции доцента и, не раскрывая рта, гудели. Положение казалось безвыходным… Действительно, как поступить в такой ситуации? Но известно, что большевики не сдаются, и доцент нашел выход. Он предложил выйти из аудитории одному студенту. Тот, естественно, заявил, что он не «гудит». Тогда наш герой взял студента за руку и стал тащить к дверям. Тот упирался. В завязавшейся схватке доценту в конце концов удалось добиться своей цели. Когда он воротился к столу,

к нему подошел другой студент и поднял руку победителя. Аудитория, как это обычно бывает на соревнованиях, принялась аплодировать…

Возмущенный доцент, схватив своего обидчика за руку, побежал к директору с требованием исключения. Гуманный директор перевел студента на заочное отделение на один семестр.

А ситуация в республике действительно была трудной. Из Москвы в Тбилиси срочно прикатила комиссия. Во второй половине дня всех преподавателей «по тревоге» собрали в конференц-зале института, куда буквально ворвался первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин, будущий «железный Шурик».

То, что произошло дальше, явилось калькой действия нашего доцента.

— Чем вы тут занимаетесь! — воскликнул возмущенно Шелепин. — Неудивительно, что студенты скандалят на улице. Я тут посмотрел план ваших научных работ и… Какой-то Чхаидзе пишет тему «Физическое воспитание у полинезийцев по материалам Миклухо-Маклая»… Что это такое? Кто такой этот Миклухо-Маклай, я вас спрашиваю? Мы проигрываем на международных соревнованиях по велосипеду, а тут Миклухо-Маклай! Мы проиграли наш традиционный вид — волейбол, а тут, понимаете, Миклухо-Маклай!!!

Все более возбуждаясь, с пеной у рта Шелепин вопрошал:

— И кто такой этот Чхаидзе? Кто он такой, я вас спрашиваю? Он, оказывается, профессор?!

Лев Владимирович Чхаидзе, в роли виноватого студента, встает нерешительно и произносит! «Позвольте…»

— Ничего я вам не позволю! Это безобразие! Миклухо-Маклай… Мы, понимаешь, в плавании отвратительно выглядим… Это хулиганство!

Лев Владимирович как мнимый поджигатель Москвы, которого граф Ростопчин бросает в жертву возмущенному народу, пытается что-то сказать:

— Разрешите…

— Садитесь! Ничего я вам не разрешу! Это хулиганство! Вот что это такое! Конечно, студенты будут протестовать, когда тут сплошной Миклухо-Маклай…

Закончив на самой высокой ноте, вконец изругав главного зачинщика беспорядков несчастного профессора, Шелепин стремительно выскочил из аудитории.

Виноватый во всем, оглушенный Лев Владимирович Чхаидзе так и остался стоять…

К чести присутствующих, никто эту атаку не принял всерьез.

Года через два после этой комедии «железный Шурик» стал председателем КГБ СССР.

— Лев Владимирович, слышали новость? — спросил я у Чхаидзе. — Не миновать теперь вам объяснений у следователя КГБ по поводу личности Миклухо-Маклая…

Бедный Чхаидзе не на шутку обеспокоился, хотя, конечно, понимал, что Шелепин, едва выйдя из аудитории, тут же позабыл и о Миклухо-Маклае и тем более о самом Чхаидзе.

Однако вскоре доцент, победивший студента, неожиданно умер. На его место пришел грязный пакостник. Потребовав, чтобы двери его кабинета обили дерматином со звуконепроницаемой прокладкой (оборудование своих кабинетов — первая забота советской бюрократии), этот негодяй зазывал к себе студенток и сотрудниц, склонял их к сожительству, для чего он, помимо угрозы неудовлетворительной оценки, имел наготове коньяк и конфеты. Однако все тайное становится явным. Одна из студенток обнародовала свою беременность. Ее перевели в московский институт, а нашего сладострастного идеолога партии «наказали», назначив на должность заведующего отделом Института марксизма-ленинизма.

Вместо него появился толстенький, румяный, спокойный человек. Привычка к кабинетам у него была очень устойчивой, даже сидение орлом в общественной уборной у него ассоциировалось с заседанием. Выходя из уборной, он неизменно пытался запереть дверь на ключ.

По-видимому, чрезвычайно вредно постоянно говорить одно, а подразумевать другое, проповедовать религию, в которую не веришь сам. Попросту говоря, постоянное вранье приводит к чрезвычайно болезненному состоянию и не может проходить бесследно… Наши заведующие кафедрой мерли как мухи осенью. Все, о ком я рассказываю, уже давно искупают свои грехи в аду.

Общим для них была низкая культура и слабое знание русского языка.

Однако приходили новые заведующие, кафедра росла, от нее отпочковывались новые и новые направления: основы марксистской этики, основы марксистско-ленинской эстетики — в свете новых сведений об основоположниках эти названия «научных дисциплин» звучат особенно анекдотично.

Глава 16
«БОЛТУН — НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА»

«В этом никто не сомневается,
что рота на взводы разделяется».

Козьма Прутков

После войны множество офицеров Советской армии оказались не у дел. Чтобы их хоть чем-то занять, стали непомерно раздувать кафедры военной подготовки институтов. Военная кафедра нашего — по существу карликового — Грузинского института физкультуры, с которой ранее управлялся один-единственный капитан запаса, превратилась в целый штаб дивизии в составе двух полковников, подполковника и лаборанта, которым делать было абсолютно нечего.

Начальником кафедры был небольшого роста очень самоуверенный, неприветливый полковник в мундире с голубыми погонами авиатора. Впрочем, как выяснилось, был он выпускником Закавказской пехотной школы, служил начальником СМЕРШа в эскадрильи, а на самолетах летал лишь в качестве пассажира.

Любил полковник порассуждать на всякие отвлеченные темы, например, о том, как низка культура постоянного и переменного состава института. Его доверительной собеседницей была заведующая библиотекой Кетевана Максимовна Махарадзе. Военная кафедра располагалась на четвертом этаже, что крайне раздражало полковника. Он все примеривался к кафедре анатомии, которая занимала половину второго этажа. Стоящие при входе на кафедру анатомии учебные муляжи женского и мужского торсов дали полковнику повод именовать ее презрительно «ателье мод». Заведующий кафедрой анатомии профессор Гигуша Тваладзе не оставался в долгу и каждый раз, когда в прессе возникали статьи по вопросам разоружения или сокращения армии, говорил, что, по-видимому, пришло время сократить военные кафедры вообще. Полковник, в свою очередь, обвинял Тваладзе в попытках ослабить обороноспособность страны и в пособничестве империалистам. «Не исключено, — говорил он, — что профессор Тваладзе — засланный резидент, и с его личным делом необходимо разобраться соответствующим органам».

За всеми этими интригами у полковника, естественно, не оставалось времени на регулярные занятия со студентами, он

даже перестал подниматься на четвертый этаж, где располагалась военная кафедра. Дойдя до второго, он видел налево «цитадель» противника, делал поворот направо и следовал в библиотеку, отводить душу с Кетеваной Максимовной, сетуя, как обычно, на постоянный состав (так он по-военному именовал педагогов и администрацию), который, по его мнению, состоял из одних дилетантов.

— Представьте себе, никто из них не сможет даже отличить иприта от адамсита! — восклицал он.

Его слушательница понятия не имела о том, что означают эти красивые иностранные слова, случайно застрявшие в памяти полковника от того времени, когда он проходил по программе пехотной школы курс боевых отравляющих веществ, но тем очевиднее для нее становилась его интеллигентность. Кетевана улыбалась полным золотых зубов ртом и, покачивая головой, говорила:

— Как я Вас понимаю, батоно[10] Георгий! Конечно, дилетанты!

Являясь дальней родственницей бывшего председателя ЦИК Грузии Филиппа Махарадзе, она, конечно, причисляла себя к интеллигенции. Впоследствии, впрочем, интеллигентность самого Филиппа подверглась значительному сомнению. Грузинские «неформалы» взорвали, как я уже говорил, могилу Махарадзе, когда выяснилось его соучастие в убийстве великого грузинского писателя, поэта и просветителя Ильи Чавчавадзе.

Однажды в их разговоре «тет-а-тет» произошел небольшой конфуз. Ругая всех и вся, одновременно пробегая глазами заголовки свежих газет, наш служитель Марса вдруг с возмущением бросил:

— А все это молодежь! Лезут, знаете ли, вперед, отталкивая локтями солидных, знающих людей. Кто такой, например, Созидания? А смотрите, как с ним носятся. Каким шрифтом напечатана его фамилия в центральной газете. Да еще называют «дорогим», а я в первый раз о нем слышу. Знаете ли, эти мингрелы — нахалы. Одного прогонят, другой — тут как тут. Это все последователи мерзавца Берии. Разоблачили всю эту шайку, и только благодаря военным справились с палачом Берией. А вот опять какой-то Созидания пролез и уже «дорогой» на весь Союз!

Кетевана призналась, что не знает, кто такой Созидания.

Тут появился в библиотеке Луарсаб Ильич, преподаватель немецкого языка, бывший военный переводчик, интеллигентный, добрый и очень наивный человек. Полковник обратился к нему со своей филиппикой по поводу мингрела-выскочки Созидания, указав при этом на газету, воскликнул:

— Смотрите, да еще каким крупным шрифтом! Это же возмутительно!

Посмотрев на заголовок, Луарсаб Ильич, смущенно улыбаясь, промолвил:

— Батоно Георгий, это не фамилия, здесь говорится о пути, о дороге созидания…

— Ах да, конечно, но мингрелы все же мерзавцы, особенно этот Берия, и если бы не военные…

Постоянно понося своего бывшего шефа Берию, смершевец открещивался от многочисленных преступлений своего ведомства и причислял себя к «ассам» авиационных баталий.

В тех редких случаях, когда полковник все же читал лекции «переменному составу» и вдруг возникал гул от пролетавшего над институтом самолета, «асс» закрывал глаза, поднимал руку в знак того, чтобы воцарилась тишина, прислушивался, а затем объявлял: «ПО-2. Высота два-двести, два-триста». Вариантов марок самолетов было несколько, но высота два-двести, два-триста была его любимой высотой, и ей он редко изменял.

Рядом с институтом строился стадион. Когда, в очередной раз, полковник проделал свой трюк и объявил: «ЛИ-2. Высота (ну, конечно же!) два-двести, два-триста», сидевший у окна студент сказал:

— Это, товарищ полковник, бульдозер. Вон он, на стадионе…

Однако полковник подошел к окну, тут же нашелся и сказал:

— А я и не знал, что на новых марках бульдозеров стали устанавливать авиационные моторы.

Так за 30 лет до наших дней полковник «предвосхитил» идею конверсии.

Особенно носился он со своей подписью. Процедура «учинения подписи» случалась примерно раз в неделю, когда полковник наконец добирался до своего кабинета на четвертом этаже, и носила торжественный характер. К этому времени обычно набиралось несколько бумаг. Некоторые из них надлежало скрепить подписью, другие требовали резолюций, которые заранее вписывались его заместителем.

Полковник садился за стол. Перед ним клался документ. Он разводил руки в стороны. В левую ему вкладывалась линейка, в правую — ручка. Начиналось таинство. Полковник накладывал линейку на место будущей подписи. Каждый раз при движении пера вниз, оно упиралось в линейку. Фамилия нашего вояки состояла из пятнадцати букв. Когда линейка поднималась, все буквы были выстроены в одну шеренгу, как солдаты при встрече иностранного гостя.

Вспоминается известное высказывание другого полковника:

«Если они такие умные, то почему не ходят строем?» Наш добился того, что даже буквы собственной подписи выстроил согласно строевому уставу.

Подписанная бумага удалялась услужливыми руками, и на ее место клалась другая. Процедура повторялась. Так полковник руководил кафедрой.

Однажды на лыжных сборах в Бакуриани я возился со стенгазетой. Единственным рабочим помещением в здании лыжной базы института была столовая. Здесь же проводились все теоретические занятия, и я стал невольным слушателем лекции полковника.

Первые минут двадцать разговор шел исключительно о бдительности:

— Мы окружены врагами-империалистами, и все то, что вы от меня услышите, не должно выйти за эти стены. Если эти сведения дойдут до ушей шпионов, оборона нашей страны будет подорвана.

Затем последовал рассказ о том, как сам полковник поймал на фронте шпиона:

— Привели ко мне солдата. Никто его не знает. Говорит, что потерял свою часть при отступлении и еле выбрался из окружения. Я задал ему только один вопрос: «Где носит советский солдат ложку?» Он ответил: «За голенищем». Я сразу определил — шпион. Расстрелять! Ясно, что это был бывший белогвардеец.

Работники СМЕРШа ели три раза в день в столовых, где ложки клались на стол, как, впрочем, и в красноармейских столовых в мирное время… А в окопах? Мир праху твоему, неизвестный солдат.

Тем временем лекция продолжалась:

— Но не все так быстро разоблачают шпионов, поэтому следует быть всегда предельно бдительными. Не зря говорится «болтун — находка для шпиона».

Когда время лекции подходило к концу, полковник перешел к основной теме:

— Дивизия — основное соединение армии. Дивизия состоит из трех пехотных полков, дивизиона артиллерии, батальона связи, саперного батальона…

Вдруг он заметил, что один из студентов что-то пишет, и тут же запретил ему это, сказав:

— Ничего из того, что я здесь говорю, не должно быть записано: тетрадь может потеряться, и ее найдет шпион. Полк состоит, — продолжал лектор, — из трех пехотных батальонов… Батальон состоит из… Когда дело дошло до роты, и полковник уже произнес: «Рота делится…», в столовую вошла буфетчица

Жужуна, он прервал фразу и стал следить за ней. Жужуна прошла за прилавок и стала резать хлеб к обеду. Пауза нарочито продолжалась, пока бдительный полковник не убедился, что Жужуна не собирается покидать столовую. Полковник вынужден был продолжать лекцию в присутствии буфетчицы.

— Рота делится на…

Опять наступила пауза, полковник показал аудитории три пальца и закончил: «взвода». Так он фигурально продемонстрировал студентам, как строго следует хранить военную тайну, чтобы она не стала достоянием врага.

Не знал наш вояка, что эту «тайну» выдал давным-давно в своих военных мемуарах племянник Козьмы Пруткова, сказав на всю матушку Россию: «В этом никто не сомневается, что рота на взводы разделяется».

Как-то вечером полковник затеял занятия по ночному ориентированию. Как всегда этому предшествовала болтовня о бдительности и шпионах:

— Советский воин не должен теряться ни днем, ни ночью. Хорошо, если есть компас. А если его нет, и ты попал в окружение. Куда идти? Другой растеряется, а советский солдат должен знать боевые ориентиры. Вот на небе вы видите перед собой семь ярких звезд, образующих ковш. Называются они Большая Медведица. Если от двух последних звезд, образующих ковш, продолжить линию вверх на расстояние, примерно равное всему созвездию, то линия упрется в маленькую звезду, которая называется… Черт знает, как высоко забралась… Шею свернешь! Рота, кругом, сто шагов вперед, шагом марш! Круго-ом! Вот сейчас легче смотреть. Это Северная полярная звезда. Значит, там север. Правую руку поднял — восток. Там свои. Туда надо идти из окружения.

Занятия, которые полковник проводил с офицерами запаса — институтскими преподавателями, я аккуратно посещал, так как в процессе его лекций то и дело возникали любопытные комические сюжеты.

Полковник не любил точных цифр, вернее, он их попросту не знал. Вместо цифр он употреблял восторженные прилагательные: «красавицы пушки», «наши самолеты летают быстрее всех, быстрее скорости звука». И тут он поднимал палец, чтобы предупредить, что это является военной тайной. Однажды я сказал ему, что в популярном журнале «Техника молодежи», который я выписываю сыну, описан английский самолет «Спид файер», скорость которого превышает двойную скорость звука. Там даже описано, как при аварии катапультируются пилоты…

Полковник с жаром продолжал:

— Наши летчики тоже катапультируются, и эти прекрасные сиденья пропадают!

Наивный Луарсаб Ильич не сразу сообразил, что гибнет драгоценный самолет, а сиденье вместе со спасшимся летчиком остаются невредимыми, и спросил:

— А почему вы, товарищ полковник, так высоко оцениваете эти сиденья?

— Они кожей оббиты, — разъяснил лектор.

Запомнился еще полковник и тем, что требовал, чтобы все члены ученого совета ходили на заседания в пиджаках и галстуках в летнюю жару…

И все эти «красавицы пушки», «драгоценные кресла», «ловля шпионов» и прочая идеологическая чушь заполняют нелепые учебные планы. А сведения действительно необходимые будущему специалисту по спорту перемешаны со всякой всячиной, которой нет ни в одном высшем учебном заведении в мире. Поэтому дипломы наших учебных заведений нигде в не котируются.

А многолетний конфликт полковника с кафедрой анатомии закончился сам собой — в институте отменили военную подготовку, и полковник исчез.

Но свято место пусто не бывает. В учебный план включили курс гражданской обороны (ГО), и вновь полковники в отставке стали учить студентов надевать противогаз и пугать их четырьмя воздействиями атомной бомбы и в то же время вещать, что от световой и ударной волны атомной бомбы можно защититься, спрятавшись за ближний бугорок.

Заканчивая главу о горе-воспитателях молодежи, мне вспомнился случай, похожий на анекдот: при проверке тбилисских атомных убежищ для гражданских лиц инспектор обнаружил, что горсовет сдал часть убежищ под платные туалеты, остальные же убежища превращены в склады нетоварной продукции (как проход в Ботанический сад), полны крыс и пришли в полное запустение. Инспектор возмутился:

— Это же безобразие! Представьте, что на нас упала атомная бомба, что тогда произойдет?

— Да, — ответил представитель горисполкома, — осрамимся мы. Сраму не оберемся!

Глава 17
ЗНАК СУДЬБЫ

Борцовские дела часто призывали меня в Москву и, как правило, я останавливался у своей сводной сестры Тамары на улице Горького, 6, с семьей которой у меня сложились самые теплые, родственные отношения.

15 марта 1953 года, приехав на соревнование, я опять поселился у них.

В те годы вдоль улицы Горького, которая, наряду с Арбатом, являлась «правительственной трассой», от каждого столба к столбу сутки напролет ходили филеры. Для связи с управлением КГБ почти в каждый столб были вмонтированы телефоны. Когда звук зуммера призывал филера к аппарату, он открывал имеющимся у него ключом дверцу и получал необходимое указание.

Однажды, еще до войны, мне довелось убедиться в оперативности этой связи. Мы вместе с Александром Яковлевичем были в Тушино на воздушном параде, который обожал Сталин, и любовались грандиозным зрелищем. После окончания парада отчим поехал с вождем, а нам с братом разрешил воспользоваться своей персональной машиной, но с условием, что мы не будем следовать по белой полосе сломя голову (т. е. по центру улицы, как ездили правительственные машины). Распоряжение Александра Яковлевича мы шоферу не передали. И едва мы открыли дверь и вошли в квартиру, как тут же зазвонил телефон: отчим в обычном своем стиле выговорил нам за то, что мы его ослушались, — связь работала.

На следующее утро — т. е. 16 марта 53 года — в квартиру вошел здоровенный детина в штатском. Напомню, что квартира эта была расположена в доме с рестораном «Арагви», а окна выходили на Моссовет. Через некоторое время весь пустынный тротуар улицы Горького заполнился такими же бравыми людьми. На проезжей части были построены в сплошную шеренгу военные, а затем перед ними, в качестве линейных, — чины КГБ. Предстояли проводы безвременно умершего в Москве Клемента Готвальда. Гроб на лафете с впряженными в него двумя парами коней открывал траурную процессию.

За гробом двигались члены Политбюро: Берия в пенсне, Хрущев, Микоян, Каганович, Молотов, болезненно толстый Маленков, Андреев, Шверник, одним словом, вся мрачная и

грозная группа, которая в те дни как раз боролась за наследство Сталина.

Вдова Готвальда ехала в открытом ЗИСе несколько сзади с правой стороны. На дистанции примерно в двадцать шагов от сталинского Политбюро шло каре партийной и государственной элиты. Далее, на некоторой дистанции, двумя колоннами, между которыми двигались ЗИСы с открытыми капотами, шествовало множество людей рангом пониже.

У каждого человека, идущего в траурном шествии на совести было немало предательств, преступлений, убийств. Тогда я, конечно, не подозревал, что не пройдет и четырех месяцев, как все они, разделившись на своры, обвиняя во всех смертных грехах, перегрызут друг другу горло. А пока это была монолитная «сталинская гвардия» и единый с ней «народ».

Я поинтересовался у пришедшего к нам посетителя-опекуна, который следил, чтобы мы не очень приближались к окнам, почему у машин открыты капоты. Оказывается, у ЗИСов на первой передаче перегревались моторы…

Теперь-то, слава Богу, спустя еще сорок лет нам совсем недолго осталось ждать: по прогнозам Горбачева наша страна станет вот-вот законодательницей мод в автостроении. Что за традиционная блажь была у наших партийных боссов — обещать к определенному году райские кущи: Хрущев к 80-му году обещал коммунизм, Брежнев к 2000 году — всем по квартире, ну а последняя развесистая клюква социализма — всем по две «Волги». На этом нелепом обещании это диковинное растение и засохло на корню …

Спустя несколько месяцев после похорон Готвальда в Филях был тренировочный сбор для участия в Студенческих играх в Будапеште. Мы с моим приятелем Вахтангом Кухианидзе (который когда-то работал в тире КГБ, чистил оружие и, по его словам, обучал Берию стрелять) отправились в здание СТО (Совет Труда и Обороны) подавать заявление по поводу улучшения жилищных условий. Вахтанг вместе с семьей жил прямо на трибуне тбилисского стадиона «Динамо» в комнате, куда была обращена задняя сторона больших часов. Вахтанг рассказывал, что еще будучи в Тбилиси Лаврентий Павлович обещал ему помочь с жильем. Вахтанг очень надеялся, что быстро получит квартиру.

И надо же было такому случиться, что прямо на другой день после подачи заявления, вся страна узнала, что Берия хотел реставрировать капитализм в СССР, и поэтому арестован.

Все это я рассказал, как говорится, «A prò pos» (кстати), чтобы заключить одной фразой: в те годы мне очень часто приходилось

бывать в Москве, и я селился у близких родственников, никогда у них временно не прописывался, хотя это и было необходимо делать согласно действовавшим тогда, да и сейчас правилам. Находясь на спортивных сборах, я большей частью жил у Тамары или у Бичико в «сером доме на набережной», где к тому времени у Бичико была огромная, метров 150 полезной площади, трехкомнатная квартира.

В начале лета 1955 года я привез в Москву команду самбистов. Разместились мы в одной из гостиниц ВДНХ, и я в первый раз временно прописался в Москве.

И это оказалось знаком судьбы — потому что с начала хрущевской оттепели моя сестра Лизочка из Америки стала интенсивно разыскивать свою пропавшую семью.

Когда моя мама в 1932 году поехала в Германию, Лизочка уже самостоятельно добывала себе на хлеб, жила отдельно и имела немецкого жениха, примерно такого же, какой был в свое время у мамы. Мать подарила Лизочке бриллиантовую брошь и, благословив, отбыла в Тифлис.

Живя своей, в общем-то сложной судьбой, мы, мальчики, мало интересовались жизнью сестры, никогда не писали ей писем, разве что к маминым приписывали слова привета.

После прихода в Германии к власти Гитлера, вовремя сообразив, куда поворачиваются события, Лизочка — вслед за теткой и ее мужем, бросив своего жениха, на пароходе добралась до США.

Вскоре в Соединенных Штатах Лизочка вышла замуж — за убежавшего из Германии Зикберта Лазара, и у них родилась дочь Карин. Это было последнее, что еще до войны мне было известно о судьбе моей сестры.

Много позже муж моей сестры Зикберт Лазар рассказал мне, что он воевал на Первой мировой войне и был артиллеристом на русском фронте.

— Однажды нам стало известно, что на следующий день будет объявлено перемирие. А нашей батарее был дан приказ — ранним утром отстрелять весь имеющийся боезапас по русским позициям. Ночью я вывинтил из снарядов взрыватели, — рассказал мне Зикберт, — и таким образом спас много русских жизней. Если бы это раскрылось, меня бы расстреляли.

Зная Зикберта, я совершенно убежден, что он рассказал правду (фото 91).

Всю Первую мировую войну Зикберт Лазар в солдатском ранце носил учебники по медицине и сразу же после окончании войны окончил медицинский институт и стал врачом. В Америке он подтвердил свой диплом и проработал врачом всю свою жизнь.

Итак, в 60-х годах моя сестра стала посылать в СССР письменные запросы, которые власти оставляли без внимания. Наконец, отчаявшись получить вразумительный ответ, Лизочка приехала в 1955 году в Москву и подала заявку в адресное бюро — киоски с такими бюро были тогда на всех центральных площадях столицы. Она составила запрос на четырех человек: Александра Яковлевича, маму, Мишу и меня. Мамы не было в живых уже 14 лет, Миша 10 лет назад погиб на фронте, Александр Яковлевич умер 7 лет назад — но Лизочка не знала об этом.

И вдруг в адресном бюро ей дали справку о том, что изо всех ею разыскиваемых родных имеются данные, что ее брат Иван сейчас проживает в гостинице «Ярославская». К тому времени соревнования самбистов уже закончились, я уже отправил команду в Тбилиси, а сам задержался в Москве у Тамары. Лизочка с Зикбертом остановились в гостинице «Центральная», т. е. жили мы менее чем в полукилометре друга от друга.

В «Ярославской» гостинице моей сестре сказали, что Алиханов выбыл.

— Куда?

— Этого иностранцам знать не положено!

Никакими уговорами ей не удалось поколебать бдительности администратора. Лизочка вернулась к себе в «Центральную», обливаясь слезами.

— Что с вами? — спросила ее одна из сотрудниц бюро обслуживания.

Лизочка объяснила ситуацию…

— Я сейчас все улажу, — утешила ее девушка. И тут же по телефону узнала мой тбилисский адрес.

Какой удивительный случай. Какое фантастическое везение. Какое чудесное совпадение! Какое счастье! Спустя 35 лет моя сестра нашла меня!

Конечно, Лизочка пыталась бы и дальше разыскивать нас. Но где искать? Ведь до войны все, кроме меня, жили в Москве, а я жил в Орджоникидзе, но и там, конечно, уже никто не знал, существую ли я еще на белом свете.

В то лето 55-го года из Москвы я отправился прямиком на Черное море в поселок Лоо, где на даче жила моя семья. Возвратившись после отпуска в Тбилиси, мы нашли на полу у нашей двери распечатанный заграничный конверт. Это было письмо Лизочки. В нем моя сестра просила меня в случае, если я получу ее послание вовремя, срочно приехать в Чехословакию — по расписанию туристической поездки они пробудут в Праге 10 дней. О, западная наивность — в те годы подавать на разрешение

на загранпоездку простому советскому человеку надо было за полгода — только прохождение характеристики, подписанной «треугольником» — (директором, парткомом и секретарем профсоюзной организации) через соответствующие инстанции, занимало не меньше трех месяцев.

В наше отсутствие получили письмо соседи, которые считали нас своими врагами, и отнесли его в КГБ. Там письмо прочли и сказали, чтобы оно обязательно было вручено адресату. Опять повезло! Ведь соседи могли просто порвать и выбросить это письмо. Но коль скоро письмо было зарегистрировано в КГБ, выбрасывать его было уже нельзя.

Что же делает советский человек, получивший письмо от сестры-американки? Он идет туда же — в КГБ. И я пошел.

— Я всегда писал во всех своих анкетах, что связи со своей сестрой не имею, ее адреса не знаю. Но вот неожиданно пришло письмо от моей сестры, и появился ее адрес. Как мне теперь поступить? — руки я, конечно, держал по швам, вес перенес вперед на носки, как бы в ожидании команды «шагом марш!».

— Напишите ответ, — чекисты разрешили мне переписку с сестрой.

Получив «добро», я написал ответное письмо.

Так началась новая, важная, светлая полоса жизни всей нашей семьи.

Глава 18
СЕРЕЖА И ЛИЛЛИ

Иметь детей было моим заветным желанием. Мне даже часто снилось, будто я иду по улице с сыном лет десяти.

Рождению Сережи в 1947 году предшествовало наше переселение в 1946 году из чердачной мансарды над Курой в бывшую квартиру Тамары Эгнаташвили. Позволить себе еще одного ребенка мы смогли после того, как я защитил диссертацию, и моя зарплата удвоилась. Помимо этого я прирабатывал еще и фотоделом, поэтому мы жили по тому времени, сравнительно с большинством окружающих, в достатке.

Каждый год мне удавалось отправлять семью на дачу: Ахалдаба, Манглиси, Бакуриани — были местами нашего летнего отдыха.

Главным хозяйственным мотором у нас была Анна Васильевна, мир праху этой мудрой, преданной женщине! Сереже было четыре года, когда он заболел дифтеритом. Его уложили в больницу, где он подхватил еще и скарлатину. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не самоотверженность бабушки, которая его выходила, продремав сорок ночей в изножии больничной детской кроватки.

У Сережи с детства был пластичный характер, а в маленькой трехлетней Лилли бабушка угадала иной нрав, назвав ее прокурорше. Если в моральном отношении бабушка была для детей образцом, то их интересы формировались под влиянием моих увлечений: спорт, фотографирование, устройство домашнего КВН, выпуск семейного журнала под названием «Блины», куда записывались смешные и памятные случаи из жизни нашей семьи и вклеивались лучшие памятные фотографии.

Поначалу большая часть материала создавалась мной, но творческая инициатива была разбужена, и в издании последующих номеров журнала все большее участие принимали дети, особенно Сережа.

Обложки номеров нашего семейного журнала «Блины»

Вот некоторые миниатюры из «Блинов»:

Обложки номеров нашего семейного журнала «Блины»

— Папа, папа! Иди скорей! У меня на подушке клопы! — зовет меня Лилли.

— Что ты, Люлик, это же шоколадные крошки.

— А когда я проснулась, все они ползали.

Лилли спрашивает:

— Папа, вчера, когда я легла спать, приходила нижняя соседка. О чем вы говорили?

— Она жаловалась на тебя. Говорила, что ты качалась на ее калитке.

— Такая высокая лестница и такой короткий разговор, — заключает Лилли, имея в виду разницу в четыре этажа.

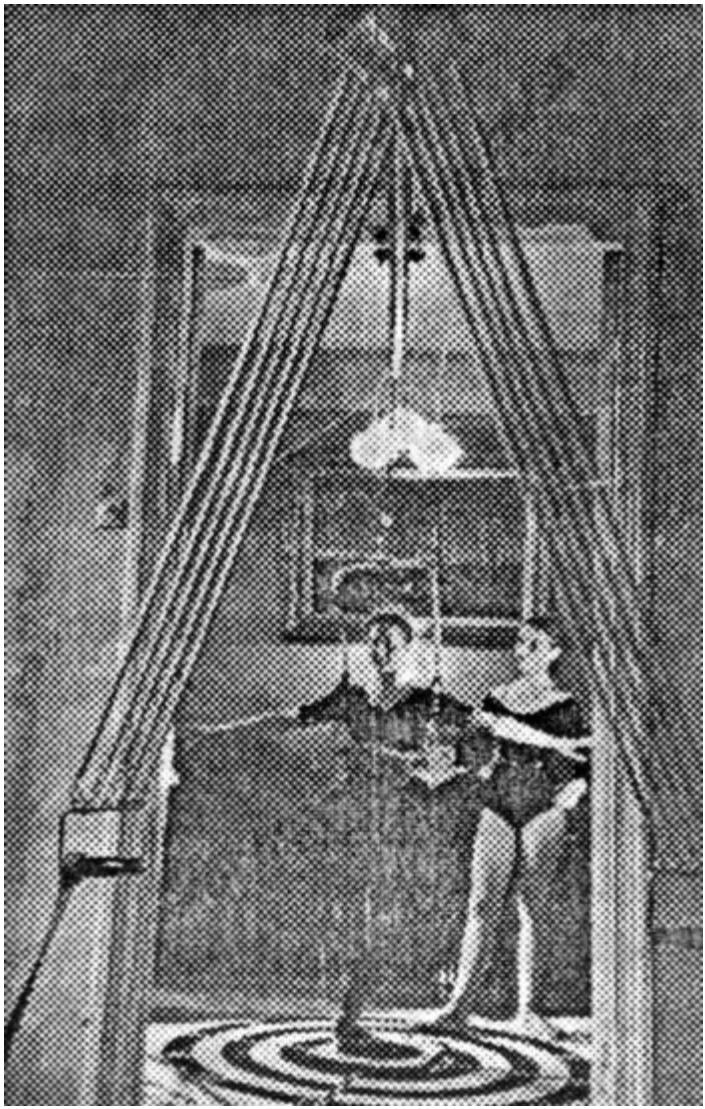
Под влиянием бабушки у моей дочери с детства развилось обостренное чувство справедливости, что не раз приводило ее к конфликтам со взрослыми, привыкшими ловчить и лицемерить. Из-за подобных конфликтов ей пришлось два раза менять школу,

но каждый раз Лилли быстро становилась лидером своего класса. В новой школе ее выбрали пионервожатой. Я предложил ей устроить встречу с моими студентами с Кубы. Встреча состоялась, и вскоре школу назвали именем Фиделя Кастро. А мою дочь возмутила статья в стенгазете, где было сказано, что «комсомольская организация поручила Лилли Алихановой связаться с кубинскими студентами…»

— Что здесь написано? Это же я вам предложила, а не вы мне поручили!.. — возмущалась Лилли.

Когда после окончания школы золотую медаль не по заслугам выдали сыну богатого отца, Лилли в знак протеста провела вместе со своими единомышленниками отдельный выпускной вечер, на который были приглашены только три преподавателя: Воронцова — дальний потомок Пушкина, учителя по физкультуре и истории.

С остальными учителями, поставившими незаслуженные пятерки, ее ребята — а это было полкласса! — раззнакомились.



На этом тренажере Лилли выполнила первую научную работу

Лилли мечтала стать биологом. Мой приятель Датико Чхиквишвили (будущий министр высшего образования Грузии), тогда ректор педагогического института, знавший Лилли с детства, приглашал ее к себе. Лилли тяготела к науке, и мы предположили, что поступить в аспирантуру из педагогического вуза ей будет очень сложно. Я настоял, чтобы Лилли сдала экзамены в Институт физкультуры, тем более что тогда она усиленно занималась плаванием. Но достигнуть сколько-нибудь значительных результатов в плавании она не могла — ее

маленькая стопа с высоким подъемом не годилась в качестве естественного ласта. Училась Лилли отлично, но со второго курса, как я уже говорил, с благословения Вахтанга Чабукиани она поступила в экспериментальный класс балетной школы, а в институте перешла на заочное отделение.

Энергия ее была неисчерпаема. Стать балериной в восемнадцать лет — немыслимо. Но Лилли упорно старалась. Ее координационных способностей было явно недостаточно.

Каждое танцевальное па она постигала разумом, и потому у нее не было пластичности и внутреннего ритма движения.

Лилли, однако, была уверена, что эти недостатки можно преодолеть упорством и очень обижалась на меня, когда я пытался поколебать эту ее уверенность (фото 85, 86).

Балет стал для нее главным жизненным устремлением, она полностью отдавалась танцам и репетициям. Я, как обычно, подключился к ее делам, придумал тренажер для обучения вращениям.

Писал я и шутливые поздравительные адреса для балетной стенной газеты:

* * *

Быть иль не быть? Кто это мямлит?
Я не был — стал. С приветом. Гамлет.

* * *

Танцуй свободно, прыгай смело.
И будешь вечно жить. Отелло.

* * *

Не верьте принцам — в дружбу верьте.
Вот мой завет. Жизель (до смерти).

* * *

В вашей школе побывала,
Очень много повидала.
Все мне очень нравится.
Спящая красавица…

* * *

Трудись! Готовь за ролью роль
И мой костюм примерь-ка!
Талант и труд — таков пароль!
С приветом — Баядерка.

Сережа оказался артистичной личностью, что проявилось в его прекрасных фотографиях пейзажей и цветов (фото 49, 50). Но по-настоящему его увлекла поэзия. Мои домашние версификации в «Блинах» стали перемежаться с лирическими проблесками в стихах сына:

Прости мне эти первые творенья.
Я по-старинному еще закован в ритм
Я сам себя, как Буратино из полена,
Выстругивал и вдруг заговорил.

Но стремление к скорой поэтической славе подвело его. Он написал стишок «Шатало» — грузинская производная от слова «шататься», то есть прогуливать уроки:

Школа место развлеченья,
Здесь совсем не до ученья,
Шум и гам стоит весь день
Заниматься всем нам лень…

Стишок был беспомощно слаб, но столь же беспомощно слабы оказались и педагоги. Вместо того чтобы пожурить и посмеяться над юным стихотворцем, педагогический коллектив не на шутку обиделся. Пришлось перевести Сережу в другую школу.

Мой сын довольно успешно занимался волейболом в 1964 году даже стал чемпионом СССР среди юношей. Но под коленной чашечкой у него образовался очень болезненный бугорок — отрыв костистых образований, который произошел в результате

чрезмерно жестких и многократных приземлений после ударов через сетку. Сильная боль при прыжках стала преградой для его дальнейших спортивных успехов. Однако Сережа успел по спортивному списку поступить в политехнический институт.

Заканчивался первый год обучения. Сережа по всем предметам имел отличные оценки. Высшую математику он сдавал ассистенту, который оценил его знания как отличные. Однако по правилу, заведенному ведущим этот предмет доцентом, высший бал имел право поставить только лично он. И тут выяснилось, что у Сережи отличная память, но знаний по высшей математике нет, и вместо возможной четверки он получил двойку.

Я отвел Сережу к сыну профессора Чхаидзе — Леве, интеллигентному парню-математику, с просьбой выяснить уровень знаний Сережи и по мере возможности помочь ему. Сережа стал охотно ходить на занятия к Чхаидзе. Недели через две я встретился с Левой, который сказал:

— Ваш сын отличный поэт. Зачем ему математика?

Оказывается, вместо занятий Чхаидзе собирал в дом любителей поэзии, и Сережа читал им свои стихи!

Пришлось перевести сына на второй курс института физкультуры, где он занялся теннисом. Учеба не требовала больших усилий, свободного времени для поэтических вдохновений у него было предостаточно. Однако поэзия, как известно, неверный «кусок хлеба». И мы вдвоем с ним с увлечением занялись выяснением проблемы — почему же так часто заболевают коленные суставы у волейболистов.

Для этого надо было сделать биомеханический анализ нападающих ударов. Отсутствие специальных приборов потребовало изобретательства и применения «маленьких хитростей». Был придуман инерционный датчик ускорения, который крепился на кисть бьющей руки волейболиста, контактное кольцо, фиксирующее момент соприкосновения руки с мячом, тренировочный щит для блокирования нападающих ударов. Экспериментально были доказаны артефакты, возникающие при циклографическом методе исследования ударных движений…

Получилась интересная научная работа. Однако на институтской студенческой конференции ее забраковал не разобравшийся в ней заведующий кафедрой спортивных игр. Впрочем, причина заключалась скорее в другом — он углядел в Сереже возможного будущего конкурента.

На Всесоюзной конференции студентов мой сын получил первую премию. Эта же несколько дополненная научная работа на Всесоюзном закрытом конкурсе была удостоена золотой медали.

По материалам этой работы в ведущем спортивном журнале «Теория и практика физической культуры» были опубликованы две хорошо иллюстрированные статьи.

Институт Сережа окончил с отличием и естественно встал вопрос о поступлении его в аспирантуру Московского института физкультуры. Профессор Дмитрий Дмитриевич Донской, ведущий специалист по биомеханике, с удовольствием согласился взять над ним шефство.

А теперь придется вернуться немного назад.

Я четыре раза был председателем Государственной экзаменационной комиссии в ГЦОЛИФКе (Государственном центральном ордена Ленина институте физкультуры). Три раза у меня секретарем была симпатичная женщина. Однажды она пригласила меня к себе в гости и там представила мне педагога филиала Ростовского заочного отделения, чьи студенты тоже сдавали мне тогда выпускные экзамены. Этот преподаватель предложил мне взятку за то, чтобы я «пропустил» на экзаменах всех ростовских студентов (их было восемь).

В итоге пять ростовских студентов экзамены провалили.

Все тайное становится явным. Моя объективность и неподкупность заслужили у основной массы студентов одобрение. Чувство здорового контакта не покидало меня в течение всех экзаменов.

В четвертый раз моим секретарем на госэкзаменах был назначен преподаватель волейбола (не хочу даже упоминать фамилию этого поганца). Экзамены проходили хорошо, но чувство подспудного напряжения не покидало меня.

Бывшая моя секретарша поинтересовалась ходом экзаменов.

— Лучше, чем в прошлый раз, — ответил я.

— А вы попробуйте перемешать экзаменационные билеты, — вдруг посоветовала она мне.

Войдя на другой день в аудиторию, я так и сделал.

— Что вы делаете? — в ужасе воскликнул новый секретарь.

И вдруг ответы студентов пошли самые неожиданные, в основном провальные.

Как мне удалось узнать, он брал деньги у студентов «для меня», и подкладывал им билеты. Вот такая история.

Узнав, что Сережа поступает в аспирантуру, этот «волейболист» предложил ему свое руководство. Я объяснил ему, что на этот счет есть договоренность с профессором Донским.

Я уехал из Москвы, и тогда он подступил к Сереже с новым предложением: мол, зачем тебе аспирантура? У тебя диссертация практически готова. Лучше и быстрее будет, если ты станешь

соискателем.

Как выяснилось впоследствии, он обещал место аспиранта другому, который проиграл Сереже на приемных экзаменах — мой сын сразу сдал кандидатские минимумы по всем трем экзаменам.

Донской был где-то под Москвой на спортивных сборах, и Сереже надо было поехать к нему, чтобы подписать план работы.

Поганец оказался тут как тут: «Зачем тебе ехать? Давай я подпишу и дело с концом». Так он стал Сережиным научным руководителем, после чего забраковал выполненную работу и дал Сереже новое задание — делать опыты для своей докторской диссертации.

Тем временем Сережа попал в новый переплет.

Александр Петрович Межиров, известный поэт, как-то по приезде в Тбилиси познакомился с Сережей и одобрил его стихи.

Учась в аспирантуре, сын снимал угол. Время от времени по своим поэтическим делам он бывал у Межирова. У Александра Петровича была дочь Зоя. Сереже дали понять, что девица эта не столь строгих правил, а затем ему был предложен бесплатный кров.

Сообщение об этом повергло меня в смятение. Я со своими кавказскими предрассудками мечтал об иной жене для сына. Но пока телефон раскалялся от моего гнева и увещевания, Зоя забеременела.

Тут Межиров обратился к мужской чести Сережи. Впрочем, по-видимому, беззаботное житье в хорошей квартире сыграло свою роль. Мы с женой Сашей приглашены на свадьбу.

До свадьбы мы пару дней прожили на даче Межирова в Переделкино, и от этого писательского заповедника у меня осталось много впечатлений.

Мы вышли с Александром Петровичем на прогулку.

— Вот дача Пастернака…

— Я его стихи не очень понимаю, ваши мне нравятся больше, — сказал я, — а роман «Доктор Живаго» не произвел на меня большого впечатления. Мне кажется, что вся заслуга Пастернака в том, что он первым, находясь и оставаясь на территории Союза, открыто высказал то, что, собственно, давно было сказано и до него. И Достоевский, и Бердяев предвидели, что русская интеллигенция будет способствовать революции. Так и случилось — интеллигенты сначала приветствовали ее, а затем были унижены и уничтожены разбуженной ими стихией. Все это, к сожалению, мне известно не понаслышке. Кроме того, я поклонник Гоголя и Салтыкова-Щедрина. А Пастернак-прозаик, мне кажется, стоит где-то на уровне Эренбурга.

— Что вы говорите! — как обычно слегка заикаясь, сказал Межиров. — Одно его стихотворение стоит всей моей поэзии! — и тут стал читать, уже не заикаясь, стихи Пастернака.

Стихи произвели на меня очень большое впечатление. А Межиров читал стихотворение за стихотворением, пока мы через поле шли к могиле бывшего хозяина дачи.

На обратном пути мы встретили Евтушенко, шедшего с футбольной тренировки. Я тогда зачитывался его смелыми, обличительными стихами и мечтал пожать руку почитаемого поэта. Моя мечта осуществилась самым будничным образом. На пороге одного из дачных домиков мне довелось пожать руку и другому прекрасному писателю Фазилю Искандеру. Я много раз перечитывал полные своеобразного юмора описания его абхазского детства.

В Москву поехали на машине Межирова. К нам подсел Яков Козловский, блестящий переводчик Расула Гамзатова. Я сказал ему о том, что люблю стихи Расула:

— Какой это прекрасный образ, — летит журавлиный клин, и в нем поэт замечает просвет и мысленно видит себя среди улетающих птиц!

— Да, — саркастически усмехаясь, ответил Козловский, — в подстрочнике журавль действительно был…

Ответ маститого переводчика заставил меня задуматься. Вся суть его сарказма дошла до меня, когда я сам стал, помогая Сереже, переводить с подстрочника стихи грузинских поэтов.

Вот типичный пример лирического «подарка» поэта-переводчика поэту-автору. Точно — слово в слово — я перевел по подстрочнику стихотворение Мориса Поцхишвили, посвященное им художнику Мартиросу Сарьяну:

Уже и март и ростепель,
И птицы стали петь.
И дома, Мартирос, теперь
Тебе не усидеть.

Сережа подарил Поцхишвили чудесный поэтический перл:

Март, ростепель. Все блекло, но весна,
Я понял. Мартирос, ее секрет нехитрый —
Едва в твои холсты засмотрится она.
И сразу обретет цвета твоей палитры.

Мне стало понятно, почему авторы стремятся заполучить

переводчиками не версификаторов, а хороших поэтов.

Иной раз в погоне за переводчиками возникали курьезы — авторы раздавали одни и те же подстрочники разным поэтам, и переводы одного и того же стихотворения у этих поэтов настолько разнились друга от друга, что порой бывали опубликованы в одной и той же стихотворной подборке.

Так одно и то же стихотворение Григола Абашидзе абсолютно по-разному перевели Андрей Вознесенский и Игорь Шкляревский, и оба эти перевода были опубликованы в «Литературке» в одной подборке!

Свадьба моего сына и дочери Межирова проходила в «Театральном ресторане». На ней присутствовал весь цвет поэтов-шестидесятников — Евтушенко, Ахмадулина, Винокуров, Слуцкий и много других, которых я сейчас не вспомню. Станислав Куняев был свидетелем со стороны жениха на этой свадьбе. Винокуров в поздравительном тосте сказал, что если молодые сумеют прожить вместе три года, значит, проживут и всю жизнь. На него мы, родители новобрачных, зашикали, но оказалось, что он как в воду глядел…

На другой день после свадьбы к Межирову зашел Евтушенко и пригласил меня на хоккейный матч с канадцами — тогда как раз проходили эти знаменитые первые матчи советских «любителей» с канадскими «профессионалами». Женя попросил меня взять с собой плоскую бутылку коньяка и маленький стаканчик. На матче мы немного выпили, и я сказал ему:

— Ведь вы же за рулем?

— Это не имеет значения, — ответил Евгений Александрович.

В Ледовом дворце спорта в Лужниках мы сидели довольно высоко. Отдельной группой, человек, наверное, двести, недалеко от нас сидели канадские болельщики. Все они были в высоких красных цилиндрах, разрисованных золотыми кленовыми листьями. Они размахивали национальными флагами, кричали, пели, гудели в трубы — «болели» очень активно.

Я считал, что канадцы выиграют. Женя болел за наших. Мы с ним поспорили на пять рублей.

Шумели только канадцы. Наших болельщиков в переполненном зале было не слышно — билеты на это престижное зрелище были распределены только среди аппаратчиков. Было удивительно — сотня-другая канадцев на всю арену подбадривала своих игроков, наша же «элитарная» публика хранила гордое, спесивое молчание.

Евгений Александрович налил себе стаканчик коньяку, выпил, потом предложил соседу — тот отказался. Так мы с ним

выпили по два-три малюсеньких шкалика. После чего Женя сказал мне: «Завтра вся Москва будет говорить, что Евтушенко на матче с канадцами вдрызг напился». Хотя было совершенно очевидно, что никто из сидящих вокруг нас зрителей не узнал популярнейшего поэта Советского Союза.

У Евгения Александровича внешность заурядная, и он, как мне показалось, с таким вожделением смотрел на красные цилиндры канадцев, что с удовольствием нацепил бы в тот вечер такой же себе на голову. Может быть, он и выпил для того, чтобы остановивший его милиционер, узнав, отпустил бы с богом, взяв под козырек.

Наши проиграли. Евгений Александрович забыл отдать мне пятерку и даже не подвез до метро.

Много лет спустя, навестив внучку Анну, я прохаживался с Межировым вечером по Переделкино, встретил Евтушенко с его новой женой англичанкой. Я напомнил о долге, и он тут же вручил мне мою пятерку. Так что мы квиты.

Однако вернемся к прохиндею — к Сережиному научному руководителю. С его помощью диссертация стала толще на сто страниц, то есть именно на столько, насколько требовалось теперь ее сократить. Я предлагал выбросить все, что было сделано за три года топтания на месте.

Пройдя апробацию, Сережа продолжал вращаться среди поэтической элиты страны и потерял всякий интерес к спортивной научной работе. Его стихи печатались в «Юности» и «Новом мире». Чтобы отвязаться от меня, все настаивающего на продолжении научной работы, мой сын вручил своему научному руководителю 1800 рублей с тем, чтобы тот сократил работу по своему усмотрению, и тут же забыл и про деньги, и про свою диссертацию. «Научный же руководитель» положил деньги в карман и поступил точно так же.

С тех пор прошло три десятилетия и подобные «рыночные отношения» вошли в науку и, похоже, полностью ее заменили…

После окончания аспирантуры Сережа стал работать в отделе науки Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту.

Мы с Межировым исполу купили молодым двухкомнатную квартиру возле метро «Коломенская». У них родилась дочка Анна, и мы решили на первых порах поддерживать молодую семью. Межиров нанял в помощь дочери няню, и каждый свой денежный вклад записывал как долг зятя тестю, постоянно напоминая об этом и вмешиваясь в жизнь молодой семьи. Этот мудрый и тонкий человек поступал как глупец, и в конце концов лишил

свою дочь мужа. Дело вскоре дошло до развода, и надо было делить квартиру. Сережа был согласен на любую крышу над головой, разменный же вариант Межирова сводился к двум словам: «Убирайся вон!»

Такое требование, естественно, не лезло ни в какие законные рамки. Тогда Александр Петрович приехал в Тбилиси, пошел на прием к Шеварднадзе, который был тогда главой республики и первым секретарем Компартии Грузии.

На приеме у руководителя республики он облил Сережу, а заодно и меня грязью.

Неожиданно, как в недавние приснопамятные времена, меня вызвал первый заместитель МВД Грузии Варлам Шадури.

Явившись, я не мог себе представить, что могло стать поводом для такого экстраординарного вызова.

После долгой и совершенно отвлеченной беседы мы заговорили о детях, и я ему откровенно рассказал о Сережиной ситуации с квартирой. Справедливый человек, Шадури отверг вариант «убирайся вон из квартиры!» как незаконный. На том мы и расстались.

Однако доклад Шадури, судя по всему, не удовлетворил власть предержащих.

Меня вызвали вторично, но уже в ЦК партии Грузии. В ожидании этого нового рандеву я нервничал, плохо спал, принимал сердечные лекарства, клал грелку на грудину. Плохо у меня было с «готовностью претерпеть». Грустные, трагические воспоминания не покидали меня…

В ЦК партии Грузии я понес множество публикаций сына — его стихи в московских журналах и переводы в журнале «Литературная Грузия», опубликованные еще до знакомства с Межировым. Взял я и свои книги по вольной борьбе.

На совещание был вызван тогдашний Председатель Спорткомитета Грузии Пертенава, ректор нашего института Мелия. Совещание началось без меня — я дожидался вызова в предбаннике. Когда меня наконец вызвали в кабинет, зав. отделом агитации и пропаганды ЦК, в ведении которого находились вся физкультурная и спортивная деятельность в республике, товарищ Беденеишвили начал разговор со мной в самом грубом тоне.

Повторяя претензии Межирова, завотделом ЦК партии стал орать на меня, повторяя и твердя: «пригрел», «научил», «поселил», «черная неблагодарность», «отец поддерживает», «требует отдельную квартиру», «мерзавец», «рушится дружба между грузинским и русским народами».

Надо заметить, что позиции Межирова в Грузии были

значительно сильнее московских: в Москве он был неясной фигурой, «масоном», а в Грузии считался — «большим русским поэтом», ведущим переводчиком грузинской поэзии. Кроме того, в Москве надо было, волей неволей, действовать в рамках закона, а в Тбилиси можно было попытаться его обойти — вызвать Алиханова-отца на ковер и напугать его потерей работы.

В поэтическом мире Москвы Сережу уже знали, и многие в возникшем конфликте были на его стороне. Хотя недавние его приятели и друзья — Евтушенко, Куняев, Шкляревский, тоже были введены Межировым в заблуждение — как и грузинские аппаратчики, они были уверены, что Сережа требует себе двухкомнатную квартиру, и перестали с ним общаться. Мой сын был согласен на любой размен, а бывший тесть просто выгонял его на улицу. Поэты впряглись в это семейное дело и прислали в адрес моего сына любопытную «коллективку» — написанную под диктовку Межирова, как потом уверяли сами подписанты.

Вот и грузинскому партийному руководству Межиров представил Сережу как своего неблагодарного ученика, хитростью проникшего в его благодушное семейство.

Наконец, в Москве дело разбиралось бы в суде как рядовой развод с разделом жилплощади. Тем более что в писательском московском мире, падком на сплетни, эта неприглядная история муссировалась как конфликт молодого искреннего поэта и старого конъюнктурщика, автора подхалимского панегирика «Коммунисты вперед».

В Тбилиси же соотношение кардинально менялось: на уровне местного ЦК это был конфликт между автором партийного гимна и рядовым доцентом, которых «у нас — как собак нерезаных».

В ответ я сказал, что жалоба в ЦК уже сама по себе показывает, что Межиров не хочет решать наш семейный конфликт по закону, а предпочитает обходной путь. И они, работники «центрального аппарата», только способствуют этому.

Это мое заявление только обострило ситуацию. Мне дали понять, что на этот счет есть указание самого товарища Шеварднадзе.

Тогда я сказал, что в заявлении Межирова — прямая ложь. Мы согласны на любой — совершенно на любой! — вариант обмена.

— Как так? Ваш сын требует себе двухкомнатную квартиру! — взвился завотделом.

— Это неправда!

— Я вам сейчас докажу! — и тут же по вертушке товарищ Беденеишвили соединился с Сережиным начальством во Всесоюзном Спорткомитете.

Однако из Москвы ему подтвердили, что у них имеется письменное обязательство Сережи, в котором он подтверждает свое согласие на любой размен жилплощади.

Межиров давно и настойчиво жаловался на моего сына его начальству, и Сережа написал объяснительную записку, телефонное оглашение которой вдруг несколько снизило накал создавшейся на «партийном совещании» обстановки.

Меня никто Беденеишвили не представил, поэтому я воспользовался возникшей паузой, положил перед начальником свои книги по борьбе и сказал:

— Как видите, я тоже делаю кое-что полезное…

Полистав написанные мной учебники по вольной борьбе, Беденеишвили спросил:

— Могу ли я оставить их себе?

Вряд ли эти книги его заинтересовали — скорее всего, они должны были послужить оправданием перед Шеварднадзе, что, несмотря на указание, меня все же не уничтожили, сняв с работы и лишив средств к существованию.

Получив мое согласие, Беденеишвили присовокупил:

— Ваши книги это хорошо, но они не идут ни в какое сравнение с важностью дружбы между Грузией и Россией и налаживанию наших культурных связей! — расставив тем самым все по местам.

(Как смехотворно звучит это заявление сегодня! В Тбилиси все русские надписи, все названия магазинов и станций метро заменены английскими. А на стенах метро до сих пор остались очертания и крепления букв кириллицы. На улицах стало опасно даже разговаривать по-русски. Восторжествовал оголтелый национализм в духе известного писателя Коция Гамсахурдия — отца первого Президента Грузии, который всегда носил черную черкеску с газырями, в знак траура по утраченной свободе. Был известен достоверный факт, который сам же писатель усердно распространял. Однажды к нему приехал писатель из Эстонии.

Чтобы не разговаривать с гостем по-русски, Коция потребовал переводчика. Эстонец удивился:

— Зачем нам переводчик, вы же прекрасно говорите по-русски?

— На русском я разговариваю только с моей собакой, — ответил Коция.)

В общем, так ничего и не решив, меня отпустили.

К тому времени я уже выплатил за московскую квартиру пять тысяч рублей, и так или иначе надо было разменяться. Наконец это удалось сделать моей жене — Зоя с Анной получили двухкомнатную квартиру несколько меньшей площади рядом с

метро «Аэропорт», а Сережа 10-метровую комнату на последнем этаже «хрущевки» в коммунальной квартире в районе Серебряного бора, в которой он прожил девять лет. Семейный конфликт, слава богу, наконец был исчерпан.

Несколько месяцев спустя после разбирательства в ЦК, придя на работу, я вдруг увидел Межирова, смиренно стоящего у дверей нашего института физкультуры. Я поздоровался с ним.

— Я не рассчитывал, что вы со мной поздороваетесь. Я специально прилетел в Тбилиси, чтобы извиниться перед вами, — сказал он.

— Я не держу на вас зла…

— Вы меня не поняли. Я считаю себя обязанным извиниться перед вами у Шеварднадзе.

— Бог с вами! Мне этого вовсе не надо.

— Это необходимо мне. Я вас очень прошу. Я уже договорился с Беденеишвили.

— Все это глупости. Вы сами себя наказали. Сейчас вас, наверное, уже прокляла дочь, а придет время — проклянет и внучка. Я не хочу участвовать в этой новой комедии.

— Хорошо, — сказал Межиров. — тогда я вас жду в гостинице «Иверия», когда вам будет удобно. Я попрошу прийти Беденеишвили.

Я согласился прийти в гостиницу, но повторил, что встречаться ни с кем из аппаратчиков не желаю..

Когда я пришел в гостиницу, Межиров сказал, что он все же пригласил Беденеишвили, но тот не пришел.

Я любил поэзию Александра Петровича и спросил его, как он, такой проникновенный лирик, мог натравить этих бессовестных людей на меня, не виноватого ни в чем.

Он ответил, что в поэте, призывающем к нравственным высотам, может жить безнравственный человек. Даже в таких гигантах, как Лермонтов и Некрасов, — первый-де возглавлял карательный отряд в Чечне, а второй был картежник и чуть ли не шулер.

Впрочем, прикрываясь великими именами, Межиров вовсе не относил себя ни к великим, ни к безнравственным.

— На меня нашло какое-то затмение, — так он объяснил свой поступок.

В знак примирения Межиров подарил мне позолоченную ручку «Паркер», которой, по его словам, он написал свою последнюю книгу стихов. В этой книге, видимо, в порядке оправдания, Межиров поместил поэму «Альтер эго», в которой моего сына Сережу он представил как игрушку, им заведенную и

обученную и оказавшуюся неблагодарной. Однако бывший зять нисколько не обиделся на бывшего тестя. У поэтов это бывает. Они то и дело пикируются между собой в стихотворной форме. При этом читатель не может угадать, кого имел в виду автор. Обижаться на подобные опусы не принято.

В 1980 году в издательстве «Советский писатель» вышла первая Сережина поэтическая книга — «Голубиный шум», прождавшая своей очереди на выход восемь лет. В те же годы одна за другой стали звучать по стране песни на его стихи в исполнении Юрия Антонова, Марыли Родович, Аркадия Укупника, Александра Серова и других популярных исполнителей.

Потом вышло еще много книг стихов и прозы Сергея Алиханова, и немало статей о его литературной работе. Он выступал со своими стихами по всей стране, его авторские вечера проводились в Центральном доме литераторов (фотоколлаж 93). О творческой работке моего сына был снят телефильм, показанный на РТР. На десятках сайтов Интернета можно ознакомиться с его стихами, прозой, статьями и песнями, стоит только набрать на любой поисковой системе его имя.

Здесь мне хочется привести отзыв на стихи моего сына известного поэта Евгения Рейна:

> «Поэзия Сергея Алиханова архаична и новационна одновременно. Он не забавляется формальными экспериментами, не бросает смысла и содержания в жертву метафоре или интеллектуальному коллажу.
>
> То новое, что он вносит в поэзию, — это ощущение особой ностальгической атмосферы, свойственной людям, чье существование происходит среди дорогих им развалин. Руины, развалины, пейзаж разрушения — вот тот материал, из которого строится поэзия Алиханова.
>
> Особенно замечательным кажется мне стихотворение о „сталинском“ ресторане на горе Ахун возле Сочи, где почти с обонятельной и осязательной остротой воспроизведены детали угасшего имперского кутежа, его герои и изверги, которые могли в любую минуту поменяться местами.
>
> Что касается традиционной „скованности“ („Но я законное звено, мне это счастие дано“ Ходасевич) поэзии Алиханова с золотой цепью русской поэзии, то она самоочевидна. Он учился у Ходасевича, Кузмина, Мандельштама — и очень важно, что он всматривался в более близкие зеркала — Слуцкого, Межирова и

особенно, конечно, в магическое зеркало Иосифа Бродского.

Существенно при этом то, что он не стал эпигоном, сильная натура человеческая и поэтическая вынесла наверх собственную интонацию, и книга, лежащая перед вами, — это книга стихов Алиханова в номинальном и литературном смысле.

Долгое время стихи Алиханова дозировались нашими журналами и издательствами с аптекарской скупостью. Это была беда не одного только Алиханова, — слава богу! — она устранена. Перед нами большая книга, есть все основания надеяться, что у нее будет большая судьба».

С Игорем Шкляревским Сережа много лет ездил на русский север, в белорусское Полесье, где на берегах Мезени, Сояны, Мергы и Припяти они по месяцу жили в палатке и ловили рыбу (фото 92). Вот врезка Шкляревского к подборке стихов моего сына, опубликованной в газете «Московский комсомолец»:

«У Сергея Алиханова за стихами не меньше, чем в стихах. Его мысли не существуют отдельно (для слова, для рифмы), они идут из жизни, проходят сквозь промежуток стиха и дальше идут в жизнь. Так корни деревьев на обрыве реки обнажаются, провисают в воздухе и снова уходят в почву. Беспрерывность мысли, беспрерывность чувства.

Много лет мы бродили с Алихановым по берегам северных рек, смотрели в костер и слушали, как шумит северное небо, полное холода, мрака и бледных сияний. Нас породнила не корысть и не взаимная выгода, наоборот — безлюдье и затерянность в бесконечности. Север честнее многолюдной земли, там одинокий — взаправду одинок… Зато ты остаешься наедине с самим собой, ты, как в детстве, радуешься на дне рюкзака пакету дешевых конфет, радуешься солнцу после унылых дождей, радуешься — загорелось мокрое дерево в костре, радуешься звуку далекой моторной лодки и кричишь: Человек! Человек!

Вот, сутулясь под огромным мешком, идет берегом реки поэт Сергей Алиханов и тащит на веревке груженую байдарку. Под солнцем блестят мокрые камни, ревет большой порог, крутит воронки с хлопьями пены…

Вот с охапкой хвороста по серым песчаным отмелям Припяти опять идет Сергей Алиханов, а над ним пронзительно кричат и мечутся болотные чибисы. Под зеленым дубом горит наш последний осенний костер, а мы не знаем, что последний. Мы не знаем, что впереди чернобыльский год… чернобыльские века…

Мы смеемся и, разливая в стаканы прощальное вино, Алиханов читает нам стихи о своей очередной незнакомке, на которой он обязательно (так он уверяет) женится! Я люблю его за это. Он никого не обманывает, потому что он поэт и великодушно предоставляет другим право обманывать его. Нет, он не наивен, его холодный проницательный ум вдруг просыпается и находит неожиданные точные слова. Его стихи похожи на стихи инопланетянина, попавшего на Землю, Алиханов смотрит на мир с какой-то особенной точки. Он все умеет — водить машину и моторную лодку, быстро развести под дождем костер, ощипать и разделать глухаря, засолить лосося, согреть остатками костра землю, чтобы не спать на сырой, но главное — он умеет видеть то, чего не видят другие».

Браво, Сережа!

Первая научная работа Лилли делалась под моим руководством и была посвящена программному обучению разнообразным вращениям в художественной гимнастике и балете на упомянутом ранее тренажере. Статьи Лилли на эту тему были опубликованы в журнале «Теория и практика физической культуры», однако ее доклад на институтской студенческой конференции не был одобрен по тем же соображениям, что и ранее Сережин.

История повторилась в подробностях — на Всесоюзной конференции студентов Лилли получила вторую премию. Но педагогическое направление ее не интересовало — она решила поступить в аспирантуру по физиологии, что ей удалось после окончания балетной школы. После успешной сдачи экзаменов Лилли осталась в Москве и несколько месяцев выступала в балетной труппе цирка на Цветном бульваре.

Вернувшись на некоторое время в Тбилиси, она неожиданно вышла замуж за одержимого человека — Алика Саакова — известного тогда фотокорреспондента. Художественные портреты моей дочери стали еженедельно появляться на страницах периодических изданий.

1 февраля 1974 года, вопреки желанию мужа, Лилли уехала в Москву, чтобы продолжить учебу в аспирантуре, а 5 февраля скончалась наша бабушка. Алик не пришел ни на панихиду, ни на похороны, и Лилли решила с ним расстаться и развелась с ним через суд.

Научным руководителем моей дочери был профессор, доктор биологических наук Яков Михайлович Коц, ведущий специалист по спортивной физиологии. Он не торопил Лилли, не подгонял со сроками завершения диссертации. Исследование Лилли было посвящено проблемам питания и тренировки спортсменов,

направленным на увеличение углеводного насыщения мышц, с тем чтобы увеличивалась специальная выносливость и работоспособность. Исследования проводились в циклических видах спорта, где определяющим качеством как раз является выносливость.

Проведение этой работы требовало фантастического упорства, огромной трудоспособности, граничащей с одержимостью. Лилли проводила длительные и кропотливые эксперименты, в процессе которых спортсмены работали на велоэргометре.

У каждого испытуемого Лилли трижды проводила биопсию — до начала эксперимента, через десять минут работы на велоэргометре и после работы на полное изнеможение.

Лилли умела убедить каждого спортсмена в полезности этих экспериментов для их спортивной подготовки. При этих экспериментах Лилли производила уколы в мышцу спортсмена, работавшего на велоэргометре огромной — толщиной с карандаш! — стальной иглой, со вставленной внутрь маленькой гильотиной, которая вырезала из толщи мышечной массы кусочек мышцы для последующего биохимического анализа и определения в мышце гликогена до, во время и после работы на велоэргометре.

Повторюсь — подобная, крайне болезненная, в буквальном смысле, хирургическая операция проводилась с каждым испытуемым трижды, еще до того как спортсмен садился на специальную углеводную диету и еще раз трижды после того как спортсмен (обычно испытуемыми были велосипедисты-шоссейники) несколько дней, а иногда и недель питался исключительно насыщенной углеводами пищей — изюмом, медом, мармеладом, вареньем.

Второй раз биопсия проводилась, чтобы определить эффективность углеводной диеты для повышения специальной выносливости.

Вскоре подобный метод биопсии был запрещен — из-за эпидемии СПИДа, так что эксперименты Лилли остались уникальными.

Самое для меня удивительное, что у Лилли не было недостатка в испытуемых, желающих подвергнуть себя такому эксперименту-пытке. Она работала у Коца пять лет и потом еще два года, прежде чем защитилась и стала кандидатом биологических наук (фото 89, 90).

Без специального высшего биологического образования Высшая аттестационная комиссия (ВАК) не присуждала эту степень, и Лилли экстерном сдала выпускной экзамен

биологического факультета МГУ — что само по себе достойно изумления.

Некоторое время результаты ее исследований имели гриф ограниченного пользования, поскольку на их основе была организована углеводная диета олимпийских сборных СССР в циклических видах спорта.

Вернувшись в Тбилиси после успешной защиты диссертации, Лилли начала работать лаборанткой в институте, где, вопреки желанию кафедры физиологии, сумела организовать лабораторию. Это оказалось никому не нужной затеей. Более того, активная деятельность Лилли была как бревно в глазу на фоне общей научной бездеятельности института. Тогда Лилли перешла на работу старшим научным сотрудником в научно-исследовательский институт физкультуры и вновь на пустом месте организовала научно-исследовательскую лабораторию по физиологии спорта. Нам с ней пришлось много потрудиться, чтобы достать необходимое оборудование. Но и это, к сожалению, оказалось никому не нужным делом. Тогда Лилли стала преподавать оздоровительную гимнастику для пожилых людей на тбилисском стадионе «Динамо» и получать за это сто рублей.

И тут в Тбилиси произошли известные события 9-го апреля 1989 года — разгон войсками демонстрации и гибель людей. В Грузии резко обострились межнациональные взаимоотношения. Школьные, ближайшие подруги Лилли — грузинки по матерям — вдруг резко выразили к ней свою национальную антипатию — и моя дочь была потрясена. Наступил крах всех ее жизненных целей, принципов и устремлений. Ее умение, знания, на которые было затрачено столько времени, сил и энергии оказались никому не нужны. Жизненной перспективы не стало. Родной город стал чужим. Ей все здесь опостылело, прошедшая жизнь представилась сплошным кошмаром.

Слава богу, уже оформлялись наши паспорта на поездку к моей сестре Лизе в Соединенные Штаты.

Оформление в ОВИРе прошло сравнительно быстро — за один месяц. При получении американской визы в Американском посольстве в Москве Лилли со своей правдивостью чуть ни сорвала поездку. Когда на собеседовании ее спросили, не думает ли она остаться в Америке, она ответила, что постарается это сделать, если сможет стать полезной. Прошедшим перед нами фривольного вида девицам консул в визе отказал. Я был ни жив, ни мертв. Лилли сидела желтая. Консул, узнав, что она кандидат наук и имеет зарплату сто рублей, поверил ей на слово и дал «добро». (Сейчас бы, несомненно, Лилли бы сразу отказали в американской визе, но в те годы в Американском посольстве еще

были снисходительны.)

Полетели мы в Штаты с Володей — новым мужем Лилли.

Это ее замужество, как и первое, было для меня совершенно неожиданным. Я приехал из Риги со студенческой конференции и узнал, что Лилли лежит в больнице.

Приехав в больницу, я встретил Вову, которого знал как одного из ухажеров своей дочери. Он представился ее мужем.

Была суббота. Лилли оказалась на осмотре у профессора-гинеколога, который сказал, что ему пока не удалось поставить точный диагноз. В понедельник ей сделают пункцию, и тогда все выяснится.

— Идите спокойно домой и приходите в понедельник, — посоветовал мне профессор.

В палате на кровати Лилли стояла на четвереньках и глухо стонала. Няня, узнав, что я отец, сказала: «Вы что не видите? Ваша дочь погибает, надо принимать срочные меры!»

Я побежал вниз к дежурной. Она заявила мне, что профессор только что осмотрел вашу дочь и не оставил никаких распоряжений. С большим трудом мне удалось дождаться, пока дежурный хирург закончил получасовой пустой разговор по телефону, и умолить его подняться.

По-видимому, он осмотрел Лилли очень грубо, потому что из палаты слышались ее крики.

— У нее нет ничего по моей части, найдите другого хирурга, может быть, он что-нибудь обнаружит.

Я побежал в хирургическое отделение. На мое счастье, я встретил там знакомого врача, и с его помощью мне удалось привести к Лилли хирурга. Осмотр длился пять минут.

— У вашей дочери перитонит. Ее надо спасать! Сейчас же на стол, но у нас в отделении нет мест. Надо договориться с реанимацией.

Это был обыкновенный советский кошмар! Когда мы ее несли в реанимационную, она поцеловала мне руку, чего никогда в жизни не делала. Дочь прощалась со мной! Слезы заливали мне глаза…

Я позвонил жене Сюзанне и, обрисовав ситуацию, сказал, что, возможно, задержусь на неопределенное время.

Моя умница жена всполошила всех кого могла. В больницу ко мне на помощь приехали шесть друзей и родственников.

Как выяснилось после операции, у Лилли оказалась внематочная беременность. Фаллопиева труба лопнула, и уйди я по рекомендации профессора домой — все было бы кончено.

Ни у кого из нас не обнаружилось первой группы крови. Мы с Володей той же ночью достали некоторое количество крови на

станции переливания, но этого было мало.

Лилли осталась в реанимации.

Операция прошла крайне неудачно — одна фаллопиева труба приросла к матке, другая — претерпела какие-то изменения.

После такой топорной работы хирургов Лилли лечилась в Минске, в Москве, в Тбилиси, но ее мечта о ребенке, несмотря на все усилия, в Союзе не могла осуществиться.

И вот мы приехали в Штаты, предполагая, что здесь ей смогут помочь.

В госпитале Стенфордского университета врач сказал, что поначалу ей придется лазером привести матку в нормальное состояние. Это обойдется в тысячу долларов. В дальнейшем каждая попытка искусственного осеменения — триста долларов. Однако шансов на успех не более 10 %…

До поездки в США и сам я тяжело и долго болел — мне было уже семьдесят лет, и у меня обнаружили дивертикулез прямой кишки. Целое состояние было истрачено на французские антибиотики, но они не помогали. Питался я исключительно диетическими продуктами, жена мне готовила по совету врачей протертые супы, чтобы, не дай бог, не раздражать слизистую твердой клетчаткой. (Как выяснилось уже в Америке — надо было действовать строго наоборот — есть яблоки с кожурой, хлеб грубого помола, чтобы эту «слизистую» загружать работой). К отъезду в Штаты постоянная боль в животе меня так доняла, что хоть в петлю лезь.

Здесь я надеялся вылечиться, и действительно, едва я приехал, боль вдруг стала сама собой уменьшаться. Я не верил исцелению, у меня и в Тбилиси бывали иногда периоды относительного успокоения. В госпитале врач, выслушав мои жалобы, измерила мне давление — оно оказалось высоким 200 на 100. Она выписала мне таблетки, и через три дня давление стало 150 на 80. Мы собрались поехать на озеро Тахо, которое находится на высоте 2200 метров. Я спросил врача, можно ли мне подняться на такую высоту. «О'кей», — был ответ.

Я сказал своей сестре Лизочке, что в Манглиси, который расположен на высоте всего 1000 метров над уровнем моря, у меня так подскакивало давление, что мне приходилось возвращаться в Тбилиси. А эта молодая врачиха ничего не понимает — на такой высоте я наверняка умру.

— Лучшего места для смерти ты все равно нигде не найдешь, — парировала моя сестра.

Судя по сигнатуре, пилюли снижали давление и имели транквилизирующий эффект. Поэтому я продолжал придерживаться диеты и только изредка, в малых дозах позволял

себе что-либо запрещенное нашими тбилисским врачами. Однако кишечник мой не давал о себе знать. Постепенно я расхрабрился и стал есть все — даже перец. Дивертикулы не реагировали.

— Боже мой! — догадался я. Это ведь наши отравленные продукты, это нитраты меня так мучили! Протертые супы из нитратной картошки только добавляли страданий, но никто из врачей — даже 4-го управления! — не смогли догадаться о причине моего заболевания…

Мы поднялись на озеро Тахо. Два дня у меня было сонливое состояние. Я плавал в бодрящей 16-градусной воде и немного загорал. Давление меня не беспокоило. На четвертый день мы с дочерью загорали на пирсе, я вошел в воду, лег на спину и поплыл. Горное солнце приятно пригревало, и я плыл, плыл…

Через некоторое время Лилли обнаружила мое отсутствие и прибежала к Лизочке с известием, что «папа утонул». Соседи, исследовав гладь озера в морской бинокль, обнаружили меня, наверное, в километре от берега.

Наши милые соседи встретили мой выход из воды аплодисментами. Прибежала сестра и стала мне выговаривать.

— Ты же сказала, — в шутку ответил я, — что лучшего места для смерти мне не найти, вот я и хотел попробовать.

Возвращаясь с озера Тахо, мы остановились в столице штата Калифорния городе Сакраменто. Надо было сходить в туалет. «Пойдем в Конгресс штата», — предложила Лизочка. Я высказал сомнение, что нас туда не пустят. «Не пустить человека идущего в Конгресс или в гостиницу — это нарушение его конституционных прав!» — сказала моя сестра.

Американцы в высшей степени доброжелательны и радушны. Не перестает удивлять, как каждый знакомый предлагает свои услуги. Однако на мой вопрос: «Кто такой доктор Хайдер?», который я неизменно задавал, все недоуменно разводили руками. Покойный телекомментатор Дунаев каждый день морочил нам голову, показывая чудака, который 200 дней «голодал» у Белого дома. Нам внушали, что по популярности доктор Хайдер (сейчас о нем уже никто не помнит) чуть ли не второй человек в Штатах после Рейгана. Затем, «прекратив голодовку», доктор Хайдер якобы начал свою президентскую кампанию. В Штатах же о нем никто ничего не слышал, включая и нашего собственного корреспондента «Известий» в Сан-Франциско. Я спросил у него: «Как же так получилось?» «Я не слушаю наших передач», — ответил он мне.

Бездомного героя, которого раздувал и раздул Генрих Боровик, некоего Маури, сердобольные москвичи пригласили в Москву и там вручили ему подарки, и предлагали жилье (сейчас

трудно поверить, что было именно так). На самом деле Маури оказался вовсе не бездомным. Когда мы дома смотрели душещипательные передачи о нем, в Штатах как раз проходил его бракоразводный процесс и суд решал, какая часть собственного дома будет принадлежать ему, а какая — его бывшей жене.

А Пелтиер! Сейчас о нем уже никто не помнит, но сколько было шуму! Присужденный к пожизненному заключению за убийство индеец слепнет в тюрьме! Срочно помочь бедняжке Пелтиеру!

И вот из страны «психушек», и лагерного, и тюремного беспредела, из страны бомжей, нищих, процветающего бандитизма и тонущих подводников, из чернобыльского распадающегося государства, беременного кровавыми национальными войнами, где на огромных территориях без врачебной помощи и медикаментов умирают дети, инвалиды и старики, в благополучную Америку за государственный счет была отправлена делегация из четырех окулистов наивысшей квалификации!

Каково лицемерие и хамство по отношению к своему народу!

Американцы, ради которых вся эта комедия и была устроена, разумеется, об этой глупости никогда не слышали.

Довелось мне встретиться в Сан-Франциско с бывшим студентом нашего института Анатолием Голетиани, евреем, эмигрировавшим из Советского Союза лет десять тому назад. Работает он в фирме по продаже недвижимости.

— Поначалу, — рассказал он, — еврейская община помогла мне, но они никак не могли взять в толк, в чем суть моей специальности. Я объяснял им, что работал заведующим учебно-спортивным отделом добровольного спортивного общества «Буревестник».

— А чем состояла ваша работа? — допытывались они.

— Ну, я помогал в организации спортивной работы в высших учебных заведениях, заботился о сборных студенческих командах, составлял календарь учебно-тренировочной работы и соревнований…

— А чем же тогда занимались сами учебные заведения? Почему они сами не организовывали свои команды? А вы можете кого-нибудь тренировать по какому-либо виду спорта?

— Нет, я чистый организатор.

— И вот, — продолжил наш бывший студент, — пришлось мне первые пять лет работать шофером такси. Сначала я спрашивал у клиентов, по какой улице проехать, чтобы было короче. Щедрые американцы, когда узнавали, что я новичок, да еще из Союза, подбадривали меня и платили хорошие чаевые.

Потом я купил дом в рассрочку, отремонтировал его сам. Цены на дома поднялись, и я с выгодой его продал. Тогда мы с братом организовали свою контору по продаже недвижимости. А через восемь лет я вернулся в Тбилиси и хотел забрать в Америку свою жену и дочь. Но жена в Сан-Франциско не осталась, в Тбилиси с моими посылками — она королева, а здесь никто…

А мы с Лилли остались жить в Америке, потому что возвращаться нам было некуда. Вова — муж Лилли вернулся и вскоре погиб: его — уже бездомного — убили пьяные отморозки.

Лилли работала ночами. Сначала сиделкой, потом няней и продолжала упорно учиться. Окончила колледж в Марин-каунти, потом Стенфордский университет, стала бакалавром, затем и доктором. Сейчас Лилли работает в реанимационном отделении госпиталя Святой Марии в Сан-Франциско. Помимо основной работы, Лилли консультирует сослуживцев и студентов, проходящих практику в больнице по уходу за больными после операций на сердце. А главное, Лилли вышла замуж за эмигранта из Германии, и у них родилась дочь Летиция, которой сейчас девять лет, она учится в пятом классе и совершенно свободно владеет тремя родными для нее языками — русским, английским и немецким (фото 94).

СЫНОВНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Дорогие и любимые мои дети Сережа и Лилли! Вам адресованы страницы этой книги. Я знаю, что вам они будут интересны, и уверенность в этом делала мою работу легкой и радостной. Многие эпизоды моих воспоминаний известны вам, но мне хочется, чтобы вы знали: как бы в дальнейшем ни сложилась, вернее, как бы ни завершилась моя жизнь, я счастлив вами и рад, что вы (тьфу, тьфу, тьфу!) здоровы, перед вами ясная, насколько это вообще возможно, перспектива, и ваша жизнь интересна.

Растить вас было главной моей заботой и величайшим, постоянным удовольствием. Природа распорядилась таким образом, что дети свободны от обязательств относительно своих родителей. Чувство благодарности может возникнуть у детей лишь в процессе воспитания нравственных ценностей. Все, что я мог и имел, я постарался передать вам. Поэтому кульминацией моего родительского торжества было стихотворение, которое посвятил мне Сережа. Слезы мешали читать текст письма. Воспринял я его как ребенок, впервые увидевший украшенную рождественскую елку, когда отраженное от блестящих шаров пламя свечей слепит глаза. Правда, со временем это посвящение, как и елка после праздников, растеряло украшавшее его

превосходные эпитеты, но это уже не имело значения. Сын возмужал, оглянулся вокруг и понял, что его читатели могут воспринять такой личный восторженный панегирик иронически.

Здесь я привожу сыновнее посвящение в первоначальной редакции:

ОТЕЦ

Вот все, что делал я когда-то,
Что думал о делах моих, —
Все уместилось очень сжато
Между десятком запятых.
Во что я верю, что я знаю,
Все, что умею и люблю,
Что делаю, во что играю —
Отец мой сделал жизнь мою.
О ней бы он сказал, конечно,
Свободней, медленней, точней.
Не так неловко и беспечно,
Как я здесь написал о ней.
Но занят он.
Он воспитатель
Непревзойденных мастеров,
И я — единственный мечтатель
Среди его учеников.
Пока следил я зарожденье
Подач, ударов кистевых.
Во стольких он создал движенья
Куда прекраснее моих!
В разгуле собственных стремлений
Мне жаль, что мне не повторить
Его открытий, заблуждений —
Свои придется пережить.
Но лишь его я почитаю,
Его слова, черты лица.
И потому я не признаю
Иного, общего отца.
Явлением отцовской жизни
Судьба моя освещена.
И жизнь отца во мне, как в призме,
Причудливо преломлена.

1986–2003 гг.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мой дед Михаил Егорович Алиханов (фото 1)

Его жена Хампера (фото 2)

И было у них восемь детей (фото 3)

21.I.94

Уважаемый Сергей Иванович!

Большое спасибо за пересылку трех номеров "Континента" и Вашей книги, откуда я почерпнул горькие страницы [illegible] Вашей семьи.

Пожалуйста, при случае скажите Игорю Ивановичу, чтоб он не обижался на мой отказ ответить на весьма общие вопросы о нынешнем состоянии и перспективах страны. Это - требует обстоятельной проработки. Когда я отвечал И.И. - да, я уже знал, что еду в Европу и буду там выступать, - но там были другие темы - и к ним я тоже накопил материал годами: в Европе я не был 18 лет.

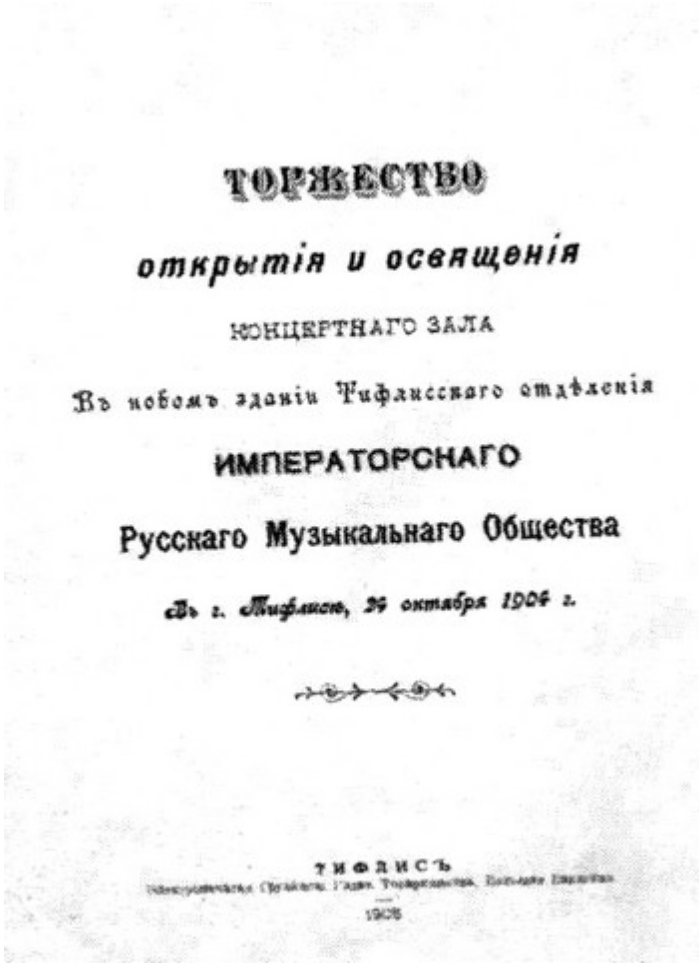
Вернусь в Россию, постепенно познакомлюсь со всеми конкретностями - вот тогда можно высказываться.

Всего хоброго - ему и Вам.

А.Солженицын

Александр Исаевич Солженицын прислал письмо моему сыну, в котором написал «…я почерпнул горькие страницы летописи Вашей семьи». (фото 4)

К. Т. Алиханов Председатель Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества (фото 5)



ТОРЖЕСТВО

открытія и освященія

КОНЦЕРТНАГО ЗАЛА

Въ новомъ зданіи Тифлисскаго отдѣленія

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Музыкальнаго Общества

Въ г. Тифлисѣ, 26 октября 1906 г.

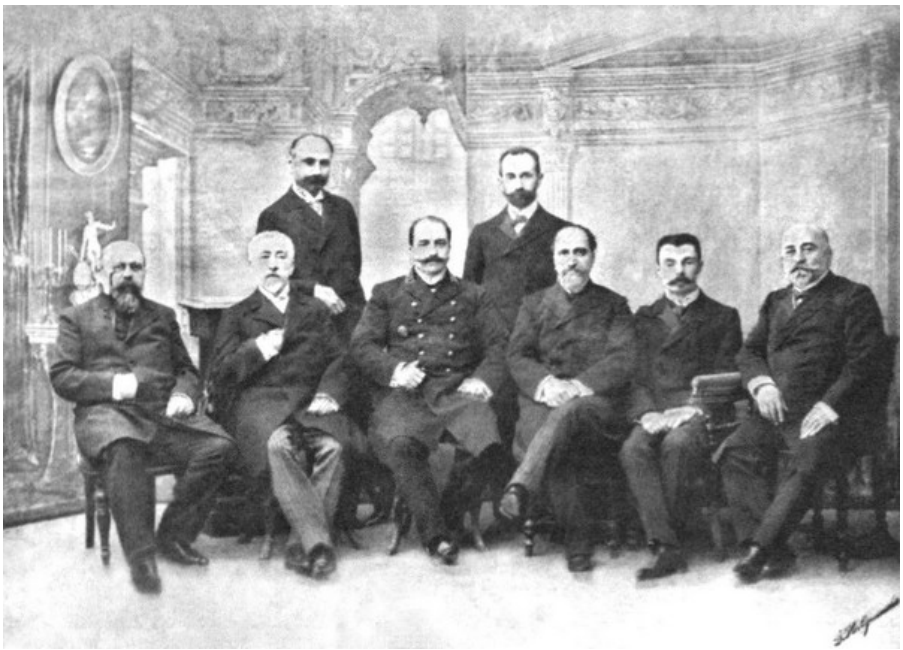
ТИФЛИСЪ

1906

Обложка торжественного открытия концертного зала Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества (фото 6–7)

Великий князь Константин Константинович, Вице-председатель Императорского Русского Музыкального Общества. Дарственная надпись на фотографии: «Тифлисскому музыкальному училищу» (фото 8)

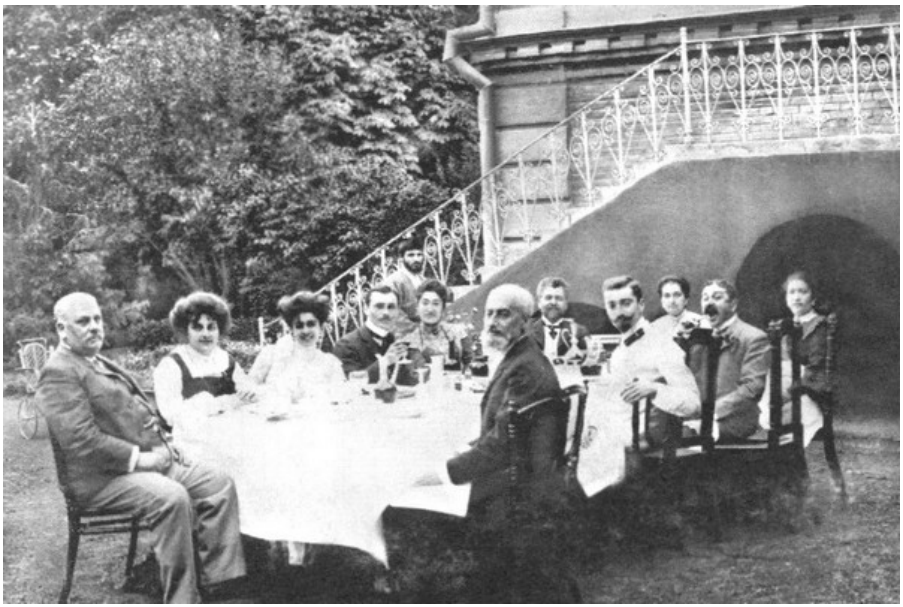
Концертный зал музыкального училища (фото 9)



Дирекция Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества (фото 10) Слева направо сидят: С. С. Истаманов, А. О. Мизандари, И. М. Алиханов, К. М. Алиханов, председатель Н. Д. Николаев, И. А. Сулханов. Стоят: А. М. Тамамшев, И. М. Долуханов

Фасад музыкального училища по ул. Грибоедова… (фото 11)

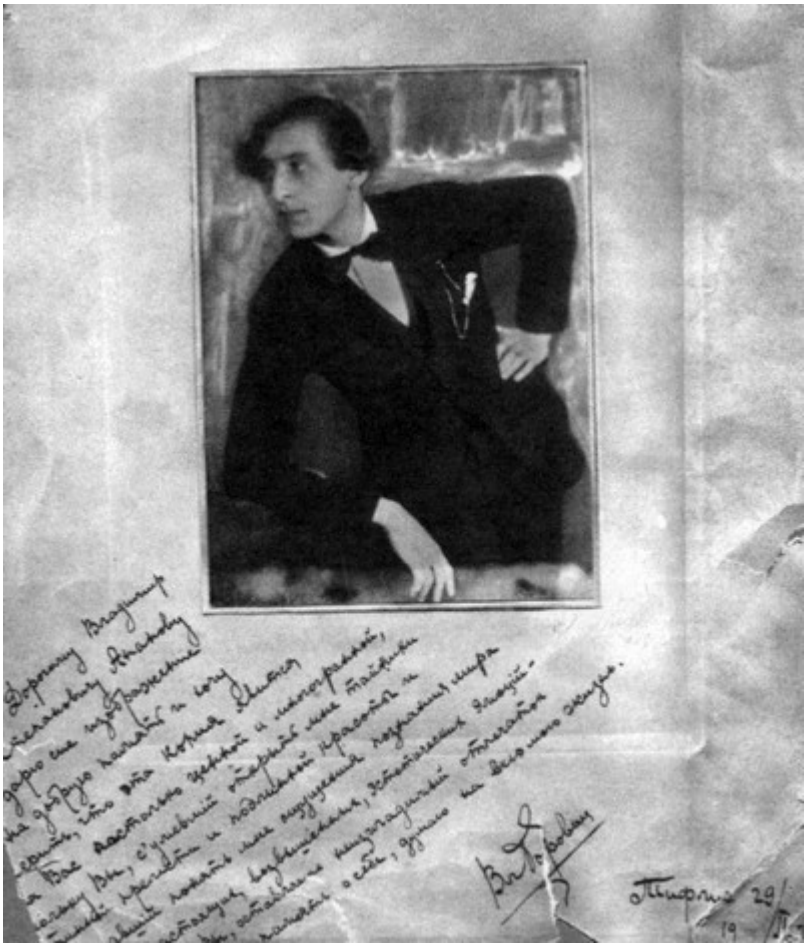
… и с угла ул. Крузенштернской (фото 12)



Банкет в Ортачалах (фото 13) Слева направо: Г. Адельханов, неизвестная. Ида Лилекерова (Ласкари) с мужем — дед и бабка Кирилла Ласкари, Софья Тамамшева (мать Иды Ласкари), неизвестный. Мария Беренс (мать адмиралов Беренсов), Елена Адельханова (урожденная Ашханова), Сако (Цако) Халатов, Константин Орловский — сын губернатора К. И. Орловского и Анны (урожденной Алихановой), П. И. Чайковский

Фотография с автографом, подаренная Шаляпиным моему дяде К. М. Алиханову (фото 14)

Фотография, подаренная старшему сыну моей тети Ольги, известному музыковеду Владимиру Ананову. Тифлис, 19 мая 1905 (фото 15)



Фотография пианиста Владимира Горовица с дарственной надписью Владимиру Ананову (фото 16)

Семейный групповой портрет Алихановых, Беренсов. Адельхановых, Таировых, сделанный во дни благополучия, когда большая семья занималась предпринимательством и меценатством. Сидят слева направо: Иван Алиханов, Андрей Беренс. Мария Беренс — родители адмиралов Беренсов (фото 17)

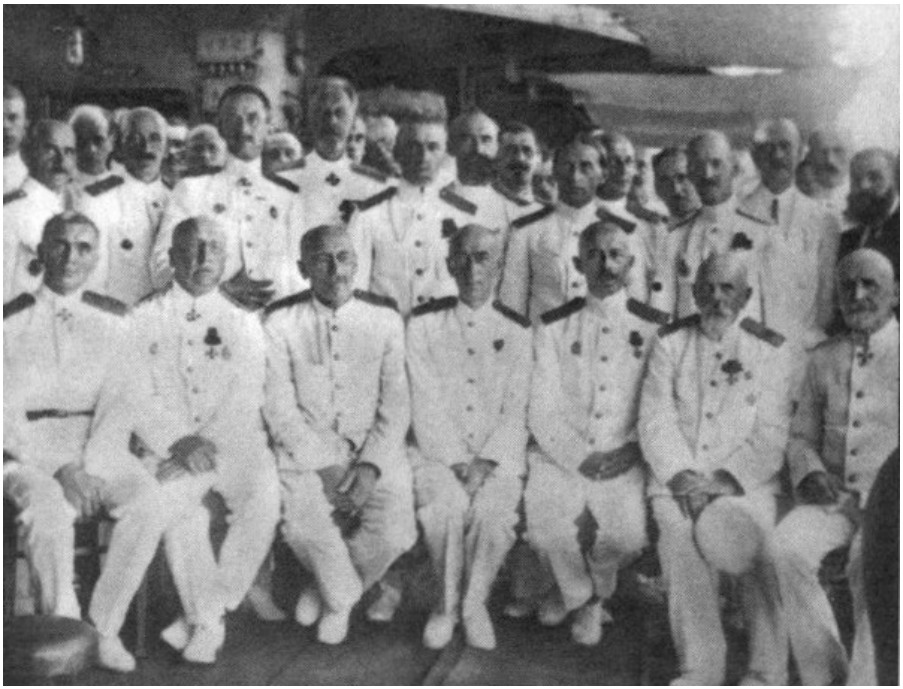
В Военно-морском музее Санкт-Петербурга, на стенде, посвященном подвигу крейсера «Варяг», фотографии В. Руднева и Е. Беренса расположены рядом (фото 18)

Е. А. Беренс с матерью после возвращения с русско-японской войны (фото 19)

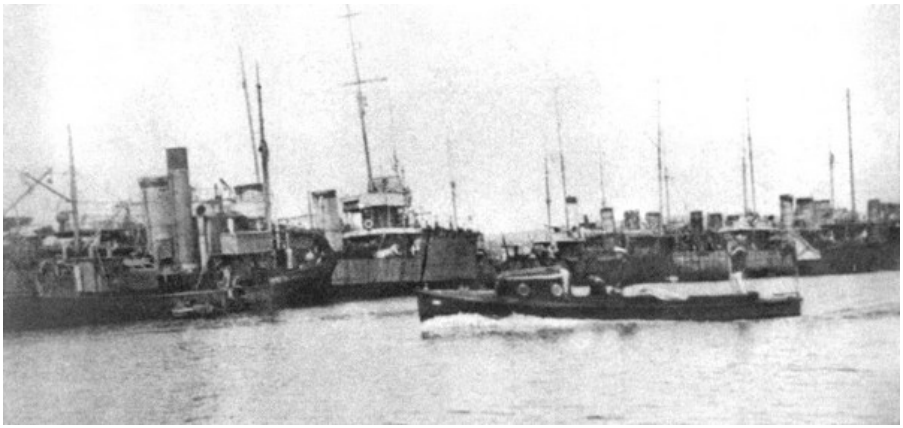
Внучатый племянник Ваня Алиханов возлагает цветы к памятнику Е. А. Беренсу на Новодевичьем кладбище (фото 20)

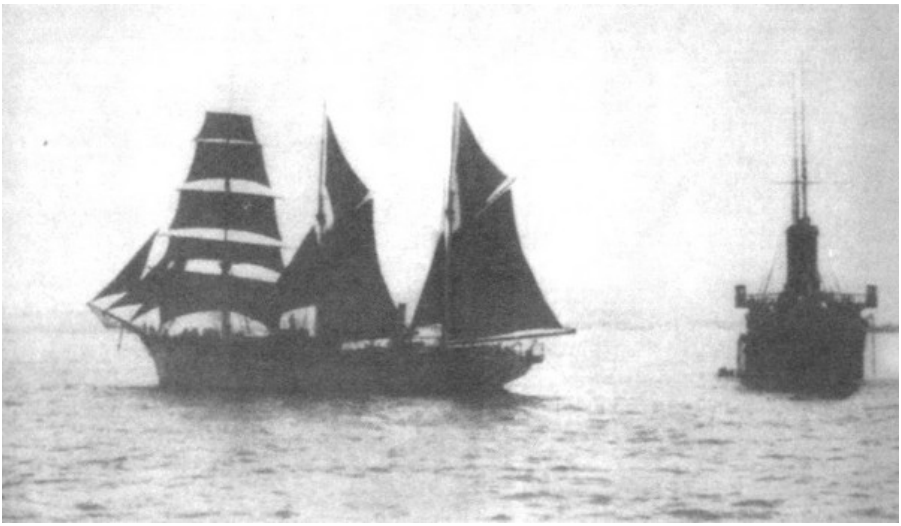
Михаил Андреевич Беренс с двоюродными сестрами (дочерями моей тети Анны) Еленой и Натальей Орловскими и дочерью Ольги Евгенией, матерью Селли и Елизаветы, погибшей в чекистских застенках (фото 21)

Командующий русской эскадрой в Бизерте М. А. Беренс (фото 22)



Прием на эскадренном миноносце «Дерзкий» в честь 25-летия морской службы контр-адмирала М. А. Беренса (в центре первого ряда). Бизерта. 28 сентября, 1923 (фото 23)

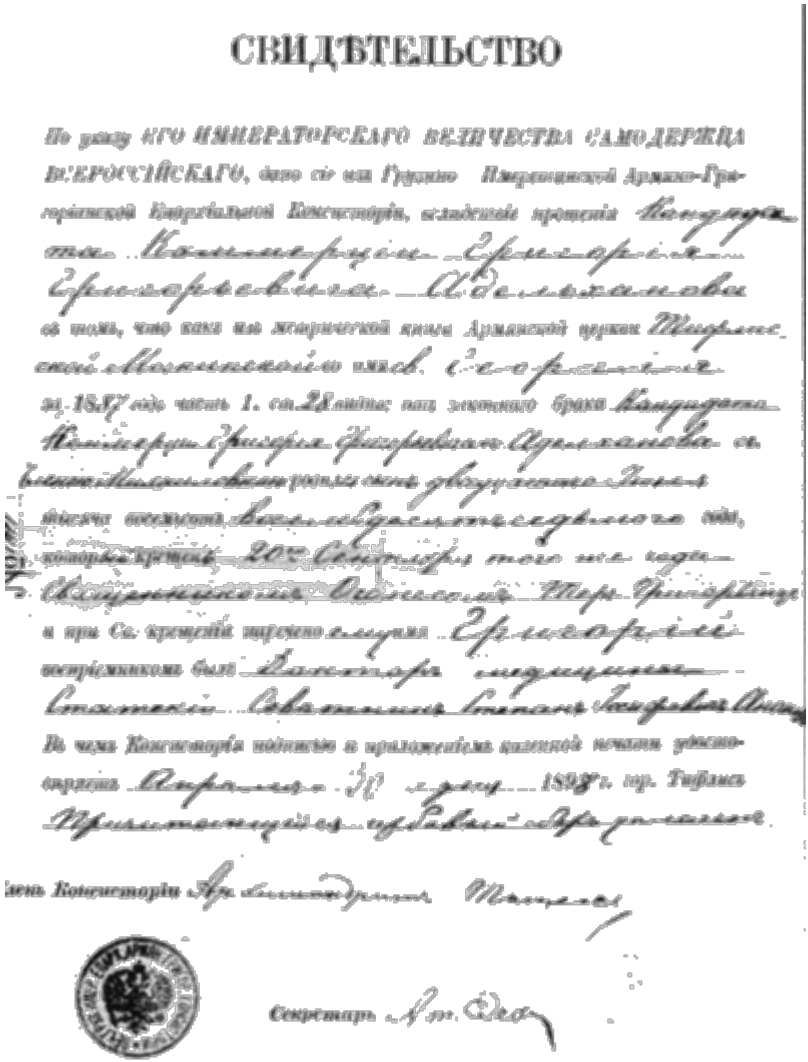




Учебное судно «Моряк» и крейсер «Алмаз» на озере Бизерта, 1922 (фото 24 а)

Константин Иванович Орловский, тесть моей тети Анны. С 1860 по 1876 г. — губернатор Тифлиса (фото 25)

Мой дядя Григорий Адельханов в своем рабочем кабинете (фото 26)



СВИДѢТЕЛЬСТВО

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, дано сіе изъ Духовнаго Тифлисской Армяно-Григоріанской Епархіальной Консисторіи, изданіе прошенія Коллежскаго Асессора Іоанна-Грузина Григорьевича Адельханова о томъ, что изъ метрической книги Армянской церкви Тифлисскаго Мелитопольскаго уѣзда с. Сергіева за 1857 годъ часть 1. со 28 листа изъ актоваго брака Кандидата Священника Григорія Григорьевича Адельханова съ Вѣрою Ивановою Аствацатурянцъ сего двухсотъ Пятьдесятъ восьмого изъ, которымъ крещенъ 20-го Сентября того же года Священникомъ Осіею Тер-Григоріанцомъ и при Св. крещеніи таковомъ служили Сергіевскіе посѣщенномъ были Кандидатъ священникъ Стефанъ Осиповъ Аствацатуровъ. По чему Консисторія подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряетъ. Апрѣля 30 дня 1898 г. гор. Тифлисъ

Членъ Консисторіи Архимандритъ Тимоѳей

Секретарь

Свидетельство о рождении Григория Адельханова (фото 27)

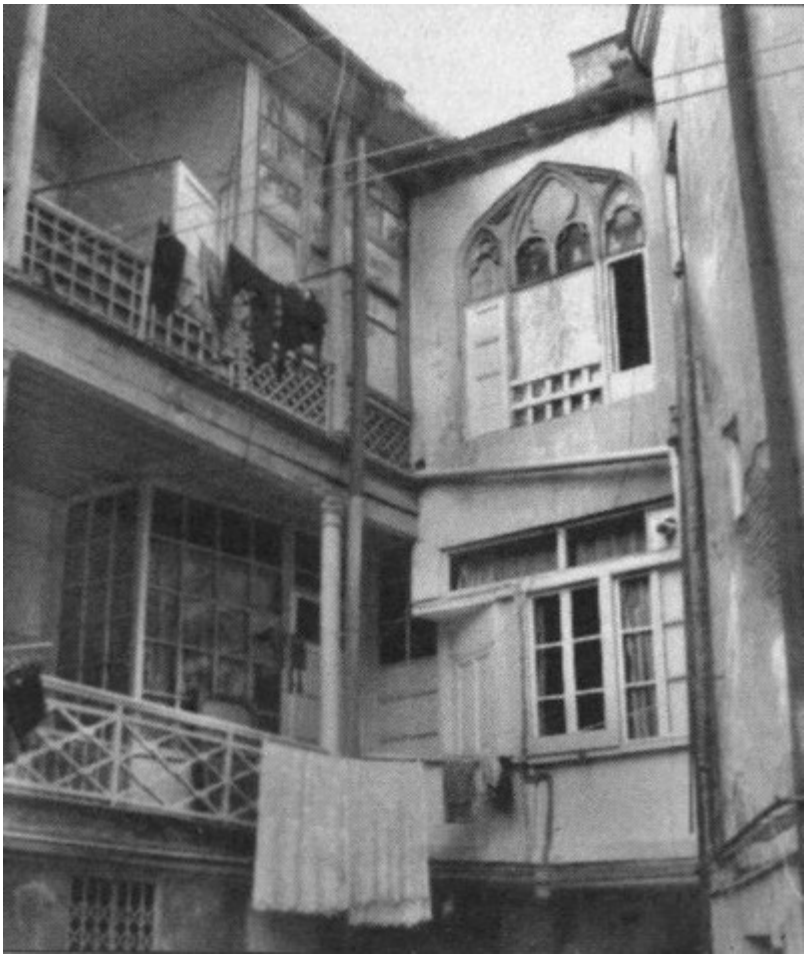
Мой двоюродный брат Григри Адельханов с женой Ниной в Европе, 1912 (фото 28)

Мой отец, Иван Михайлович Алиханов, в студенческие годы… (фото 29)

…и типичный интеллигент 1910-х (фото 30)

Моя мать Лилли Германовна (фото 31)

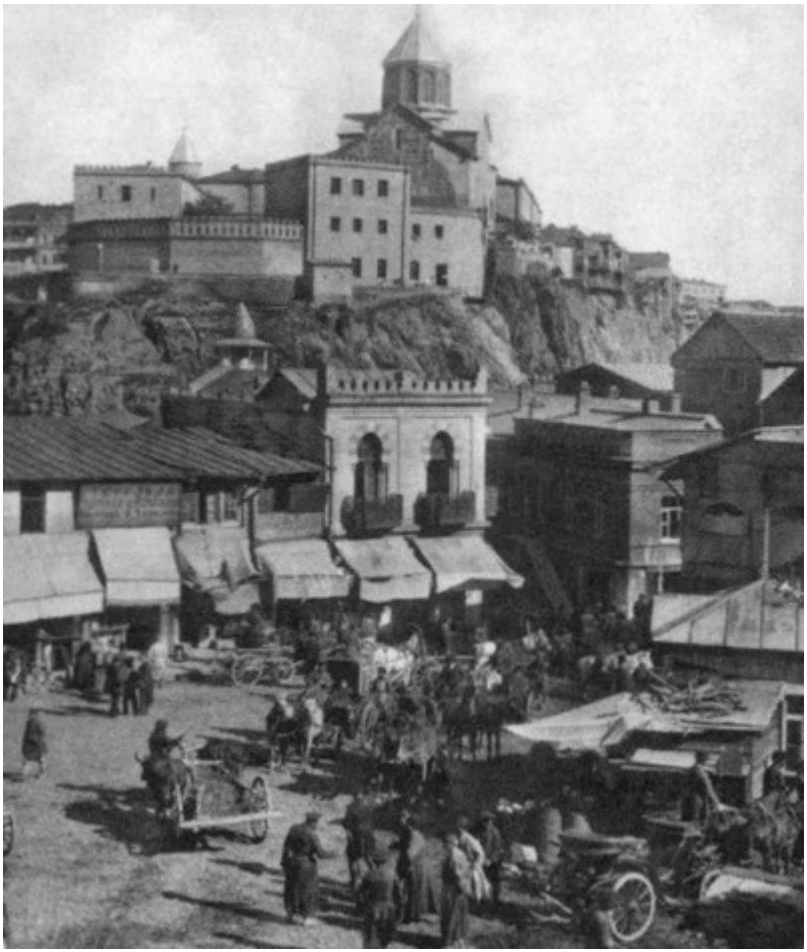
Мои родители и сестра Елизавета-Александра-Мария (фото 32)



Наша огромная квартира в Тифлисе находилась в собственном доме отца по адресу: ул. Сергиевская, 16 (фото 33-33а)

Семья Алихановых на ступеньках своего бывшего дома, 1926 (фото 34)

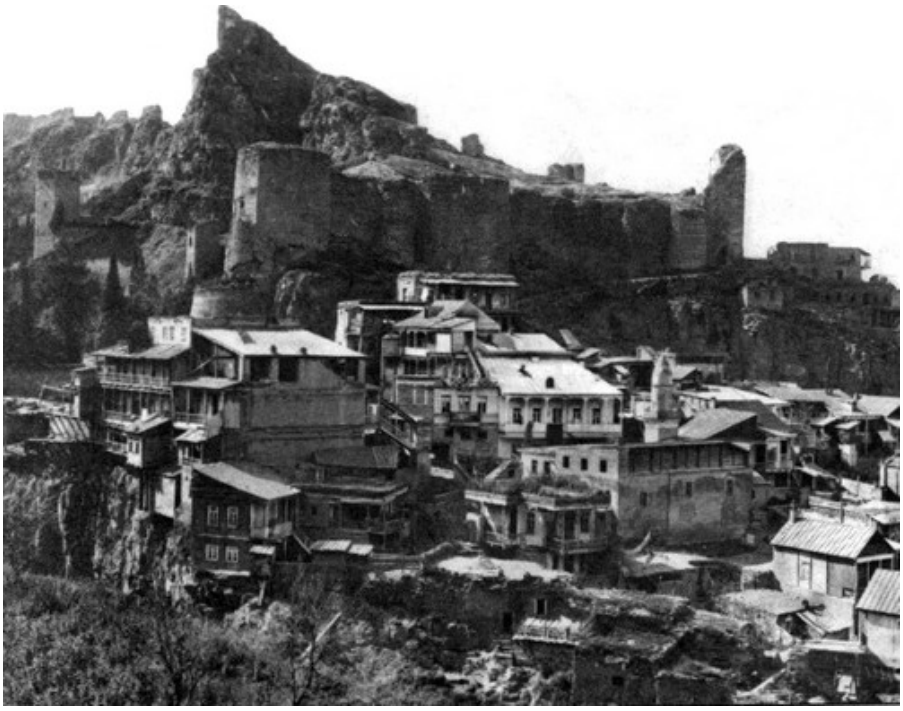
Только французские инициалы моего отца «И» и «А» на чугунных воротах напоминают, что когда-то здесь жила наша процветавшая семья (фото 35)



Майдан и Метехский замок (фото 37)

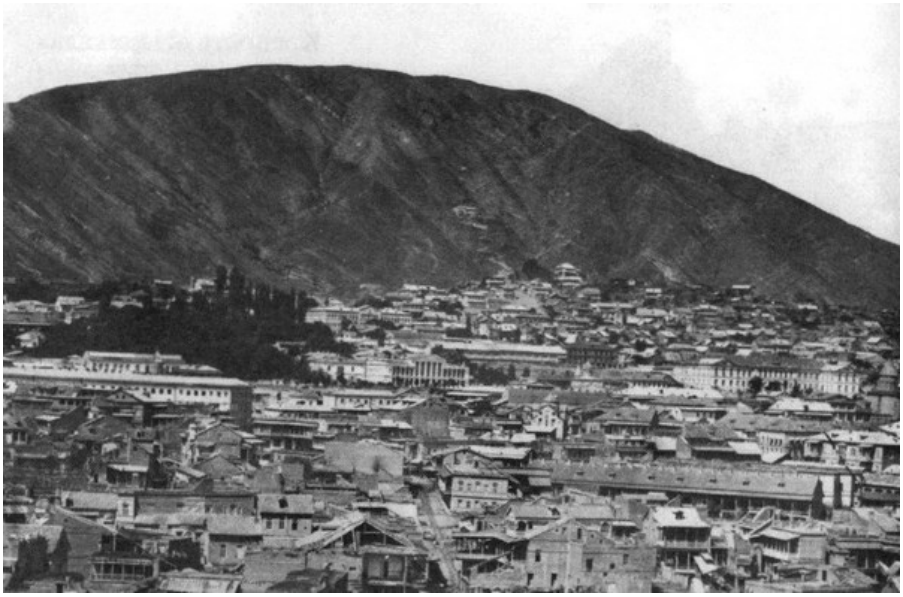
Самым любимым другом нашей семьи был Богдан Сергеевич Халатов, которого весь Тифлис называл Богой (фото 36)

Армянский собор и Михайловские мельницы (фото 38)

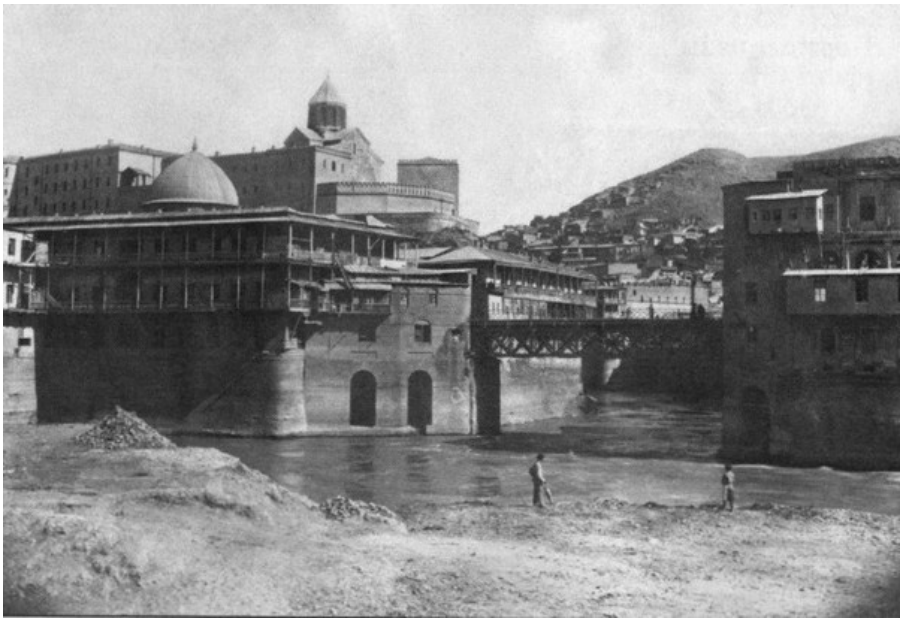


Крепость «Нарикала» (фото 39)

Портные ряды (фото 40)



Старый дворец и гора Давида (фото 41)



Караван-сарай и Метехский замок (фото 42)

Федосеевская церковь, Грибоедовская и Московская улицы (фото 43)

Мои родственники, декабрь 1909 (фото 44)

Микст в Тифлисе, апрель 1914 (фото 45)

Роликовый каток на «Земеле», район возле Верийского спуска, май 1910 (фото 46)

Повсюду в старом городе играли сазандари — любительские и профессиональные квартеты народных инструментов (фото 47,47а)

«Белый-духан», февраль 1914 (фото 48)

Здесь начинается подъем Чавчавадзе

Заросший ползучими растениями старый узенький кирпичный мост с жердяными перилами и деревянным настилом (фото 49–50 Сергея Алиханова)

Наша семья в борцовских трико. Слева направо: Ваня, Александр Яковлевич, Бичико, Миша (фото 51)

Форос — место летнего отдыха известных советских деятелей и их детей, впоследствии репрессированных или погибших (фото 52)

Дорога в Тессели (фото 53)

Мама и Лиза в Германии (фото 54)

Мама на ступенях дома в Заречье, рядом «Кадиллак» отчима (фото 55)

Олег Логофет, Иван Алиханов с пулеметом (фото 56)

Саша Эгнаташвили, участник цирковых чемпионатов по французской борьбе, а спустя 20 лет — генерал-майор госбезопасности (фото 57, 57 а)

Дом в Тбилиси по проспекту Руставели, 50, где жила родная дочь моего отчима Тамара Эгнаташвили с мужем и малолетним сыном (фото 58)

М. И. Калинин вручает Александру Яковлевичу Орден Трудового Красного Знамени (фото 59)

Старший лейтенант Иван Алиханов — начальник строевой подготовки военного училища связи г. Орджоникидзе (фото 60)

Мой брат Миша, призывник срочной военной службы (фото 61)

Сестра Лиза на капитанском мостике корабля на пути в Соединенные Штаты, декабрь 1934 (фото 61 а)

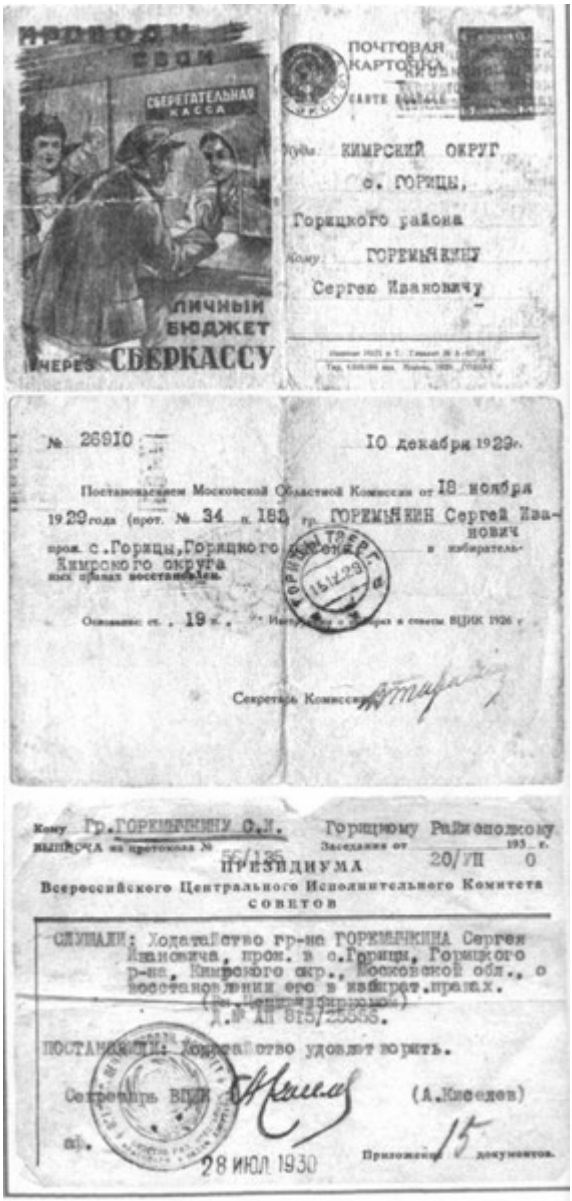
Во время сдачи нормативов по прыжкам с трамплина (фото 62)

Слева направо: Шура Горемычкина, Анна Васильевна Горемычкина — моя будущая теща, Вера Волошина — во время войны командир партизанского отряда, в котором сражалась Зоя Космодемьянская (фото 63)

Фотографическое панно с изображением Шуры Горемычкиной в форме парашютистки, украшавшее павильон СССР на выставке в Париже (фото 64)

Анна Васильевна и Сергей Иванович Горемычкины, родители моей будущей жены (фото 65)

У родительского дома. Рядом с матерью стоит моя будущая жена (фото 66)



Мой тесть Сергей Иванович имел маслобойку, за что был «раскулачен» и отправлен на Беломорканал. Списанный по болезни, вернулся домой и был восстановлен в избирательных правах (фото 67, 68)

Прощальная открытка родным, присланная Сергеем Ивановичем из Казахстана, куда он был вновь сослан и где вскоре умер (фото 69, 70)

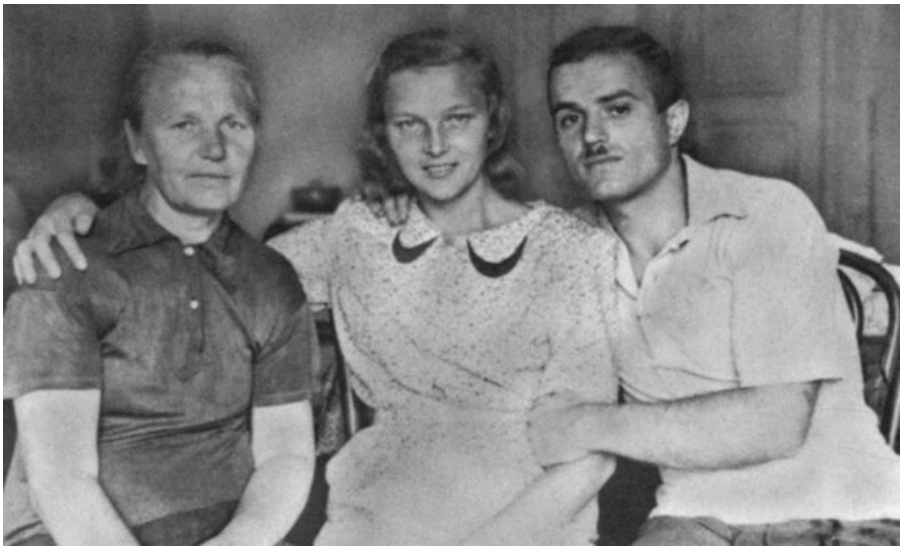
Во второй день матча юных спортсменов девяти городов, 7 августа, на стадионе «Юных пионеров» в Москве лучший результат в толкании ядра показала Александра Горемычкина (Москва), толкнувшая ядро на 9 м 27 см. НА СНИМКЕ: А. Горемычкина.

В пятнадцать лет Шура Горемычкина установила рекорд СССР для своего возраста в толкании ядра… (фото 71)

…потом стала бегать на короткие дистанции и 80 метров с барьерами, показывая мастерские результаты (фото 72)

Полгода спустя после нашей свадьбы, июль 1941 (фото 73)

Броня с женой Женей, приютившие мою семью после войны (фото 74)



Анна Васильевна, я и моя жена после эвакуации (фото 75)

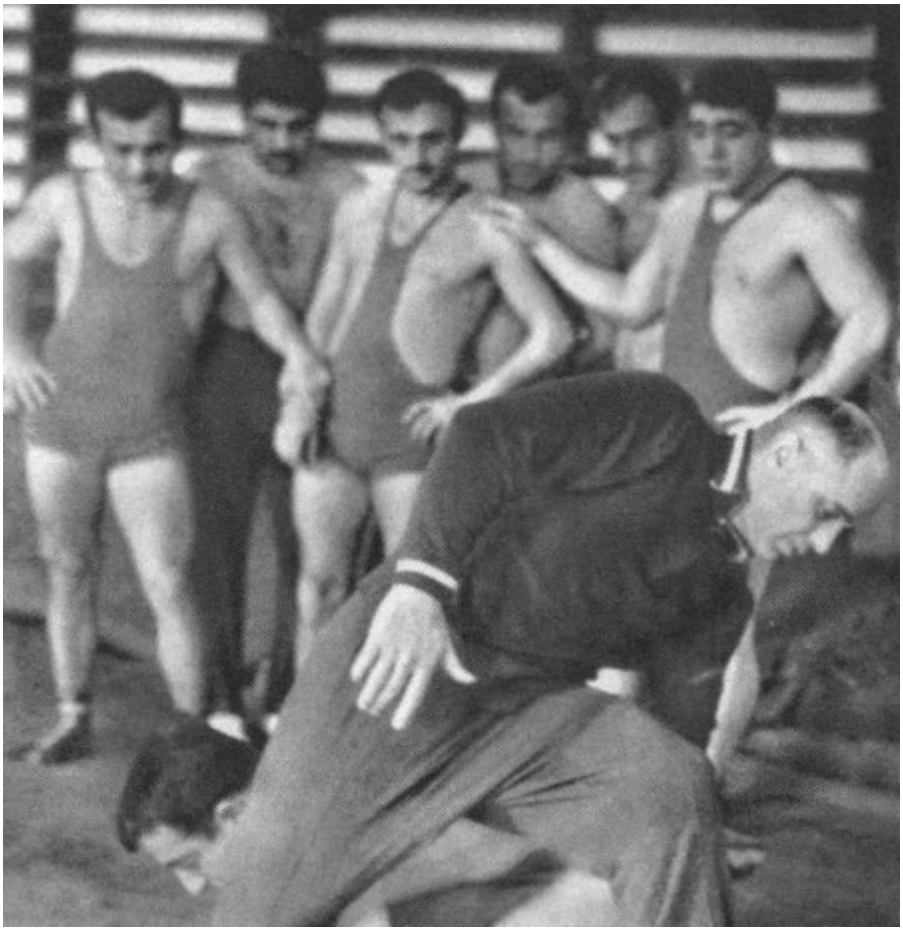
Иван Алиханов — фотокорреспондент газеты «Молодой Сталинец», весна 1946 (фото 76, 76 а)

За игрой в шахматы. Сидят слева направо: Иван Алиханов и Саша Палавандишвили (фото 77)

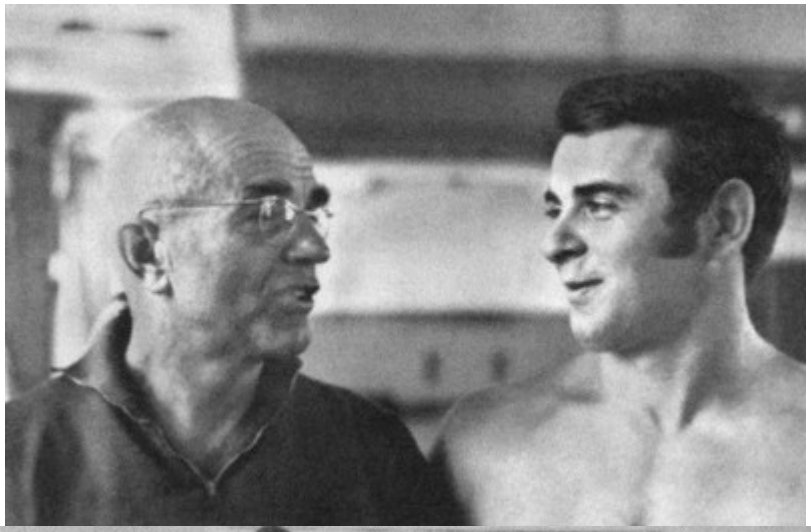
Иван Алиханов судит борцовскую схватку (фото 78)

Моя дочь Лилли в составе праздничной колонны, представляющей Тбилисский оперный театр (фото 79)

На защите докторской диссертации, основу которой составили труды по технике и тактике спортивной борьбы (фото 80, 80 а)



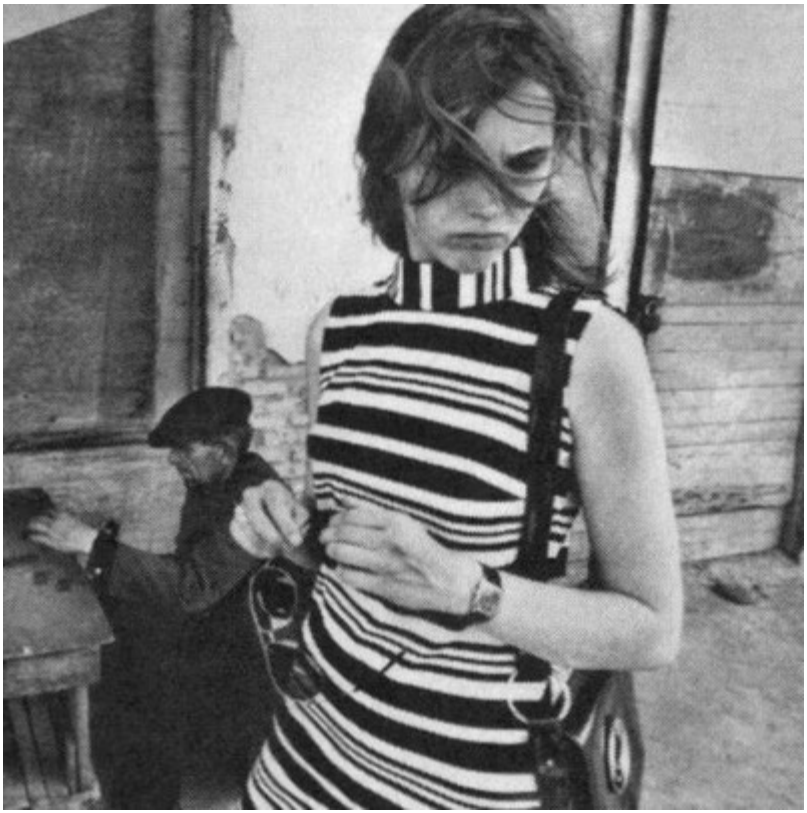
Иван Алиханов тренирует борцов (фото 81)



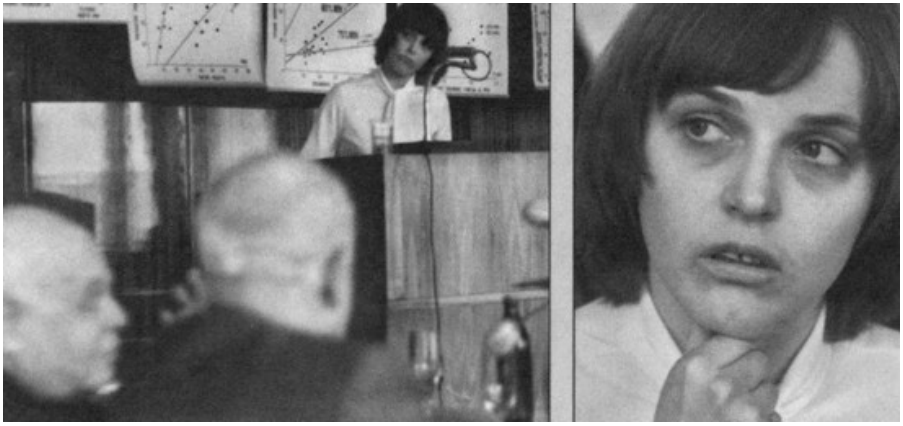
Иван Алиханов с учениками (фото 82,83)

Кубинцы Орестес и Родригес в школе Лилли (фото 84)

Лилли на занятиях в балетном училище (фото 85, 86)



Местом съемок фильма О. Иоселиани «Разбойники. Глава седьмая» стал наш родовой дом; основой сюжета явилась история нашей семьи, рассказанная режиссеру моей дочерью Лилли (фото 87, 88) фото А. Саакова



Лилли защитилась и стала кандидатом биологических наук

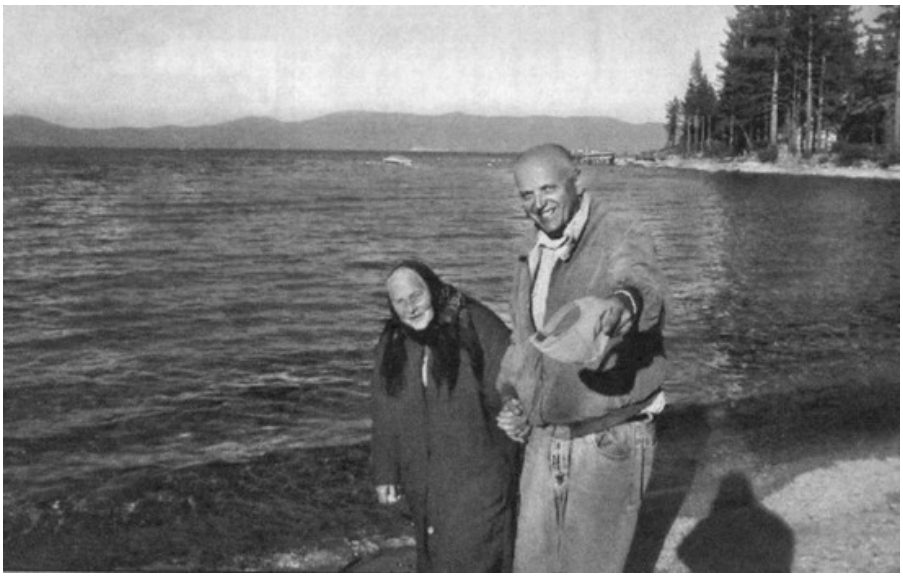
(фото 89, 90)

Слева направо: Муж сестры Зикберт Лазар, Саша, Лиза, Иван Алиханов (фото 91)

Мой сын Сергей и Игорь Шкляревский на русском севере, река Сояна (фото 92)

В 1980 году в издательстве «Советский писатель» вышла первая книга стихов Сергея Алиханова «Голубиный шум» (фотоколлаж 93)

Лилли с дочерью Летицией, 2002 (фото 94)



Мой сын Сергей с матерью на озере Тахо… (фото 95)

… и с отцом в Сан-Рафаэле, Калифорния, 2002 (фото 96)

notes

Примечания

1

И. В. Сталин. Полн. собр. соч. т. 5.

2

Название магазина *(авт.)*.

3

Моя вторая жена (*авт.*).

4

Перевод с немецкого выполнил Сергей Лузан (www. plut.ru/luzan).

5

Холодный сапожник — тот, который работает на улице.

6

Шемая — сорт форели, водящейся в Куре.

7

Боже мой! Подумать только! Каков прогресс!!! Эти «солидные люди» за последние годы точно так же «кинули» всю Россию. И главный «кидала» беспардонно признается в том, что путем обмана они завладели 75 % бывшей всенародной собственности. А сейчас, оказывается, необходима амнистия всем этим аферистам, иначе будет гражданская война (*авт.*).

8

Леван Маруашвили — профессор, был тогда зав. сектором альпинизма *(авт.)*.

Георгий Багратович Чикваидзе — директор института (*авт.*).

10

Батоно — господин.